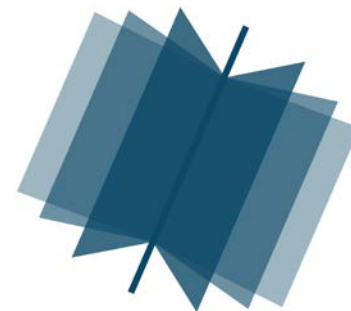

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2017

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Меньшаков А.И.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская,
д. 4, корп. А, оф. 17.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

**№ 10 (64) 2017
Часть 1
Октябрь**

Подписано в печать 18.10.2017.
Тираж 900 экз.
Заказ 26200.
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ",
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких либо ограничений. Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Журнал входит в международную базу научного цитирования **Agris**.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217.**

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук, Ходакова Н.П., д-р пед. наук, проф.

Психологические науки: Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук, Каменская В.Г., д-р психол. наук, к. биол. наук

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свистунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Ураков А.Л., д-р мед. наук, Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.ист.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук, Скачилова С.Я., д-р хим. наук

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. наук, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринеева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGY

К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧЕНИИ ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ.....	6
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ, МЕТОДОВ И МОДЕЛЕЙ СИСТЕМЫ CLIL В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА.....	9
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ИГРОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ В ПОВЫШЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СРЕДСТВАМИ РУКОПАШНОГО БОЯ.....	13
РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОДГОТОВКИ ДИЗАЙНЕРА ОДЕЖДЫ ПО ПРОГРАММЕ ПРИКЛАДНОГО БАКАЛАВРИАТА.....	17
LANGUAGE TEACHING IN RUSSIA (THE CASE OF SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY)	21
ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ К ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ ТРУДА.....	25
РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА «ОСНОВЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ» В ПРОГРАММАХ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ.....	28
ИДЕЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ В ПРАКТИКЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	31
ПРОЕКТЫ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ ГОРОД.....	34
NORMATIVE AND LEGAL PROVISION OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION IN MILITARY EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS IN THE CRIMEA AT THE END OF 20 TH - BEGINNING OF 21 ST CENTURY	42
ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ МОДУЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ МАГИСТРОВ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВУЗА.....	45
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЗИКИ В ВУЗЕ.....	48
МОТИВАЦИЯ К ЗАНЯТИЯМ ФИТНЕСОМ ЖЕНЩИН ПЕРВОГО ПЕРИОДА ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА	51
ПРОБЛЕМА КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРЕНЕР - РОДИТЕЛИ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ В ТАНЦЕВАЛЬНОМ СПОРТЕ.....	54
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА ПОЖАРНЫХ И СПАСАТЕЛЕЙ В РАМКАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ПОДЪЕМУ ПО ШТУРМОВОЙ ЛЕСТНИЦЕ.....	57
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АСПЕКТЕ РАЗРАБОТКИ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «СПОРТИВНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ»).....	66

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

МЕТОДЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	70
ПАРЕМИО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ КАРТИРОВАНИЕ КОНСТРУКТА «ДЖЕНТЛЬМЕНСТВО» (НА ОСНОВЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ФОНДОВ АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ).....	72
О ВЫРАЖЕНИИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЧЕШСКИХ И СЛОВАЦКИХ ПОСЛОВИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)	76
КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ КАК СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В КИТАЙСКИХ СМИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	80
ЛИРИЧЕСКАЯ КНИГА СТИХОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЯКУТСКОЙ ПОЭЗИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	84
ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ СРЕДСТВ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА	88
СРЕДСТВА ЭМФАЗЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА	92
ОБРАЗ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ЯПОНСКОМ МЕДИА-ПРОСТРАНСТВЕ.....	97

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

МЕТАФИЗИКА ВСЕЕДИНСТВА: ПОИСК ИДЕАЛА ЦЕЛОСТНОСТИ БЫТИЯ.....	101
ДУХОВНОЕ И ТЕЛЕСНОЕ ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ЗАПАДА И ВОСТОКА	105

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ПОВЕРЬЯХ И СУЕВЕРИЯХ МОРДВЫ	108
РОЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О ЖЕРТВАХ РЕПРЕССИЙ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	111
ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ЭПОХИ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ ДЛЯ 10 КЛАССА	114
ЖЕНСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XIX - XX ВВ. В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	118

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТВОРЧЕСКИХ ИНТЕНЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ-РЕАЛИСТОВ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА)	121
--	-----

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ОХРАНЫ ДЛЯ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИИ, НА ПРИМЕРЕ «НИЖНЕЙ ДАЧИ» В ПАРКЕ АЛЕКСАНДРИЯ.....	125
РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ФОНДА УЧРЕЖДЕНИЙ УПРАВЛЕНИЯ	129

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGY**DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.003>****Ачкасова Е.Н.¹, Позднякова М.Н.²**¹ORCID:0000-0001-8308-6396, кандидат педагогических наук,²ORCID:0000-0003-4558-919X Кандидат педагогических наук,

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧЕНИИ ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ**Аннотация**

В статье обосновывается необходимость изучения второго иностранного языка для повышения конкурентоспособности специалиста на рынке труда. При этом изучение немецкого и французского языка как второго иностранного на базе английского является наиболее оптимальным сочетанием, обусловленным как востребованностью названных языков в современном обществе, так и наличием общих лингвистических особенностей всех трех европейских языков. В статье изложены некоторые рекомендации для более успешного освоения второго иностранного языка.

Ключевые слова: изучение второго иностранного языка, мотивация к изучению, взаимовлияние языков и культур, перенос, интерференция.

Achkasova E.N.¹, Pozdnyakova M.N.²¹ORCID: 0000-0001-8308-6396, PhD in Pedagogy,²ORCID: 0000-0003-4558-919X, PhD in Pedagogy,

Yelets State University named after I.A. Bunin in Yelets, Lipetsk region

REVISITING TEACHING OF THE SECOND FOREIGN LANGUAGE IN THE HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION**Abstract**

The paper substantiates the necessity of studying the second foreign language for increasing the competitiveness of a specialist in the labor market. Moreover, the study of German and French as the second foreign language on the basis of English is the most optimal combination, due to both the relevance of the named languages in modern society and by the presence of common linguistic features of these European languages. Some recommendations for a more successful development of a second foreign language are provided in the paper.

Keywords: teaching of the second foreign language, motivation to study, mutual influence of languages and cultures, transfer, interference.

Неоспоримым является тот факт, что знание иностранного языка сегодня является важным условием социального и профессионального роста, а владение специалистом иностранным языком рассматривается работодателем как важное личностное и профессиональное качество. Для заключения трудового договора с соискателем знание иностранного языка является обязательным требованием на многих предприятиях.

Для молодых людей изучение двух иностранных языков на неязыковых факультетах вуза является серьезной мотивацией для повышения своей конкурентоспособности на рынке труда. Нельзя не согласиться также и с утверждением О.В. Флерова о том, что «...иностраные языки для человека в наши дни это намного больше, чем просто повышение профессионализма, они являются составляющей всесторонне развитой, образованной (...) личности» [10]. Именно совокупность всех причин обусловила появление в учебных планах многих вузов России новую дисциплину – «Второй иностранный язык», прежде всего, по направлениям подготовки, связанным с ведением туристического дела, экономикой, техникой и др. Преподавателю важно суметь сформировать коммуникативную компетенцию во втором иностранном языке на основе коммуникативных умений обучающихся в родном и первом иностранном языке.

Многие отечественные исследователи, такие как И.Л. Бим, А.А. Леонтьев, Н.В. Барышников и другие занимались вопросами языкового переноса, исследовали взаимовлияние языков и культур при изучении второго иностранного языка, обосновывали необходимость опоры на первый иностранный язык.

Наиболее часто изучаемым иностранным языком в высших и средних учебных заведениях России является сегодня английский язык. Носителями английского языка являются более 600 миллионов человек. Владеть английским в наше время – обязательное требование не только для тех, кто ищет работу за рубежом, но и для тех, кто хочет сделать успешную карьеру в своей стране, а также для тех, кто хоть изредка выезжает за границу по служебным делам или в туристические поездки. Поэтому чаще всего английский язык является первым из иностранных, изучаемых в российских учебных заведениях.

Конечно, для изучения иностранного языка молодые люди выбирают языки тех стран, с которыми Россия имеет прочные торговые, экономические, производственные, инвестиционные отношения: Германия, Франция, Италия, Великобритания, страны Южной Америки. Этим можно объяснить тот факт, что в качестве второго наибольшей популярностью пользуются немецкий, французский, испанский, итальянский, португальский.

Выбор немецкого/ французского языка как второго иностранного происходит чаще всего. Это не случайно. Этому способствуют как имеющиеся связи между Россией, Германией и Францией в сфере образования, так и некоторые общие лингвистические особенности всех трех европейских языков, обусловленные их принадлежностью к одной языковой семье – индоевропейской. Английский и немецкий языки относятся к тому же к одной языковой группе – германской и одной языковой подгруппе - западно-германской. Хотя французский язык относится к группе романских

языков, сходство английского и французского языков исключительно велико. Родственность языков отражается и в наличии общего пласта лексики, и схожести грамматических явлений, близких по структуре и многое другое.

Родственность английского, немецкого, французского языков проявляется на всех лингвистических уровнях, изучение этих трех языков в значительной степени облегчается в первую очередь за счет лексического компонента и схожести слов. Не случайно, авторы многих теоретических трудов по психолингвистике, лингвистике, лингводидактике психологии и методике преподавания иностранных языков придерживаются мнения, что лексический (семантический) компонент является основным в структуре языковой способности обучаемых.

Нельзя не отметить и тот факт, что англицизмы и американизмы прочно вошли во все языки мира, прежде всего, в европейские языки. Общеизвестно также, что и в английском языке огромное количество заимствований из всех языков мира. Так, почти половина слов в английском языке составляют слова французского и латинского происхождения. Исследователи Н.А. Павлова и Е.В. Рыжова отмечают, что и сейчас французский язык остается одним из основных языков, который является источником заимствований в английском языке, при этом лексика из немецкого и других языков (прежде всего, японского и языков Азии и Африки) также активно заимствуется в английский язык. Немецкие слова довольно широко распространены и в разговорной речи, и в языке СМИ, в языке персонажей художественных произведений, фиксируются в словарях [9]. Этот факт в значительной степени снимает ряд трудностей при усвоении лексики второго ИЯ. Следует отметить и большое количество словообразовательных моделей во всех трех описываемых в данной статье языках.

Если обучающийся владеет первым иностранным языком на достаточно хорошем уровне, то первый иностранный язык (как правило, английский) служит хорошей базой для усвоения второго. Наличие общих грамматических структур, словообразовательных моделей, созвучность слов в английском (как в первом иностранном) и немецком/французском языках (как во втором иностранном) является хорошей базой для усвоения языков.

Конечно, при изучении нескольких иностранных языков существуют некоторые объективные трудности, прежде всего, отсутствие необходимого количества времени, часто недостаточная самодисциплина. Кроме того, первый иностранный язык нередко является помехой для изучения второго, так как никогда не удастся быстро привыкнуть к другому произношению, усвоить грамматические правила нового языка, даже при условии схожести двух иностранных языков.

Для того, чтобы устранить некоторые сложности при изучении второго иностранного языка необходимо выполнять некоторые рекомендации. Например,

- нежелательно начинать изучение второго иностранного языка, не имея прочных знаний первого, прежде всего в области грамматики и фонетики.
- важным условием прочного усвоения лексики иностранного языка является выработка своей методики запоминания новых слов.
- если возникли трудности переключения с одного языка на другой, рекомендуется сделать перерыв в занятиях. Не стоит бояться того, что языки смешаются: человек обладает способностью довольно быстро переключаться с одного языка на другой.

Изучение проблем, связанных с изучением второго иностранного языка, требует учета явления интерференции. Обучение второму иностранному языку обуславливает учет влияния как родного языка, так и первого иностранного, хотя влияние второго иностранного, безусловно, сильнее, чем родного. Поскольку в основе любого обучения лежит перенос, то есть умение использовать уже имеющиеся знания, умения и навыки в новых условиях (в нашем случае, при изучении второго иностранного языка), то важно так организовать обучение, чтобы перенос служил опорой для изучения иностранного языка. Чтобы этого достичь, необходимо мотивировать студентов к сравнению языковых явлений в обоих языках. «Для методики обучения второму иностранному языку характерно сравнение (сопоставление) языковых средств языков во всех тех случаях, когда это поможет предотвратить интерференцию и осуществить перенос», считает И.Л. Бим [3].

Таким образом, обращение к опыту обучаемого, владеющего одним иностранным языком, является необходимым условием успешного овладения вторым. Данный опыт проявляется и в том, что студенты обладают навыками запоминания новой лексики, сопоставления слов и морфем иностранных языков, отмечают сходство и различия в грамматических и фонетических явлениях изучаемых языков. Однако, специфика обучения второму иностранному языку в вузе прежде всего связана с трудностями, связанными с преодолением языкового барьера и формированием «чувства языка». При правильной организации обучения студенты начинают относительно свободно общаться на втором иностранном языке уже после 350-400 часов изучения.

Итак, в настоящий момент мы являемся свидетелями того, что российское образование становится многоязычным, что обуславливает появление нового лингвистического явления, требующего тщательного всестороннего изучения.

Список литературы / References

1. Багдасарова Н.А. Эмоциональный опыт в контексте разных культур / Н.А. Багдасарова// Человек. – 2005. - №5. – С.105-111.
2. Барышников Н.В. Методика обучения второму иностранному языку в школе/ Н.В. Барышников - М.: Издательство Просвещение, 2003. - 159 с.
3. Бим И.Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского) / И.Л. Бим. – Тверь: Издательство Титул, 2001.- 48 с.
4. Бим И. Л. Некоторые исходные положения теории учебника иностранного языка/ И.Л. Бим // Иностранные языки в школе. - 2002. - №3. - С. 3 - 9.
5. Бим И. Л. Обучение иностранным языкам: поиск новых путей/ И.Л. Бим // Иностранные языки в школе. - 1989. - №1. - С. 19-26.

6. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е.М. Верещагин. - М.: Издательство Наука, 1969. -160 с.
7. Выготский, Л.С. Мышление и речь: в 6 т. Т.2/ под ред. В.В.Давыдова.- М.: Педагогика, 1982. - 504 с.
8. Молчанова Л.В. Взаимовлияние родного и иностранных языков при обучении многоязычию в языковом вузе/ Молчанова Л.В.// Иностранные языки в высшей школе. Научный журнал. - Выпуск 3(18). – Рязань, 2011. – С. 98-110.
9. Н.А. Павлова, Е.В. Рыжова Германизмы в английском языке [Электронный ресурс] / Павлова Н.А., Рыжова Е.В. // Межвузовский сборник научных трудов Пенза. – 2005. VII Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. <http://germanism.livejournal.com/27978.html>
10. Флеров О.В. Особенности преподавания второго иностранного языка в нелингвистическом вузе [Электронный ресурс] / О.В. Флеров // Современное образование. – 2015. – № 01. – С. 1-25. http://e-notabene.ru/pp/article_14101.html

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bagdasarova N.A. Emotsionalniy opyt v kontekste raznykh kultur [Emotional experience in the context of different cultures] / N.A. Bagdasarova // Chelovek. - 2005. – No.5. – P.105-111. [in Russian]
2. Baryshnikov N.V. Metodika obucheniya vtoromu inostrannomu yaziku v shkole [Methodology of teaching the second foreign language in school] / N.V. Baryshnikov - M.: "Prosveshcheniye" publishing house, 2003. - 159 p. [in Russian]
3. Bim I.L. Kontseptsiya obucheniya vtoromu inostrannomu yaziku (nemetskoy na baze angliyskogo) [The concept of teaching of the second foreign language (German based on English)] / I.L. Bim. - Tver: "Titul" Publishing House, 2001.- 48 p. [in Russian]
4. Bim I.L. Nekotorye iskhodnye polozheniya teorii uchebnika inostrannogo yazika [Some initial assumptions of the theory of the textbook of a foreign language] / I.L. Bim // Inostrannyye yaziki v shkole [Foreign languages in school]. – 2002. – No.3. – P. 3-9. [in Russian]
5. Bim I.L. Obucheniye inostrannym yazikam: poisk novykh putey [Teaching of foreign languages: searching for new ways] / I.L. Bim // Inostrannyye yaziki v shkole [Foreign languages in school]. - 1989. – No.1. - P. 19-26. [in Russian]
6. Vereshchagin E.M. Psikhologicheskaya i metodicheskaya khsractersitika dvuyazichiya (bilingvizma) [Psychological and methodical characteristics of bilingualism (bilingualism)] / E.M. Vereshchagin. – Moscow: "Nauka" Publishing House, 1969. – 160 p. [in Russian]
7. Vygotsky, L.S. Myshleniye i rech': v 6 t. T.2 [Thinking and speech: in 6 vol. Vol.2] / ed. By V.V. Davydova. – Moscow: Pedagogika, 1982. - 504 p. [in Russian]
8. Molchanova L.V. Vzaimovliyaniye rodnogo i inostrannykh yazikov pri obuchenii mnogoyazichiyu v yazikovom vuze [Interaction of native and foreign languages in teaching multilingualism in a language school] / Molchanova L.V. // Inostrannyye yaziki v vysshey shkole. [Foreign languages in higher education] Scientific journal. – Is. 3 (18). – Ryazan, 2011. – P. 98-110. [in Russian]
9. N.A. Pavlova, E.V. Ryzhov Germanizmy v angliyskom yazike [Germanisms in English] [Electronic resource] / Pavlova N.A., Ryzhova E.V. // Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov Penza. – 2005. VII Sotsiologicheskiye chteniya prepodavateley, aspirantov i studentov, posviyashchennyye 60-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne [Interuniversity collection of scientific works Penza. - 2005. VII Sociological readings of teachers, post-graduate students and students dedicated to the 60th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War]. <http://germanism.livejournal.com/27978.html> [in Russian]
10. Flerov O.V. Osobennosti prepodavaniya vtorogo inostrannogo yazika v nelingvisticheskom vuze [Peculiarities of teaching a second foreign language in a non-linguistic university] [Electronic resource] / O.V. Flerov // Sovremennoye obrazovaniye [Modern education]. - 2015. – No.01. – P. 1-25. http://e-notabene.ru/pp/article_14101.html [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.083>Батурина Н.В.¹, Руковишников Ю.С.², Батунова И.В.³¹Старший преподаватель кафедры иностранных языков для инженерных направлений,²преподаватель кафедры иностранных языков для инженерных направлений,³кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для инженерных направлений,

Институт филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ, МЕТОДОВ И МОДЕЛЕЙ СИСТЕМЫ CLIL В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА**Аннотация**

Статья посвящена роли предметно-языкового интегрированного обучения студентов неязыковых специальностей вузов. Рассматриваются особенности работы преподавателей профильных предметов и преподавателей иностранных языков в системе предметно-языкового интегрированного обучения, а также перспективы ее применения в сфере высшего профессионального образования. Приводятся модели и особенности использования методики CLIL в высшем учебном заведении. Также, статья содержит элементы программы курса и пример плана семинарского занятия, разработанных авторами.

Ключевые слова: интегрированное обучение, интеграция, профессиональная компетентность, профессиональная коммуникация, иностранный язык для неязыковых специальностей, методика предметно-языкового интегрированного обучения.

Baturina N.V.¹, Rukovishnikov Yu.S.², Batunova I.V.³¹Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages for Engineering Directions,²teacher of the Department of Foreign Languages for Engineering Directions,³PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Foreign Languages for Engineering Directions,

Institute of Philology and Language Communication of the Siberian Federal University

USE OF TECHNIQUES, METHODS AND MODELS OF THE CLIL SYSTEM IN THE PROCESS OF TEACHING ENGLISH TO BACHELORS**Abstract**

The article is devoted to the role of the subject-language integrated teaching of students of non-linguistic specialties of higher educational institutions. The main features of the teachers' of profile subjects work as well as teachers of foreign languages in the system of subject-language integrated teaching are considered. The prospects for its application in the sphere of higher professional education are also studied. Models and peculiarities of using CLIL methodology in a higher educational institution are given. The article contains the elements of the course program and an example of a workshop plan developed by the authors.

Keywords: integrated training, integration, professional competence, professional communication, foreign language for non-linguistic specialties, methodology of language-based integrated learning.

В настоящее время английский язык имеет большое значение в системе межкультурных коммуникаций различных народов мира – он принимает непосредственное участие в формировании и развитии культурных, образовательных, политических и социально-экономических связей на международной арене. В последнее время заметно возрастает роль английского языка в процессе интеграции российских образовательных и научных организаций в мировое сообщество [4, С. 117]. В связи с этим возникает необходимость использования современных форм и методов обучения иностранному языку, которые обеспечивают максимально эффективную реализацию программы подготовки, в том числе ученых-исследователей [2, С. 25].

К настоящему времени в значительной степени переосмыслена роль дисциплины «Иностранный язык» в процессах развития профессионального сознания студента неязыкового вуза и становления на этой основе современной профессиональной личности «как личности, полноценно реализующейся в профессии, через профессию, создающей ценности этой профессии» [5]. Современные требования к подготовке выпускника высшего учебного заведения – будущего специалиста – включают в себя не только ряд определенных компетенций, среди которых: способность к самообразованию, владение инновационными технологиями, понимание перспектив и возможностей их использования, умение принимать решения самостоятельно, адаптируемость к новым социальным и профессиональным условиям, навыки работы в команде, умение справляться со стрессом [3, С. 44], но также и владение одним и более иностранными языками на высоком профессиональном уровне.

В большинстве высших учебных заведений, согласно учебной программе, интенсивное обучение иностранному языку (чаще всего английскому) студентов неязыковых специальностей заканчивается на втором курсе, но стоит отметить, что, из-за отсутствия постоянной речевой практики в последующие годы обучения, происходит постепенная утрата коммуникативных навыков. Поэтому возникает потребность в интегрировании иностранного языка и профессиональных дисциплин на протяжении всего периода обучения в вузе, как для студентов бакалавриата, так и магистратуры.

В ряду образовательных методик, включающих в себя параллельное обучение как иностранному языку, так и профильному предмету, можно выделить методику предметно-языкового интегрированного обучения (Content and Language Integrated Learning – CLIL), которая способна оказать влияние на формирование необходимых компетенций у студентов технических, гуманитарных и других направлений в вузе.

Термин Content and Language Integrated Learning (CLIL) был введен в 1994 г. исследователем в области многоязычного образования Дэвидом Маршем (David Marsh) в процессе работы по координации исследований о состоянии языкового образования в Европе [8]. Это привело к общеевропейской дискуссии, экспертами в которой выступили представители Финляндии и Нидерландов. Обсуждался вопрос о том, как использовать опыт передового

обучения иностранным языкам, который был найден в определенных типах частных школ, в учебной программе государственных школ и колледжей.

В то время интерес к методике предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL) был также связан с политической ситуацией в Европе и европейскими образовательными стандартами. Как отмечает Дэвид Марш: «Политическим толчком послужило то, что миграция между европейскими государствами требует более высокого уровня языковой компетенции в отношении внутренних языков, что являлось актуальным в тот период времени». Теперь, спустя более чем двадцать лет, концепция CLIL стала не только способом для получения доступа к дополнительным языкам, но и привлечения инновационных практик в учебный план в целом. CLIL как подход постепенно набирает признание в европейских странах. Кажется, что тенденция в обучении через методику CLIL будет все больше и больше использоваться в будущем в большинстве стран Европы [10, С. 6].

В 1994 году также было сформировано и утверждено само определение предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL): «Предметно-языковое интегрированное обучение или CLIL – это двунаправленный компетентностный подход к обучению, в котором иностранный язык используется для преподавания как основного предмета, так и для изучения самого языка» [10, С. 6]. Таким образом, CLIL интегрирует способы обучения предмету и изучение самого иностранного языка. Используя CLIL, студенты могут изучать один или несколько предметов на иностранном языке, зачастую это английский язык. Однако не предполагается, что студенты могут изначально профессионально говорить на иностранном языке прежде, чем приступить к изучению профильного предмета. Они изучают язык в то же время, что и предмет.

София Иоанна-Джорджия (Sophie Ioannou-Georgiou) и Павлос Павлу (Pavlos Pavlou) утверждают, что среди особенностей методики CLIL можно выделить три основные [7, С. 13–15]:

а) Изучение иностранного языка, интегрированного в содержание самого предмета, такого как наука, история, география. Студенты изучают иностранный язык посредством облегченного содержания предмета.

б) CLIL имеет свое происхождение в различных социально-языковых и политических контекстах и относится к любому языку, возрасту и уровню образования: от дошкольного, начального до высшего, профессионального обучения. В этом смысле CLIL отвечает всем европейским образовательным программам, предназначенным для всех граждан, где считается, что многоязычие и мультикультурализм содействуют интеграции, пониманию и мобильности среди европейцев.

с) CLIL представляет собой подход, который предполагает развитие социальных, культурных, познавательных, лингвистических, академических и других навыков обучения, которые в свою очередь способствуют достижению в области изучения, как самого предмета, так и языка. [9, С. 11–12].

Английский язык как «доминирующий» широко используется во многих европейских вузах. В связи с этим, большое количество европейских исследователей в области интегрированного обучения предмету и языку (CLIL) выделяют данную методику, как уникальный способ изучения сразу нескольких предметов. Исследователь в области интегрированного обучения, профессор До Койл выделяет три модели CLIL [6, С. 24–25]:

Модель С1: Многоязычное обучение. В данном случае, при преподавании разных предметов, используются несколько иностранных языков в разные годы обучения. Такая модель обучения позволяет студенту по завершении целого курса приобрести профессиональные знания на нескольких языках. Кроме того, данная модель призвана привлечь наиболее целеустремленных и одаренных студентов из различных стран.

Модель С2: Вспомогательное/дополнительное интегрированное обучение предмету и языку. Данная модель обучения предполагает параллельное преподавание предметов, при этом упор делается на развитие знаний и умений для использования языка в целях обеспечения мыслительных процессов высшего порядка. Преподавание языка связано со специальными областями, таким образом, преподаватели иностранного языка, входящие в структурные подразделения по преподаванию специальностей, осуществляют внешнюю поддержку при обучении специалистов. В процессе предметно-языкового интегрированного обучения студенты приобретают умение использовать иностранный язык для работы по их специальности.

Модель С3: Предметные курсы с включением языковой поддержки. Программы обучения специальности разрабатываются с точки зрения не только развития профессиональных, но и языковых навыков. При такой модели обучение проводится как преподавателями-предметниками, так и специалистами в области обучения языкам. Даже с плохим знанием языка студент может получить поддержку в течение всего процесса обучения, что делает возможным овладение как предметом, так и языком, на котором преподается предмет. По данной модели могут обучаться студенты с различным языковым уровнем.

Модель С1 реализуется только в вузах определенной специализации (например, бизнес и управление), а модели С2 и С3 являются наиболее распространенными.

Интегрированное обучение предмету и языку в вузе представляет собой развивающуюся область теоретических и практических исследований, и единой установленной концепции того, как вуз должен реализовывать такое обучение, не существует. Каждое высшее учебное заведение имеет свою специфику, в зависимости от которой оно принимает решение о путях и методах обучения студентов на дополнительном/неродном для них языке. [1, С. 5]

При обучении бакалавров Сибирского федерального университета наиболее часто реализуются модели С2 и С3. Обучение студентов профильным предметам может происходить параллельно, как на родном языке, так и на иностранном. Однако иностранный язык в учебном заведении вынесен как отдельная учебная дисциплина, непосредственно связанная с направлением института и профильными предметами.

В рамках апробации программы «Интеграция преподавания предметных дисциплин с английским языком» преподавателями кафедр Иностранные языки для инженерных направлений и Экологии и природопользования был разработан курс «Экология», часть которого рассчитана на преподавание на английском языке. Курс длится в течение 1 семестра. Аудитория курса – бакалавры 1-го курса Инженерно-строительного института, обучающиеся по направлению 08.03.01 «Строительство», профили 05 «Теплогазоснабжение и вентиляция, водоснабжение и

водоотведение зданий» и 15 «Автомобильные дороги и аэродромы». Программой курса предусмотрены лекционные аудиторные занятия в количестве 36 академических часов и аудиторные семинарские занятия – 18 академических часов. Входное тестирование (Placement test) определило языковой уровень группы преимущественно как A2 согласно шкале Общеввропейских компетенций владения иностранным языком (CEFR). Исходя из этого, представилось целесообразным проводить семинарские занятия на английском языке, что, с одной стороны, обеспечило бы поддержку лекционного материала курса, а также позволило бы студентам использовать английский язык для обсуждения вопросов курса.

Темы семинаров определены рабочей программой курса и заранее обозначаются студентам:

1. «Ecosystems. Organisms and their environment»
2. «Biosphere's structure and functions»
3. «Man's impact on biosphere»
4. «Environment and human health»
5. «Past and present climate changes»
6. «Resource management»
7. «Environmentally friendly industries and technologies»
8. «Introduction to environmental law»

Приведем пример плана семинарского занятия по теме «Man's impact on biosphere».

Таблица 1 – План семинарского занятия по теме «Man's impact on biosphere»

Aims of the lesson. By the end of the lesson students will be able: to use terms of the topic; to find out the main sources of pollution and their major signs; to give the examples of man's impact on biosphere.			
Time	Lesson stages, what teacher and students do	Patterns of interaction	Comments
5	1. Aims of the seminar, warming-up	Teacher – class	
10	2. Vocabulary. Students match the English words with their Russian translations. Teacher checks answers.	Student – student, Teacher – student	Matching task. Give each student papers 1 with exercise 1.
15	3. Reading. Teacher asks about group of pollutants. Then students read the text and fill in the gaps with the given words. After reading students check their answers using present simple passive.	Teacher – class, Individually, Student – student	Reading task. Grammar task. Text “Pollutants classification”, exercise 2A. Exercise 2B with grammar.
15	4. Reading. Speaking. Students read the statements about pollution sources and say if they are true or false. Students give reasons. Teacher corrects.	Teacher – class, Teacher – student	True/false task. Exercise 3.
30	5. Reading. Speaking. Teacher divides students in groups of four. Each student in the group has got some information about pollution groups which other students don't have. Students should complete all the gaps in the text by asking other group members questions. Teacher helps and corrects.	Teacher – class, Groups	Information gap. Give each student papers 2.
5	6. Summing-up. Teacher asks questions about the seminar's topic.	Teacher – class, Teacher – student	
5	7. Feedback. Students give feedback.	Individually	Questionnaires.

Следует отметить, что упражнения к семинару разрабатывались с учетом не только требований рабочей программы «Экология» (наполнение семинара), но и с учетом методики преподавания иностранного языка. Таким образом, можно осуществить языковую поддержку студента, который пока может не обладать необходимыми навыками для выражения определенной идеи.

Выбор коммуникативных навыков (говорение, чтение, письмо, аудирование) для работы во время занятий будет зависеть от целей и требований рабочей программы, лекций, семинаров, и может корректироваться в зависимости от пожеланий преподавателя и студентов.

Методика преподавания дисциплины в рамках CLIL не предполагает строгого использования языкового материала [10, С. 12] (в отличие от изучения иностранного языка), поэтому преподаватель имеет возможность отбирать языковые средства, способные, с его точки зрения, лучше всего реализовать содержательную часть занятий. Например, второе задание третьего этапа плана имеет своей целью не только проверить правильность выполнения первого, но и потренировать часто используемую в научно-технической литературе конструкцию страдательного залога – the Present Simple Passive.

Задача преподавателя на данном этапе – осуществлять контроль по правильному использованию грамматической конструкции, а также, при возникновении проблем, помогать студентам.

Для анализа проведенного занятия, решения проблем, в том числе языковых, и корректировки рабочей программы, типов заданий имеет смысл организовать обратную связь со студентами. Она может быть выполнена в виде краткого опросника, отражающего значимые для преподавателя характеристики занятий. Предпочтительный язык опросника – русский.

Приведем пример анкеты, полученной студентами после семинара по теме «Man's impact on biosphere»:

«Выберите верную, с вашей точки зрения, оценку.

1. Как было организовано учебное занятие? (отлично/ хорошо/ удовлетворительно/ неудовлетворительно)

2. Как вы поняли новую информацию? (отлично/ хорошо/ удовлетворительно/ неудовлетворительно)

3. Как была изложена информация? (отлично/ хорошо/ удовлетворительно/ неудовлетворительно)

4. Оцените сложность заданий от 1 до 5 (1 – очень просто, 5 – очень сложно).

5. Оцените понятность инструкций преподавателя от 1 до 5 (1 – совсем непонятно, 5 – очень понятно).

6. Оцените содержательность от 1 до 5 (1 – нет профессиональной значимости, связи с будущей профессией, 5 – есть связь и значимость)».

Проанализировав ответы, можно внести изменения в содержательную и языковую части, а также изменить преподавательскую тактику: научиться давать простые инструкции во время лекции и семинара, использовать другие формы интерактивного взаимодействия студентов и т.д.

В заключении можно сказать, что предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL) представляет собой сравнительно новую методику обучения, которую можно рассматривать как уникальный способ обучения студентов профильным предметам через иностранный язык (teaching content through foreign language), а также обучение иностранному языку через сам предмет (teaching foreign language through content). Данная методика вызывает большой интерес у преподавателей иностранных языков, а также у целого ряда педагогов, владеющих иностранным языком и преподающих свой профильный предмет в вузе. Таким образом, соединяя два направления, преподаватели-предметники способны обучать не только своему профильному предмету на иностранном языке, но также использовать важные средства обучения языку: преподавать грамматику, лексику, и др., включая в свой урок элементы коммуникативной методики обучения иностранному языку. Это помогает упростить и модернизировать учебную программу в вузе.

Список литературы / References

1. Бурдакова О. Н. Методика интегрированного обучения предмету и языку в учебном процессе Нарвского колледжа ТУ [Электронный ресурс] / Бурдакова О.Н., Джалалова А.А., Рауд Н.П. // – 2011. – 67 С. - URL: <http://docplayer.ru/42474789-Metodika-integrirovannogo-obucheniya-predmetu-i-yazyku-v-uchebnom-processe-narvskogo-kolledzha-tu.html> (дата обращения: 23.04.2017)

2. Воног В. В. Компетентностный подход в обучении иностранным языкам в аспирантуре / В. В. Воног, О. А. Прохорова // Вестник ТГПУ. – 2015. – № 12 (165). – С. 25-29.

3. Литвишко О. М. Компетентностно-ориентированная модель обучения: преимущества методики CLIL в преподавании профессионально-ориентированного английского языка / О. М. Литвишко, Ю. А. Черноусова // Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – 2015. – С. 44 - 47.

4. Самойлова Е. В. Актуальные проблемы и перспективы преподавания иностранного языка студентам неязыковых специальностей вузов в рамках интегрированного подхода / Е.В. Самойлова, О.В. Назарова, Н.С. Корнилецкая // Интеграция образования. – 2014. - №2. – С.117-123.

5. Яроцкая Л. В. Иностранный язык и становление профессиональной личности (неязыковой вуз) / Л.В. Яроцкая // Монография. – М.: Издательство ТРИУМФ, 2016. – С. 258.

6. Coyle D. CLIL: Content and Language Integrated Learning / D. Coyle, Ph. Hood, D. Marsch // Cambridge University Press, 2010. - P. 182.

7. Ioannou Georgiou, Spfie and Pavlu, Pavlos: Guidelines for CLIL Implementation in Primary and Pre-primary Education [Electronic resource] / G. Ioannou // Comenius Socrates Project. 2011. - P. 157. - URL: http://www.schools.ac.cy/klimakio/Themata/Anglika/teaching_material/clil/guidelinesforclilimplementation1.pdf (дата обращения: 23.04.2017).

8. Marsh, D. CLTL / EMILE – the European Dimension: Actions, Trends and Foresights Potential [Electronic resource] / D. Marsh // Brussels: The European Union. – 2002. - URL: <http://userpage.fu-berlin.de/elc/bulletin/9/en/marsh.html> (дата обращения: 23.04.2017).

9. Mehisto P. Uncovering CLIL: Content and Language Integrated Learning in Bilingual and Multilingual Education / P. Mehisto, D. Marsh, M. Frigols // Macmillan Oxford, 2008. - P. 240

10. Sandra Attard Montalto. The CLIL Guidebook [Electronic resource]/ S. A. Montalto, L. Walter, M. Theodorou, K. Chrysanthou // Lifelong Learning Program. – 2015. - URL: <https://www.goethe.de/en/spr/unt/kum/clg/20782495.html> (дата обращения: 23.04.2017).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Burdakova O.N. Metodika integrirovannogo obucheniya predmetu i yazyku v uchebnom processe Narvskogo kolledzha TU [Methods of integrated discipline and language teaching in classes of the University of Tartu] [Electronic resource]/ O. N. Burdakova, A. A. Dzhalalova, N. P. Raud // – 2011. - 67 P. — URL: <http://docplayer.ru/42474789-Metodika-integrirovannogo-obucheniya-predmetu-i-yazyku-v-uchebnom-processe-narvskogo-kolledzha-tu.html> (accessed: 23.04.2017) [in Russian]

2. Vonog V. V. Kompetentnostnyj podhod v obuchenii inostrannym jazykam v aspiranture [Competent approach to foreign language teaching in postgraduate course] / V.V. Vonog, O.A. Prohorova // Vestnik TGPU [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. – 2015. - № 12 (165). - P. 25-29. [in Russian]

3. Litvishko O.M. Kompetentnostno-orientirovannaja model' obucheniya: preimushhestva metodiki CLIL v prepodavanii professional'no-orientirovannogo anglijskogo jazyka [Competent oriented teaching model: advantages of CLIL teaching

methods in professionally oriented English language] / O.M. Litvishko, Ju.A. Chernousova // Universitetskie chtenija [University reading]. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGLU [Proceeding of the methodological reading PGLU]. – 2015. – P. 44-47. [in Russian]

4. Samojlova E. V. Aktual'nye problemy i perspektivy prepodavaniya inostrannogo jazyka studentam nejazykovykh special'nostej vuzov v ramkah integrirovannogo podhoda [Topical problems and teaching prospect of foreign language for non-linguistic university students in the network of the integrated approach] / E.V. Samojlova, O.V. Nazarova, N.S. Kornileckaja // Integracija obrazovanija [Integration of education]. – 2014. – №2. P. 117-123. [in Russian]

5. Jarockaja L. V. Inostrannyj jazyk i stanovlenie professional'noj lichnosti (nejazykovej vuz): Monografija [Foreign language and formation of professional personality (non-linguistic university): monograph] / L. V. Jarockaja. – M.: Izdatel'stvo TRIUMF, 2016. – 258 P. [in Russian]

6. Koil D. CLIL: Kontent i vnedrenie yasika v obuchenie [Content and Language Integrated Learning] / D. Coyle, Ph. Hood, D. Marsch // Universitetskaja Kembridj pressa [Cambridge University Press]. – 2010. – 182 P. [in English]

7. Ioannu Gorgio, Spfie and Pavlu, Pavlos: Rekomendacii po vnedreniu CLIL v sistemu nachalnogo I doskolnogo obrasovanija Guidelines for CLIL Implementation in Primary and Pre-primary Education [Electronic resource] / G. Ioannou // Comenius Socrates Project. – 2011. – 157 P. – URL: http://www.schools.ac.cy/klimakio/Themata/Anglika/teaching_material/clil/guidelinesforclilimplementation1.pdf (accessed: 23.04.2017). [in English]

8. Marsh D.: Evropejskoe ismerenie: dejstvija, tendencii I perspective [the European Dimension: Actions, Trends and Foresights Potential] [Electronic resource] / D. Marsh // Brussels: The European Union. – 2002. – URL: <http://userpage.fu-berlin.de/elc/bulletin/9/en/marsh.html> (accessed: 23.04.2017). [in English]

9. Mehisto P. Raskritie CLIL: content I jasik v integrirovannom obuchenii dvyjasichnogo I mnogojasichnogo obrasovanija [Uncovering CLIL: Content and Language Integrated Learning in Bilingual and Multilingual Education] / P. Mehisto, D. Marsh, M. Frigols // ksford [Macmillan Oxford]. – 2008. – 240 P. [in English]

10. Sandra Attard Montalto. Rukovodstvo CLIL [The CLIL Guidebook] [Electronic resource] / S. A. Montalto, L. Walter, M. Theodorou, // Lifelong Learning Program. – 2015. – URL: <https://www.goethe.de/en/spr/unt/kum/clg/20782495.html> (accessed: 23.04.2017). [in English]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.008>

Буров А.Э.¹, Ерохина О.А.², Шишкина Ю.П.³, Небрятенко С.В.⁴

¹ORCID: 0000-0001-6839-4833, доктор педагогических наук,

^{2,3}кандидат педагогических наук, ⁴старший преподаватель,

Астраханский государственный технический университет

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ИГРОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ В ПОВЫШЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СРЕДСТВАМИ РУКОПАШНОГО БОЯ

Аннотация.

В настоящее время одной из важной проблем, от которой зависит боевая готовность Вооруженных сил государства, является постоянное совершенствование специальной физической подготовленности военнослужащих. Универсализация методических основ физической подготовки в различных родах войск происходит за счет внедрения новых и совершенствования имеющихся методов физической подготовки военнослужащих, в том числе с помощью рукопашного боя, как одного из эффективных средств самообороны и ведения боевых действий.

Ключевые слова: вооруженные силы; специальная физическая подготовленность; рукопашный бой; игровые комплексы.

Burov A.E.¹, Erokhina O.A.², Shishkina Yu.P.³, Nebratenko S.V.⁴

¹ORCID: 0000-0001-6839-4833, PhD in Pedagogy,

^{2,3}PhD in Pedagogy, ⁴Senior teacher,

Astrakhan State Technical University

SPECIALIZED PLAY STRUCTURES IN IMPROVEMENT OF SPECIAL PREPARATION OF MILITARY PERSONNEL BY MEANS OF HAND-TO-HAND COMBAT

Abstract

Currently, one of the important problems influencing the combat readiness of the country's Armed Forces is the constant improvement of the special physical preparation of personnel. The versatility of the methodological foundations of the physical training in various branches of the armed forces is due to the introduction of new and improved methods of physical training of personnel, including the use of hand-to-hand combat, as one of the effective means of self-defense and combat operations.

Keywords: Armed forces; special physical preparedness; hand-to-hand fight; playing complexes.

Различные способы боевых искусств нужны, в первую очередь, для ведения военных действий, защиты от неприятеля. Они появляются и совершенствовались в зависимости от качества оружия, роста численности войск, повышения их выучки. Богатые традиции боевых единоборств характерны и для русской военной истории. Начиная с петровских времен, начала складываться русская национальная система боевой подготовки войск, в которой значительное место занимает рукопашный бой на местности. Обучение рукопашному бою у генералиссимуса Суворова А.В. органически входило в «Науку побеждать» [8, С. 46], [9, С. 33].

Одним из главных направлений решения задач боевой подготовки военнослужащих является совершенствование их специальной физической подготовленности. И в этой связи, рукопашный бой, является наиболее эффективным средством достижения сопряженных задач [5, С. 99].

Основным критерием интенсификации специальной физической подготовленности военнослужащих является опережающее развитие у занимающихся физических качеств и прикладных навыков, обеспечивающих их успешное освоение и надежное использование техники в наиболее напряженных условиях боевой или профессиональной деятельности [2, С. 84], [3, С. 10]. Такой подход к физической подготовке позволяет приблизить ее содержание и методику к условиям и характеру применения этих умений в реальных ситуациях [6, С. 6], [10, С. 3].

Самым существенным вопросом, возникающим при определении содержания обучения, является вопрос о выборе конкретного пути решения той или иной педагогической задачи [4, С. 12], [7, С. 24].

В этой связи поиск и внедрение новых форм, средств и методов, влияющих на оптимизацию и эффективность учебно-тренировочного процесса, является наиболее актуальной задачей физической подготовки военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации.

Поэтому, основной целью нашего исследования стала разработка и апробация в реальных ситуациях методики повышения эффективности техники применения рукопашного боя военнослужащими за счет внедрения специализированных игровых комплексов, а объектом, непосредственно, учебно-тренировочный процесс в рукопашном бое.

Для решения поставленной цели и сопутствующих ей задач было проведено исследование, в котором приняли участие военнослужащие срочной службы Военно-космических сил, в обязательную подготовку которых входит освоение элементов рукопашного боя [1, С. 5].

Были сформированы две учебно-тренировочные группы: контрольная (n=19) и экспериментальная (n=28). Тестирование испытуемых проводилось дважды – в начале и конце эксперимента, результаты обработаны методами математической статистики.

Для решения поставленных задач нами были использованы следующие методы исследования: анализ научно-методической литературы, педагогические наблюдения, изучение уровня сформированности специальных двигательных качеств и технических приемов, педагогический эксперимент, методы математической статистики.

Отметим, что изучение уровня сформированности специальных двигательных качеств и технических приемов проводилось с помощью тестовой программы, оценивающей показатели общей и специальной физической подготовленности и специализации, т.е. элементы техники.

На первом этапе было проведено сравнение полученных результатов в обеих группах испытуемых с нормативными показателями, определенными для данных видов испытаний. Результаты изложены в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнение исходных результатов военнослужащих с нормативными требованиями

Тестовые задания	КГ (n=9)	ЭГ (n=8)	норма
	X±m		
Специальная физическая подготовленность			
Бег 60 м, с	8,6±0,3	8,7±0,2	≤8,6
Челночный бег 10х10 м, с	32,5±0,9	32,3±0,8	≤26
Прыжок в длину с места, см	183,8±2,3	185,3±3,1	≤185
Бег 1000 м, мин, с	3,84±1,5	3,78±1,8	≤3,00
Подтягивание на перекладине, раз	11,9±0,5	12,2±0,6	≥13
Комплексно-спортивное упражнение (КСУ), раз	42,2±3,2	42,5±2,9	≥55
Специализация (элементы техники)			
Суммарное время 6 прямых ударов руками, с	6,8±0,8	7,0±0,7	≤4,6
Суммарное время 6 прямых ударов ногами, с	9,1±1,0	8,8±0,9	≤7,5
Суммарное время 6 «входов», с	8,6±0,8	8,7±0,7	≤7,5

Из таблицы 1 видно, при межгрупповом сравнении показателей специальной физической подготовленности исходные результаты в обеих группах практически однородны и достоверных статистических различий не выявлено ($p > 0,05$). Аналогичная картина наблюдается и по результатам выполнения технических элементов ($p > 0,05$).

При сравнении фоновых показателей специальной физической подготовленности с нормативными требованиями зарегистрированы неоднозначные результаты в обеих группах испытуемых. Так, в беге 60 м, челночном беге 10х10 м и прыжке в длину с места, оценивающими, соответственно, быстроту, скоростно-силовые способности и координированность начальные показатели соответствуют нормативным требованиям для данных видов испытаний. А в тестах на выносливость, силу и комплексному развитию физических качеств показаны результаты значительно ниже нормативных требований.

По результатам сдачи технических элементов все исходные значения также не соответствуют нормативам.

Для повышения эффективности освоения техники рукопашного боя была применена методика, основанная на применении в учебно-тренировочном процессе специализированных игровых комплексов, обеспечивающая преемственность задач, средств и методов специальной физической подготовленности.

Все игровые комплексы имели направленность на различные элементы технической, физической и психологической подготовленности в рукопашном бое и позволяли решать не только задачи обучения, но и воспитания волевых качеств и разнообразия специализированных двигательных действий.

В качестве учебных заданий использовались следующие специализированные игровые комплексы: комплекс игровых заданий по освоению противоборства в различных стойках; игры-задания по освоению захватов различной плотности и активности; игры по освоению блокирующих действий УПОР-УПОР; игры по освоению действий ЗАХВАТ-УПОР; игры по освоению блокирующих действий ЗАХВАТ-ЗАХВАТ; игры-задания по освоению умения теснений по площади поединка; игры-задания с необычным началом поединка (дебюты).

Для проверки влияния экспериментальных занятий на повышение эффективности тренировочного процесса после окончания педагогического эксперимента нами было проведено повторное тестирование, которое проводилось по той же тестовой программе, что и в начале (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели специальной физической и технической подготовленности испытуемых в динамике эксперимента

Показатели	Этапы экспер	контингент испытуемых		Р
		КГ (n=9)	ЭГ (n=8)	
		X ± m		
Бег 60 м, с	начало	8,6±0,3	8,7±0,2	>0,05
	конец	8,5±0,4	8,5±0,2	>0,05
	Р	>0,05	<0,05	
Челночный бег 10x10 м, с	начало	32,5±0,9	32,3±0,8	>0,05
	конец	29,7±0,5	28,9±0,6	>0,05
	Р	<0,05	<0,01	
Прыжок в длину с места, см	начало	183,8±2,3	185,3±3,1	>0,05
	конец	185,5±2,0	186,3±2,4	>0,05
	Р	>0,05	>0,05	
Бег 1000 м, мин, с	начало	3,84±1,5	3,78±1,8	>0,05
	конец	3,16±1,6	3,09±1,7	>0,05
	Р	>0,05	>0,05	
Подтягивание на перекладине, раз	начало	11,9±0,5	12,2±0,6	>0,05
	конец	13,1±0,4	13,9±0,4	>0,05
	Р	<0,05	<0,05	
Комплексно-спортивное упражнение (КСУ), раз	начало	42,2±3,2	42,5±2,9	>0,05
	конец	49,5±1,5	54,2±1,3	<0,05
	Р	<0,05	<0,01	
Специализация (элементы техники)				
Суммарное время 6 прямых ударов руками, с	начало	6,8±0,8	7,0±0,7	>0,05
	конец	6,0±0,4	5,2±0,2	<0,05
	Р	>0,05	<0,05	
Суммарное время 6 прямых ударов ногами, с	начало	9,1±1,0	8,8±0,9	>0,05
	конец	8,3±0,7	7,5±0,4	<0,05
	Р	>0,05	<0,05	
Суммарное время 6 «входов», с	начало	8,6±0,8	8,7±0,7	>0,05
	конец	8,2±0,6	7,3±0,1	<0,05
	Р	>0,05	<0,01	

Анализируя итоговые результаты можно констатировать, что по завершении экспериментального цикла количественные улучшения тестовых показателей произошли в обеих группах, но достоверные межгрупповые отличия получены только по показателям контрольно-спортивного упражнения (КСУ) в пользу опытной группы ($p<0,05$).

Гораздо более качественные итоговые изменения произошли внутри исследуемых групп. Так, в контрольной группе достоверно значимые отличия получены по результатам челночного бега 10x10 м, подтягивании на перекладине и КСУ ($p<0,05$).

В экспериментальной группе достоверно изменились показатели по всем тестам, кроме, оценивающих скоростно-силовые данные и выносливость ($p<0,01$; $0,05$).

В уровне освоения технических элементов итоговые межгрупповые и внутригрупповые достоверные различия выявлены по всем тестам в пользу экспериментальной группы ($p<0,05$).

Таким образом, на основании всех вышеприведенных данных, анализа исходных и конечных показателей можно констатировать, что именно в экспериментальной группе военнослужащих произошли наиболее значимые количественные и качественные изменения, большинство из которых имеют положительные достоверные отличия.

На наш взгляд, это убедительно доказывает эффективность предложенной экспериментальной методики, основанной на акцентированном внедрении в тренировочный процесс специализированных игровых комплексов.

Список литературы / References

1. Акопян А.О. Рукопашный бой. Примерная программа спортивной подготовки для ДЮСШ, СДЮШОР / А.О. Акопян – М.: Советский спорт, 2004. – С. 4-5.
2. Губа В.П. Основы спортивной подготовки: методы оценки и прогнозирования (морфобиомеханический подход): научно-метод. пособие / В.П. Губа – М.: Советский спорт, 2012 – С. 83-85.

3. Матвеев Л.П. Теория и методика физической культуры // Учебник для институтов физ.культуры / Л.П. Матвеев – М.: Физкультура и спорт, 1991 – С. 10-12.
4. Нормативно-правовое и программное обеспечение деятельности спортивных школ в Российской Федерации: методические рекомендации / под ред. И.И. Столова – 2-е изд., дополн. – М: Советский спорт, 2008 – 148 с.
5. Найденов М.И. Рукопашный бой. Организация и методика подготовки // Учеб. пособие для ПВ ФСБ России / М.И. Найденов – Г., ГВИ ПВ ФСБ РФ, 2003 – С. 99-100.
6. Озолин Н.Г. Настольная книга тренера: Наука побеждать / Н.Г. Озолин (Профессия - тренер) – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – С. 5-7.
7. Примерная программа спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ, специализированных детско-юношеских спортивных школ олимпийского резерва. – М: Советский спорт, 2009 – 116 с.
8. Рукопашный бой: учеб. для курсантов и слушателей / под ред. Ю.Т. Чихачева – Л., 1979 – С. 45-55.
9. Севастьянов Е.П. Рукопашный бой (история развития, техника и тактика) / Е.П. Севастьянов – М.: Дата Стром, 1991 – С. 32-33.
10. Супрунов Е.П. Специальная физическая подготовка в системе тренировки квалифицированных рукопашных бойцов: Автореф. дис. ...канд. пед. наук: 13.00.04 / Е.П. Супрунов – М., 1997 – 27 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Akopyan A.O. Rukopashniy boy. Primernaya programma sportivnoy podgotovki dlia DUSSH, SDUSHOR [Hand-to-hand fight. An approximate program of sports training for the Youth Athletic Center] / A.O. Akopyan - Moscow: Soviet Sport, 2004. - P. 4-5. [in Russian]
2. Guba V.P. Osnovy sportivnoy podgotovki: metody otsenki i prognozirovaniya (Morfobiomekhanicheskiy podkhod): nauchno-metod. posobiye [Fundamentals of sports training: methods of assessment and prediction (morphological and biomechanical approach): guidance manual] / V.P. Guba – Moscow: Soviet Sport, 2012 - P. 83-85. [in Russian]
3. Matveyev L.P. Teoriya i metodika fizicheskoy kultury [Theories and principles of physical culture] // Textbook for institutes of physical culture / L.P. Matveev - M.: Physical Culture and Sports, 1991 - P.10-12. [in Russian]
4. Normativno-pravovoye i programnoye obespecheniye deyatel'nosti sportivnykh shkol v Rossiyskoy Federatsii: metodicheskiye rekomendatsii [Regulatory and program support of sports schools in the Russian Federation: methodical recommendations] / ed. By I.I. Stolina – 2nd revised and corrected edition. - M: Soviet Sport, 2008 - 148 p. [in Russian]
5. Naydenov M.I. Rukopashniy boy. Organizatsiya i metodika podgotovki [Hand-to-hand fight. Organization and methods of training. Manual for the Federal Security Service of Russia] / M.I. Naidenov - G., GVI PV FSB RF, 2003 - P. 99-100. [in Russian]
6. Ozolin N.G. Nastolnaya kniga trenera: Nauka pobezhdat' (Proffesiya - trener) [Handbook of the coach: The science of victory] / N.G. Ozolin (Profession - coach) - M.: ООО "Astrel Publishing House", 2003. - P. 5-7. [in Russian]
7. Primernaya programma sportivnoy podgotovki dlia detsko-yunoshekikh sportivnykh shkol, spetsializirovannykh detsko-yunoshekikh sportivnykh shkol olimpiyskogo rezerva [The approximate program of sports training for children and youth sports schools, specialized children's and youth sports schools of the Olympic reserve.] - M: Soviet Sport, 2009 - 116 p. [in Russian]
8. Rukopashniy boy: ucheb. dlia kursantov i slushateley [Hand-to-hand fight: textbook. for cadets and listeners] / ed. By Yu.T. Chikhacheva - L., 1979 - P. 45-55. [in Russian]
9. Sevastianov E.P. Rukopashniy boy (istoriya razvitiya, tekhnika i taktika) [Hand-to-hand fight (history of development, technique and tactics)] / E.P. Sevastyanov - Moscow: Data Strom, 1991 - P. 32-33. [in Russian]
10. Suprunov E.P. Spetsialnaya fizicheskaya podgotovka v sisteme trenirovki kvalifitsirovannykh rukopashnykh boytsov [Special physical training in the system of training skilled hand-to-hand fighters]: abstract of a thesis of PhD in Pedagogy: 13.00.04 / E.P. Suprunov - M., 1997 - 27 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.052>

Еремина Н.А.

ORCID: 0000-0001-7524-5393, Член Союза дизайнеров России,

Институт пищевых технологий и дизайна (филиал) ГБОУ ВО НГИЭУ

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОДГОТОВКИ ДИЗАЙНЕРА ОДЕЖДЫ ПО ПРОГРАММЕ ПРИКЛАДНОГО БАКАЛАВРИАТА**Аннотация**

В статье актуализирована необходимость оптимизации принципа разработки индивидуальных образовательных программ для профессиональной подготовки бакалавров моды. Аргументирована рациональность организации проектной деятельности дизайнеров в системе коллективного проектного творчества. В своих доводах автор опирается на успешно применяемую в образовательном процессе бакалавров дизайна дидактическую программу разработки коллективного комплексного творческого проекта, детерминирующую принципы системной проектной творческой работы и обеспечивающую компетентностную подготовку по программе прикладного бакалавриата.

Ключевые слова: дизайнер одежды, метапредметность, индивидуальные программы, проектное творчество, проектное решение, проектная деятельность.

Yeremina N.A.

ORCID: 0000-0001-7524-5393, Member of the Union of Designers of Russia, State-Funded Educational Institution, Institute of Food Technologies and Design (Branch)

RATIONALIZATION OF PROJECT ACTIVITY UNDER THE CONDITIONS OF THE FASHION DESIGNER PREPARATION WITHIN THE COURSE OF APPLIED BACHELOR'S PROGRAM**Abstract**

The article actualizes the necessity to optimize the development of individual educational programs for the professional training of bachelors studying fashion design. The rationality of the project activity of fashion designers in the system of team project creativity is explained. The author bases her arguments on the didactical program of developing a team creative project, which is successfully used in the educational process of bachelors of fashion design, which determines the principles of systemic project work and provides competence training in the applied bachelor's program.

Keywords: fashion designer, meta-disciplinarity, individual programs, project creativity, project design, project activities.

Модернизация современной образовательной системы в России направлена, в том числе, на формирование компетентностей инновационного поведения будущих специалистов.

Для дизайнеров одежды инновационное поведение проявится в участии в решении комплексных задач не только творческого, но и технического направления. Профессиональный кругозор специалиста будет коррелироваться с пониманием проблем геополитического характера: стремительное развитие компьютерных технологий и роботизации, экологическая угроза, перенаселённость, увеличение количества людей с ограниченными возможностями и проч. Подготовленность специалиста к осмыслению и реализации проблемных задач художественного и инженерно-технического содержания в профессиональном сообществе становится индикатором качества сформированности компетенций дизайнера одежды.

Стандарт образования выделяет предметные, личностные и метапредметные компетенции как основные образовательные результаты. Формирование обозначенных компетенций предлагается осуществлять в условиях «эффективного взаимодействия организаций высшего профессионального образования и работодателей» на основе «сближения программ профессионального образования с реальными потребностями работодателей» [1], [2] в процессе разработки и реализации гибких индивидуальных образовательных программ.

Обучение по индивидуальным программам в группе дизайнеров одежды затруднительно как по причине специфики прикладной деятельности различного проектного направления, так и в силу потери мотивации к социализации и профессиональной коммуникации. Однако индивидуальные траектории могут быть учтены в планировании коллективного проектного творчества. Эта форма организации обучающего процесса дизайн-образования становится наиболее оптимальной для реагирования на вызовы образовательного стандарта и Программы развития образования РФ.

Идея коллективного проектного творчества, т.н. «мастерских», как обучающей методики, в нашей стране была успешно внедрена в новаторском учебном заведении первой половины XX века ВХУТЕМАСе (высшие художественно-технические мастерские), позже реорганизованном во ВХУТЕИН (высший художественно-технический институт) [3]. И хотя статус обучения соответствовал высшей школе, всё-таки основной упор в профессиональной подготовке художников для промышленности делался именно на практические навыки. Организация практической подготовки промышленных художников, принятая во ВХУТЕМАСе, предполагала освоение общих художественных дисциплин как пропедевтических на первых курсах и проектную деятельность, в том числе коллективную, по разработке реальных производственных продуктов по техническому заданию, на старших. Программы факультетов ВХУТЕМАСа составлялись совместно с представителями различных предприятий и отраслей промышленности и хозяйства [4]. Подобный синтез художественно-композиционных и проектных задач позволял добиваться успехов в обучении промышленных художников, в равной степени владеющих и художественно-творческими навыками, и опытом реализации замыслов в условиях производственного цикла.

Идея формирования дизайнерского мышления у промышленного художника в процессе решения реальных или приближенных к ним проектных задач актуальна в современном профессиональном образовании. Предлагаемая сегодня концепция прикладного бакалавриата устанавливает лидерство практики среди прочих обучающих курсов. В основе данной формы образования – программы, ориентированные на овладение практическими навыками работы на производстве, в сочетании с программами высшего образования, ориентированными на получение серьёзной

теоретической научной подготовки [5]. Целевое обучение по форме прикладного бакалавриата направлено на развитие и приращение компетенций и навыков, которые установлены стандартом профессии и скорректированы по запросу предприятия-заказчика будущего специалиста.

Эффективным ресурсом для качественной реализации задач компетентностного обучения дизайнера является системная проектная творческая работа [6]. Приобщение студентов к художественно-проектному творчеству должно осуществляться в индустриальном кластере, например, инновационном учебном предприятии. В формате подобной структуры наилучшим образом реализуются понятия специализации деятельности, осмысливается значимость каждого участника проекта, становятся понятными мотивации персональной результативности. Дидактическая структура содержания проектной практики на инновационном учебном предприятии должна логично приближаться к специфике и ритму производственного задания, а её эффективность обеспечиваться актуальными образовательными технологиями, например, метапредметной методикой и методикой проектов [7].

Один из базовых компетентностных навыков дизайнера костюма – навык проектного творчества – может формироваться лишь в приоритете коллективной профессиональной практической деятельности [8]. В связи с чем формой системной проектной творческой работы оптимально выбрать коллективный дизайн-проект. Компоненты проекта могут выглядеть следующим образом:

- создание творческой группы; выбор лидера проекта,
- осмысление цели и задачи проекта,
- освоение предпроектного анализа, сбор материалов для индивидуальной творческой работы,
- формирование индивидуальных предложений художественно-конструктивного решения моделей,
- обсуждение моделей, выбор наилучших решений под руководством лидера проекта,
- определение заданий по разработке моделей для каждого участника проектной группы,
- освоение задания участниками группы,
- аттестация результата деятельности – моделей одежды – членами проектной группы и далее экспертным советом; корректировка результата деятельности.

Дизайн-проект в метапредметной методике реализуется «пошагово». Практика проекта апеллирует к исследовательским учебным действиям, включая навыки работы с информацией на этапе формирования художественной и инженерной концепции и в ходе проектных мероприятий (извлекать информацию из различных источников, в том числе в личных контактах, систематизировать, анализировать, представлять различными способами), и к профессиональным коммуникациям с экспертами по вопросам дизайн-маркетинга и дизайн-проектирования [9]. Аналитическая работа с информацией позволяет, двигаясь по этапам проекта, критически оценивать и своевременно корректировать результат, определять направление его оптимизации. Навык исследования с последующим обоснованным проектным предложением является показательным в системе метапредметных результатов.

Техническое задание на проект формулируется на основе актуальных запросов образовательного процесса или конкретного потребителя: подготовка к специальным конкурсам дизайна, выставочная деятельность, работа с предприятиями сервиса и прочее. Чёткая постановка цели оптимизирует процесс разработки дизайн-проекта. Понятное целеполагание позволяет дизайнеру свободно лавировать в творческом пространстве, продуцируя адекватные предложения и отбирая наилучшие решения. Существующая проблема обширного творческого предложения, из которого выбраковывается значительная часть идей в силу неточности трактования проектного задания, исключается или минимизируется.

Умение понимать цель проекта и его смыслы – важный навык специалиста. Обучение пониманию вербальной структуры проектного задания и умению интерполировать её в выразительные и целесообразные базовые формы через проблемно-целевые упражнения обязательно при подготовке дизайнеров одежды [10]. Преподавателю необходимо обращать внимание на конкретность формулировок, приближенных к содержанию технического задания на производстве, например: «Разработать эскизную серию курток для мальчиков, сезон весна-осень, из флиса, установленного размера; тренд «Экологичность». Если упражнения направлены на концептуальное проектирование, то необходимо указать источник творчества, по которому предлагается разработка, например: «Предложить линейку моделей-аналогов мужских повседневных костюмов под девизом «Чёрная бумага, белые ножницы». В ходе диалога со студентами проговаривается мотивация образостроения: для кого?, зачем?, из чего?, для чего?, как? Это необходимо для лучшего осмысления реализации проектных условий, т.к. дизайн-проектирование ориентировано в первую очередь на промышленные образцы и тираж и требует осмысления корреляции индивидуального художественного опыта под условия маркетинговых задач.

Поиск проектных решений осуществляется в индивидуальной, коллективной и групповой деятельности, которая поддерживается не только системной проверкой и оцениванием педагогом-специалистом всех видов работ обучающихся, но и сопровождается самопроверкой и взаимопроверкой с последующим анализом в творческой группе. При этом в коллективном учебном дизайн-проекте могут отрабатываться навыки дизайн-менеджмента, когда проектным вектором становятся критерии эстетического соответствия, принятые в локальной группе (учебной или учебного подразделения) или профессиональном сообществе [10].

Этапность коллективного проекта может соответствовать структуре деятельности на базовом предприятии или устанавливаться по алгоритму разработки авторской коллекции, выведенному в 60-х гг. прошлого века К. Диором: от формулировки творческих концептов через проектное эскизирование и макетирование к созданию прототипа.

В дидактической основе подготовки бакалавров на факультете технологии и дизайна Нижегородского государственного инженерно-экономического университета заложен стандарт типового швейного предприятия по изготовлению изделий женской демисезонной одежды. Методика разработки художественного проекта и его оценки конъюнктурным советом, принятая на предприятии, детерминирована в структуру коллективной проектной деятельности по ходу учебных практик.

Рассмотрим на примере реализацию проектного творческого задания на учебной практике студентов 1-го года обучения.

Задачей первой учебной практики была разработка авторского комплекта в технике пэчворк. Работа выполнялась в творческих группах из 2-3-х обучающихся.

Проектная деятельность осуществлялась последовательно:

1. Выбор темы. Определялся назначением проекта: для участия в выставке декоративного творчества, и условиями технического задания: предложение разработки декоративной отделки деталей жилета и поясного изделия в технологии лоскутной пластики. Творческим источником выбрано время года лето.

2. Определение проектной формы моделей коллекции. Участники проекта обозначили и обсудили проектный ассортимент: комплект из рубашки и брюк и комплект из жилета и юбки.

3. Работа с источниками информации по направлению опыта разработки летних комплектов и декоративных решений текстильных изделий в технике лоскутной пластики.

4. Ознакомление с образцами коммерческих коллекций в специализированных магазинах молодежной одежды. Беседа с менеджерами по вопросам актуальности декоративных отделок для коммерческих коллекций текущего сезона.

5. Эскизная разработка проектной формы. Обсуждение эскизов в группе. Определение участков декоративной отделки моделей для получения художественного единства комплектов в формате мини-коллекции.

6. Выбор материалов. Знакомство с предлагаемым ассортиментом. Обсуждение целесообразности выбора ассортимента основного материала из тканей-компаньонов для мини-коллекции на тему «Лето». Обсуждение целесообразности выбора основных материалов для проектной формы. Решение творческой задачи составления колорита мозаичных пятен: индивидуальный выбор материалов для отделочных деталей по принципу родственного контраста.

7. Разработка декоративной структуры костюма. На основе выбранной темы и с учётом конфекции каждым выполнены эскизы сюжета мозаичной лоскутной композиции для отделки структуры костюма. Эскизы отобраны по результату обсуждения. Разработана форма лоскутной отделки по отобранным эскизам.

8. Инженерная разработка моделей. Осуществлялась строго по нормативным документам. Согласование проводилось под руководством дизайнера-специалиста.

9. Аттестация этапов проекта и результата проекта. Проводилась по ходу примерок и просмотров моделей руководителем проекта – дизайнером-специалистом и членами экспертной группы. Корректировки в проект вносились в рабочем порядке. В ходе аттестации учитывалось мнение участников проектной группы.

10. Выбор типажа манекенщицы, подготовка коллекции к экспонированию. Подобраны манекенщицы, типаж которых наилучше подходит для поддержания авторского замысла. Подобрано музыкальное сопровождение показа. Составлена схема демонстрации.

11. Экспертиза результата проекта в профессиональном сообществе. Фотосессия моделей размещена для оценки в социальных сетях и представлена конъюнктурному совету фабрики одежды «Заря моды» (г. Нижний Новгород). Работа в целом получила положительную оценку. Проектантами приняты к сведению профессиональные замечания.

В ходе рефлексии по окончании первого коллективного дизайн-проекта обучающиеся обозначили ряд проблем, с которыми они столкнулись в процессе работы:

- Обеспечение качественной посадки плечевого изделия на нестандартную фигуру. Приобретённый опыт: обоснованность работы с макетом для поиска оптимального решения формы изделия;

- Наличие навыка сборки лоскутной текстильной мозаики. Приобретённый опыт: использование специальных шаблонов и точное соблюдение технологии работы «пэчворк»;

- Умение аргументировано доказывать личную точку зрения и находить компромиссные решения в направлении единой проектной и эстетической задачи. Приобретённый опыт: формирование конструктивного диалога в процессе решения единых творческих задач;

- Соблюдение сроков выполнения этапа работы. Приобретённый опыт: планирование индивидуальной и коллективной деятельности в соответствии с этапами проекта; рациональная организация рабочего времени;

- Осмысление специфики профессиональной деятельности дизайнера одежды. Приобретённый опыт: углубление представления о видах деятельности в профессиональной практике специалиста-дизайнера одежды.

Несмотря на методическую определённую проблемных ситуаций, все они относятся к категории скрытых, латентных, т.к. проявляются и обостряются только в ходе практической деятельности и специальной коммуникации. Коллективная проектная работа позволяет вовремя выявить дефициты профессионального развития обучающегося и правильно скорректировать образовательные смыслы и акценты для успешного формирования профессиональных компетенций [11].

Проектная учебная работа, спланированная в структуре инновационного предприятия и поддержанная перспективными методиками, позволяет ориентировать результат образования на развитие способностей обучающегося. Творческая проектная работа по созданию коллекций – это самостоятельный труд студента, где он проявляет индивидуальные и профессиональные качества, формирует художественную волю. Обучающийся на личном опыте постигает типовые производственные проблемные ситуации, специфика решения которых доказательная лишь в реальной практической деятельности. Система коллективных проектов позволяет качественно решать проблему формирования профессионального мышления дизайнера и рационально использовать время, отведённое на обучение.

Список литературы / References

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы
2. Методические рекомендации по актуализации действующих федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования с учетом принимаемых профессиональных стандартов: Утверждены министром

образования и науки РФ Д.В. Ливановым 22 января 2015 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации – URL: <http://docs.cntd.ru/document/420264612> (дата обращения: 21.08.2017)

3. Глазычев В. Л. Дизайн как он есть. – М.: «Европа», 2006. – 320 с.

4. Хан-Магомедов С.О. Пионеры советского дизайна. – М: Галарт, 1995

5. Прикладной бакалавриат: самое практичное образование [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» // Научно-образовательный портал IQ – URL: <https://iq.hse.ru/news/177672379.html> (дата обращения: 15.08.2017)

6. Шверова К.И. Концепция и методы проектирования в дизайне одежды [Электронный ресурс] – URL: http://www.taby27.ru/studentam_aspirantam/philos_design/referaty_philos_design/raboty-po-naibolee-redkim-i-interesnym-temam/kontseptsiya-proektirovanie-dizajn.html (дата обращения: 17.08.2017)

7. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Э. Ф. Зеер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008

8. Колдина М.И. Формирование научно-исследовательских умений будущих бакалавров профессионального обучения [Электронный ресурс] // Современная педагогика. 2014. № 6. – URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2014/06/2403> (дата обращения: 23.08.2017)

9. Сластенин В. А., Руденко Н. Г. О современных подходах к подготовке педагога // Педагогика. 1999. № 6. С. 55–62.

10. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности // Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2011. – 448 с.

11. Мантулин А.Е. Формирование самостоятельной научной и творческой деятельности будущих дизайнеров квалификации «бакалавр» в учебном процессе вуза автореф. дис. ...канд. пед. наук [Электронный ресурс]. – Орел, 2013. – 23 с. Библиотека авторефератов и диссертаций по педагогике – URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-formirovanie-samostoyatelnoy-nauchnoy-i-tvorcheskoy-deyatelnosti-buduschih-dizaynerov-kvalifikatsii-bakalavr-v-uchebnom-p#ixzz4qTb3INQx> (дата обращения: 21.08.2017)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovaniya» na 2013-2020 gody [State program of the Russian Federation "Development of education" for 2013-2020] [in Russian]

2. Metodicheskie rekomendacii po aktualizacii dejstvuyushchih federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov vysshego obrazovaniya s uchetom prinimaemyh professional'nyh standartov: Uтверждены министром образования и науки РФ Д.В. Ливановым 22 января 2015 г. [Methodical recommendations on updating existing Federal state educational standards of higher education with regard to accepted professional standards: Approved by the Minister of education and science of the Russian Federation D. V. Livanov January 22, 2015] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Electronic Fund of legal and normative-technical documentation] – URL: <http://docs.cntd.ru/document/420264612> (accessed: 21.08.2017) [in Russian]

3. Glazychev V. L. Dizajn kak on est' [The design as it is]. – М.: «Европа», 2006. – 320 p. [in Russian]

4. Han-Magomedov S.O. Pionery sovetskogo dizajna [Pioneers of Soviet design]. – М: Galart, 1995 [in Russian]

5. Prikladnoj bakalavriat: samoe praktichnoe obrazovanie [The applied baccalaureate: the most practical education] // Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ehkonomiki» [National research University "Higher school of Economics"] // Nauchno-obrazovatel'nyj portal IQ [Scientific and educational portal IQ] – URL: <https://iq.hse.ru/news/177672379.html> (accessed: 15.08.2017) [in Russian]

6. Shverova K.I. Konceptiya i metody proektirovaniya v dizajne odezhdyy [Concept and design methods in fashion design] – URL: http://www.taby27.ru/studentam_aspirantam/philos_design/referaty_philos_design/raboty-po-naibolee-redkim-i-interesnym-temam/kontseptsiya-proektirovanie-dizajn.html (accessed: 17.08.2017) [in Russian]

7. Zeer E.H.F. Psihologiya professional'nogo obrazovaniya: uchebnik dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Psychology of vocational education: textbook for students of higher educational institutions] / E.H. F. Zeer. – М.: Izdatel'skij tsentr «Akademiya», 2008 [in Russian]

8. Koldina M.I. Formirovanie nauchno-issledovatel'skih umenij budushchih bakalavrov professional'nogo obucheniya [Formation of scientific and research skills of future bachelors of vocational training] // Sovremennaya pedagogika [Modern pedagogy]. 2014. № 6. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2014/06/2403> (accessed: 23.08.2017) [in Russian]

9. Slastenin V. A., Rudenko N. G. O sovremennyh podhodah k podgotovke pedagoga [About modern approaches to teacher training] // Pedagogika [Pedagogy]. 1999. № 6. P. 55–62. [in Russian]

10. Il'in E. P. Psihologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti [The psychology of creation, creativity, talent] // E. P. Il'in. – СПб.: Питер, 2011. – P. 448. [in Russian]

11. Mantulin A.E. Formirovanie samostoyatel'noj nauchnoj i tvorcheskoy deyatel'nosti budushchih dizajnerov kvalifikacii «bakalavr» v uchebnom processe vuza avtoref. dis. ...kand. ped. nauk. [Formation of independent scientific and creative activity of future designers of qualification "bachelor" in the educational process of the university of the author's abstract. dis. ... of PhD in Pedagogics] – Орел, 2013. – P. 23 Библиотека авторефератов и диссертаций по педагогике [Library of author's abstracts and dissertations on pedagogy] – URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-formirovanie-samostoyatelnoy-nauchnoy-i-tvorcheskoy-deyatelnosti-buduschih-dizaynerov-kvalifikatsii-bakalavr-v-uchebnom-p#ixzz4qTb3INQx> (accessed: 21.08.2017) [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.006>Иванова Д.Н.¹, Донченко Е.Н.²¹ORCID:0000-0003-3824-7300, кандидат социологических наук, доцент,²доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов ЮФУ

Южный федеральный университет

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)**Аннотация**

Цель настоящей статьи – осветить ряд проблем и преобразований в области преподавания иностранных языков в вузе, которые характерны для России сегодня. Также в ней изложены принципы преподавания языка с учетом культурной специфики. Те виды учебной деятельности, которые описываются в статье, могут реализовываться на практике через преподавателя, а также через самих студентов, которые в сегодняшние дни воспринимаются как субъекты учебного процесса. В Южном федеральном университете, который находится в фокусе внимания авторов, организация самостоятельной работы студентов является одним из приоритетных направлений. Методы и приемы работы, рассмотренные в статье, могут помочь формировать положительную мотивацию к изучению иностранного языка. Многие из них были разработаны и апробированы именно в Южном федеральном университете. Сочетание традиционных методов преподавания языка с новейшими технологиями, по мнению авторов, составляет суть языкового образования в вузе.

Ключевые слова: методы изучения языка, продуктивные умения, рецептивные навыки, самостоятельное обучение, исследование языка.

Ivanova D.N.¹, Donchenko E.N.²¹ORCID: 0000-0003-3824-7300 PhD, Associate Professor,²Associate Professor of the English Department of Humanities, SFU**LANGUAGE TEACHING IN RUSSIA (THE CASE OF SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY)****Abstract**

The purpose of the paper is to reveal a number of challenges and changes which language teaching and learning in the Russian Federation undergo these days. It also deals with some culturally specific techniques. The activities described in the paper demonstrate both the teacher-led introduction of a new language, and material designed to enable students to work things out for themselves. In the university which is the focus of the authors' attention one of the main goals is the training of autonomous learners. Such learners can benefit from these techniques so that the longer-term aim of improving productive and receptive skills can be achieved. The techniques have been introduced and approved in the English course at Southern Federal University. One of the major challenges of the professors of any Russian university today, from the authors' perspective, is combination of the best of traditional approaches with the latest developments in language teaching methodology.

Keywords: language study techniques, productive skills, receptive skills, autonomous learner, language research.

Roger Dale wrote: “National education systems are the major means by which societies seek to define, replicate, celebrate and ensure their national distinctiveness” [1, P. 295] Beyond this, there is an ever-growing awareness that both language teaching and language learning are culturally-specific. As a matter of fact it is hardly surprising because most English teaching everywhere in the world is not carried out by people whose native language is English. And foreign language teaching methods must fit with the local educational culture. Our goal here is to present some language teaching experiences which have been tested and approved in the English course at Southern Federal University, relying on the work of many other professors from universities of Russia. We also intend to focus on the best of traditional approaches and the latest developments in language education applied in our country.

One of the biggest challenges for classical university education is the Internet and communication technologies. They have evolved so far that some nations have almost wiped up their public education systems. This global trend stimulates us to develop a range of various techniques for self-study. This point is quite obvious for all national educational systems, and we do not want to focus on this issue. What we would like to highlight is that a good teacher should be flexible, as we always deal with changes and challenges in our profession. There have always been new areas of research and innovation, apart from the growth in computer use in teaching and learning. This paper is aimed at introducing some popular techniques from current teaching experience.

Higher education in the Russian Federation is in a constant state of flux, with new standards and requirements, new theories and practices which erupt on almost daily basis. As professors of higher school we are often challenged by new regulations which question our long-held beliefs. Despite the fact that some approaches and techniques in teaching foreign languages in university persist through time, the main fact about higher education in Russia in general and language education in particular is the creativity of all kinds of specialists involved in higher education. We have to work as materials designers, controllers, assessors, observers and performers. But this is as it should be, because when it comes to our profession, the more we can offer to our students, the better.

As we noted above, English teaching methodology is culturally-specific. Traditionally, in Russian educational environment there has been much discussion about accuracy versus fluency. We must admit that in the Soviet time accuracy prevailed. Students, who studied English at that time, were obliged to do it, some of them saw learning English as “an unpleasant but sadly necessary occupation” [2, P. 220]. But now attitudes to language study both in and outside the university have been modified, with serious attempts to focus on fluency as well. There are a few techniques we effectively use to teach both accuracy and fluency. In other words, we use them to ensure that students not only understand the meaning of a language form and how it works in texts and exchanges, but are also clear about its construction.

We also work with a diverse population of students coming from various cultural backgrounds and with almost all possible levels of English ranging from *elementary* to *advanced*.

As we noted above, in our university we deal with students with different degrees of linguistic ability in English. In addition to that, students in Southern Federal University like anywhere else learn at different speeds and in different ways. These two facts taken together can explain why the classes we normally give in our university can be described as “mixed ability”. As a consequence it is impossible to know exactly what language structures to teach and whether they are new or not for the students in the class. Despite the fact that all our students have experienced the language before in secondary schools, it is very seldom the case that they all are good at using it. As we cannot be sure whether or not our students know the language, and the very first thing to do when they come to university is to find this information out. In order to make the right decision students are asked to do various tests at different stages of their education.

Basically we use in our language teaching practice two categories of such tests:

Placement test: we offer it to place new students in the right class when they start their university education. It is based on syllabuses the students will follow in the next two years. Our main purpose is to test grammar and vocabulary. We also decide on the level of the students and tell them this information. As a matter of fact we do not design the tests and deal with international tests that imported directly from British English teaching.

Progress test: these tests are used to measure students’ skill progress in relation to the syllabus and materials they have been following. As our university course is split into modules and semesters, the students are faced with a progress test at the end of each module. To fit our university educational tradition, we decided to split the English course into two modules per semester in different faculties. So it means that the students are tested two times per semester. We have to design this kind of tests ourselves for a number of reasons. Firstly, almost all learning materials are available on the Internet today. As most of our students are not interested in getting the real picture of their language and skill progress, but the professors are, we know full well, our students can easily get these tests done. Secondly, most of the materials we use do not contain any test files.

As a matter of fact, we are also constantly challenged by new regulations and administrative rules worked out by our government and our university administration. In the last few years we have had a students’ activity week in the education process in the middle of semester. This innovation implies that during this week students do not take regular classes and lectures, but participate in various activities designed to assess students’ progress and gain some practical experience.

One of the traditional things about those who teach anything is that they are ideally placed to give accurate assessment of students’ performance. But our long-lasting teaching experiences tell us that students can also be extremely effective at monitoring and judging language production. So, we decided to arrange a specific assessment activity within this students’ week. As a part of this activity students themselves perform as teachers. There is no denying that this approach implies a radical shift from a traditional teacher’s role as a controller. Involving students in assessment of their peers sounds as some kind of a revolutionary idea. It was more informal and brand new for both professors and students. In many ways, that attempt was a risky one. But it went off without a hitch. It was so thanks largely to the students themselves both assessors and those who were assessed. As for the professors there was no difficulty in arranging this event during the students’ activity week. But there were some obvious difficulties in designing language materials aimed at assessing students’ progress. Now we want to describe what we did to arrange the activity and how we did it.

The very best thing about this event is that only those students who wished and were able to assess their peers were involved as controllers or assessors. To perform these roles they had to take and pass some preliminary tests and trials and show their high level of the language to the teachers who worked with them. Of course all the students knew what language would be assessed. We chose vocabulary (a corpus of about 100 words made up of the texts they had studied), speaking (prepared answers to about 50 questions related to the content of the texts studied in the classroom and at home), and grammar (Verb Tenses; Participles). We included only these item types the students were familiar with. Armed with that knowledge almost all the students could undergo the test. During the test the professors were performing as monitors and could also add their own assessment of the students’ progress (one point only). Students performing as assessors were also given qualimetric indicators to guide them in making their own judgments. We also asked them to give their peers points (max – 9, 3 for each one). At the end of the activity we asked them what they thought about it and asked all the assessors to write their comments describing their experience of performing this role.

In the light of this event it is obvious that the professors were supposed to provide a rich diet of learning experiences to prepare the students for the test. They had to work with some students individually (mostly with potential assessors).

When students come to university, it is very important to introduce some kind of code of conduct for both professors and new students. This code, in our opinion, must be based on our mutual expectations. As we perceive learning and teaching as some kind of contract between two parties, we do believe that as in any contract two parties need to agree the terms. There is no denying professors need to understand their students’ wants and expectations.

There are a number of productive actions that our professors use to explain clearly what is expected from our students. No one is in any doubt that those who teach expect their students to arrive on time with their assignments done. We also expect our students to stay engaged and turn in their assignments on time. We think that these instructions must be given in English. Students should be aware of when English is essential. This approach can help create an English atmosphere, making English the classroom language as well as the language to be learned.

As for students, they also have their expectations and we are ready to meet them. During the first class any professor teaching in Southern Federal University is expected to introduce their course syllabus. It implies that students should be aware of the course objectives, assignment description, due dates, and grading policy. It is vital to inform students about all these issues, because as C. Kyriacou puts it “the establishing code of conduct refers to pre-empting misbehavior” [3, P.17].

We should also remember that our success depends on the guidelines that were set, the agreement we made with our students during our first contacts. We should not forget about the friendly encouragement and persuasion we are supposed to use while all these instructions are being given.

All these study techniques tend to follow the PPP (Presentation, Practice, and Production) model. Yet, we have discovered that they can be entirely inappropriate for certain types of students and with certain areas of language. One approach used by those who work with students of intermediate level is to study language in a variety of ways, then explore a topic, and then use what they have learned to perform a task. While students perform a task the teacher monitors from a distance. The students also plan how they will tell the rest of the class what they did, and how it went. Anyway, we cannot always be acting as a controller if we want students to “manipulate, comprehend and interact” with a task.

Alternatively, the study of language forms and their meaning might happen during a task-based sequence. We may have our students study vocabulary to describe the weather in the middle of a sequence of holiday planning. Or we might focus on one or two past tenses forms in the middle of an extended narrative-writing task. Students can research language as part of a task as well.

Sometimes we study forms after the students have performed the task. This is likely to happen as a form of language repair when the task has shown up language problems. Studying language after the task has been completed is a feature of the Task-based model we have described above.

However, even when we have not planned to include language study in a particular lesson sequence we sometimes find opportunities presenting themselves which we find impossible to ignore, and, as a result, we get students to focus on language items which we have not anticipated including. Such “opportunistic” study may happen because students want to understand why some language is constructed; it might suddenly become aware of the chance to offer students some language which they are not able to use but which will raise the level at which they are performing the task.

We are often faced to make decisions when and how to get students to study language form and use it on the basis of the syllabus and the course book. However, many of the sequences offered to us may not suit our cultural and university traditions, and may thus need adjusting or replacing in some way. That is why we do try out new activities. One of the basic principles we bear in mind while doing this is to avoid doing the same kind of activities again and again. We offer a rich diet of exercises when studying language forms to motivate our students and adjust to different learning styles. One more important decision to make is to assess how effective this activity will be if we take it into class. We are obliged to take this fact into consideration as we have one or two classes of English per week on average. Under these conditions we must justify the time we need to spend on the activity we want to use both before and during the class.

In order to make the right decision most of our teachers follow the recommendation of Scott Thornbury. He suggests measuring the activities according to “efficiency” and “appropriacy” factors. The first category implies working out the economy and ease of the activity. In the terms of appropriacy we need to make a judgment if this activity is suitable for the particular group of students [4, P. 25]. As the authors of this text, we frequently use “Natural Grammar” by Scott Thornbury to follow these two principles. The book is organized around one hundred of the most common words in English. The common grammar of each word is displayed in the form of patterns. Surprisingly, these one hundred words cover all the most important grammar structures in English [5, P.1].

As for the techniques which persist through time and which we have promised to reveal above, we still use much teacher-led introduction of new language. These techniques are more popular with the professors who deal with students with elementary level or false-beginners. There are at least potential problems with this approach. First, it is not always easy to give a complete grammatical picture. Second, it is not necessarily the case that all the students grasp the grammar at the same speed. Once the professor has checked that the students have understood the grammar, the students may be asked to discover this grammar with any reading text, or get them to make sentences of their own.

However good a professor is, students will never learn a foreign language unless they learn it outside as well as during class time. It is because language is too complex and there will never be enough time for students what they need to in a classroom. In our university students have only three academic hours of English a week, with one academic hour amounting to 45 minutes. As D. Nunan assumes, and we agree, not everything can be taught in class [6, P. 3], but even if it could be a teacher will not always be around if and when students wish to use the language in the real life [7, P.220].

To compensate for the limits of classroom time, students need to develop their own study techniques to become autonomous learners. In our country this does not happen automatically. Traditional attitudes to self-directed learning were not very good and teacher-centered approach prevailed. Now the attitudes have changed, but professors sometimes encounter both active and passive resistance of students when they try to impose self-directed learning.

So our main challenge today is to counter the passivity which we regard as an enemy of true learning. And although autonomy of action is welcomed in the educational culture of our university today, there are still not so many facilities to encourage our students to become autonomous learners. What we would like to highlight is that students are more enthusiastic about self-learning when they get older. But foreign language is a core subject in our university only during the first three years. So we feel that it is necessary to inspire students to continue learning on their own after the course. In this context we agree with S. Cotterall who sees our main goal in helping students to get interested in the language and become autonomous learners both during the language course at the university and then for continuing learning when this course has finished [8, P.223].

So far we have developed a rich diet of activities promoting autonomous learning.

At the very beginning of the English course we encourage students to reflect on the way they learn, give them techniques for dealing with different activities and problems. We attract students’ attention to the fact that study techniques in university are mostly different from those they used at school. They need either to develop their school techniques further or work out new ones which are best for their situation.

Reflection helps students think about their own strategies and weaknesses with a view to making a plan for a future action. For example, we might ask students to complete a questionnaire in which they profile their feeling about various aspects of language. For this purpose we apply questions developed by A Fortune [9, P.168]. Then we might probe the students’ self-analysis in more detail, discussing with them issues such as why, say, writing is difficult and what techniques they can apply to deal with it. All these activities should not go unnoticed for students. So they might be enhanced by frequent discussion of the

learning experience. They may be encouraged to evaluate their own progress by answering questions about how well they think they have learned the material in the last few classes. At some stage, however, students can find themselves studying on their own. We would agree with J. Carroll and S. Sapon, who in the 1950s, noted that it must be regarded as our main objective [10, P. 45]. We need, therefore, to give them help and advice about how to continue with their learning when they have stopped attending our course. There is also a good time to remind ourselves that "it is no more than common sense for those who have invested a childhood, or adult time and money, in successfully acquiring the English language to maintain an active interest in the language progress" [11, P. 296].

The safest conclusion to draw from what we have written above is that all professors, who teach a foreign language in higher school, should be armed with different methods and techniques, as it is hard to say which one is best and/or most appropriate for our teaching environment. As in our higher education professors and students come from the same cultural background to greater or lesser degree, we know which methods and techniques will be the best for the classes we teach. Some of them are language-specific. But there are also universal techniques which can be used for teaching any subject. There is one more thing which bridges the gap between language teaching techniques and other learning and teaching techniques. Tertiary school today implies active students' involvement in educational process at all stages. So our main conclusion is that all this amounts to a pragmatic eclecticism where decisions about what and how to teach are based, essentially, on what seems to work. However, pragmatic eclecticism does not mean that "anything goes". On the contrary, students have a right to expect that they are asked to do things for a reason, and those who teach, in their turn, have some aim in minds which they can articulate clearly.

Список литературы/ References

1. Dale R. Educating / edited by Matthewman S., West-Newman & Curtis B. // Being sociological. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 464 p.
2. Banler R. & Grindler J. Frogs into Princess/ R. Banler, J. Grindler. - Lafayette, California: Real People Press, 1979. – 168 p.
3. Kyriacou C. Effective teaching in schools Simon and Schuster Education/ C. Kyriacou. – London : Stanley Thornes Ltd, 1992. – 176 p.
4. Thornbury S. How to Teach Grammar/ S. Thornbury. – London : Pearson Education Ltd, 1999. - 189 p.
5. Thornbury S. 2004. Natural Grammar/ S. Thornbury – Oxford : Oxford University Press , 2004. - 220 p.
6. Nunan D. Designing Tasks for the Communicative Classroom / D. Nunan. – USA : Cambridge University Press, 1989. 222 p.
7. Nunan D. Syllabus Design/ D. Nunan. - Oxford : Oxford University Press, 1988. 169 p.
8. Cotterall S. Developing a course strategy for learner autonomy / S. Cotterall // ELT Journal. -1995. - Vol. 49/3.- P. 219-227.
9. Fortune A. A Self-study grammar practice: learners' views and preferences/ A. Fortune // ELT Journal. - 1992. - Vol. 46/2. - P.153-170
10. Carroll J., Sapon S. Modern Language Aptitude Test/ J. Carroll & S Sapon. – New York: The Psychological Corporation, 1959. – 118 p.
11. Crystal D. The English Language / D. Crystal. – London: Penguin Books Ltd, - 2002. 312 p.

ПРИМЕР DOI:
10.18454/IRJ.2015.0001

Начиная с ноябрьского выпуска 2015 года /10 (41) Ноябрь 2015/, каждой статье, опубликованной в Международном научно-исследовательском журнале, редакция издания будет присваивать идентификатор цифрового объекта DOI:

- DOI облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации;
- DOI повышает авторитет журнала, а также свидетельствует о технологическом качестве издания;
- DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

(Digital Object Identifier) — идентификатор цифрового объекта, стандарт обозначения представленной в сети информации.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.066>

Калинин М.А.

ORCID: 0000-0003-0528-2433,

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ К ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ ТРУДА**Аннотация**

В настоящей статье рассматриваются факторы, представляющие опасность для жизни и здоровья сотрудников уголовно-исполнительной системы при выполнении профессиональной деятельности, а также проблема формирования готовности к действиям под их влиянием. Предлагается комплексная система подготовки сотрудников к экстремальным условиям труда, выделяющая интеллектуальную, специальную тактическую, физическую и психологическую подготовки и предусматривающая интеграционное взаимодействие указанных направлений.

Ключевые слова: экстремальные условия, опасные факторы, сотрудники, подготовка.

Kalinin M.A.

ORCID: 0000-0003-0528-2433,

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service

FORMATION OF PROFESSIONAL READINESS OF EMPLOYEES OF CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM TO EXTREME WORKING CONDITIONS**Abstract**

This article examines the factors that pose a danger to the life and health of the staff working in the penitentiary service and performing their professional activities. It also studies the problem of readiness formation for acting under their influence. The complex system of employees preparation to extreme working conditions is offered, singling out intellectual, special tactical, physical and psychological training and providing for integration interaction of the indicated directions.

Keywords: extreme conditions, dangerous factors, employees, training.

В современной России одним из приоритетных вопросов, стоящих перед органами обеспечения безопасности и правопорядка, является гарантия внутренней стабильности нашего общества. Сотрудники правоохранительных органов должны быть готовы в любое время и в любых ситуациях действовать в сложных, опасных и непредсказуемых условиях.

По-прежнему непросто остаётся служебная деятельность в пенитенциарных учреждениях. Сотрудники УИС по долгу службы призваны пресекать чрезвычайные обстоятельства криминогенного, социально-политического характера, принимать участие в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного происхождения; нести службу в сложных метеорологических условиях и в условиях непосредственного контакта с осуждёнными, большими тяжёлыми инфекционными заболеваниями [8, С. 221], [3, С. 14]. Разные по характеру происхождения особые условия труда требуют от персонала исправительных учреждений не только психологической устойчивости, но и наличия определённого уровня физической, специальной профессиональной, психологической и тактической подготовки [7, С. 197].

Выполнение служебно-боевых задач сотрудниками исправительных учреждений сопряжено с совокупностью профессиональных факторов, которые по своему воздействию на организм приближены к экстремальным условиям труда, т.е. представляют существенную опасность для жизни и здоровья в процессе трудовой деятельности [1, С. 4], [5, С. 27]. К ним относятся:

- биологические (различного рода инфекционные заболевания, такие как ВИЧ инфекции, СПИД, туберкулёз, гепатит и др., опасные насекомые и животные);
- химические (работа с irritантами, используемыми при отражении нападений осуждённых, для пресечения преступлений и массовых беспорядков и в других случаях);
- физические (высокие и низкие температуры окружающей среды, недостаточная видимость, повышенная отражённая блескость) [10, С. 196];
- информационные (длительная концентрация внимания, решение трудных задач в условиях дефицита времени и недостатка (избыточности, ложности или неожиданности) информации);
- семантические (повышенная ответственность за конечный результат и человеческие жизни);
- физиологические (большая продолжительность рабочего времени в условиях чрезвычайных обстоятельств и ситуаций, большие статические и динамические нагрузки, высокий темп работы) [5, С. 28], [6, С. 96].

В последние годы руководителями структурных подразделений ФСИН России в официальных отчетах отмечается недостаточная готовность молодых сотрудников учреждений, в том числе выпускников ведомственных вузов ФСИН России, к действиям в экстремальных условиях. Результатом плохой подготовленности сотрудников к нештатным ситуациям становятся тяжёлые травмы, увечья, заражения неизлечимыми болезнями, ожоги и обморожения, инвалидность и даже смерть; от неправильных или несвоевременных решений начальствующего состава страдают люди, ставится под угрозу безопасность целых районов, в которых функционируют учреждения УИС [2, С. 15]. К основным причинам низкой подготовки личного состава к экстремальным ситуациям можно отнести:

- неумение учиться в опасных ситуациях и извлекать из них опыт;
- нетренированность в восприятии информации в экстремальных условиях и преодолении психологических трудностей, характерных для них;
- неготовность к возможным препятствиям в экстремальных условиях и необходимости поиска способов их преодоления;

- неумение в полной мере применять специальные средства и средства индивидуальной защиты;
- отсутствие навыков и умений качественно выполнять все необходимые профессиональные действия в новых, в том числе в экстремальных ситуациях;
- отсутствие умения руководить подразделениями при проведении специальных операций и сохранять жизнь и здоровье подчиненного личного состава;
- неполное понимание социальной значимости решаемых задач [4, С. 9].

Вышеуказанные недостатки подготовки свидетельствуют об актуальности решения проблемы формирования профессиональной готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к экстремальным условиям труда [3, С. 15].

Анализ научных трудов в указанной области показал, что проблема экстремальности условий деятельности привлекает пристальное внимание исследователей. Некоторые особенности адаптации сотрудников к сложным природно-климатическим условиям окружающей среды изучались В.Г. Воловичем, И.А. Кассирским, С.В. Коньковым, И.В. Огурцовым, О.В. Хомяковым, Ю.И. Шульговым. Проблемы проведения специальных операций и специальной тактики изучались Н.П. Барабановым, В.А. Будуром, А.А. Жижко, В.Ф. Завадским, В.В. Князевым. Психологические аспекты служебной деятельности в экстремальных условиях и чрезвычайных обстоятельствах нашли отражение в работах А.Н. Баламута, Я.Я. Белика, В.К. Гаврилюка, В.И. Лебедева, В.А. Пономаренко, Д.В. Сочивко, В.Н. Устюжанина, А.И. Ушатикова. Педагогические особенности формирования готовности к опасным условиям изучали А.М. Киселёв, Э.Н. Коротков, Л.С. Узун. Вопросы физической подготовки рассматривались В.А. Арсеньевым, Ю.К. Демьяненко, Т.Т. Джамгаровым, Р.В. Камневым, А.Ю. Плешивцевым [7, С. 198].

Вместе с тем, проблема остаётся недостаточно изученной. Так, в исследованиях вышеуказанных авторов особое внимание уделяется изучению отдельных качеств и свойств личности, позволяющих выживать в сложных условиях окружающей среды, оперативной обстановки, психологических и физиологических перегрузок. Однако готовность сотрудников действовать в экстремальных условиях не может иметь завершённый вид, так как каждый раз образуется под воздействием сочетания опасных, порой непредсказуемых факторов. Принимая во внимание неопределённость воздействий, с которыми предстоит работать, от сотрудника в каждой конкретной ситуации требуется не только новая комбинация знаний, умений, навыков и компетенций, но и способность к разностороннему познанию ситуации, использованию имеющегося опыта, оперативной отработки информации с новых углов зрения, преодолению шаблонности мыслительных процессов; умение отделять главное от второстепенного; способность к последовательному, критичному, доказательному и многовариативному мышлению. При этом указанные способности характеризуют личность с высоким интеллектом. Анализируя труды Д.В. Сочивко и С.Л. Готтфредсон, можно сделать вывод о том, что сотрудник с высокими умственными способностями, успешно преодолевший одни сложные служебные ситуации и овладевший опытом их успешного решения в последствии, при сходных обстоятельствах будет иметь дело не столько с экстремальными условиями, сколько с ситуациями, требующими нестандартного решения [9, С. 288].

Таким образом, готовность сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных условиях труда – это многогранное, изменяющееся состояние личности, предшествующее выполнению деятельности под влиянием различных комбинаций опасных факторов. При этом успешность осуществления деятельности определяется уровнем профессиональной подготовленности сотрудника, его опытом и интеллектуальными способностями.

Исходя из вышеизложенного, необходимо создание системы взаимодействующих и взаимодополняющих мероприятий, позволяющих повысить уровень готовности и эффективности сотрудников в условиях опасных для жизни и здоровья. Данная система должна быть интегрируема в действующую образовательную среду вузов ФСИН России и служебную подготовку в исправительных учреждениях и предусматривать не только физическую, специальную тактическую и психологическую подготовку, но и интеллектуальную, как отдельное направление подготовки. Общий вид модели комплексной интегративной педагогической системы по профессиональной подготовке сотрудников к действиям в экстремальных условиях труда (далее - КИПС ППС к ЭУ) с учетом всех воздействующих факторов выглядит следующим образом (см. рис.1).

В данной системе предусматривается взаимное влияние и дополнение всех направлений подготовки сотрудника к опасным условиям труда, реализуемым в образовательных учреждениях ФСИН России через специально организованные учебные занятия по ряду дисциплин и через воспитательную работу во внеучебное время, а в пенитенциарных учреждениях уголовно-исполнительной системы - через тактико-специальные учения, занятия по служебно-боевой подготовке и содержать в своей основе принцип «to work under pressure» или умение эффективно работать под давлением.

Рис. 1 – Модель комплексной интегративной педагогической системы по профессиональной подготовке сотрудников к действиям в экстремальных условиях труда

Дальнейшее изучение данной темы возможно в направлении развития предложенной КИПС ППС к ЭУ и применения её при формировании готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к влиянию факторов химической, физической, биологической, информационной, семантической и физиологической природы, так как на сегодняшний день вопросы, связанные с влиянием названных факторов, были изучены не достаточно полно.

Список литературы / References

1. ГОСТ Р 2.2.755-99 Гигиенические критерии оценки и классификация условий труда по показателям вредности и опасности факторов производственной среды, тяжести и напряженности трудового процесса: Руководство. - М.: Федеральный центр Госсанэпиднадзора Минздрава России, 1999.
2. Киселёв А.М. Система совершенствования профессиональной подготовки сотрудников ФСИН России к действиям в экстремальных ситуациях: дис. на соискание ученой степени доктора педагогических наук: 13.00.08: защищена 22.04.2009 /Киселев Александр Михайлович. - Рязань, 2009.- 361 с.
3. Белоус В.Г. О проблемах пенитенциарной педагогики / В.Г. Белоус, П.В. Голодов // На пути к гражданскому обществу. - 2016. - №2(22). - С.14-18.
4. Веселин В.В. Формирование профессиональной готовности сотрудника противопожарной службы к экстремальным условиям работы / В.В. Веселин // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. - 2011. - №1(1). - С.8-9.
5. Зайцев Г.С. Экстремальные условия деятельности: Понятие, содержание, классификация /Г.С. Зайцев // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. Том-1. - 2014. - №10. - С.25-29.
6. Калинин М.А. Кратковременные сеансы физической культуры как основа успешного освоения учебной дисциплины курсантами вузов ФСИН России /М.А. Калинин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. - 2016. - №4(36). - С.96-100.
7. Кugno Э.Э. Педагогические аспекты формирования готовности военнослужащих к деятельности в экстремальных ситуациях / Э.Э. Кugno // Вестник Бурятского государственного университета. - 2012. - №1-1. - С.196-199.
8. Огородников А.В. Особенности деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы России/ А.В. Огородников // Вестник Самарского государственного университета. - 2010. - №5(79) – С.219-223.
9. Сочивко Д.В. Понятие экстремальных условий жизнедеятельности / Д.В. Сочивко // NOVAINFO.RU. Том1.- 2015. - №31. - С.284-289.
10. Хомяков О.В. Обучение сотрудников особенностям действий в условиях низких температур окружающей среды / О.В. Хомяков, М.А. Калинин, С.В. Коньков и др.// Международный научно-исследовательский журнал. - 2016. - №10-3.-С.195-197.

Список литературы на английском языке / References in English

1. GOST R 2.2.755-99 Gigenicheskie kriterii ocenki i klassifikaciya uslovij truda po pokazatelyam vrednosti i opasnosti faktorov proizvodstvennoj sredy, tyazhesti i napryazhennosti trudovogo processa: Rukovodstvo. [Hygienic Criteria for Evaluation and Classification of Labor Conditions by Indexes of Harmfulness and Danger of Industrial Environment and Working Process Difficulty and Intensity] - M.: Federal'nyj centr gossanehpidualnadzora Minzdrava Rossii, 1999 – 20 p. [in Russian]

2. Kiselyov A.M. Sistema sovershenstvovaniya professional'noj podgotovki sotrudnikov FSIN Rossii k dejstviyam v ehkstremaal'nyh situatsiyah [The system of improvement of professional training of FPS officers to act in extreme situations]: the dissertation on competition of a scientific degree of the doctor of pedagogical Sciences: 13.00.08: defense of the thesis 22.04.2009 / Kiselev Aleksandr Mihajlovich. - Ryazan', 2009. - 361 p. [in Russian]
3. Belous V.G. O problemah penitentsiarnoj pedagogiki [About the issues of penitentiary pedagogy] / V.G. Belous, P.V. Golodov // Na puti k grazhdanskomu obshchestvu [On the way to civil society]. - 2016. - №2 (22). - P.14-18. [in Russian]
4. Veselin V.V. Formirovanie professional'noj gotovnosti sotrudnika protivopozharnoj sluzhby k ehkstremaal'nyim usloviyam raboty [Formation of professional readiness of an employee of the fire service to extreme working conditions] / V.V. Veselin // Vestnik Voronezhskogo instituta GPS MCHS Rossii [Bulletin of the Voronezh Institute of State Firefighting Service of Ministry of Russian Federation]. - 2011. - №1(1). - P.8-9. [in Russian]
5. Zajcev G.S. EHkstremaal'nye usloviya deyatel'nosti: Ponyatie, soderzhanie, klassifikaciya [Extreme conditions of professional activity: concept, content and classification] / G.S. Zajcev // Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo slavyanskogo universiteta. [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University] - 2014. - №10. - P.25-29. [in Russian]
6. Kalinin M.A. Kratkovremennye seansy fizicheskoy kul'tury kak osnova uspehnogo osvoeniya uchebnoj discipliny kursantami vuzov FSIN Rossii [Short sessions of physical training as the basis for the successful discipline study by the cadets of high schools of the FPS of Russia] / M.A. Kalinin // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction]. - 2016. - №4(36). - P.96-100. [in Russian]
7. Kugno E.H.EH. Pedagogicheskie aspekty formirovaniya gotovnosti voennosluzhashchih k deyatel'nosti v ehkstremaal'nyh situatsiyah [The pedagogical aspects of soldiers' readiness activity in extreme situations] / E.H.EH. Kungo // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]. - 2012. - №1-1. - P.196-199. [in Russian]
8. Ogorodnikov A.V. Osobennosti deyatel'nosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii [Features of professional activity of penitentiary system's collaborators of Russia] / A.V. Ogorodnikov // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Samara University]. - 2010. - №5(79) – P.219-223. [in Russian]
9. Sochivko D.V. Ponyatie ehkstremaal'nyh uslovij zhiznedeyatel'nosti [The concept of extreme living conditions] / D.V. Sochivko // Novainfo.ru. Tom 1 [Novainfo.ru. Tom 1]. - 2015. - №31. - P.284-289. [in Russian]
10. Homyakov O.V. Obuchenie sotrudnikov osobennostyam dejstvij v usloviyah nizkih temperature okruzhayushchej sredy [Training of the peculiarities of action in conditions of low ambient temperatures] / O.V. Homyakov, M.A. Kalinin, S.V. Kon'kov and others // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. - 2016. - №10-3. - P.195-197. [in Russian].

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.081>

Кириллина Е.В.

ORCID: 0000-0002-5583-0250, кандидат педагогических наук,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск

РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА «ОСНОВЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ» В ПРОГРАММАХ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ**Аннотация**

В статье рассматривается создание проекта «Основы научного исследования» на английском языке в рамках учебной дисциплины «Иностранный язык в научной сфере» для магистерских программ всех направлений. Обоснованы принципы и подходы предметно-языкового интегрированного обучения. Раскрыты особенности понятия «Академическая целостность» и требования по оформлению научного исследования в международном академическом сообществе. Описаны этапы внедрения проекта «Основы научного исследования» на английском языке в учебный процесс.

Ключевые слова: преподавание английского языка, магистерская программа, предметно-языковое интегрированное обучение, академическая целостность, основы научного исследования.

Kirillina E.V.

ORCID: 0000-0002-5583-0250, PhD in Pedagogy,

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk

DEVELOPMENT OF THE PROJECT “BASIS OF SCIENTIFIC RESEARCH” IN THE PROGRAM OF MASTER’S DEGREE STUDENTS PREPARATION**Abstract**

The article considers the development of the project “Fundamentals of Scientific Research” in English within the framework of the academic discipline “Foreign Language in the Scientific Area” for the master’s degree program. The principles and approaches of the subject-language integrated learning are grounded in the paper. The features of the term “Academic Integrity” and the requirements for the design of scientific research in international academic community are disclosed. The stages of the implementation of the project “Fundamentals of Scientific Research” in English are described.

Keywords: teaching English, master's degree program, subject-language integrated learning, academic integrity, the basics of scientific research.

В ответ на стремительное развитие международного сотрудничества и академической мобильности многие высшие учебные заведения сейчас предлагают программы и курсы на английском языке. Преподавание учебной дисциплины или курса на иностранном языке предполагает использование иных подходов в обучении, в

частности «предметно-языковое интегрированное обучение» (Content-Language Integrated Learning - CLIL). Предметно-языковое интегрированное обучение считается платформой для инновационного методологического подхода, который намного шире, чем просто преподавание дисциплины. Метод CLIL направлен на развитие мастерства как в неязыковом специализированном предмете, так и в языке, на котором этот предмет преподается. Более того, достижение такой цели требует формирования такого подхода к обучению, в рамках которого изучение специализированного предмета будет осуществляться не на иностранном языке, а с помощью иностранного языка и через изучение иностранного языка [4]; [7].

Д. Марш определяет предметно-языковое интегрированное обучение как «целостный образовательный подход, который состоит из ряда моделей» [8], они различаются по целям и перспективам изучения иностранного языка. В своей статье, посвященной анализу методики CLIL, Пестова Д.С. объясняет, что методика CLIL основывается на следующих принципах: содержание – коммуникация – познание мышление – культура/гражданство. Вместе с тем, как автор указывает, они отличаются степенью интенсивности внедрения иностранного языка в изучение специализированной дисциплины [5, С. 1].

Отечественные исследователи привносят свое видение в понятие CLIL. Так, А.Е. Крашенинникова рассматривает предметно-языковое интегрированное обучение как своего рода методику, которая дает возможность сформировать у обучаемых языковую и коммуникативную компетенции на иностранном языке в том же предметном контексте, в котором у них формируются и развиваются общеучебные знания и умения [3].

В работе О.Н. Бурдаковой, А.А. Джалаловой и Н.П. Рауд обосновываются 3 модели обучения по CLIL, как многоязычное обучение, вспомогательное/интегрированное обучение предмету и языку, а также предметные курсы с включением языковой поддержки. Поэтому, данная методика дает возможность выступать как язык обучения, язык для обучения и язык через обучение [1, С. 12].

Стоит отметить, что предметно-языковое интегрированное обучение не требует дополнительных часов для изучения языка, т.к. его изучение происходит в процессе изучения специальной дисциплины.

В отечественной системе высшего образования курс по основам научного исследования не является новой. Традиционно, такой курс дает представление о структуре научно-исследовательской работы, методологии, этапах работы и требованиях к выпускным квалификационным работам. Вместе с тем, в международном академическом пространстве к исследованиям предъявляются несколько отличительные требования. В связи с этим, возникает необходимость в подготовке выпускников магистерских программ, владеющих навыками профессиональной коммуникации на английском языке, которые могут проводить исследования в зарубежных вузах, стать частью международной исследовательской группы, публиковать результаты своих исследований в международных изданиях.

В зарубежных образовательных и академических сообществах придерживаются понятия «академическая целостность», «академическая честность» («Academic Integrity»). Для студентов читают лекции, проводят курсы и семинары как ознакомление с основами учебно-научной работы в университете или колледже. Принципы и основы Академической целостности, прежде всего, входят в «Кодекс чести» (Code of Honor) учебного заведения. Термин «целостность» подразумевает соблюдение этических принципов и устойчивость моральных основ [2; 10]. Международный Центр Академической Целостности (МЦАЦ) в США организован для сохранения авторских прав и борьбы с плагиатом [9]. Центром Академической целостности были определены 6 ключевых академических ценностей: честность, доверие, справедливость, уважение, ответственность и храбрость. В официальном сайте Центра размещена вся информация о его деятельности, а также ресурсы, как для студентов, так и сотрудников учебных заведений, включая средние школы [9]. В настоящее время зарубежные образовательные учреждения часто в своих уставах раскрывают ее сущность и принципы соблюдения в своей образовательной среде. С глобализацией академического сообщества эта тенденция прослеживается и в отечественной науке.

Дисциплина «Иностранный язык в научной сфере» согласно учебным планам подготовки магистров по техническим специальностям в Северо-Восточном федеральном университете включена в базовую часть и рассчитана на 216 академических часов. Принципы предметно-языкового интегрированного обучения и Академической целостности могут быть успешно реализованы в преподавании дисциплины.

Освоение программы дисциплины «Иностранный язык в научной сфере» направлено на формирование следующей компетенции: готовность осуществлять профессиональную коммуникацию в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности, по Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования уровня магистратуры [6, С. 3]. Реализация проекта приводит к практическим результатам в качестве подготовки рукописи статьи и/или подготовки доклада для конференции на английском языке.

Проект состоит из двух частей: вводной и практической. Для введения в содержание проекта разработаны материалы по темам: Что такое Академическая целостность?; Основополагающие ценности Академической целостности, отличия и сходства с общепринятыми ценностями в обществе; Академическая целостность в университете; Что такое академическая нечестность и как ее избежать?; Почему важно «хранить записи»?; Формы и способы хранения информации; Планирование времени в целях академической успеваемости и своевременного проведения научного исследования; Новые академические навыки для учебы в университете (конспектирование на лекции, запись информации и идей в командной работе); Этапы написания академического эссе; Что такое плагиат; Стандарты оформления ссылок и библиографических данных; Типы исследования: первичный и вторичный; Структура научно-исследовательской работы; Постановка проблемы, гипотезы, подходы к формулировке темы исследования; Методы исследования. В процессе ознакомления с основами научного исследования магистранты изучают научный стиль английского языка: академическую лексику, грамматические структуры, устойчивые обороты, принятые этические нормы.

После ознакомительного этапа магистранты приступают к практической части: подбирают научные статьи зарубежных авторов на английском языке и проводят вторичное исследование, а именно обзор зарубежных научных

работ по своей исследовательской теме. Для подбора научных статей предварительно анализируется название темы научного исследования по ключевым словам и терминам, принятых на английском языке в зарубежном научном сообществе. Следует отметить, что данный этап работы крайне важен, так как точное и четкое определение темы на английском языке с точки зрения терминологии и содержания позволяет магистранту найти соответствующие научные работы по своей теме. Далее следует лексический и грамматический анализ отобранных статей: магистранты составляют лексические словари и выделяют лексико-грамматические обороты, характерные для определенного этапа научного исследования. После языкового и содержательного анализа научной статьи магистранты приступают к написанию статьи на английском языке, полностью основываясь на тех материалах, которые были представлены во вводной части проекта «Основы научно-исследовательской работы». Завершающим этапом проекта является редактирование рукописи статьи и/или текста доклада преподавателем и утверждением для опубликования и/или выступления с докладом на конференции.

Реализация проекта предполагает использование университетской платформы MOODLE, где размещаются справочные и аудио-, видеоматериалы проекта, а также материалы лекционных и практических занятий для повторения. В данной платформе общение преподавателя и магистрантов носит характер контроля знаний и компетенций в форме тестов, эссе, обсуждений вопросов в форуме, изложение проблемы исследования, взаимопроверка работ и т.д.

Данный проект «Основы научно-исследовательской работы» на английском языке в рамках дисциплины «Иностранный язык в научной сфере» полностью реализует принципы и подходы предметно-языкового интегрированного обучения и академической целостности, и в то же время является практико-ориентированным. В результате, магистранты могут опубликовать научную статью или выступить с докладом по своей исследовательской теме на английском языке.

Список литературы / References

1. Бурдакова О.Н. Методика интегрированного обучения предмету и языку в учебном процессе Нарвского колледжа Ту [Электронный ресурс] / О.Н. Бурдакова, А.А. Джалалова, Н.П. Рауд. – URL: http://www.narva.ut.ee/sites/default/files/narva_files/NK%20LAK%20uuringu%20raport%20vene%20k%202011%20_2_.pdf (дата обращения: 10.03.2017)
2. Еременко, Т. В. Академические ценности современного вузовского сообщества: сравнительный анализ зарубежного и российского опыта Т.В. Еременко // Модернизация образования: прошлое, настоящее, будущее: XIX Рязанские педагогические чтения. - Рязань Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2012. – С. 117.
3. Крашенинникова А. Е. К вопросу об использовании предметно-языкового интегрированного обучения CLIL [Электронный ресурс] / А.Е. Крашенинникова. - URL: http://www.rusnauka.com/3_ANR_2013/Pedagogica/5_126661.doc.html (дата обращения: 15.02.2017)
4. Литвишко О.М. Компетентностно-ориентированная модель обучения: преимущества и методики CLIL в преподавании профессионально-ориентированного английского языка / О.М. Литвишко, Ю.А. Черноусова // Материалы научно-методических чтений ПГЛУ «Университетские чтения - 2015». – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2015. – С. 37-40.
5. Пестова Д.С. Анализ методики «Предметно-языковое интегрированное обучение» [Электронный ресурс] / Д.С. Пестова. – URL: <https://infourok.ru/analiz-metodiki-predmetnoyazykovoe-integrirovannoe-obuchenie-2101584.html>
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования МАГИСТРАТУРА. Направление подготовки 03.04.03 Радиофизика. Утвержден приказом Министерства образования и науки РФ №1417 от 30.10.14г. - 9с.
7. Content and Language Integrated Learning (CLIL) at School in Europe. Eurydice. The Information Network on Education in Europe. Brussels: Eurydice, 2005. - 80p. (4).
8. CLIL: An interview with Professor David Marsh/ International House Journal of Higher Education, Issue 26: Spring 2009 (22) [Электронный ресурс] - URL: <http://www.ihjournal.com/content-and-language-integrated-learning> (дата обращения: 15.03.2017)
9. International center for academic integrity [Электронный ресурс] - URL: <http://www.academicintegrity.org> (дата обращения: 20.02.2017)
10. Academic integrity [Электронный ресурс] - URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Academic_integrity (дата обращения: 25.04.2017)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Burdakova O.N. Metodika integrirovannogo obuchenija predmetu i jazyku v uchebnom processe Narvskogo kolledzha Tu [Integrated teaching techniques for subject and language at Narvsk college of Tu] [Electronic resource] / O.N. Burdakova, A.A. Dzhahalalova, N.P. Raud. – URL: http://www.narva.ut.ee/sites/default/files/narva_files/NK%20LAK%20uuringu%20raport%20vene%20k%202011%20_2_.pdf (accessed 10.03.2017)
2. Eremenko T. V. Akademicheskie cennosti sovremennogo vuzovskogo soobshhestva: sravnitel'nyj analiz zarubezhnogo i rossijskogo opyta [Academic values of modern university community: comparative analysis of foreign and Russian experiences] // Modernizacija obrazovanija: proshloe, nastojashhee, budushhee: XIX Rjazanskie pedagogicheskie chtenija [Modernization of education: the past, present, future: the XIXth Ryazan pedagogical readings] / Rjaz. gos. un-t im. S. A. Esenina. Rjazan', 2012. – P. 117. [in Russian]
3. Krashenninnikova A. E. K voprosu ob ispol'zovanii predmetno-jazykovogo integrirovannogo obuchenija CLIL [Issues of using content-language integrated learning] [Electronic resource] / A. E. Krashenninnikova. - URL: http://www.rusnauka.com/3_ANR_2013/Pedagogica/5_126661.doc.html (accessed: 15.02.2017) [in Russian]
4. Litvishko O.M. Kompetentnostno-orientirovannaja model' obuchenija: preimushhestva i metodiki CLIL v prepodavanii professional'no-orientirovannogo anglijskogo jazyka [Competent-oriented model of teaching: advantages of

content-language integrated learning in teaching professional English language] / O.M. Litvishko, Ju.A. Chernousova / Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGLU «Universitetskie chtenija - 2015» [Materials of the scientific-methodical readings of PSLU "University readings – 2015"]. – Pjatigorsk: Izd-vo PGLU, 2015. – Pp. 37-40. [in Russian]

5. Pestova D.S. Analiz metodiki "Predmetno-jazykovoe integrirovannoe obuchenie" [Analysis of content-language integrated learning method][Electronic resource] / D.S. Pestova. – URL: <https://infourok.ru/analiz-metodiki-predmetnojazykovoe-integrirovannoe-obuchenie-2101584.html> [in Russian]

6. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya. Uroven' vysshego obrazovaniya MAGISTRATURA. Napravlenie podgotovki 03.04.03 Radiofizika. Utverzhen prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF №1417 30.10.14. [Federal state educational standard of higher education. Level of higher education Master's. Preparation direction: 03.04.03 Radiophysics. Approved by the order of Ministry of Education and Science RF №1417 from 30.10.14.] – 9p. [in Russian]

7. Content and Language Integrated Learning (CLIL) at School in Europe. Eurydice. The Information Network on Education in Europe. Brussels: Eurydice, 2005. – 80p. (4).

8. CLIL: An interview with Professor David Marsh/ International House Journal of Higher Education, Issue 26: Spring 2009 (22). [Electronic resource] - URL: <http://www.ihjournal.com/content-and-language-integrated-learning> (accessed: 15.03.2017)

9. International center for academic integrity [Electronic resource] - URL: <http://www.academicintegrity.org> (accessed: 20.02.2017)

10. Academic integrity [Electronic resource] - URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Academic_integrity (accessed: 25.04.2017)

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.015>

Лукина С.А.

ORCID: 0000-0003-2800-6650,

ФГАОУ В «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

ИДЕЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ В ПРАКТИКЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

Данная статья посвящена анализу учебно-методической литературы по методике преподавания естествознания и биологии, пособий для учащихся школ, студентов педагогических вузов и учителей биологии. Каждый раздел школьного курса биологии существенно влияет на формирование той или иной ценности. В статье ставится задача анализа реализации идеи формирования ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни в содержании естественнонаучного школьного образования в русских школах в разные периоды времени.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, ценностное отношение, методика обучения биологии.

Lukina S.A.

ORCID: 0000-0003-2800-6650

FSAEI of HE 'M.K. Ammosov North-Eastern Federal University'

THE IDEA OF FORMING A VALUE RELATION TO HEALTHY LIFESTYLE IN THE PRACTICE OF BIOLOGICAL EDUCATION

Abstract

This article is devoted to the analysis of educational and methodological literature on the methods of natural science and biology teaching, materials for students of schools, students of pedagogical universities and biology teachers. Each section of the school biology course significantly affects the formation of a particular value. The article poses the task of analyzing the realization of the idea of forming a value attitude to health and a healthy lifestyle in the content of natural science school education in Russian schools at different periods of time.

Keywords: healthy lifestyle, value attitude, methodology of biology teaching.

На нынешнем этапе развития России тревогу вызывает состояние здоровья школьников от которого зависит будущее страны. В Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования выделяется такой личностный результат освоения образовательной программы, как «формирование ценности здорового и безопасного образа жизни...» [1]. Она продиктована реальной потребностью государства и немаловажную роль в разрешении вышеуказанной ситуации играет школьный предмет биология, поскольку она может заложить зачатки ведения здорового образа жизни.

К личностнозначимым приоритетным итогам изучения раздела «Человек и его здоровье» в естественнонаучном просвещении выступают валеологическая компетентность по отношению к своему здоровью и здоровью окружающих людей и претворение в жизнь установок более здорового и безопасного образа жизни.

Каждый раздел биологии в школе существенно влияет на развитие той или иной ценности. Ведь больше 30 лет назад известные методисты Н.М. Верзилин и В.М. Корсунская отмечали, что «биология как учебный предмет представляет исключительную ценность для воспитания материалистического мировоззрения, так как ее материал является доступным наблюдению и требует логических выводов на основе наблюдаемых фактов и явлений» [2, С. 18].

Однако анализ литературы по методике преподавания естествознания и биологии в российских школах предоставил возможность сделать вывод о том, что в программе естественнонаучного школьного образования не

всегда присутствовало ценностное составляющее, поскольку спрос государства на каждом этапе развития страны менялся и под них создавались разные доминирующие педагогические цели обучения и воспитания школьников.

Во второй половине XVIII века в России активно проходили ряд реформ, в том числе и образовательная. В училищах, обеспечивающих начальным просвещением народ, был введен предмет естествознание. Первое учебно-методическое пособие по естествознанию того времени принадлежало Василию Федоровичу Зуеву, профессору учительской семинарии. Содержание данного учебника формировалось под влиянием социально-экономических требований государства и включало в себя те материалы, которые будут практически использоваться населением [3, С. 7].

В начале XIX века ученик В. Ф. Зуева Андрей Михайлович Теряев опубликовал учебник "Начальные основания ботанической философии, изданные Главным Правлением Училищ для употребления в Гимназиях Российской Империи". Изданный учебник А.М. Теряева практически полностью состоял из ботанических терминов, взятых из книг Карла Линнея, чья систематика главенствовала в биологической науке в XIX веке. Можно сказать, что содержание учебников естественнонаучного школьного образования приобрело описательный и сугубо религиозный характер и основными ценностями в его формировании служило многообразие организмов в связи с развитием в это время науки систематики. Биология, ранее вызывающая интерес и захватывающая дух у учащихся стала занудной и скучной. Вскоре ее и вовсе прекратили преподавать.

Над урегулированием возникшей трудностью в методические системы преподавания естественнонаучных циклов в русских школах были вложены силы Александра Яковлевича Герда. Он говорил, что содержание обучения естественных предметов должно согласовываться с теперешним научным уровнем и воспитывать научный взгляд на окружающий мир. Педагог-естественник говорил, что целью естественнонаучного образования является: «...привести учащегося к правильному мировоззрению, согласно с современным состоянием естественных наук» [4, С. 29]. В методику преподавания А.Я. Герд ввел концепцию общности содержания, программы и методов обучения, в течении нескольких лет убеждал на ввод в школьное образование активных методов обучения, таких как, например, проведение экскурсий и практических работ. Все это было быть нацелено на воспитание мировоззрения, понимания ценности природы.

Несколько позже, Д.Н. Кайгородов предложил новое содержание учебной программы природоведения. Программа основывалась на антропоморфическом, теологическом и телеологическом толковании природных явлений. Ценностные ориентиры, направленные на богословие не были поддержаны коллегами, тем более они считали, что это было шагом назад для Отечественных школ.

В начале XX века популярность приобретает методика естествознания Валериана Викторовича Половцова [5, С. 41]. В.В. Половцов призывал широко использовать в школьном преподавании биологический метод: изучать не только внешние признаки организмов, но и их жизнь, их взаимоотношения с другими организмами и со средой. В контексте данного исследования, можно сказать, что воспитание мировоззрения идет посредством включения в содержание «ценного» материала и использования «биологического метода», но о формировании ценностного отношения пока говорить рано.

Важный поворот к выделению ценностей значения биологических знаний в развитии и воспитании личности можно наблюдать с 1932 года. Именно в это время наиболее полным образом были определены цели биологического образования и одной из задач педагога было умение «...прививать умения и навыки культуры труда, личной и общественной гигиены, способствовать всестороннему развитию личности». А.И. Герцен отмечает: «... им бы начинали воспитание того, чтобы очистить отроческий ум от предрассудков, дать ему возмужать на этой здоровой пище и потом уже раскрыть для него, окрепшего и вооруженного, мир человеческий, мир истории, из которого двери отворяются прямо в деятельность» [5, С. 33].

Б.Е. Райков в труде «Общая методика естествознания» подчеркивает значение науки естествознания к ориентированию на ценность здоровья: «Если мы обратимся к задачам здравоохранения, то мы и здесь встретимся с важной ролью естественных наук для продуктивного труда и здорового быта» [5, С. 36]. Причем, как отмечает В.Б. Всесвятский, в этом отношении не только имеет значение курс анатомии, физиологии и гигиены человека, но и в других курсах уделяется внимание вопросам, имеющим отношение к здоровью человека [6, С. 36]. В учебном пособии, выпущенном позже, он отмечает: «Наряду со знаниями основ биологической науки и в связи с ними необходимо дать учащимся политехнические знания, а также ознакомить учащихся с практическими мероприятиями, необходимыми для укрепления и охраны здоровья человека, и привить им сознательные санитарно-гигиенические навыки в быту и в труде» [6, С. 106].

В 70-80-х годах И.Д. Зверев, Н.М. Верзилин, В.М. Корсунская, И.Т. Суравегина и другие ученые-методисты в своих трудах развивают идеи ценности биологического образования по отношению к здоровью человека. Так, И.Д. Зверев и И.Т. Суравегина в своей монографии выделяют «формирование ценностных экологических ориентаций», опираясь на социальную экологию – единства системы «природа-общество-человек». Формирование экологической культуры школьников должно стать критерием для «создания благоприятных для человека условий для жизни человека, его всестороннего развития и совершенствования» [7, С. 9].

С положения системного подхода И.Д. Зверев цели биологического образования трактует как элемент воспитания. По его мнению, «значение гигиенических понятий следует рассматривать не только с утилитарной, практической точки зрения, но и иметь в виду их ценность для усвоения общебиологических понятий, реализации задач нравственного воспитания» [8, С. 42].

Немного позже Б.Д. Комиссаров отмечает, что «биологическое образование формирует у подрастающих поколений понимание жизни как величайшей ценности» и в своем учебно-методическом пособии пишет о том, что здоровье – это величайшая важность человека [9, С. 128].

Таким образом, в ходе изучения развития интереса научно-популярного общества к проблеме данного исследования в опыте школьного образования можно видеть во второй половине XX века. И.В. Журавлева

установленный феномен объясняет тем, что в это время первостепенную роль в структуре заболеваемости и смертности вышли болезни, вызванные не внешними, а внутренними, (поведенческими) причинами [10, С. 3].

На сегодняшний этап развития теории и методики обучения и воспитания по биологии, всевозможные подходы формирования таких ценностей как «человек», «здоровье», «здоровый образ жизни» разработаны в Н.М. Верзилиным, И.Д. Зверевым, И.Н. Пономаревой, В.В. Пасечником, Т.В. Васильевой, Азизовой И.Ю., Сапельцовой И.В., Носовой Е.В., Васиной Н.А., Ждановой Ю.В., Кабаевой В.М. и др.

В контексте данного исследования мы предполагаем формировать ценностное отношение к здоровому образу жизни на основе включения в содержание биологического образования региональных данных. Учет региональных особенностей Республики Саха (Якутия) может приобщить учащихся к сохранению своего здоровья на основе эмоционального компонента содержания биологического образования.

В содержание раздела «Человек и его здоровье» можно включить следующий региональный материал, который будет базирован на знании и опыта учащихся. Например, такие темы как «Подверженность к заболеваниям в условиях суровой зимы», «Рациональное питание в условиях резко-континентального климата», «Влияние алкоголя на организм с учетом национально-этнических особенностей якутов» и др.

Список литературы / References

1. Приказ от 17.12.2010 № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // СПС КонсультантПлюс
2. Верзилин Н.М., Корсунская В.М. Общая методика преподавания биологии: Учебник для студентов пед. ин-тов по биол. спец. 4-е изд. – М.: Просвещение, 1983. – 384 с., ил.
3. Зуев В. Ф. Педагогические труды [Электронный ресурс] / Б. Е. Райков. М., 1956. – URL: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z00000026/st020.shtml> (дата обращения: 24.09.2016)
4. Пономарева И.Н. Общая методика обучения биологии: учеб. пособие для студ. пед. вузов / И.Н. Пономарева, В.П. Соломин, Г.Д. Сидельникова. – 2-е изд., перераб. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 280 с.
5. Карцева И.Д., Шубкина Л.С. Хрестоматия по методике преподавания биологии: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по биол. спец. / Сост. И.Д. Карцева, Л.С. Шубкина. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение; 1984. – 288 с.
6. Всесвятский Б.В. Проблемы дидактики биологии. Пособие для учителей. – М., «Просвещение», 1969. – 240 с.
7. Экологическое образование школьников / И.Д. Зверева, И.Т. Суравегиной; Науч.-ис.-ин-т содержания методов обучения Акад. пед. наук СССР. – М.: Педагогика, 1983. – 160с.
8. Зверев И.Д. и др. Воспитание учащихся в процессе обучения биологии: Пособие для учителя / И.Д. Зверев. А.Н. Мягкова, Е.П. Бруновт. – М.: Просвещение, 1984. – 160с.
9. Комиссаров Б.Д. Методологические проблемы школьного биологического образования. – М.: Просвещение, 1991. – 160с.
10. Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества / И.В. Журавлева; Ин-т социологии РАН. – М.: Наука, 2006. – 238 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Prikaz ot 17.12.2010 № 1897 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshhego obrazovaniya» [On the approval of the federal state educational standard of basic general education] // SPS Konsul'tantPljus [in Russian]
2. Verzin N.M., Korsunskaja V.M. Obshhaja metodika prepodavaniya biologii: Uchebnik dlja studentov ped. in-tov po biol. spec. 4-e izd. [General Methods of Teaching Biology: A Textbook for Pedagogical Students. in-tov on biol. specialist. 4 th ed.] – М.: Prosveshhenie, 1983. – 384 p., il. [in Russian]
3. Zuev V. F. Pedagogicheskie trudy [Pedagogical works] [Electronic resource] / B. E. Rajkov. M., 1956. – URL: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z00000026/st020.shtml> (accessed: 24.09.2016) [in Russian]
4. Ponomareva I.N. Obshhaja metodika obuchenija biologii: ucheb. posobie dlja stud. ped. vuzov [General methodology of teaching biology: Textbook. psobiya for the stud. ped. universities] / I.N. Ponomareva, V.P. Solomin, G.D. Sidel'nikova. – 2-e izd., pererab. – М.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2007. – 280 p. [in Russian]
5. Karceva I.D., Shubkina L.S. Hrestomatija po metodike prepodavaniya biologii: Ucheb. posobie dlja studentov ped. in-tov po biol. spec. [Reader on the methodology of teaching biology: Proc. allowance for students ped. in-tov on biol. specialist.] / Sost. I.D. Karceva, L.S. Shubkina. – 2-e izd., pererab. – М.: Prosveshhenie; 1984. – 288 p. [in Russian]
6. Vsesvjatskij B.V. Problemy didaktiki biologii. Posobie dlja uchitelej. [Problems of didactics of biology. A handbook for teachers.] – М., «Prosveshhenie», 1969. – 240 p. [in Russian]
7. Jekologicheskoe obrazovanie shkol'nikov [Ecological education of schoolchildren] / I.D. Zvereva, I.T. Suraveginov; Nauch.-is.-in-t soderzhaniya metodov obuchenija Akad. ped. nauk SSSR. [Scientific and Research Institute for the content of teaching methods Acad. ped. Sciences of the USSR.] – М.: Pedagogika, 1983. – 160 p. [in Russian]
8. Zverev I.D. i dr. Vospitanie uchashhihsja v processe obuchenija biologii: Posobie dlja uchitelja [Educating students in the learning of biology: A Teacher's Manual] / I.D. Zverev. A.N. Mjagkova, E.P. Brunovt. – М.: Prosveshhenie, 1984. – 160 p. [in Russian]
9. Komissarov B.D. Metodologicheskie problemy shkol'nogo biologicheskogo obrazovaniya. [Methodological problems of school biological education] – М.: Prosveshhenie, 1991. – 160p. [in Russian]
10. Zhuravleva I.V. Otnoshenie k zdorov'ju individa i obshhestva [Attitude to the health of the individual and society] / I.V. Zhuravleva; In-t sociologii RAN. [Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences] – М.: Nauka, 2006. – 238 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.063>

Пронин А.А.

¹ORCID: 0000-0003-1306-4110, кандидат исторических наук,

Екатеринбургская академия современного искусства

ПРОЕКТЫ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ ГОРОД**Аннотация**

Цель настоящей статьи составляет анализ выпускных квалификационных работ (ВКР) студентов Екатеринбургской академии современного искусства разных направлений и профилей подготовки за 2012–2016 гг. В результате исследования установлено, на базе каких организаций (федеральных, региональных, муниципальных, частных, самого ли вуза либо его учредителя) подготовлены выпускные проекты; проанализирована тематика ВКР обучающихся разных направлений и профилей; установлен вклад ВКР выпускников Академии в изменения, происходящие в культурном пространстве Екатеринбурга, и жизнедеятельность отдельных учреждений культуры города. Статья может быть интересна руководителям, специалистам, педагогам учреждений культуры, обучающимся средних и высших учебных заведений в сфере культуры и искусства.

Ключевые слова: Екатеринбургская академия современного искусства, выпускные квалификационные работы, проектная деятельность, учебный проект, научный обзор.

Pronin A.A.

ORCID: 0000-0003-1306-4110, PhD in History,

Yekaterinburg Academy of Modern Art

PROJECTS THAT CHANGE THE CITY**Abstract**

The purpose of this article is to analyze graduate qualification works of the students of the Yekaterinburg Academy of Modern Art of different directions and training profiles during 2012-2016. As a result of the research, it was established, on the basis of which organizations (federal, regional, municipal, private, the institution itself or its founder) students prepared final projects; the subjects of graduate qualification works studying different directions and profiles are analyzed, as well as the contribution of the graduate qualification works of the graduates of the Academy to changes in the cultural space of Yekaterinburg and the life activity of certain cultural institutions of the city. The article may be of interest to managers, specialists, teachers of cultural institutions, students of secondary and higher educational institutions in the field of culture and art.

Keywords: Yekaterinburg Academy of Modern Art, graduate qualification work, project activity, educational project, scientific review.

Постановлением Главы Екатеринбурга от 20 июня 2006 г. № 558 [1] создано Муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт) (МБОУ ВО ЕАСИ) – вуз, имеющий особое значение для города.

Уникальность Академии заключается не только в ее статусе единственного муниципального образовательного учреждения высшего образования восточнее Волги. Учреждение этого вуза – амбициозный проект Администрации Екатеринбурга. Проект, обеспечивающий реализацию муниципальной политики по созданию в городе конкурентной, экономически и социально благополучной городской среды и укреплению его лидирующего положения среди других крупнейших культурных центров Урало-Сибирского региона в контексте Стратегического плана развития Екатеринбурга на период до 2020 г. и входящей в него Стратегической программы «Екатеринбург – мегаполис культуры и искусства». В последней указано на необходимость сохранения и развития городской сферы культуры, повышения интеллектуального и культурного уровня горожан, удовлетворения их потребности в свободной культурно-творческой самореализации, а также (что сегодня для Екатеринбурга является особенно актуальным) на необходимость формирования условий для стабильного производства в городском пространстве актуальных культурных инноваций, востребованных на региональном, федеральном и глобальном уровнях [2].

С момента организации вуза его деятельность направлена на подготовку кадров, развивающих инфраструктуру культурной среды города. Процесс обучения в вузе позволяет создать условия для практического влияния студентов, выпускников, преподавателей, партнеров вуза на культурную жизнь Екатеринбурга. Уникальность вуза создается прикладной и инновационной ориентацией, направленностью его на активную вовлеченность в культурные процессы и практики на территории города [3], [4].

В этой связи миссия Академии не ограничивается исключительно осуществлением подготовки высококвалифицированных кадров для сферы культуры и организацией переподготовки работающих специалистов в сфере культуры города, а расширяется до разработки и реализации актуальных социокультурных проектов (актуальных культурных инноваций), организации брендовых городских мероприятий, проведения научных исследований прикладной направленности для сохранения и совершенствования культурного потенциала города [5], [6].

Результаты мониторинга рынка труда свидетельствуют о ежегодном росте потребности в кадрах с высшим гуманитарным образованием в области культуры [7]. В Академию регулярно поступают запросы от культурно-образовательных, культурно-досуговых учреждений города и области на выпускников. Вуз реагирует на запросы и пожелания работодателей. Соответственно, в содержании образовательных программ, реализуемых в вузе, доминирует практико-ориентированная составляющая. Студенты с первого курса вовлечены в культурные практики, процесс их обучения нацелен на получение видимого результата и соответствует запросам работодателей. Активно пропагандируя проектный подход, вуз выступил инициатором внесения в профессиональную образовательную программу подготовки бакалавров по направлению «Искусства и гуманитарные науки» [8] следующих прикладных

профилей: «Технологии управления в сфере культуры»; «Журналистика в области культуры»; «Визуальные коммуникации»; «Танец и современная пластическая культура».

В связи с включением информатизации сферы культуры в число приоритетов муниципальной культурной политики Академия ведет подготовку по направлению «Прикладная информатика» [9], профиль «Прикладная информатика в социально-культурной сфере». Выпускники вуза обеспечивают эффективное внедрение информационных технологий в работу организаций культуры, сопровождают работу сайтов и создают творческие проекты с использованием современных мультимедийных средств.

Студенты Екатеринбургской академии современного искусства практически вовлечены в городские, областные и даже федеральные социокультурные проекты, представление новейших культурных трендов. Выпускники и студенты не только органично встраиваются в действующую систему культурных институций Екатеринбурга, но и активно ее совершенствуют, создавая собственные коммерческие и некоммерческие локальные центры культурных коммуникаций. Многие выпускные квалификационные работы (далее – ВКР) являются реальными творческими продуктами, созданными по заказам организаций культуры.

В 2012–2016 гг. выпускники Академии защитили 220 ВКР [10]. Из них 158 – по профилю подготовки «Технологии управления в сфере культуры»; 12 – по профилю «Журналистика в области культуры»; 9 – по профилю «Визуальные коммуникации» направления подготовки «Искусства и гуманитарные науки»; 41 – по профилю подготовки «Прикладная информатика в социально-культурной сфере» направления подготовки «Прикладная информатика».

Анализ ВКР студентов Екатеринбургской академии современного искусства разных направлений и профилей подготовки за пять лет (2012–2016 гг.) и составляет *цель* нашей статьи.

Задачи исследования: установить, на базе каких организаций (федеральных, региональных, муниципальных, частных, самого ли МБОУ ВО ЕАСИ либо его учредителя) подготовлены ВКР; проанализировать тематику ВКР обучающихся разных направлений и профилей; установить вклад ВКР выпускников МБОУ ВО ЕАСИ в изменения, происходящие в культурном пространстве Екатеринбурга, и жизнедеятельность отдельных учреждений культуры.

Ввиду обширности массива анализируемых работ ссылки на них в статье не приводятся. Библиографические описания ВКР даны в подготовленном нами аннотированном библиографическом указателе, недавно увидевшем свет в Екатеринбургской академии современного искусства [8].

Итак, абсолютное большинство ВКР – 85 из 220, или 38,6% (**первое место**), – **это проекты и исследовательские работы, подготовленные на базе Екатеринбургской академии современного искусства**, в том числе проекты, реализованные или предложенные к реализации в альма-матер выпускника. Среди этих 85-ти – 59 работ (37,3%) студентов профиля «Технологии управления в сфере культуры»; 10 из 12 (83,3%) работ выпускников профиля «Журналистика в области культуры»; 4 из 9 проектов выпускников профиля «Визуальные коммуникации» направления подготовки «Искусства и гуманитарные науки» (44,4%); 12 из 41 проекта студентов профиля подготовки «Прикладная информатика в социально-культурной сфере» направления подготовки «Прикладная информатика» (29,3%).

Второе место – 75 ВКР, или 34,0% от общего количества защищенных за 5 лет проектов, в том числе: 54 (34,2%) от числа проектов, подготовленных по профилю «Технологии управления в сфере культуры»; 19 (46,3%) от числа проектов, подготовленных по профилю «Прикладная информатика в социально-культурной сфере»; 2 работы, или 16,7% от числа ВКР по профилю «Журналистика в области культуры», – **подготовлены и реализованы на базе муниципальных учреждений культуры, главным образом г. Екатеринбурга**.

В этой группе проектов немало маркетинговых исследований, выполненных выпускниками профиля «Технологии управления в сфере культуры». Необходимость таких работ продиктована противоречием между существующими в деятельности многих учреждений культуры механизмами работы с клиентами и потребностью в увеличении аудитории. Исходя из указанного противоречия, авторами десятка ВКР сформулирована проблема исследования: необходимость модернизации существующих технологий взаимодействия с клиентами (потребителями культурных услуг) и внедрения в нее новых маркетинговых инструментов. В результате проделанной работы установлены оптимальные пути работы с клиентами ряда муниципальных учреждений культуры (музеев, культурно-досуговых центров, детских школ искусств) и работающих на их площадках творческих коллективов.

Примерно столько же работ посвящено разработке инструментов продвижения разнообразных социокультурных проектов, подготовленных на базе муниципальных учреждений культуры: выставочных, досуговых, музейных, музыкальных, танцевальных, художественных, цирковых, культурно-спортивных и культурно-образовательных. Четыре работы освещают вопросы организации проектной деятельности для детей с ограниченными возможностями здоровья в учреждении культуры (принципы инклюзивного образования и социальной ответственности).

Приобретаемые студентами профиля «Прикладная информатика в социально-культурной сфере» навыки позволяют им проектировать для муниципальных учреждений культуры представляемые в ВКР:

веб-сайты;

информационные системы, позволяющие автоматизировать процессы в организации, например, бухгалтерский учет платных услуг или продажу абонементов;

кабельные системы, позволяющие подразделениям учреждения культуры совместно использовать компьютерные ресурсы;

виртуальные туры как средства презентации музейных пространств;

обучающие компьютерные игры;

мобильные приложения;

виртуальные декорации для сценографической деятельности.

Мало тематически отличаются от учебных проектов, выполненных на базе муниципальных учреждений культуры, проекты, выполненные студентами на базе Академии, так как в конечном итоге они ориентированы на внедрение в

практику тех же организаций. Среди специфических тем, обусловленных направленностью основной из реализуемых вузом образовательных программ («Искусства и гуманитарные науки», профиль «Технологии управления в сфере культуры») и выбором вуза в качестве места прохождения преддипломной практики, можно отметить следующие: обоснование особенностей системы непрерывного профессионального образования арт-менеджера и формирование визуального стиля арт-менеджера как инструмента продвижения арт-проектов; технологии популяризации современного искусства и инновационных технологий экспозиционной и библиотечной деятельности; разработка подходов к организации рекламной деятельности учреждений культуры, выявление ее отличий от маркетинговой и PR-деятельности; подготовка рекомендаций в области охраны интеллектуальной собственности для муниципальных учреждений культуры. Авторами нескольких ВКР обосновывается влияние работы с волонтерами в учреждении культуры на имидж учреждения, разработана технология работы с волонтерами в рамках подготовки к широкомасштабным мероприятиям в сфере культуры Екатеринбурга для целостного и успешного позиционирования как отдельных учреждений культуры, так и сферы культуры в целом. Одним из выпускников разработана стратегия позиционирования Дня работника культуры на широкую городскую аудиторию. В целях узнаваемости и популярности праздника предложена система мероприятий, способствующих в том числе и тому, чтобы образ работника культуры был более четко сформирован в сознании горожан, повышен статус профессии работника культуры и самой сферы культуры в целом.

Немало ВКР выпускников Академии посвящено осмыслению процессов, связанных с видами деятельности, осуществляемой данным вузом. Студентами профиля «Технологии управления в сфере культуры» разработаны подходы к организации трудоустройства выпускников Екатеринбургской академии современного искусства. Обоснованы и конкретизированы этапы и содержание процесса организации художественной выставки за рубежом как способа международной студенческой стажировки. Проведен анализ бренда Академии и предложен вариант его продвижения с помощью выпускного бала. Разработаны: модель корпоративного издания для Екатеринбургской академии современного искусства; каталог сувенирной продукции для вуза с использованием его эмблемы; подарочный фотоальбом как один из способов продвижения вуза в образовательном пространстве Екатеринбурга; маркетинговая стратегия проекта «Татьянин день в Екатеринбургской академии современного искусства» как события, которое может способствовать привлечению потенциальных абитуриентов, волонтеров, спонсоров и партнеров вуза. Как инструмент продвижения (брендинга) Академии, а не только элемент воспитательной работы, рассматривается команда КВН «Сборная ЕАСИ "Человек смеющийся"».

Не остались без внимания студентов-выпускников и такие подразделения Академии, как Галерея современного искусства С. М. Одоевского и Библиотечно-информационный центр (БИЦ). Определена роль имиджа Галереи современного искусства в привлечении посетителей и популяризации современного искусства; выявлена связь между приоритетами в деятельности галерей современного искусства и их имиджем в глазах посетителей; проведен сравнительный анализ имиджевого продвижения Екатеринбургской галереи современного искусства и подобных галерей за рубежом. Предложен и теоретически обоснован эффективный способ продвижений галерейной услуги в информационном пространстве города.

Библиотечно-информационный центр Екатеринбургской академии современного искусства является составляющим элементом системы информационно-библиотечного обслуживания как собственно жителей города, так и студентов и сотрудников Академии, которые тоже входят в число горожан. Выбор эффективных способов продвижения услуг БИЦ в рамках существующих современных подходов библиотечного маркетинга – проблема одной из ВКР.

Проекты будущих управленцев удачно дополняются выпускными проектами студентов профиля «Прикладная информатика в социально-культурной сфере». Ими разработаны варианты эскизного проекта БИЦ МБОУ ВО ЕАСИ. Разработаны макеты страниц и графические элементы для их внедрения на существующем сайте вуза. Разработан и размещен на сайте Академии виртуальный тур, призванный выгодно выделить вуз среди конкурентов и способствовать привлечению абитуриентов. Подготовлен проект веб-сервиса для автоматизации научно-исследовательской работы в Академии. Разработан сайт международного научно-практического симпозиума «Опыты авангарда: от утопии к практикам повседневности» (Екатеринбург, Екатеринбургская академия современного искусства, 12–15 мая 2015 г.). Разработано приложение «Электронное портфолио студента Екатеринбургской академии современного искусства», которое позволяет работать с информацией об индивидуальных достижениях студентов в научной, внеучебной и волонтерской деятельности.

Третье место в общем числе защищенных ВКР занимают проекты, реализованные во взаимодействии с независимыми творческими структурами города (галереями, творческими объединениями, центрами, студиями, театральными и музыкальными коллективами, концертными фирмами, арт-кофейнями и даже магазинами) – 24 из 220 учебных работ разных профилей, или 10,9% (21 проект профиля «Технологии управления в сфере культуры», 1 проект – профиля «Визуальные коммуникации» и 2 ВКР – профиля «Прикладная информатика в социально-культурной сфере»). Большая часть ВКР в этой группе представляют собой комплекс маркетинговых мероприятий и фандрайзинговых приемов по продвижению творческих коллективов и создаваемого ими культурного продукта в социокультурном пространстве мегаполиса. В этой же группе – описания технологий сотрудничества властных (государственных и муниципальных) и творческих (частных) структур в рамках проектной деятельности. Особого внимания заслуживают проекты, содержащие описание опыта хореографических студий по вовлечению учеников разных возрастных групп в театральную деятельность и художественное развитие посредством танца.

14, или 6,4% от общего числа ВКР разных профилей – это **проекты, реализованные на базе государственных учреждений культуры, образования, здравоохранения Свердловской области и/или соседних регионов (четвертое место)**. В частности, три проекта подготовлены на базе Свердловского областного краеведческого музея и посвящены организационным аспектам музейно-выставочного проекта «Искусство путешествий». Интересные проекты были подготовлены на базу других региональных учреждений. Так, в ВКР выпускника профиля «Технологии

управления в сфере культуры» обосновывается возможность использования инновационного метода арт-терапии – мульттерапии – в социальной реабилитации детей с особыми образовательными потребностями в условиях стационара. Теоретическая значимость исследования состоит в разработке проекта первой на Урале студии детской анимации при Центре детской онкологии и гематологии при Государственного учреждения здравоохранения «Областная детская клиническая больница № 1» в Екатеринбурге. На базе Государственного казенного областного учреждения Свердловской области «Екатеринбургский детский дом № 7» разработан и реализован проект «Культурный досуг». Предметом ВКР другого выпускника стала непрофильная проектная деятельность на свободных площадях, полученных при реконструкции здания Свердловского государственного академического театра драмы, для чего разработан проект «Арт-витрина» как условие оптимизации их использования. Для Дома кино Екатеринбурга, являющегося структурным подразделением Свердловского областного фильмофонда, разработана программа рекламно-маркетинговой деятельности, позволяющая продвигать данное учреждение культуры в городской среде. Для областного литературно-художественного журнала «Урал» выпускницей профиля «Прикладная информатика в социально-культурной сфере» создано кроссплатформенное приложение «Интерактивный мультимедийный путеводитель по литературному произведению». Сочетание интерактивных и мультимедийных возможностей современных устройств и технологий помогает сделать литературные произведения и журналы, в которых они публикуются, более популярными среди молодежи и, тем самым, пробудить интерес к их прочтению.

11 работ (5% от общего числа ВКР разных профилей) посвящены **проектам, реализованным по заказу или в партнерстве с Управлением культуры Администрации г. Екатеринбурга (пятое место)**. Среди них не только проекты проведения городских праздников и конкурсов, культурных событий, но и исследовательские: «Анализ системы показателей потребительского спроса на услуги в сфере культуры», «Разработка интернет-сервиса «Тайный посетитель» как инструмента независимой оценки качества деятельности муниципальных учреждений культуры», «Правовое регулирование как способ государственного и муниципального управления сферой культуры города». В рамках последнего разработаны предложения по совершенствованию системы правовых актов и механизмов, регулирующих сферу культуры в муниципальном образовании «город Екатеринбург». Ряд проектов направлен на совершенствование отдельных процессов в деятельности Управления культуры: информационного и отчетного.

Шестую группу среди ВКР студентов Екатеринбургской академии современного искусства (7 из 220, или 3,2%) образуют проекты, выполненные во взаимодействии с общественными объединениями, в том числе с российскими отделениями международных организаций, работающими в социокультурной сфере. Таков, например, социокультурный проект «Древняя Греция: прошлое для будущего», реализованный на базе культурного центра «Новый Акрополь». Выпускниками ЕАСИ предложены фирменный стиль, графическое и интерактивное сопровождение состоявшейся в екатеринбургском отделении общества «Россия – Япония» в июне 2016 г. выставки оригами «Мгновения лета». В партнерстве с Музыкальным обществом Свердловской области создана система информационного обеспечения екатеринбургского международного конкурса юных вокалистов академического жанра на приз Екатеринбурга. Во взаимодействии со Свердловским региональным общественным фондом развития кино и телевидения для детей и юношества «Возрождение» выполнены проекты, посвященные ежегодному Международному молодежному социальному кинофестивалю «Дар», выявлены способы его влияния на социально-культурную среду Екатеринбурга. Международная экологическая акция по повышению общественного статуса особо охраняемых природных территорий, с 2013 г. проводимая в Свердловской области региональной общественной экологической организацией, – «Марш парков», стала предметом осмысления в одной из ВКР. В другой выпускной работе дана характеристика маркетинговым технологиям, применяемым в рамках акции «Марш парков»; разработана и реализована технология event-маркетинга «Музыка на воде» в рамках экологической акции «Марш парков-2012».

Наконец, **последняя, седьмая группа (4 работы, или 1,8%) – проекты, подготовленные на базе организаций федерального подчинения**: Екатеринбургского театра оперы и балета, Дома культуры железнодорожников, музея Уральского приборостроительного завода (предприятия, входящего в состав федеральной государственной корпорации «Ростех»).

Екатеринбург переживает переходный период поиска нового образа. Стереотипные представления о Екатеринбурге как городе тяжелого машиностроения, границы Европы и Азии, месте убийства Романовых оказываются устаревшими либо неполными. В связи с усилением и интенсификацией конкуренции среди городов **становится актуальным конструирование нового (творческого, креативного) бренда Екатеринбурга, инструментами которого будут являться культурные практики, направленные на улучшение имиджа города. Именно они становятся предметами исследований авторов многих ВКР, защищаемых студентами Академии.**

В числе таких культурных практик – фестивали, городские творческие конкурсы, общегородские культурные акции, праздники и другие культурно-массовые мероприятия.

Немало студенческих проектов (25) посвящены вопросам организации и проведения **фестивалей** как инструмента повышения привлекательности современного города. Фестивальные проекты сегодня являются способом формирования и продвижения брендов, привлечения туристов, рекламирования товаров и услуг, формирования имиджа региона, города, преобразования городской среды, привлечения внимания к различным проблемам.

На примере состоявшихся в Екатеринбурге: Демидовского Международного юношеского конкурса скрипачей; международные хоровые ассамблеи EURASIA CANTAT; международного фестиваля современного танца «НА ГРАНИ»; шестого международного фестиваля детского и семейного кино «В кругу семьи-2011»; международного фестиваля-практикума киношкол «Кинопроба»; международного молодежного социального фестиваля «Дар»; Всероссийского детско-юношеского фестиваля хореографического творчества «Звездный дождь»; Свердловского областного театрального фестиваля «Браво!»; регионального фольклорного фестиваля-конкурса «Песенные россыпи»; Екатеринбургского открытого фестиваля-конкурса ENGLISH FOR ARTS «ART-UNIVERSITY»; молодежного фестиваля немецкой культуры и искусства KUNSTFEST-2012; Екатеринбургского фестиваля современной электронной музыки SPECIFIC; Екатеринбургского городского фестиваля света «Не темно»; первого городского

фестиваля рекламы в социокультурной среде «Альбумс»; творческого фестиваля «Городские истории»; I открытого Районного интернет-фестиваля (конкурса) талантливых детей и молодежи, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. «RU.БЕЖ»; семейного фестивального проекта «Планета творчества»; фестиваля свадебной моды WEDDING SHOW URALS 2012; предлагаемых к реализации в Екатеринбурге фестиваля уличных искусств в галерее «Свитер» и рэп-фестиваля «Голос Екатеринбурга» раскрыты понятие фестиваля, его функции и виды, определены особенности каждого из фестивалей, разработаны концепции такого рода культурно-досуговых мероприятий, описаны технологии их разработки и проведения, результаты по окончании, намечены перспективы дальнейшего развития. Проведение молодежных фестивалей рассматривается как средство социализации подростков и юношества. Многие из ВКР являются хорошими методическими пособиями для организации фестивалей, алгоритмами при планировании и организации крупных культурных событий. Почти все эти работы выполнялись на базе учреждений – организаторов мероприятий и при содействии Управления культуры города; фестивали «На грани» и «Кинопроба» – при поддержке Министерства культуры Свердловской области. В этой связи заслуживают также внимания ВКР, в которых рассмотрены теоретические и практические аспекты формирования партнерских отношений между муниципальными учреждениями и коммерческими предприятиями, организующими концертно-фестивальные мероприятия как один из основных видов культурного досуга жителей Екатеринбурга, другие ВКР, посвященные взаимодействию властных и некоммерческих структур в рамках проектной деятельности, частно-государственному (частно-муниципальному) партнерству.

Богатый и разнообразный потенциал для формирования позитивного образа города несут в себе **общегородские конкурсы**. Выпускником профиля «Технологии в сфере культуры» разработаны организационно-содержательные условия проведения открытого городского конкурса-выставки творческих работ учащихся детских школ искусств «Лица Екатеринбурга – 2015», посвященного Году литературы. Автором еще одной ВКР предложен проект фотоконкурса «Другой Екатеринбург», который призван способствовать формированию толерантности в молодежной среде средствами визуальной коммуникации, так как знакомит с субкультурами через их визуальные образы и помогает осознать разнообразие социальных групп и меньшинств Екатеринбурга. Выпускником профиля «Прикладная информатика в социально-культурной сфере» защищен проект, призванный способствовать популяризации позитивного отношения к горожанам с ограниченными возможностями здоровья (тотальная слепота). Безусловно, осуществление обоих проектов послужит реальным вкладом в имидж Екатеринбурга как открытого к разнообразию культур и инаковости мегаполиса, где живут доброжелательные люди. Социокультурным проектам как способу включения мигрантов, лиц некоренных для региона национальностей, лиц с особыми потребностями в культурное пространство Екатеринбурга посвящены многие работы выпускников Академии. Проекты, касающиеся организации городских конкурсов, разрабатывались как на базе муниципальных учреждений культуры, так и на базе Академии, а также во взаимодействии с общественными организациями.

Безусловно, главным городским культурно-массовым событием становится **ежегодное празднование Дня города Екатеринбурга**. Традиционно в ходе него презентуется множество социокультурных проектов. В контексте празднования Дня города в ряде студенческих ВКР рассматривается одна из актуальных на сегодняшний день проблем – возрождение культурно значимых традиций русского быта через живой этнографический музей. Их теоретическая значимость обусловлена актуализацией исследований культурной традиции и культурной памяти в современной гуманитарной науке. В практическом плане значимость темы для российского общества связана с потенциалом живого музея как культурного центра и средства поддержания городского сообщества. Живой этнографический музей под открытым небом «Русская изба» – это ежегодный проект Управления культуры Екатеринбурга. В 2014 г. проект реализовывался под патронажем Екатеринбургской академии современного искусства. Живой этнографический музей «Русская изба» демонстрирует русский народный быт и проводится на территории Исторического сквера Екатеринбурга. Выпускниками вуза разных профилей по заказу Управления культуры Администрации Екатеринбурга выстроена убедительная концепция данного музейного формата.

Сохранению, популяризации и актуализации деревянного зодчества, развитию современного социокультурного пространства Екатеринбурга способствовала бы и благоприятно влияла бы на имидж территории реализация проекта музея под открытым небом «Старый Екатеринбург в миниатюре», концепция которого разработана одной из студенток.

Засилье массовой культуры, единообразие и штампы подходов к организации массовых городских праздников чреваты формированием ограниченного кругозора детей, их отстраненности от ценностно-художественных ориентиров искусства, креативных культурных инноваций. Автором проанализированы праздничные мероприятия с точки зрения воспитательной функции и подходы к включению детского творчества в городские массовые проекты; разработан и реализован в День города Екатеринбурга-2013 социокультурный проект «Волшебство моды», включающий в себя разные виды творчества детей.

При проведении муниципальных праздников может быть использован хореографический номер ансамбля танца и музыки «Иван да Марья», в котором солдатская пляска рассматривается как способ сохранения национально-культурной идентичности.

Выпускницей профиля «Технологии управления в сфере культуры» обоснована значимость использования детских творческих работ для раскрытия культурного потенциала Екатеринбурга в рамках празднования Дня города.

Помимо Дня города, без внимания студентов вуза не остались и **другие общегородские культурные проекты**. При содействии учредителя вуза выпускниками Академии выполнено проектирование дизайн-сопровождения городского праздника книги и чтения «Читай, Екатеринбург!» с помощью средств визуальных коммуникаций для того, чтобы привлечь внимание потенциальных посетителей, повысить показатели посещаемости культурного события Екатеринбурга. Рассмотрена проблема организации выставки современного искусства под открытым небом на базе Екатеринбургской академии современного искусства. Проведен предпроектный анализ выставки «Открытый двор», разработан план управления организацией выставки, что показало: выставка «Открытый двор» не только

может быть реализована в рамках ежегодной «Ночи музеев», но и может получить дальнейшее развитие в качестве самостоятельного проекта на базе вуза. Ежегодно ко Дню Победы в Екатеринбургской академии современного искусства проводится конкурс творческих работ молодого поколения на тему «Трудовой подвиг народа в 1941–1945 гг.», заканчивающийся проведением выставки «Незаметные герои 1941–1945 гг.». За три года конкурс, начинавшийся как региональный, обрел статус всероссийского. Такая же ситуация произошла и с инициированным профилем «Технологии управления в сфере культуры» конкурсом исследовательских проектов «Искусство и мы», направленным на выявление и развитие у обучающихся творческих способностей и интереса к научно-исследовательской деятельности в сфере культуры и искусства. Начавшийся как городской, в 2014 г. он уже имел статус всероссийского с международным участием.

Ежегодная акция «Ночь музеев» – в центре внимания и выпускников профиля «Прикладная информатика в социально-культурной сфере», разместивших при поддержке Управления культуры Администрации Екатеринбурга на сайте акции компьютерную образовательную игру «Культурное наследие Екатеринбурга» и защитивших этот проект в качестве ВКР. Принадлежащая магазину оптики нестандартная идея проведения культурно-просветительских мероприятий, сочетающих три компонента: урок, игру, зрелище, и способных представить астрономию в виде культурного общезначимого артефакта, легла в основу одного из защищенных учебных проектов. Эффективность проекта обоснована успешно проведенным мероприятием «День открытой астрономии» в октябре 2011 г.

Вне культурного пространства из-за отсутствия маркетинговой стратегии продвижения остается огромное количество **культурно-спортивных мероприятий**. В ВКР выпускника профиля «Технологии управления в сфере культуры» проанализированы современные подходы к определению маркетинговой стратегии, приводится их типология; выявлены существующие маркетинговые стратегии, используемые при проведении культурно-спортивных мероприятий. Студенткой разработана маркетинговая стратегия продвижения культурно-спортивного шоу UralARMfight, состоявшегося в ЦКиИ «Верх-Исетский» весной 2012 г., апробированы ее основные элементы.

Выпускниками профиля «Прикладная информатика в социально-культурной сфере» выявлены особенности состояния и развития современных мультимедийных средств и технологий, используемых в Екатеринбурге; показана специфика воздействия мультимедиа технологий на восприятие человека при использовании их в культурно-массовых мероприятиях; разработан ряд мультимедийных проектов для культурно-массовых мероприятий в Екатеринбурге; рассмотрен социально-экономический эффект применения мультимедийного продукта в культурно-массовых мероприятиях.

Но не только из культурно-массовых мероприятий внутригородского, регионального, всероссийского и международного масштаба и других социокультурных проектов складываются имидж и бренд Екатеринбурга как крупнейшего культурного мегаполиса. Студентами профиля «Технологии управления в сфере культуры» предложен проект по: использованию символического наследия П. П. Бажова как брендового элемента Екатеринбурга; созданию серии детских книг о Екатеринбурге «В мире городских тайн»; использованию технологии игры-экскурсии для продвижения наследия конструктивизма в общественном сознании городского сообщества Екатеринбурга; продвижению и позиционированию имен екатеринбургских художников. Обосновывается значимость звуковых образов в формировании целостного бренда Екатеринбурга, для чего разработаны концептуальные основания саунд-арт-проекта «Шум», ведь помимо зрительного и исторического образов у многих горожан есть еще и немаловажный звуковой образ: бой часов Биг-Бена в Лондоне, ежедневный выстрел пушки в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга.

Свой вклад в брендинг Екатеринбурга как культурного центра вносят ВКР студентов и других профилей. В частности, студентами профиля «Журналистика в сфере культуры»: на основе анализа критических статей по экранизациям современных уральских художественных произведений и творчества уральских режиссеров исследуется восприятие в современной арт-критике и арт-журналистике проблемы уральской идентичности, что обусловлено повышенным вниманием в последнее время к поиску специфики уральского региона, его культурных и территориальных отличий; привлекается внимание к вопросу о том, какую роль авангардная архитектура может играть в репрезентации конкретного города; выявляются способы культурного продвижения уральской драматургической школы; на основе телевизионных передач федеральных и региональных каналов определены тенденции в освещении культурных событий в Екатеринбурге, в частности, Третьей Уральской индустриальной биеннале (2015 г.).

Студентами профиля «Визуальные коммуникации»: разработана игра-квест по мифологическим сюжетам Екатеринбурга для мобильных устройств; предпринята попытка формирования образа Екатеринбурга средствами визуализации звукового пространства. Предметом исследования в одной из ВКР стал туристический сувенир как визуальное средство коммуникации города с его гостями, целью – разработка сувенира как средства позиционирования города Екатеринбурга в туристической среде. Предмет другой ВКР – визуализация художественных миров писателей и кинорежиссеров Екатеринбурга в формировании образа города.

В ВКР выпускника профиля «Прикладная информатика в социально-культурной сфере» путем создания серии игр с использованием персонажей литературных произведений П. П. Бажова сделана попытка повысить узнаваемость сказов и мест, в которых происходили действия, описанные в его произведениях. Выпускницей профиля «Прикладная информатика в социально-культурной сфере» с помощью IT-технологий разработано графическое представление памятников конструктивизма Екатеринбурга и подготовлена карта-ретроспектива советского Екатеринбурга.

Предлагаемые студентами Екатеринбургской академии современного искусства проекты нацелены на изменение городской среды, окружающего горожан пространства. Выпускниками выявлены основные подходы к определению городских публичных пространств, дана их классификация. На примере Екатеринбурга раскрыт вопрос о современном искусстве и арт-практиках как факторах развития городского публичного пространства.

У Екатеринбурга есть большой потенциал к развитию публичных мест, но он не используется в полной мере. В связи с этим автором одной из подготовленных на базе Академии ВКР разработана концепция проекта городского

конкурса студенческих инсталляций, направленного на качественное преобразование пространства, появление новых идей, возникновение диалога и дискурса вокруг темы «городское публичное пространство», появление технологии, способствующей созданию объектов художественной значимости в городском пространстве.

Выпускниками приводится теоретическое обоснование создания и презентации арт-объектов, направленных на улучшение комфортности городской среды с высоким уровнем органичности и устойчивости. Разработана 3D-модель проекта встраивания объекта коммунальной зоны в культурную среду Преображенского парка Екатеринбурга с помощью создания летнего и автокинотеатров. Обосновано значение маркетинговых коммуникаций для продвижения социокультурного проекта «Красивый двор – красивый город» (на примере конкретного жилого двора в Екатеринбурге).

Меняют городское пространство также стрит-арт, постеры социальной рекламы, одежда горожан, и эти вопросы не обойдены стороной авторами ВКР.

Действенными инструментами для создания коммуникативной среды, которая соединяет в себе производство культуры и ее потребление, являются арт-пространства (или креативные пространства) и арт-кластеры – культурные и бизнес-объединения, расположенные на территориях бывших промышленных зон, которые объединяют выставочные пространства, шоурум, театральную или киноплощадку, аудитории для семинаров, фуд-корты и прочие подобные элементы. Выпускниками изучается и сопоставляется зарубежный и отечественный опыт в создании творческих кластеров и развитии креативных индустрий, дается теоретическое обоснование структурно-содержательных особенностей творческих кластеров как инвестиционных стратегических проектов территории. Выявляются важнейшие направления при проектировании арт-пространства в Екатеринбурге. Формулируются задачи-миссии, которые должны решать арт-пространства и арт-кластеры в Екатеринбурге.

Анализ результатов защит ВКР, заключений государственных аттестационных комиссий (ГАК) показал, что работы выпускников являлись актуальными, отражающими основные направления и тенденции развития современной городской культуры, строились на анализе репрезентативных источников, имели практическую значимость. Председатели ГАК отмечали, что каждая из представленных работ была оригинальной, творческой, завершенной, а внедрение многих из идей, предложенных студентами, окажет благотворное влияние на образ современного Екатеринбурга.

Таким образом, анализ учебных проектов, представленных в ВКР студентов Екатеринбургской академии современного искусства, показывает: в проектной деятельности Академия успешно реализует принцип инновационности образования, состоящий в практической вовлеченности преподавателей и студентов вуза в городские социокультурные проекты, представление новейших культурных трендов, и, как следствие, формирование нового культурного пространства города.

На базе Академии созданы условия для сетевого взаимодействия организаций (проектов) в сфере культуры и искусства. Выпускники Академии обеспечивают эффективное внедрение информационных технологий в работу организаций культуры, сопровождение работы сайтов и создание творческих проектов с использованием современных мультимедийных средств.

Вуз успешно поддерживает общегородские проекты и разрабатывает собственные пилотные «культурные» проекты для Екатеринбурга. Формируется и реализуется комплекс инновационных проектов в области современного искусства городского культурного пространства.

Через создание и продвижение оригинальных образовательных технологий, разработку и реализацию социокультурных проектов формируется уникальный узнаваемый бренд Академии.

Результаты мониторинга эффективности деятельности организаций высшего образования за 2014–2016 гг. говорят об устойчивом инновационном развитии Екатеринбургской академии современного искусства как эффективного вуза, ориентированного на реализацию муниципальной культурной политики Екатеринбурга и подготовку качественного кадрового корпуса культурных институций, который позволяет формировать новое культурное пространство Екатеринбурга.

Список литературы / References

1. О создании Муниципального образовательного учреждения культуры высшего профессионального образования «Екатеринбургская академия искусств (институт)»: постановление Главы Екатеринбурга от 20.06.2006 № 558 [Электронный ресурс]. – URL: http://easi.ekaterinburg.rf/files/postnovlenie_glavyi_goroda_00126.pdf (дата обращения: 27.01.2016).
2. Стратегический план развития муниципального образования «город Екатеринбург» до 2020 г.: [утвержден решением Екатеринбургской городской думы от 26.10.2010 № 67/30] [Электронный ресурс]. – URL: <http://ekaterinburg.rf/официально/стратегия> (дата обращения: 27.01.2016).
3. Занин М. В. Муниципальный вуз в культурно-образовательном пространстве города: инновации и перспективы / М. В. Занин, А. А. Пронин // Международный журнал экономики и образования. 2016. Т. 2. № 1. С. 62–73.
4. Пронин А. А. Вуз в культурном пространстве города (деятельность Екатеринбургской академии современного искусства глазами жителей Уралмаша) / А. А. Пронин, Л. Е. Петрова, М. В. Занин // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – С. 304.
5. Пронин А. А. Независимая оценка качества работы муниципальных организаций культуры: разработка методологии / А. А. Пронин [и др.]: Наука сегодня: теория, практика, инновации: коллект. моногр.: в 9 т. / отв. ред. О. П. Чигишева. – Ростов-на-Дону: МИЦ «Науч. сотрудничество», 2016. – С. 105–131.
6. Пронин А. А. Исследование спроса населения Орджоникидзевского района города Екатеринбурга на муниципальные услуги в сфере культуры / А. А. Пронин [и др.]: Фундаментальные и прикладные аспекты современных психолого-педагогических и социологических исследований: коллект. моногр.: в 3 т. / под науч. ред. О. П. Чигишевой. – Рижон ле-Цион: Medial, 2016. – С. 113–148.

7. Вандышев М. Н. Работодатели: ожидания от выпускников вузов / М. Н. Вандышев, Л. Е. Петрова // Качество подготовки специалистов с высшим педагогическим образованием: социологический мониторинг: коллект. моногр. по материалам второго этапа исследовательского проекта «Мониторинг качества образования в педагогическом вузе» / под ред. Б.М. Игошева, Л.Е. Петровой, Л.Я. Рубиной. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – С. 73–100.

8. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 50.03.01 Искусства и гуманитарные науки (уровень бакалавриата): приказ Минобрнауки России от 21.04.2016 № 466 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.08.2017).

9. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 09.03.03 Прикладная информатика (уровень бакалавриата): приказ Минобрнауки России от 12.03.2015 № 207 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.08.2017).

10. Пронин А. А. Выпускные квалификационные работы студентов Екатеринбургской академии современного искусства (2012–2016 гг.): аннотированный библиографический указатель / А. А. Пронин. – Екатеринбург : Екатеринбургская академия современного искусства, 2017. – 94 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. O sozdanii Municipalnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya kultury vysshego professional'nogo obrazovaniya "Yekaterinburgskaya akademiya iskusstv (institut)": postanovlenie Glavy Yekaterinburga ot 20.06.2006 № 558 [On the Creation of the Municipal Educational Institution of Culture of the Higher Vocational Training "Yekaterinburg Academy of Arts (Institute)": decision of the Head of Yekaterinburg from 20.06.2006 No.558] [Electronic resource]. – URL: http://easi.yekaterinburg.pf/files/postnovlenie_glavyi_goroda_00126.pdf (accessed: 01/27/2016). [in Russian]

2. Strategicheskii plan razvitiya municipal'nogo obrazovaniya "gorod Yekaterinburg" do 2020 g.: [Strategic Plan for the Development of the Municipal Entity "City of Yekaterinburg" until 2020] [approved by the decision of the Yekaterinburg City Duma of 26.10.2010 No. 67/30] [Electronic resource]. – URL: <http://ekaterinburg.pf/официально/стратегия> (accessed: 01/27/2016). [in Russian]

3. Zanin M. V. Municipalnyi vuz v kulturno-obrazovatel'nom prostranstve goroda: innovatsii i perspektivy [Municipal University in the Cultural and Educational Space of the City: Innovations and Perspectives] / M.V. Zanin, A.A. Pronin // International Journal of Economics and Education. 2016. V. 2. No. 1. P. 62-73. [in Russian]

4. Pronin A. A. Vuz v kulturnom prostranstve goroda (deiatelnost Yekaterinburgskoi akademii sovremennogo iskusstva glazami zhitelej Uralmasha) [University in the Cultural Space of the City (activities of the Yekaterinburg Academy of Modern Art in the eyes of the inhabitants of Uralmash)] / A.A. Pronin, L.E. Petrova, M.V. Zanin // Modern Problems of Science and Education. - 2015. - No.2-2. - P. 304. [in Russian]

5. Pronin A. A. Nezavisimaya otsenka kachestva raboty munitsipal'nykh organizatsii kultury: razrabotka metodologii [Independent Evaluation of the Quality of Work of Municipal Cultural Organizations: Development of Methodology] / A.A. Pronin [et al.]: Science Today: Theory, Practice, Innovation: Monogr.: in 9 tv. / Ed. by O. P. Chigisheva. - Rostov-on-Don: MITS "Scientific Cooperation," 2016. - P. 105-131. [in Russian]

6. Pronin A. A. Issledovanie sprosа naseleniya Ordzhonikidzevskogo rayona goroda Yekaterinburga na munitsipal'nye uslugi v sfere kultury [Research of the Demand of the Population of the Ordzhonikidze District of the City of Yekaterinburg for Municipal Services in the Sphere of Culture] / A. A. Pronin [et al.]: Fundamental and Applied Aspects of Modern Psychopedagogical and Sociological Research: Monogr.: 3 v. / Ed. by O. P. Chigisheva. - Rishon Le-Tsion: Medial, 2016. - P. 113-148. [in Russian]

7. Vandyshev M. N. Rabotodateli: ozhidaniya ot vypusknikov vuzov / [Employers: Expectations from Graduates of Universities] // M. N. Vandyshev, L. E. Petrova / Quality of Training Specialists with Higher Pedagogical Education: Sociological Monitoring: Monog. on the Material of the Second Stage of the Research Project "Monitoring the Quality of Education in a Pedagogical University" / ed. by B.M. Igosheva, L.E. Petrova, L.Ya. Rubina. - Yekaterinburg: Ural State Ped. Univ., 2006. - P. 73-100. [in Russian]

8. Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 50.03.01 Iskustva i gumanitarnye nauki (uroven bakalavriata): prikaz Minobrnauki Rossii ot 21.04.2016 № 466 [On the Approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the Field of Preparation 50.03.01 Arts and Humanities (bachelor's degree): Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of April 21, 2016 No. 466] [Electronic resource]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 08/21/2016). [in Russian]

9. Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 09.03.03 Prikladnaya informatika (uroven bakalavriata): prikaz Minobrnauki Rossii ot 12.03.2015 № 207 [On the Approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the Field of Preparation 09.03.03 Applied Informatics (bachelor's degree): Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 12, 2015 No. 207] [Electronic resource]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 08/21/2016). [in Russian]

10. Pronin A. A. Vypusknye kvalifikatsionnye raboty studentov Yekaterinburgskoi akademii sovremennogo iskusstva (2012–2016 gg.): annotirovannyi bibliograficheskii ukazatel [Graduation Qualification Works for Students of the Yekaterinburg Academy of Modern Art (2012-2016): Annotated Bibliographic Index] / A. A. Pronin. - Yekaterinburg: Yekaterinburg Academy of Contemporary Art, 2017. - 94 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.005>

Селезнева Н.Е.

Аспирант,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

КФУ им. В.И. Вернадского в г. Ялта

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КРЫМА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Аннотация

Проанализированы законодательные акты, нормативные и учебно-методические документы, регулировавшие состояние и развитие иноязычного образования в военно-учебных заведениях Крыма в конце XX – начале XXI века. Выделены особенности нормативно-правового обеспечения языковой подготовки военных в Крыму в исследуемый период. Определены возможности актуализации опыта военно-учебных заведений Крыма в сфере модернизации иноязычного образования на основе усовершенствования его нормативно-правового обеспечения для улучшения системы языковой подготовки военнослужащих Российской Федерации.

Ключевые слова: нормативно-правовое обеспечение, иноязычное образование, модернизация, военно-учебное заведение.

Selezneva N.E.

Postgraduate student,

Humanitarian Pedagogical Academy (affiliate)

CFU named after V.I. Vernadsky, Yalta

NORMATIVE AND LEGAL PROVISION OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION IN MILITARY EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS IN THE CRIMEA AT THE END OF 20TH - BEGINNING OF 21ST CENTURY

Abstract

The legislative acts, normative and educational-methodical documents regulating the state and development of foreign language education in military educational institutions of the Crimea at the end of 20th - the beginning of 21st century were analyzed. The peculiarities of the normative-legal provision of the foreign language education of the military in the Crimea during the period under investigation are highlighted. The possibilities of implementing the experience of Crimean military educational institutions in the sphere of modernization of foreign language education are determined on the basis of improvement of its normative and legal provisions to develop the system of language training of military personnel of the Russian Federation.

Keywords: normative-legal provision, foreign language education, modernization, military educational institution.

The modern system of education of the Republic of Crimea, which has become a subject of the Russian Federation since 2014, is in the state of transformation, conditioned both by the objective necessity of modernization of education, and by the entry into the legal and regulatory field of Russia. According to A.V. Mamedova, the modernization of education, including the multilingual one as a large-scale plan for the implementation of specific activities at the present stage, should include the updating of all components of education: its goals, content, forms and methods, techniques and technologies of teaching and control [6, P. 107]. Modernization of foreign language education in Russian military educational institutions determined by political, ideological, economic, social and technological changes in society, the need to improve the quality of language training of modern military specialists is impossible without the improvement of the legal and regulatory framework in the system of both general and professional education. As stated by Kurnysheva E.A., the creation of normative and legal provision of educational activity at the higher educational institution is currently one of the fundamental factors that ensure the improvement of the quality of vocational education, innovation, efficiency, and prognosticity of the educational process itself [5, P. 3].

Practice of teaching foreign languages in military educational institutions confirms the need to increase the efficiency of the legal and regulatory provision of educational activities of military educational institutions in the field of improving language training. Thus, there is a need for study, objective assessment, creative thinking and the application of the best achievements of pedagogy, educational activity of educational institutions both at federal and regional levels, with the aim of efficiently combining historical experience with modern advances in scientific thought.

The study of normative-legal support of foreign language education in military educational institutions covers a wide range of issues in the field of political, legal, social, philosophical, and pedagogical sciences. At the turn of the 20th and 21st centuries, a big number of research works emerged on political and cultural significance of the language (by E.N. Kalinin, N.E. Troiskaya, R. Phillipson), on the ethical and legal foundations of the modern Russian concept of education (S.S. Petrov), on the theory and practice of normative and legal provision of education (A.N. Kozyrina, D.V. Korf, T.N. Troshkina), on the philosophy of modernization of education (E.A. Pinchuk), including language education (I.A. Zimneva, V.V. Aseeva, N.D. Gal'skova), the theory and practice of the foreign language education (A.A. Mirolubov, E.I. Passova, I.V. Rakhmanov, I.L. Bim, A.A. Leontiev, G.A. Kitaygorodskaya, M.V. Lyakhovitsky, N.D. Gal'skova, I.I. Khaleeva, L.V. Khvedchena), ways of improving the quality of language training in a military educational institution (V.G. Vlasova, M.B. Ganachevskaya, O.A. Lebedinskaya, Y.V. Tropkina), etc.

At the present stage, the basic law on the basis of which the legislation on education is being built is the Federal Law On Education in the Russian Federation adopted in 2012, which establishes the main principles of the state policy of the Russian Federation in the field of education [11]. Modern legal scholars A. N. Kozyrin and T. N. Troshkina believe that the system of sources of educational law includes, along with legislative acts, the Constitution of the Russian Federation, which contains the basic principles of educational law, international treaties of the Russian Federation that establish the international legal

obligations of the Russian Federation in the field of education, by-laws adopted by the head of state, the government and federal executive bodies, regulatory legal acts, regulating education at the regional (the subjects of the Russian Federation) and municipal levels, as well as local regulations [4, c.12].

Since historically after the collapse of the USSR from 1991 to 2014 the Crimea was part of Ukraine, the activities of military schools of the republic were subject to the Ukrainian legislation. In 1993 by the Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine the State National Program Osvita (Education: Ukraine of the 21st century) was adopted, in which was the creation of a new regulatory and legal framework for education was stated as one of the main ways of reforming education [3, c.6].

The main documents that formed the state policy in the field of military and foreign language education were the Constitution of Ukraine adopted by the Verkhovna Rada of June 28, 1996, the Education Law (1991, amendments and additions No. 100/96-BP of March 23, 1996) and On Higher Education (2002), approved by the decree of the President of Ukraine National Doctrine of the Development of Education (No. 347/2002 of 17.04.2002) and The Main Directions of Higher Education Reform in Ukraine (No. 832/95 of 12.09.1995).

Analysis of the above mentioned legislative acts showed that, in general, the state policy in the sphere of modernization of the education of the Crimea, including military and language training, corresponded to the Russian, European and global trends in the transition to a new humanistic, innovative, personality-oriented paradigm of education, aimed at founding a system of life-long foreign language education [10].

However, the legal and regulatory framework for foreign-language education in military schools in the Crimea at the end of the 20th and beginning of the 21st century had its own specifics, conditioned by the historical, political, socio-economic peculiarities of the development of the region.

Due to participation of Ukraine in international peace support operations since 1992 and from 1995 in multinational exercises within the program "Partnership for Peace", the Ministries of Defense of the UK and Ukraine initiated the educational program "Peacekeeping English Project", designed for 15 years, and directed towards creating a whole complex system of military language training that would combine and strengthen the cooperation of military educational establishments, their command, teaching staff in order to support the high level of pedagogical, methodical and scientific provision of the teaching process [9, P. 94]. A wide network of permanent foreign language courses was built up for the personnel that were deployed abroad to serve or work on peacekeeping missions and for those whose responsibilities involved using a foreign language. At the level of the Cabinet of Ministers of Ukraine, the issue of material incentives for servicemen for the knowledge and use of a foreign language was unleashed. The allowance for the knowledge and use of a foreign language was set at a rate of 5-25% of the monthly salary, which significantly increased the motivation to study foreign languages, which had a positive effect on the quality of foreign language education [2, P. 44-46]. At Black Sea Fleet Naval School named after P.S. Nakhimov such courses functioned from 1996 to 2014 and provided foreign language training for the Navy personnel, on their basis the language laboratory of the scientific and methodological center for the study of foreign languages was founded.

In 1998, the Concept of teaching foreign languages in military educational institutions of the Ministry of Defense of Ukraine was developed and implemented. It reflected an integral system of views on the theoretical foundations and organizational arrangements for improving the educational process of studying foreign languages in military schools; a four-level system of language training was introduced, based on state educational standards, taking into account the requirements of NATO's language standards (STANAG 6001) [1]. The Concept stated the terminal objectives, content for every level and skill, principles of professional life-long foreign language education with the dominating communicative method of teaching, developing all perceptive and receptive skills with the priority of listening and speaking [7].

Considering the tendencies of the modernization of foreign language education in military schools and the analysis of the legal provision of foreign language education in the military educational establishments of the Crimea at the end of the 20th - beginning of the 21st century, it is considered possible to implement their experience for improving the current process of language training of Russian military specialists. It can be done by means of developing and introducing the Concept of foreign language education in military schools that would, taking into account federal state educational standards and international military language standards such as STANAG, formulate the requirements for determining levels of foreign language proficiency for graduates of various types of military schools; envisage the creation of a network of permanent courses for teaching foreign languages to servicemen on the basis of existing higher and secondary military educational institutions, the development and implementation of a national system of standard language testing for military personnel; introduce entrance and final state exams in foreign languages as well as create a regulatory framework at the level of the military educational agencies and individual military educational institutions of the Russian Federation to ensure material encouragement for the command of one or more foreign languages of servicemen; develop international cooperation in foreign language education of military personnel and professional development of foreign language teachers.

In conclusion, the research proves that the scientifically grounded application of the experience of modernizing foreign language education in military educational establishments in the Crimea at the end of the 20th - beginning of the 21st century can contribute to the improvement of the system of language training of Russian military specialists, but further study of the problems of the objectives, contents, effective forms and methods of language training, professional training and professional development of teaching personnel, teaching materials and technical support of military educational institutions in Russia in the field of foreign language education is required.

Список литературы / References

1. Балабін, В. В. Мовне тестування за стандартом "STANAG 6001": Метод. посіб. / В.В. Балабін. – К.: Військ. ін-т Київ. нац. ун-ту ім. Т. Шевченка, 2003. – 15 с.
2. Балабін, В. Проблеми мовної підготовки в Збройних Силах України / В. Балабін // Наука і оборона: щоквартальний науково-теоретичний та науково-практичний журнал Міністерства оборони України № 2, 2007. – С. 42-46.
3. Державна національна програма "Освіта" (Україна XXI століття) Постанова Кабміну № 896-93-п від 03.11.93 р. [Електронний ресурс] / Режим доступа: <https://goo.gl/LV6zac> (дата обращения – 22.09.2017)

4. Козырин А. Н., Трошкина Т. Н. Правовое регулирование отношений в сфере образования: научно-практический комментарий статьи 4 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» / А.Н. Козырин, Т.Н. Трошкина // Ежегодник российского образовательного законодательства. — М. : ФГУ «ФЦОЗ», 2013. — Т. 8. — С. 7–25.

5. Курнышева Е. А. Педагогическое обоснование нормативно-правового обеспечения образовательной деятельности в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Курнышева Елена Александровна. — Нижний Новгород: Волж. гос. инж.-пед. ун-т, 2006. — 22 с.

6. Мамедова А. В. Предмет иностранный язык в свете модернизации высшего образования / А. В. Мамедова // Проблемы и перспективы развития образования: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2011 г.). Т. II. — Пермь: Меркурий, 2011. — С. 105-108.

7. Наказ Міністра оборони України «Про затвердження Концепції навчання іноземних мов у військових навчальних закладах Міністерства оборони України» №229 від 09.06.98 р. — 20 с.

8. Нещадим М. І. Військова освіта України: Історія, теорія, методологія, практика. — К. : ВПЦ "Київ, ун-т", 2003. — 852 с.

9. Речич С.Л. З історії формування та розвитку воєнно-політичного співробітництва Збройних Сил України з НАТО / С.Л. Речич // Сухопутні війська Збройних Сил України: 20 років миротворчої діяльності: Матеріали доповідей науково-практичної конференції 25 жовтня 2012 р., м.Львів. — Львів : АСВ, 2012. — С.93-96.

10. Указ Президента України «Про Національну доктрину розвитку освіти» N 347/2002 від 17 квітня 2002 року. — 19 с.

11. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "Об образовании в Российской Федерации" [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/daa986032b04cd0090591f2086305a3be10b6a24/ (дата обращения — 22.09.2017)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Balabin, V. V. Movne testuvannja za standartom "STANAG 6001" [Language Testing Based on STANAG 6001] : Metod. posib. / V.V. Balabyn. — K.: Vijs'k. in-t Kyi'v. nac. un-tu im. T. Shevchenka. — 2003. — 15 p. [in Russian]

2. Balabin, V. Problemy movnoi' pidgotovky v Zbrojnyh Sylah Ukrai'ny [Language Training Problem in the Ukrainian Armed Forces] / V. Balabin // Nauka i oborona: shhokvartal'nyj naukovo-teoretychnyj ta naukovo-praktychnyj zhurnal Ministerstva oborony Ukrai'ny [Science and Defense: Quarterly Scientific, Theoretical and Practical Journal of the Ministry of Defense of Ukraine]. — 2007. — № 2, —P. 42-46. [in Russian]

3. Derzhavna nacional'na programa "Osvita" (Ukrai'na XXI stolittja) Postanova Kabminu № 896-93-p vid 03.11.93 [Electronic resource] / URL : <http://www.kafedragum-artcollege.edu.km.ua/Files/downloads/Україна20XXI20ст.pdf> (accessed — 22.09.2017) [in Ukrainian]

4. Kozyrin A. N., Troshkina T. N. Pravovoe regulirovanie otnoshenij v sfere obrazovanija: nauchno-prakticheskij kommentarij stat'i 4 Federal'nogo zakona «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [Legal regulation of relations in the field of education: a scientific and practical commentary on Article 4 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation"] / A.N. Kozyrin, T.N. Troshkina // Ezhegodnik rossijskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva [Yearbook of Russian educational legislation]. — M. : FGU «FCOZ», 2013. — T. 8. — P. 7–25 [in Russian]

5. Kurnysheva E. A. Pedagogicheskoe obosnovanie normativno-pravovogo obespechenija obrazovatel'noj dejatel'nosti v vuze [Pedagogical Grounding of the Normative and Legal Support of Educational Activities in the University] : dis. ... of PhD in Pedagogics: 13.00.08 / Kurnysheva Elena Aleksandrovna. — Nizhnij Novgorod : Volzh. gos. inzh.-ped. un-t, 2006. — 22 p. [in Russian]

6. Mamedova A. V. Predmet inostrannyj jazyk v svete modernizacii vysshego obrazovanija [The Subject of Foreign Language in the Light of Modernization of Higher Education] / A. V. Mamedova // Problemy i perspektivy razvitija obrazovanija: materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', aprel' 2011 g.) [Problems and prospects of the development of education: materials of the international. sci. Conf. (Perm, April 2011)]. — Perm' : Merkurij, 2011. — T. II. — P. 105-108. [in Russian]

7. Nakaz Ministra oboroni Ukraїni «Pro zatverdzhennja Konceptii navchannja inozemnih mov u vijs'kovih navchal'nih zakladah Ministerstva oboroni Ukraїni» [On Approval of the Concept of Foreign Languages Training at Military Educational Institutions of the Ministry of Defense of Ukraine] №229 vid 09.06.98 r. — 20 p. [in Ukrainian]

8. Neshhadym M. I. Vijs'kova osvita Ukrai'ny: Istorija, teorija, metodologija, praktyka [Military education of Ukraine: History, theory, methodology, practice]. — K. : VPC "Kyiv, un-t", 2003. — 852 p. [in Ukrainian]

9. Rechych S.L. Z istorii' formuvannja ta rozvytku vojenno-politychnogo spivrobitnyctva Zbrojnyh Syl Ukrai'ny s NATO [From the History of the Formation and Development of Military-political Cooperation of the Armed Forces of Ukraine with NATO] / S.L. Rechych // Suhoputni vijs'ka Zbrojnyh Syl Ukrai'ny: 20 rokiv myrotvorchoi' dijal'nosti: Materialy dopovidej naukovo-praktychnoi' konferencii' 25 zhovtnja 2012 r.[Ground Forces of the Armed Forces of Ukraine: 20 Years of Peacekeeping Activities: Materials of the reports of the scientific and practical conference 25.10.2012]. — L'viv : ASV, 2012. — P.93-96. [in Ukrainian]

10. Указ Президента України «Про Національну доктрину розвитку освіти» N 347/2002 від 17 квітня 2002 року. — 19 p. [in Ukrainian]

11. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ (red. ot 29.07.2017) "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" [Electronic resource] / URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/daa986032b04cd0090591f2086305a3be10b6a24/ (accessed — 22.09.2017). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.064>

Серебрянцева О.Г.

Доцент кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации,
кандидат психологических наук, доцент,

Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета
**ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ МОДУЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ МАГИСТРОВ
НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВУЗА**

Аннотация

Универсальность предмета «Иностранный язык» позволяет поставить его в модуль с любым специальным предметом, в результате чего происходит мотивированное овладение данными дисциплинами. Использование междисциплинарных связей также способствует совершенствованию навыков и умений научно-исследовательской работы.

В статье определены основные направления планирования занятий по программе подготовки магистров нелингвистических вузов по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной сфере» в модуле «Общенаучный», представляющиеся универсальными для данного модуля в условиях недостаточного количества времени, отводимого на предмет.

Ключевые слова: планирование, модуль, результативность процесса модульного обучения, междисциплинарные связи.

Serebryantseva O.G.

Associate Professor of the Department of Methods of Teaching English and Business Communication, PhD in Psychology,
Associate Professor, Institute of Foreign Languages of Moscow City Pedagogical University

**FOREIGN LANGUAGE UNDER THE CONDITIONS OF MODULAR TRAINING OF MASTER DEGREE
STUDENTS OF NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES**

Abstract

The universal character of the subject "Foreign Language" allows adding it to the module with any special subject, resulting in a more motivated mastery of these disciplines. The use of interdisciplinary relations contributes to the improvement of skills necessary for research work.

The article outlines the main directions for planning classes for the master's degree program of non-linguistic universities within the discipline "Foreign Language in the Professional Domain" in the module "General Science," which are universal for this module under the conditions of the lack of time allocated for the subject.

Keywords: planning, module, the effectiveness of the modular training process, interdisciplinary relations.

В современном российском образовании модульное обучение завоевывает все большую популярность. Несмотря на то, что конструирование модульного обучения опирается на теорию педагогики, изучение дисциплины происходит более или менее самостоятельно в соответствии с учебным планом, «содержащим в себе целевой блок действий, направленных на освоение выбранного материала, банк необходимой информации (теоретическая сущность) и методические указания по достижению необходимых дидактических целей.» [2, С. 437]

В отличие от классической формы преподавания структура модуля позволяет объединять несколько дисциплин, учебных курсов или разделов наук, и таким образом способствует развитию междисциплинарных связей, поскольку универсальность иностранного языка как учебного предмета позволяет поставить его в модуль с любым предметом или несколькими предметами. В результате появляется возможность систематизировать знания, получаемые студентами по специальным предметам, и способствовать усвоению учебного материала специальности, а также возможность изучать и систематизировать достижения зарубежных исследователей в области своей специальности, осознать структуру, цели и задачи научно-исследовательской работы, и способствовать формированию профессиональных компетенций. [1, С. 307]

Дисциплина «Иностранный язык в профессиональной сфере» преподается в первом семестре обучения в магистратуре и взаимосвязана с дисциплинами общенаучного (М.1) и профессионального (М.2) циклов. Иностранный язык поставлен в модуль «Общенаучный». Уровень освоения студентами объема дисциплины в модуле определяется в соответствии с рабочей программой соответствующей дисциплины в формах, предусмотренных учебным планом. В связи с этим учебный материал блочно структурируется и адаптируется к дидактическим условиям, срокам обучения, тематике соответствующих предметов.

В данном модуле предмет «Иностранный язык в профессиональной сфере» поставлен в блок со специальной дисциплиной «Методология и методы научного исследования», основанной на теории системной психологии, вносящей существенный вклад в создание фундаментальной теории психологии, с помощью которой студенты-магистры продолжают совершенствовать свои способности к абстрактному мышлению, анализу и синтезу. [5, С. 4]

Наряду с дальнейшим совершенствованием иноязычной коммуникативной компетенции в области профессиональной деятельности, развитием вторичной языковой личности, расширением профессионального кругозора студентов, развитием профессионального критического и творческого мышления, личной профессиональной мотивации, формированием готовности содействовать налаживанию межкультурных и научных связей и представлять свою страну на международном уровне, одной из главных целей блока является дальнейшее развитие навыков самостоятельной образовательной работы.

Предполагается, что на предыдущем этапе обучения студенты (бакалавры) научились выражать свои мысли и в повседневном общении, и в области специальности, а также представляют многообразие типов текстов, с которыми им придется встречаться как специалистам, умеют конспектировать лекции.

Студенты-магистры (магистранты), изучающие иностранный язык в модуле, продолжают анализировать результаты научных исследований, а также повышают свой уровень способности реферирования и аннотирования литературы по специальности на иностранном языке, ее адекватного перевода, написания резюме и заявок на международные конференции. Благодаря такому подходу студенты продолжают развивать навыки научного мышления, учатся основам организации и методики проведения научно-исследовательской работы в области профессиональной деятельности.

Формой промежуточной и итоговой аттестации в модуле для магистратуры являются зачет и экзамен. При этом система контроля строится по балльно-рейтинговой модели, а итоговый экзаменационный балл студенты получают в результате сложения накопительной рейтинговой оценки и ответа на экзамене. При этом критериями набора баллов являются посещаемость, активность работы на занятии, выполнение домашних заданий, контрольных работ и проектов.

В объеме требований учебных программ зачет и экзамен проверяют и оценивают работу студентов по изучению дисциплины, полученные ими теоретические знания, развитие творческого мышления, приобретенные навыки самостоятельной работы, умение синтезировать полученные знания и применять их в процессе решения практических задач.

Основой для выставления дифференцированной оценки (балла) после проведения текущей и меж-семестровой аттестаций (в том числе выполнение проекта и его защита в виде презентации в Power Point) служат объём и уровень усвоения студентами материала, предусмотренного рабочей программой модуля, подтверждающие качество восприятия студентом изучаемых дисциплин. [2, С. 439]

Критерии оценки проекта возможны следующие: идея проекта, ее актуальность и новизна, логика изложения, содержательность проекта, подбор источников, грамотное оформление материала, логика и содержательность устного сопровождения проекта, манера подачи материала и т.д.

В течение семестра помимо выполнения упражнений и заданий в аудитории, студенты пишут самостоятельно рефераты и аннотации вне аудитории по темам своей специальности и накапливают баллы, учитывая следующие критерии: новизна реферированного или аннотированного текста, степень раскрытия проблемы, обоснованность выбора источников, соблюдение требований к оформлению, грамотность.

Так как в модуле отводится небольшое количество часов на аудиторные занятия по иностранному языку (16 учебных часов), то главный акцент преподаватель делает на самостоятельную внеаудиторную работу студентов, которая показывает готовность магистров к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала, способность использовать научно-обоснованные методы в учебной деятельности, способствует развитию навыков коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках с целью решения профессиональных задач, овладению современными технологиями проектирования и организации научного исследования в своей профессиональной деятельности.

В результате практики преподавания иностранного языка в модуле в лингвистическом вузе положительно зарекомендовали себя следующие формы работы (занятий):

- аудиторные групповые лекционно-практические занятия, проводимые преподавателем;
- обязательная самостоятельная работа студента, выполняемая во внеаудиторное время, в том числе с использованием технических средств обучения (профессионально направленные проекты, защищаемые в виде презентаций, выполненных в Power Point, предполагающие связь иностранного языка с предметами по специальности);
- индивидуальная самостоятельная работа студента (аннотирование, реферирование, адекватный перевод специальной литературы);
- индивидуальные консультации с преподавателями-предметниками.

Большую помощь в планировании тем занятий оказывают появляющиеся в настоящее время учебники и учебно-методические пособия для магистров в разных областях науки. [4, С. 1–75]; [3, С. 1–48]; [9, С. 1–320]

В соответствии с вышесказанным в календарно-тематическое планирование предмета «Иностранный язык в профессиональной сфере» входят следующие группы тем, представляющиеся универсальными для преподавания иностранного языка в модуле «Общенаучный»:

1. *Иностранный язык и системная психология. Методологические проблемы психологии.* Типы текстов по специальности.
2. *Правила адекватного перевода специальной литературы. Основы аннотирования и реферирования.* Работа с литературой по специальности (чтение, перевод, реферирование, аннотирование).
3. *Исследовательские навыки и умения.* Работа над проектом (Правила, выбор и распределение ролей и тем). Работа с литературой по специальности.
4. *Получение степени магистра.* Работа с литературой по специальности. Проверка хода работы над проектом. [3, С. 14]
5. *Алгоритм использования знаний для эффективной работы.* Работа с литературой по специальности. Проверка хода работы над проектом.
6. *Правила подготовки эффективных презентаций и их оценка.* Работа с литературой по специальности. Проверка хода работы над проектом. [11, С. 6–70]

После прохождения данных тем проводится зачет и экзамен. [9, С. 1–15]

Таким образом, несмотря на недостаточное количество часов, отводимое на совершенствование иностранного языка в магистратуре университета, план работы по иностранному языку в модуле задуман, как приглашение к исследовательской самостоятельной работе, подразумевающий знакомство с современными научными исследованиями, а также возможность включения в международную научную среду.

В работе Ю.В. Головановой «Модульность в образовании: методики, сущность, технологии» [2, С. 437] подтверждается, что подобное преобразование системы образования увеличивает объем самостоятельной работы обучающихся; повышает универсальность структуры образовательных программ. Обучающиеся могут получать профессиональные навыки и умения не только в области своей узкой специальности, но и в смежных областях профессиональной деятельности.

Кроме того, что модульное обучение позволяет индивидуализировать учебный процесс, повысить эффективность и качество подготовки студентов, оно дает возможность преподавателю формировать их профессиональные компетенции при помощи проблемной подачи материала с акцентом на самостоятельную деятельность студентов, а не на сообщение готовой информации. [6, С. 611].

Следует сказать, что преподаватель, практикующий иностранный язык в модульном обучении в магистратуре, выступает в роли тьютора и помощника, консультанта-координатора, а не только информатора и контролера. Наряду с сообщением информации он руководит самостоятельной аудиторной и внеаудиторной работой студента; выбирает методы и организационные формы обучения; проектирует и конструирует дидактический процесс; подбирает, рекомендует и помогает подбирать учебный материал и специальную литературу на иностранном языке; разрабатывает и обновляет соответствующие учебные программы модуля учебного предмета (куда входит система контроля, оценки и коррекции); совершенствует свое владение технологией модульного обучения; создает методические и учебные пособия и учебники (в том числе электронные), используя научную литературу по специальности; умеет адекватно оценивать свою компетентность; консультируется с преподавателями специальных дисциплин. [7, С. 73]

В заключение можно отметить, что успешность овладения иностранным языком в нелингвистическом вузе зависит также и от умения преподавателя направить психологические особенности студентов на развитие их индивидуальной системы осознанной саморегуляции, самообучения и самоорганизации. [8, С. 164]

Такие виды деятельности, как встречи с зарубежными специалистами (на совещаниях, конференциях, симпозиумах, конгрессах и т.д.), устная переводческая деятельность на производстве, преподавание дисциплины своей специальности на иностранном языке, роль полноценного носителя иностранного языка при повышении квалификации, в условиях недостатка времени могут быть реализованы в факультативном модуле.

Список литературы / References

1. Бокуть Е.Л. Проектная деятельность студентов в вузе как форма реализации межпредметных связей / Е.Л. Бокуть, О.Г. Серебрянцева // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы 9 международной научно-практической конференции: в 2-х ч. – М.: РУДН, 2016 г. – С.307–310.
2. Голованова Ю. В. Модульность в образовании: методики, сущность, технологии / Ю. В. Голованова // М.: Молодой ученый. – 2013. – №12. – С. 437–442.
3. Зинкевич Н.А. Курс английского языка для магистрантов. Учебник / Зинкевич Н.А., Т.В. Андрияшина и др. – М.: Айрис-пресс, 2011. – 448 с.
4. Калининченко Э.Б. Учебно-методическое пособие для магистров «English for Science» / Э.Б. Калининченко, О.В. Романова – Саратов, 2014. – 75 с.
5. Рыжов Б.Н. Системная психология / Б.Н. Рыжов. – 2-е издание. – М.: Т8 Издательские технологии, 2017. – 356 с.
6. Рындина Ю.В. Индивидуально-дифференцированный подход в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей [Текст] // Молодой учёный. – 2013. – № 10 (57). – С. 610–612.
7. Серебрянцева О.Г. Оптимизация работы преподавателя иностранного языка нелингвистического вуза / О.Г. Серебрянцева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – №8 (50), Часть 5. – С. 73–75.
8. Серебрянцева О.Г. Самоорганизация студентов в процессе изучения иностранного языка (стратегии учения и метод проектов) / О.Г. Серебрянцева // Педагогические науки. – 2009. – №3 (39) – С. 157–164.
9. Серебрянцева О.Г. Рабочая программа дисциплины «Иностранный язык в профессиональной сфере». Направление подготовки «Социология», "Психолого-педагогическое образование", "Психология" / О.Г. Серебрянцева. – М.: МГПУ, 2017. – 15 с.
10. Симонов В.П. Педагогика и психология высшей школы. Инновационный курс для подготовки магистров: учеб. пособие. / В.П. Симонов // М.: Вузский учебник; М.: ИНФРА, 2017. – 320 с.
11. Hughes J. Successful presentations / J. Hughes, A. Mallett. – Oxford university Press, 2016. – 71 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bokut E.L. Proektnaiya deyatelnost studentov v vuze kak forma realizatsii mezhpredmetnykh svyazey [University students' project activities as a form of interdisciplinary links.] / E.L. Bokut, O.G. Serebryantseva // Vysshaya shkola: opyt, problemy, perspektivy: materialy 9 mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v dvukh ch. [Higher School: experience, problems, perspectives: the 9th International scientific and practical conference materials: in 2 parts]. – М.; RUDN, 2016. – С.307–310. [in Russian].
2. Golovanova Yu.V. Modulnost v obrazovanii: metodiki, sushchnost, tekhnologii [Modular system in education: methods, main points, technologies] // Molodoy ucheniy [Young Scientist]. – 2013. – №12, P. 437-442. [in Russian].
3. Zinkevich N.A. Kurs angliyskogo yazyka dlya magistrantov [English Masters Course] / N.A. Zinkevich, T.V. Andryukhina and others. – М.: Iris-press, 2011. – 448 p. [in Russian].
4. Kalinichenko E.B. Uchebno-metodicheskoye posobiye dlya magistrov "English for Science" [English Masters Textbook "English for Science"] / E.B. Kalinichenko, O.V. Romanova. – Saratov, 2014. – 75 с. // [in Russian].
5. Ryzhov B.N. Sistemnaya psikhologiya [System psychology.] / B.N. Ryzhov. – 2nd edition. – М.: Т8 Izdatelskiye tekhnologii, 2017. – 356 p.] [in Russian].

6. Ryndina Yu.V. Individualno-differentsirovannyi podhod v obuchenii inostrannomu yazyku studentov neyazykovykh spetsialnostey [Tekst] [Individual and graded approach in foreign language teaching students of non-linguistic specialties [Text] // Molodoy ucheniy [Young Scientist]. – 2013. – № 10 (57). – P. 610–612. [in Russian].
7. Serebryantseva O.G. Optimizatsiya raboty prepodavatelya inostrannogo yazyka nelingvisticheskogo vuza [Optimization of a foreign language teacher working at a non-linguistic university.] / O.G. Serebryantseva // Mezhdunarodniy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International Research Journal.]. – 2016. – №8 (50), Chast 5. – P.73–75. [in Russian].
8. Serebryantseva O.G. Samoorganizatsiya studentov v processe izucheniya inostrannogo yazyka (strategii ucheniya i metod proyektov) [Students self-organization during a foreign language mastering (learning strategies and the usage of affective strategies by the students of non-linguistic university)] / O.G. Serebryantseva // M.: Pedagogicheskiye nauki [M.: Educational Sciences]. – 2009. – V. 3(39). – P. 157–164. [in Russian].
9. Serebryantseva O.G. Rabochaya programma discipliny “Inostrannyi yazyk v professionalnoy sfere”. Napravleniye podgotovki “Sotsiologiya”, “Psikhologo-pedagogicheskoye obrazovaniye”, “Psikhologiya” [The Syllabus on A Foreign Language in Vocational sphere. Sociology, Educational Psychology, Psychology] / O.G. Serebryantseva. – M.: MGPU, 2017.– 15 p. [in Russian].
10. Simonov V.P. Pedagogika i psikhologiya vysshei shkoly. Innovatsionniy kurs dlya podgotovki magistrrov: uchebnoye posobiye. [Pedagogics and psychology of higher school. Masters innovative course: textbook.] / Simonov V.P. – M.: Vuzovskiy uchebnik; M.: INFRA, 2017. – 320 p. [in Russian].
11. Hughes J. Successful presentations. – Oxford University Press, 2016. – 71 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.024>

Талхигова Х.С.

Кандидат педагогических наук, ФГБОУ ВО Чеченский государственный университет,
Академия наук Чеченской Республики, Комплексный научно-исследовательский институт
им. Х.И. Ибрагимов РАН

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЗИКИ В ВУЗЕ

Аннотация

В условиях перехода к новым образовательным стандартам проведение лабораторных занятий способствует формированию глубоких научных знаний, развитию практических умений и навыков студентов, их самостоятельности и творческой активности. В настоящее время происходит становление новой системы образования, которое сориентировано на вхождение в единое мировое образовательное и информационное пространство.

Статья посвящена актуальности применения компьютерных технологий в учебной деятельности студентов, в частности при проведении лабораторного практикума по физике.

Ключевые слова: лабораторный практикум по физике, модельный эксперимент.

Talkhigova Kh.S.

PhD in Pedagogy, FSBEI of Higher Education Chechen State University,
Academy of Sciences of the Chechen Republic,
Complex Scientific Research Institute named after Kh.I. Ibragimov of the RAS

NEW OPPORTUNITIES OF INFORMATION TECHNOLOGIES APPLICATION IN TEACHING PHYSICS AT UNIVERSITIES

Abstract

Conducting laboratory classes contributes to the formation of deep scientific knowledge and the development of practical skills fostering students' independence and creative activity under the conditions of transition to new educational standards. At present, the formation of a new education system is taking place, which is oriented towards entering a unified educational and information space of the world.

The article is devoted to the relevance of the computer technologies application in educational activities of students, in particular, when conducting a laboratory practicum in physics.

Keywords: laboratory practicum in physics, model experiment.

Как подчеркивается в концепции модернизации российского образования, основным результатом деятельности образовательного учреждения должна стать личность обучаемого. Выпускники высших учебных заведений должны быть профессионально компетентны в оценке процессов, происходящих в обществе, владеть глубокими научными знаниями, быть способными на постоянное саморазвитие и самосовершенствование. В связи с этим возникает необходимость освоения современных технологий обучения, таких как интерактивные, информационно-коммуникативные, личностно-ориентированные.

Неизбежен пересмотр организационных форм обучения путем увеличения доли самостоятельной, индивидуальной и коллективной формы работы студентов, объема практических и лабораторных работ поискового и научно-исследовательского характера. В этом направлении и осуществляют свою деятельность сотрудники факультета физики и информационно-коммуникационных технологий Чеченского государственного университета (ЧГУ) [1, С. 57].

Современная ситуация в образовании формируется под воздействием глобальной тенденции информатизации общества [2, С. 54].

Овладение современными технологиями – потребность найти способы повышения результативности и эффективности профессиональной деятельности, снижения трудоемкости ресурсов и затрат, уменьшения разброса, дисперсии качества ее результатов [3, С. 163].

В педагогической деятельности среди информационных технологий особое место занимают мультимедийные технологии, они позволяют заменить почти все традиционные технические средства обучения. Достоинства мультимедийных технологий особенно актуальны при изучении такой дисциплины как физика [4, С. 160].

Физика – наука экспериментальная [5, С. 64]. Она идет от простого наблюдения явлений к постановке целенаправленных опытов, позволяющих получить качественное представление о процессах, происходящих в природе [6, С. 161]. По мере уточнения методов исследования открывается возможность количественных измерений тех или иных физических величин и формулировки количественных физических законов. Для этой цели привлекаются математические методы, благодаря которым результаты обобщаются в сжатой ясной форме. Физические законы позволяют предсказывать ход событий в определенных условиях. Проверка этих предсказаний дает возможность установить область применения того или иного закона и оценить точность предсказаний, а также прочность производимых в физике измерений. Именно в этом смысле физику называют точной наукой: она не обладает абсолютно точными сведениями о природе, но может оценивать точность и надежность своих предсказаний [7, С. 133].

Если развитие физики помогает развитию техники, то и техника, в свою очередь, обогащает физику новыми, более совершенными приборами и методами исследования природы и ставит перед физикой новые задачи [8, С. 41].

В настоящее время появилась возможность реализации модельных экспериментов с помощью средств ИКТ и создания виртуальных лабораторных практикумов [9, С. 59].

Лабораторный практикум по физике атомного ядра и элементарных частиц является обязательной компонентой лабораторного цикла для студентов – физиков. Выполнение лабораторных работ по данному сегменту физической науки необходимо для выработки «квантового» типа мышления, необходимого для образовательной и научно-исследовательской работы в области квантовой физики и нанотехнологий.

В то же время ввод в строй и поддержание данного лабораторного практикума в наших ВУЗах встречается с рядом трудностей. Во первых, лабораторная техника и электронное оборудование для ядерного практикума дорого и по большей части производится за рубежом. Во вторых в наших условиях использование при выполнении лабораторных работ источников радиоактивного излучения нежелательно, так как в этом случае придется выделять под практикум специальные режимные помещения с квалифицированным персоналом.

В связи с этим нами проводится работа по включению в состав общего лабораторного практикума по физике атомного ядра и элементарных частиц виртуальных лабораторных работ, которые могут быть выполнены в режиме онлайн [3, С. 163].

Работающие на данное время виртуальные лабораторные работы по физике ядра и по элементарных частиц включает в себя следующие – «Радиоактивность и α – распад», «Деление тяжелых ядер», «Нейтронно-активационный анализ». Каждая лабораторная работа состоит из теоретического введения, подробного описания протокола измерений и их статистической обработки. После чего в режиме онлайн проводятся сами измерения при различных параметрах измерительного тракта, устанавливаемых самим студентом.

Рассмотрим более подробно лабораторные работы «Радиоактивность и α – распад» и «Деление тяжелых ядер».

«Радиоактивность и α – распад». Дается общее определение радиоактивности, подчеркивается принципиально статистический характер этого явления. Вводятся описывающие распад величины – постоянная распада λ , время жизни τ и период полураспада $T_{1/2}$. Формулируется и решается система дифференциальных уравнений для случая двухцепочных распадов. Далее приводятся формулы для баланса чисел Z , A и энергий для α – распада, формулируется закон Гейгера-Неттола и его теоретическое объяснение. Приводится подробное описание лабораторной установки, состоящей из полупроводникового (кремний – литиевого) детектора тяжелых заряженных частиц, зарядочувствительного предусилителя, усилителя-формирователя и амплитудного анализатора. Время измерения может меняться в интервале (1, 100) с, число отсчетов на 1 канал анализатора в интервале (32, 65536) при числе каналов – 1024.

Цель работы заключается в измерении энергетических спектров α – частиц, определении их энергий и последующей идентификации – с помощью табличных данных – идентификации 4 неизвестных радиоактивных ядер, являющихся источниками этих частиц. Для этого предварительно производится калибровка амплитудного анализатора посредством измерения спектра энергий α – частиц, излучаемых радиоактивным источником ядер Ra^{226} .

Лабораторная работа «Деление тяжелых ядер». Дается определение реакции спонтанного деления тяжелых ядер с $Z > 82$. Рассматривается капельный механизм деления ядра, согласно которому данный квантовый процесс обусловлен влиянием на устойчивость ядра кулоновских сил отталкивания между ядерными протонами. Лабораторная установка виртуальной работы состоит из встроенного источника α – частиц, кремниевого детектора тяжелых заряженных частиц, на который с отдельного блока подается напряжение смещения. Полупроводниковый детектор на основе кремния отличается чувствительностью 2-3 % и позволяет разрешать энергетический спектр тяжелых заряженных частиц в самых малых деталях. Полученный сигнал после прохождения стандартного усилительного тракта подается на вход амплитудного анализатора.

Цель работы заключается в измерении энергетического спектра и спектра масс ядер – осколков, получающихся при спонтанном делении ядер изотопа калифорния Cf^{252} .

Амплитудный анализатор предварительно калибруется посредством измерения спектра α – частиц с энергиями 4.78, 5.30, 5.49, 6.00, 7.69 МэВ, излучаемых радиоактивным источником ядер Ra^{226} .

В процессе проведения физического практикума у студентов вырабатываются и закрепляются навыки логического осмысления наблюдаемых процессов, обработки полученных результатов, необходимых для дальнейшего обучения и самостоятельной работы [10, С.143].

Список литературы / References

1. Талхигова Х.С. Пути построения физического эксперимента в вузе/ Х.С. Талхигова // Экономические и гуманитарные исследования регионов: Научно-теоретический журнал. – 2015. – №5. Р. н/Д. – С. 57-60.
2. Талхигова Х.С. Электронные образовательные ресурсы в профессиональной подготовке студентов бакалавриата / Х.С. Талхигова // Экономические и гуманитарные исследования регионов: Научно-теоретический журнал. – 2011. – №4. Р. н/Д. – С. 54-59.
3. Талхигова Х.С. Особенности современных образовательных технологий / Х.С. Талхигова // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Современные технологии в мировом пространстве». – Ч.2. – Уфа: АЭТЕРНА. – 2016. – С.163-164.
4. Талхигова Х.С. Использование технологии мультимедиа на уроках физики / Х.С. Талхигова // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития науки в России и мире». – Ч.4. – Уфа: АЭТЕРНА. – 2016. – С.160-162.
5. Талхигова Х.С. Учебный физический эксперимент / Х.С. Талхигова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 10(41).– С. 64-65.
6. Талхигова Х.С. Учебный физический эксперимент в условиях модернизации образования / Х.С. Талхигова // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Современные технологии в мировом пространстве». – Уфа: АЭТЕРНА. – 2016. –С.161-163.
7. Талхигова Х.С. Компьютерное моделирование в обучении физике // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Личность как объект психологического и педагогического воздействия ». – Уфа: АЭТЕРНА. – 2016. – С.133-134.
8. Талхигова Х.С., Умарова Л.Х. Некоторые аспекты проведения физического эксперимента в условиях модернизации образования / Х.С. Талхигова, Л.Х. Умарова // Экономические и гуманитарные исследования регионов: Научно-теоретический журнал. –2016. –№ 4. –Р. н/Д. – С. 41-43.
9. Талхигова Х.С. Некоторые особенности проведения лабораторного практикума в вузе / Х.С. Талхигова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 4(58).– С. 59-60.
10. Талхигова Х.С. Методические рекомендации к проведению общего физического практикума / Х.С. Талхигова // Сборник статей Международной научно-практической конференции: «Интеграционные процессы в науке в современных условиях». – Уфа: АЭТЕРНА. – 2016. – С. 143-145.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Talhigova H.S. Puti postroenija fizicheskogo jeksperimenta v vuze [Ways of constructing a physical experiment in a university]/ H.S. Talhigova // Jekonomicheskie i gumanitarnye issledovanija regionov: Nauchno-teoreticheskij zhurnal [Economic and humanitarian studies of the regions: Scientific and theoretical journal]. – 2015. – № 5. R. n/D. – P. 57-60. [in Russian]
2. Talhigova H.S. Jelektronnye obrazovatel'nye resursy v professional'noj podgotovke studentov bakalavriata [Electronic educational resources in the professional training of undergraduate students] / H.S. Talhigova // Jekonomicheskie i gumanitarnye issledovanija regionov: Nauchno-teoreticheskij zhurnal [Economic and humanitarian studies of the regions: Scientific and theoretical journal]. – 2011. – № 4. R. n/D. – P. 54-59. [in Russian]
3. Talhigova H.S. Osobennosti sovremennyh obrazovatel'nyh tehnologij [Features of modern educational technologies] / H.S. Talhigova // Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sovremennye tehnologii v mirovom prostranstve» [Collection of articles of the International scientific and practical conference "Modern technologies in the world space"]. – Ch.2. – Ufa: AJeTERNA. – 2016. – P.163-164. [in Russian]
4. Talhigova H.S. Ispol'zovanie tehnologii mul'timedia na urokah fiziki [The use of multimedia technology at the lessons of physics] / H.S. Talhigova // Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Problemy i perspektivy razvitija nauki v Rossii i mire» [Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference "Problems and prospects of the development of science in Russia and the world"]. – Ch.4. – Ufa: AJeTERNA. – 2016. – P.160-162. [in Russian]
5. Talhigova H.S. Uchebnyj fizicheskij jeksperiment [Educational physical experiment] / H.S. Talhigova // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Scientific and Research Journal]. – 2015. – № 10 (41). – P. 64-65. [in Russian]
6. Talhigova H.S. Uchebnyj fizicheskij jeksperiment v uslovijah modernizacii obrazovanii [Educational physical experiment in conditions of modernization of education]/H.S. Talhigova // Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sovremennye tehnologii v mirovom prostranstve»[Collection of articles of the International scientific and practical conference "Modern technologies in the world space"]. – Ufa: AJeTERNA. – 2016. – P.161-163. [in Russian]
7. Talhigova H.S. Komp'juternoe modelirovanie v obuchenii fizike [Computer modeling in teaching physics] // Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Lichnost' kak ob#ekt psihologicheskogo i pedagogicheskogo vozdejstvija » [Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference "Personality as an Object of Psychological and Pedagogical Impact"]. – Ufa: AJeTERNA. – 2016. – P.133-134. [in Russian]
8. Talhigova H.S., Umarova L.H. Nekotorye aspekty provedenija fizicheskogo jeksperimenta v uslovijah modernizacii obrazovanii [Some aspects of conducting a physical experiment in conditions of modernization of education] / H.S. Talhigova, L.H. Umarova // Jekonomicheskie i gumanitarnye issledovanija regionov: Nauchno-teoreticheskij zhurnal [Economic and humanitarian studies of regions: Scientific and theoretical journal]. –2016. –№ 4. –R. n/D. – P. 41-43. [in Russian]
9. Talhigova H.S. Nekotorye osobennosti provedenija laboratornogo praktikuma v vuze [Some features of the laboratory work in the university] / H.S. Talhigova // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Scientific and Research Journal]. – 2017. – № 4 (58). – P. 59-60. [in Russian]

10. Talhigova H.S. Metodicheskie rekomendacii k provedeniju obshhego fizicheskogo praktikuma [Methodical recommendations for a general physical workshop] / H.S. Talhigova //Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: «Integracionnye processy v nauke v sovremennyh usloviyah» [Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference: "Integration processes in science in modern conditions"]. – Ufa: AJeTERNA. – 2016. – P. 143-145. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.004>

Трофимова О.С.¹, Тюнин А.А.²

¹ORCID:0000-0002-3069-9591, кандидат педагогических наук, доцент, ²магистрант,

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

МОТИВАЦИЯ К ЗАНЯТИЯМ ФИТНЕСОМ ЖЕНЩИН ПЕРВОГО ПЕРИОДА ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА

Аннотация

В настоящей работе представлены результаты исследования мотивационной сферы женщин первого периода зрелого возраста, занимающихся оздоровительным фитнесом, рассмотрено их отношение к занятиям в сравнительном аспекте. Основным методом исследования явилось анкетирование: использовалась модифицированная анкета М. М. Безруких «Оценка мотивации к занятиям физической культурой». В исследовании приняли участие 57 женщин первого периода зрелого возраста (из них 30 - относящиеся к возрастному периоду от 21-25 лет и 27 человек - от 26-35 лет), посещающих занятия фитнесом в условиях фитнес-клуба «FORMAFITNESS» г. Краснодара, занимающихся более полугода. Результаты проведенного исследования позволяют констатировать об имеющемся сходстве и различии в проявлении мотивов и выделить для каждой возрастной группы наиболее актуальные, действенные, побуждающие к занятиям фитнесом и те, которые не оказывают заметного побуждающего влияния на двигательную активность.

Ключевые слова: женщины первого периода зрелого возраста; исследование; фитнес; мотивация.

Trofimova O.S.¹, Tyunin A.A.²

¹ORCID:0000-0002-3069-9591, PhD in Pedagogy, Associate professor, ²Student,

Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism

MOTIVATION FOR FITNESS OF WOMEN OF THE FIRST PERIOD OF MATURE AGE

Abstract

In the present work the results of the research of motivational sphere of women of the first period of mature age, engaged in health fitness, are presented, their attitude to exercise in a comparative aspect is examined. The main method of research was the questionnaire: a modified M.M. Bezrukih questionnaire "Assessment of motivation for physical training" was used.

The study involved 57 women of the first period of mature age (30 of them are 21-25 years old and 27 are 26-35 years old), attending fitness classes in the fitness club 'FORMAFITNESS' in Krasnodar during more than six months.

The results of the conducted research allow us to state about the similarity and difference in the manifestation of motives and to allocate for each age group the most relevant, effective inducements for fitness and those that do not exert a noticeable stimulating influence on motor activity.

Keywords: women of the first period of mature age; study; fitness; motivation.

На сегодняшний день одним из наиболее приоритетных направлений государственной политики в РФ является формирование и сохранение здоровья населения [4], [9]. Значительный интерес государства к данному вопросу связан с данными о снижении уровня здоровья населения и не соблюдение основных положений здорового образа жизни. Как считают многие авторы [2], [4], [7], причинами из-за которых люди не придают важность ведению здорового образа жизни является недостаточная мотивация. Этот факт требует принятия ряда мер, предусматривающих выявление и создание условий для реализации мотивов оздоровительной деятельности, привлечение населения к регулярным занятиям физическими упражнениями [7], [10]. Мотивация, которая представляет осознанную причину активности, направленную на достижение поставленной цели и имеет первоочередное значение для организации физкультурно-оздоровительной деятельности [6]. Мотивация (от лат. movere) – это побуждение к действию; динамический процесс психофизиологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, активность, организованность, устойчивость. Это способность человека длительно удовлетворять свои потребности [5].

Систематические занятия фитнесом становятся все более необходимым составляющим образа и стиля жизни каждого человека. Особо следует отметить значение системы научно обоснованных представлений о феномене физической активности человека, а также о его содержании и структуре, о закономерностях и особенностях формирования и реализации физической активности на разных этапах жизни. Одним из таких этапов является первый период зрелого возраста, который включает важный и значительный период в жизни человека. Согласно возрастной периодизации у женщин первый период зрелого возраста соответствует периоду жизни от 21 года до 35 лет, мы рассматриваем его с позиции от 21-25 лет и от 26-35 лет. Такая возрастная периодизация отражает уровень и динамику биологических процессов в организме человека. При этом, характер возрастных изменений морфофункциональных свойств человека зависит от образа жизни, уровня и содержания его физической активности, которая при рациональной организации, в соответствии с возрастными особенностями, способна замедлить регресс организма, позволяя управлять процессом инволюционных изменений [1]. При организации занятий физическими упражнениями важным является учет мотивационной составляющей занимающихся, наряду с интересным содержанием проводимых занятий и деятельностью инструктора с его положительными личностными качествами.

Многие авторы утверждают, что положительное влияние на стабильность занятий фитнесом оказывают такие личностные факторы, как участие в фитнес программах, самомотивация, самооценка физического состояния [5], [8]. К ситуационным факторам, стимулирующим занятия, относится близкая расположенность фитнес-клуба от дома. Не менее значимыми являются такие организационные факторы как групповая форма занятий, личностные качества инструктора и выбор фитнес направления [3].

Целью исследования было определить отношение к фитнесу женщин первого периода зрелого возраста и какие мотивы имеют решающее значение для обеспечения систематичности занятий фитнесом.

Мы провели анкетирование среди посетительниц фитнес-клуба «FORMAFITNESS» г. Краснодара, имеющих стаж занятий более 6 месяцев. Большинство женщин, посещавших групповые формы занятий фитнесом и занимавшиеся в тренажерном зале отметили положительное месторасположение фитнес-клуба. Была применена модифицированная анкета М. М. Безруких «Оценка мотивации к занятиям физической культурой» предполагающая выставление количественной оценки (от одного - не согласие с утверждением, до пяти - полное согласие) утверждениям, характеризующим следующие мотивы: совершенствование фигуры, общение с друзьями, двигательная активность, соперничество, приобретение ЗУН, физкультурно-спортивные интересы, удовольствие от занятий, подражание, желание к победе, положительные эмоции.

Для обработки полученных результатов использовались методы математической статистики.

В исследовании приняли участие 57 женщин первого периода зрелого возраста, из них 30 - относящиеся к возрастному периоду от 21-25 лет (1 группа) и 27 человек - от 26-35 лет (2 группа). 43% женщин, относящихся к 1 группе занимались фитнесом, 21% посещали бассейн, 36% тренажерный зал. Женщины 2 группы - 43% занимались в плавательном бассейне, 37% — фитнесом, 20% предпочли силовые тренировки. Сравнивая количественные показатели проявления изучаемых мотивов, обращает на себя внимание отсутствие достоверных различий в проявлении ряда мотивов у женщин первой и второй групп, являющихся значимыми как для первых, так и для вторых. Женщины второй группы, так же, как и первой, осознают значимость выполнения физических упражнений для повышения уровня собственного здоровья ($4,48 \pm 0,9$ и $4,81 \pm 0,5$ соответственно). Совершенствование фигуры, возможность красиво двигаться является ведущим мотивом физкультурно-оздоровительных занятий у лиц женского пола. У первой группы показатель составил $4,65 \pm 0,7$, а второй $4,31 \pm 0,8$, женщины обеих групп получали удовольствие от занятий двигательной активностью. С утверждением «Занятия мне приятны, улучшают мое настроение и самочувствие» также согласилось большинство женщин (соответственно $4,31 \pm 0,8$ и $4,62 \pm 0,9$). Данные мотивы являются ведущими и побуждают к занятиям фитнесом женщин первого периода зрелого возраста.

В отношении опыта можно отметить, что женщины лишь отчасти желают его накопить (соответственно $3,73 \pm 1,1$ и $3,35 \pm 1,3$) и не все из них считают, что занятия фитнесом позволяют получить жизненно необходимые знания и умения ($3,93 \pm 0,9$ у представительниц первой группы и $3,38 \pm 1,5$ у второй).

Вместе с тем, было выявлено, что более молодые женщины предпочитают использовать средства фитнеса на досуге для рекреации, что позволяет им оставаться бодрыми и жизнерадостными ($4,58 \pm 0,8$), у женщин 2-го возраста этот показатель составил $4,01 \pm 1,0$ ($p > 0,05$).

Также для них значимым является возможность общения с друзьями во время занятий фитнесом $4,40 \pm 0,87$ - первая группа и $3,73 \pm 1,3$ - вторая группа, при $p > 0,05$.

Таблица 1 – Оценка мотивов к занятиям фитнесом женщин первого периода зрелого возраста ($M \pm m$)

№	Мотивы	1 группа	2 группа	P
1	Значимость выполнения упражнений	$4,81 \pm 0,5$	$4,48 \pm 0,9$	$>0,05$
2	Совершенствование фигуры	$4,65 \pm 0,7$	$4,31 \pm 0,8$	$>0,05$
3	Удовольствие от занятий	$4,31 \pm 0,8$	$4,61 \pm 0,9$	$>0,05$
4	Опыт	$3,73 \pm 1,1$	$3,35 \pm 1,3$	$>0,05$
5	Знания и умения	$3,93 \pm 0,9$	$3,38 \pm 1,5$	$>0,05$
6	Рекреация	$4,58 \pm 0,8$	$4,01 \pm 1,0$	$>0,05$
7	Общение с друзьями	$4,40 \pm 0,8$	$3,73 \pm 1,3$	$>0,05$
8	Желание к победе	$4,31 \pm 0,9$	$3,27 \pm 1,4$	$<0,05$
9	Подражание	$3,63 \pm 1,1$	$2,12 \pm 1,2$	$<0,05$
10	Интерес к фитнесу	$3,23 \pm 1,3$	$4,08 \pm 0,9$	$>0,05$
11	Наличие игр	$4,01 \pm 1,0$	$3,23 \pm 1,4$	$>0,05$
12	Использование игр в досуге	$4,13 \pm 0,8$	$3,54 \pm 1,1$	$>0,05$
13	Соперничество	$3,85 \pm 1,0$	$3,19 \pm 1,4$	$<0,05$

Женщины первой группы в большей степени, чем их более зрелые оппоненты, участвуя в организуемых соревнованиях стремятся стать победителями ($4,31 \pm 0,9$ и $3,27 \pm 1,4$ соответственно), при этом, несмотря на то, что желание стать победителем в состязаниях не является ведущим в проявлении мотивов, стимулирующих к занятиям физической культурой, у женщин 1-го зрелого возраста его проявление достоверно ($p < 0,05$) выше, чем у женщин второй группы.

Аналогичная ситуация наблюдается в проявлении мотивов подражания. Если для более возрастных женщин желание заниматься физическими упражнениями только из-за того, что это модно и престижно является незначимым мотивом и его количественное проявление составило $2,12 \pm 1,2$, для молодых женщин показатель составил $3,63 \pm 1,1$, что достоверно больше. Молодые женщины в большей степени интересуются фитнесом ($4,08 \pm 0,9$), по сравнению с женщинами второй группы ($3,23 \pm 1,3$) при $p > 0,05$.

На занятиях их привлекает наличие игр и развлечений ($4,01 \pm 1,0$) и ($3,23 \pm 1,4$) соответственно, а также систематическое использование этих средств в выходные дни и на досуге ($4,13 \pm 0,8$) и ($3,54 \pm 1,1$) при $p > 0,05$. Для части молодых женщин важным является наличие элементов соперничества на занятиях ($3,85 \pm 1,0$), что достоверно больше, чем отношение к этому мотиву женщин второй группы ($3,19 \pm 1,4$).

Подводя итоги, можно предположить что, проведенное исследование разрешило выделить значимые и малозначимые мотивы к занятиям фитнесом женщин, учитывая, что при большинстве мотивов $p > 0,05$, что позволит нам в дальнейшем проводить исследование, более эффективно организовывать занятия фитнесом, наполняя их соответствующим содержанием. Считаем, что необходимым должно стать применение средств фитнеса, имеющих высокий оздоровительный эффект и позволяющих добиться высоких результатов в коррекции фигуры.

Рекомендуется на занятиях фитнесом с женщинами более молодого возраста применять игровые средства, а также организовывать и проводить массовые физкультурные мероприятия с элементами состязательности. Для возрастного контингента второй группы использование соревновательной деятельности на занятиях нежелательно.

При оценке эффективности занятий фитнесом женщин первого периода зрелого возраста следует учитывать данные физического состояния организма, компонентного состава тела, а также уровня физкультурно-оздоровительной компетентности. Следовательно, проведенная работа позволяет более эффективно планировать и организовывать занятия в фитнес-клубе с женщинами первого периода зрелого возраста.

Список литературы / References

1. Бальсевич В. К. Очерки по возрастной кинезиологии человека / В.К. Бальсевич.-М.: Советский спорт, 2009. - 220 с.
2. Беляничева В.В. Формирование мотивации занятий физической культурой у студентов / В.В. Беляничева // Физическая культура и спорт: интеграция науки и практики. Вып. 2. – Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2009. – 6 с.
3. Гиптенко А.В. Влияние фитнеса на уровень физического состояния женщин первого зрелого возраста / А.В. Гиптенко // Физическое воспитание студентов - 2009 -№1. - С. 13-15.
4. Кудяшев М.Н. Формирование физкультурно-оздоровительной мотивации у женщин первого периода зрелого возраста в процессе занятий в фитнес-клубе: автореф. дис.канд. пед. наук: 13.00.04/ М.Н. Кудяшев. - Набережные Челны, 2011. - 24с.
5. Сайкина Е.Г. Семантические аспекты отдельных понятий в области фитнеса / Е.Г. Сайкина, Г.В. Пономарев // Теория и практика физической культуры. – 2011. – № 8. – С. 6-10.
6. Самodelкина Н.Д. Формирование целостного отношения женщин к своему здоровью средствами комплексных оздоровительных технологий: дис.канд. пед. наук: 13.00.04/ Н.Д. Самodelкина. - Челябинск, 2009. - 178с.
7. Тимофеева А.А. Влияние фитнеса на формирование мотивации студентов к занятиям физической культурой / Тимофеева А.А., Ивкина В.В. // В сборнике: Физическое воспитание и студенческий спорт глазами студентов Материалы студенческой межвузовской научно-практической конференции. Под редакцией И.Т. Насретдинова. - 2017. С. 121-126.
8. Трофимова О.С. Влияние занятий фитнес-йогой на физическое состояние женщин 30-35 - летнего возраста / Трофимова О.С., Ончукова Е.И. // Научно-методический журнал - Физическая культура, спорт – наука и практика. г. Краснодар.- 2017. - №3. - С. 55-58.
9. Трофимова О.С. Применение средств Пилатеса на занятиях с женщинами второго периода зрелого возраста / Трофимова О.С. // Материалы научной и научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава КГУФКСТ (23-30 мая 2017г., г. Краснодар): - Краснодар: КГУФКСТ, 2017. - С. 198-200.
10. Phillips Ch. B., Edwards J. D., Andel R., Kilpatrick M. Daily Physical Activity and Cognitive Function Variability in Older Adults. Journal of Aging and Physical Activity, 2016, v. 24, no. 2.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Balsevich V. K. Ocherki po vozrastnoj kineziologii cheloveka [Essays on age kinesiology the person]. V. K. Balsevich. - Moscow, Soviet sport, 2009. 220 p. [in Russian]
2. Belyanicheva V.V. Formirovanie motivacii zanyatij fizicheskoy kulturoj u studentov [Formation of motivation of occupations physical culture at students] / V.V. Belyanicheva // Fizicheskaya kultura i sport: integraciya nauki i praktiki. vyp. 2. [Physical culture and sport: integration of science and practice. Issue 2.] – Saratov: LLC Izdatelsky Nauka center, 2009. – 6 p. [in Russian]
3. Giptenko A.V. Vliyanie fitnesa na uroven fizicheskogo sostoyaniya zhenshhin pervogo zrelogo vozrasta [Influence of fitness on the level of a physical condition of women of the first mature age] /A.V. Giptenko// Fizicheskoe vospitanie studentov [Physical training of students] - 2009-№1. - P. 13-15. [in Russian]
4. Kudyashev M.N. Formirovanie fizkulturno-ozdorovitelnoj motivacii u zhenshhin pervogo perioda zrelogo vozrasta v processe zanyatij v fitnes-klube [Formation of sports and improving motivation at women of the first period of mature age in the course of the occupations in fitness club]: abstract dis. ... of PhD in Pedagogy: 13.00.04/M.N. Kudyashev. - Naberezhnye Chelny, 2011. - 24 p. [in Russian]
5. Saykina E.G. Semanticheskie aspekty otdelnykh ponyatij v oblasti fitnesa [Semantic aspects of separate concepts of area of fitness] / E.G. Saykina, G.V. Ponomarev// Teoriya i praktika fizicheskoy kultury [Theory and practice of physical culture]. – 2011. – №. 8. – P. 6-10. [in Russian]
6. Samodelkina N.D. Formirovanie celostnogo otnosheniya zhenshhin k svoemu zdorovyu sredstvami kompleksnykh ozdorovitelnykh tehnologij [Formation of the complete attitude of women towards the health means of complex improving technologies]: dis..... of PhD in Pedagogy: 13.00.04 / N.D. Samodelkina. - Chelyabinsk, 2009. - 178 p. [in Russian]
7. Timofeeva A.A. Vliyanie fitnesa na formirovanie motivacii studentov k zanyatiyam fizicheskoy kulturoj [Influence of fitness on formation of motivation of students to occupations physical culture] / A.A. Timofeeva, V.V. Ivkina // V sbornike:

fizicheskoe vospitanie i studencheskij sport glazami studentov materialy studencheskoj mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. pod redakciej I.T. Nasretdinova [In the collection: Physical training and student's sport eyes of students Materials of a student's interuniversity scientific and practical conference. Under I.T. Nasretdinov's edition]. -2017. P. 121-126. [in Russian]

8. Trofimova O.S. Vliyanie zanyatij fitnes-jogoj na fizicheskoe sostoyanie zhenshhin 30-35 - letnego vozrasta [Influence of occupations fitness yoga on a physical condition of women 30-35 - summer age] / O.S. Trofimova, E.I. Onchukova // Nauchno-metodicheskij zhurnal - fizicheskaya kultura, sport – nauka i praktika. g. Krasnodar [The scientific and methodical magazine - Physical culture, sport – science and practice. Krasnodar]. - 2017.-№ 3. - P. 55-58. [in Russian]

9. Trofimova O.S. Primenenie sredstv pilatesa na zanyatiyah s zhenshhinami vtorogo perioda zrelogo vozrasta [Application of means of Pilates on occupations with women of the second period of mature age] / O.S. Trofimova // Materialy nauchnoj i nauchno-prakticheskoj konferencii professorsko-prepodavatelskogo sostava kgufkst (23-30 maya 2017g., g. krasnodar): - krasnodar: kgufkst [Materials of a scientific and scientific and practical conference of the faculty of KGUFKST (on May 23-30, 2017, Krasnodar): - Krasnodar: KGUFKST], 2017. - P. 198-200. [in Russian]

10. Phillips Ch. B., Edwards J. D., Andel R., Kilpatrick M. Daily Physical Activity and Cognitive Function Variability in Older Adults. Journal of Aging and Physical Activity, 2016, v. 24, no. 2.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.016>

Шерегова В.А.¹, Потапова М.А.²

¹ORCID: 0000-0001-5498-9190, профессор, ²ORCID: 0000-0002-2788-7401, преподаватель,
Тюменский государственный институт культуры

ПРОБЛЕМА КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРЕНЕР - РОДИТЕЛИ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ В ТАНЦЕВАЛЬНОМ СПОРТЕ

Аннотация

Танцевальный спорт является дисциплиной, где роль родительской поддержки на этапе становления юных спортсменов неоценима. Наряду с психологической поддержкой важна их помощь в подготовке к тренировочному процессу, а также к соревнованиям. Проведённое автором исследование показывает, что процесс коммуникации тренеров с родителями зачастую сопряжён с конфликтными ситуациями. Это, в свою очередь, негативно отражается на подготовке спортсменов. Делается вывод о необходимости более широкого освещения данного аспекта в системе повышения квалификации тренерского состава.

Ключевые слова: танцевальный спорт, тренировочный процесс, тренерский состав, родители, межличностная коммуникация.

Sheregova V.A.¹, Potapova M.A.²

¹ORCID: 0000-0001-5498-9190, professor, ²ORCID: 0000-0002-2788-7401, teacher,
Tyumen State Institute of Culture

PROBLEM OF COMMUNICATIVE INTERACTION BETWEEN THE COACH AND PARENTS OF YOUNG SPORTSMEN IN DANCING SPORTS

Abstract

Dancing sport is a discipline, where the role of parental support at the stage of young athletes' formation is invaluable. Along with psychological support, their help in preparing for the training process, as well as for the competitions is important. The research conducted by the author shows that the process of communication between the coach and parents is often associated with conflict. This, it can negatively affect the training of athletes. It is concluded that there is a need for broader coverage of this aspect in the system of training of the coaching staff.

Keywords: dancing sport, training process, coaching staff, parents, interpersonal communication.

Результативность спортивной деятельности напрямую зависит от качества коммуникационного процесса всех её участников, как в учебно-тренировочном, так и соревновательном процессах. Наряду с межличностным общением спортсменов, необходимого для группового взаимодействия и распределения функций, с целью организации их совместных действий существуют и другие коммуникативные каналы, зачастую не менее важные [7].

В спортивных танцах достижение высоких результатов очень часто достигается при условии начала занятий в раннем возрасте [5]. Ранняя специализация детей в этом виде спорта (5-6 лет) с одной стороны и необходимость закладывания базы для развития всех компонентов спортивного мастерства, с другой стороны, обуславливают тщательный подбор средств и методов спортивной тренировки детей этого возраста [3]. В существующих условиях сопровождение юного спортсмена в надлежащем психофизиологическом состоянии за пределами тренировочного зала, подготовка к занятиям, сборам и соревнованиям полностью ложится на плечи родителей.

К неполному числу аспектов, требующих родительского внимания относятся: психологическое состояние и настроение ребёнка, ведение турнирной книжки, затраты времени и материальных средств, подбор костюма и поддержанием внешнего вида, контроль за распорядком дня, посещение соревнований. Необходимость совмещения тренировок с учёбой, накладывает дополнительные заботы, связанные с поддержанием успеваемости ребёнка. В этих условиях постоянный контакт родителей с тренерским составом, а также с родителями танцевальной пары неизбежен.

Часто встречаются случаи, когда родители не могут сдерживать свои претензии и обиды, что зачастую приводит к конфликтным ситуациям [10]. Опыт показывает, что многие яркие спортсмены и очень талантливые дети перестают заниматься по причине эмоционального выгорания. Желая видеть только победы с участием своих детей, родители не всегда могут смириться с первыми серьёзными поражениями и прекращают занятия [9].

Ещё одна проблема связана с тем, что самый активный возраст, когда родители участвуют в спортивной жизни детей, – от четырёх до десяти лет. По мнению заслуженного тренера РФ Алексея Литвинова, гораздо важнее, чтобы родители принимали участие в жизни танцоров в возрасте от 13 до 17 лет, когда появляются первые значимые достижения. По факту же в этот период число родителей, уделяющих пристальное внимание спортивной жизни детей, снижается в несколько раз. Для родителей важно понимать, что спортивная жизнь ребёнка очень длинная, и психологические силы стоит распределить так, чтобы их хватило на всю карьеру [4]. Сами молодые спортсмены не всегда способны адекватно оценивать сложности, с которыми им придётся столкнуться, поэтому выстраивание образа своего будущего в профессиональном спорте также должно осуществляться при непосредственном участии родителей [1].

В сентябре 2017 года автором настоящей работы было проведено исследование. Сбор информации осуществлялся при помощи экспертного опроса. При формировании исследовательского инструментария мы опирались на методологию, которая уже применялась для изучения профессиональных сообществ [8]. В качестве экспертов выступили представители тренерско-судейского состава тюменской региональной спортивной федерации танцевального спорта. Одной из задач исследования было изучение актуальности проблемы коммуникативного взаимодействия между родителями и тренерами. Из 76 тренеров и судей, входящих в федерацию, в опросе приняло участие 56 человек, что может свидетельствовать о репрезентативности полученных данных.

Экспертам было предложено выразить своё согласие либо несогласие с рядом высказываний, одно из которых звучало следующим образом: «Взаимоотношения тренерского состава с родителями и/или родителей пар между собой занимающихся зачастую бывают напряжёнными (часто возникают конфликты)». По результатам опроса выяснилось, противоположные точки зрения на это высказывание представлены примерно в равной мере. При этом 16,4% затруднились ответить (рис. 1).

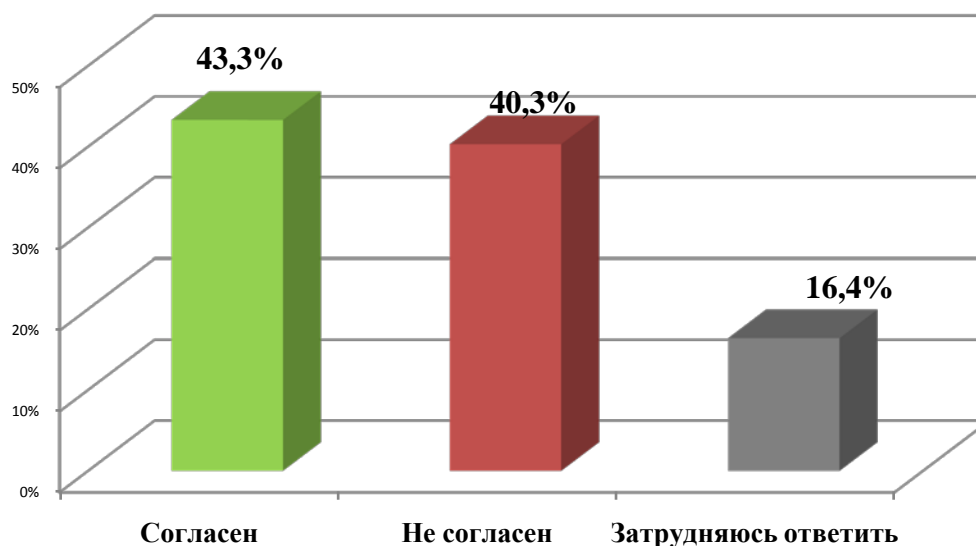

Рис. 1 – Позиции экспертов относительно наличия проблем в процессе взаимодействия родителей и тренеров в танцевальном спорте

Эксперты аргументировали свои позиции следующими характерными высказываниями:

- *Хороший тренер всегда находит общий язык.*
- *Родители стали чересчур умными и думают, что знают дисциплину лучше тренера. Считают, что их ребёнок самый лучший, но не хотят взглянуть на другую сторону медали.*
- *Часто приходится объяснять, работать с родителями.*
- *Если работа построена грамотно, а родитель контролирует ситуацию, то конфликтов можно избежать. Конфликт больше созревает из слухов, которые родители больше слышат, чем тренеров.*
- *Да такое часто случается, но это очень индивидуально, и тренер должен уметь урегулировать такие моменты.*

Исходя из ответов экспертов, можно сделать вывод, что с рассматриваемой проблемой сталкивается каждый второй тренер. Это свидетельствует о системном характере проблемы. Анализ литературы показывает, что данная проблема актуальна не только для танцевального спорта, а наличие таких конфликтов отражается негативно на результатах спортсменов [2].

Уровень квалификации определяется качеством профессиональной деятельности спортивного педагога, поэтому возникает необходимость постоянно достигать максимального уровня профессионализма, а это возможно благодаря непрерывному педагогическому образованию [6]. Несмотря на то, что тренерский состав постоянно осуществляет повышение квалификации, содержание обучения во многом определяет компетенции тренеров. Представляется, что в нашем случае причина конфликтов в существенной степени связана именно с содержанием курсов повышения квалификации.

Сказанное подтверждается ответами на другой вопрос анкеты, в котором экспертам предлагалось указать, насколько глубоко в рамках повышения квалификации рассматриваются различные темы. Приведём распределение ответов, на ряд вариантов, позволяющих продемонстрировать текущую ситуацию.

Таблица 1 - Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие аспекты обычно рассматриваются в рамках повышения квалификации?»

	Рассматривается глубоко	Затрагивается частично	Практически не уделяется внимания
Методика преподавания спортивных танцев	65,12%	25,58%	9,30%
Техника обучения спортивному танцу	83,33%	14,29%	2,38%
Формирование практических навыков исполнения танца	58,54%	31,71%	9,76%
Подходы к работе с родителями танцевальных пар	25,58%	39,53%	34,88%
Конфликты в спорте и способы их устранения.	14,29%	38,10%	47,62%
Формирование коммуникативных навыков тренеров	17,07%	46,34%	36,59%

Из таблицы видно, что вопросам, связанным с решением конфликтов и коммуникативным навыкам тренеров уделяется гораздо меньше внимания, чем практической составляющей: формированию танцевальной техники и практических навыков исполнения танца. Это, в свою очередь, требует пересмотра содержательного наполнения обучающих курсов, проводимых в рамках периодических повышений квалификаций тренеров спортивных танцев.

Подводя итог, можно заключить, что в спортивных танцах проблема взаимодействия тренерского состава с родителями юных спортсменов стоит довольно остро. Решение рассмотренной проблемы видится в совершенствовании существующей системы повышения квалификации. Хочется надеяться, что настоящая работа будет способствовать актуализации рассмотренного вопроса в спортивном и научном сообществе.

Список литературы / References

1. Гаврилюк В.В. Образ будущего в оценках нового поколения россиян / В.В. Гаврилюк и др. Тюмень, 2016. – 166 с.
2. Козлова С.Ю. Причины возникновения конфликтов во взаимоотношениях между тренером и родителями спортсмена / С.Ю. Козлова, Е.С. Хворостова // В сборнике: Инновационные технологии в спорте и физическом воспитании. Материалы V межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. – 2016. – С. 135-138.
3. Колыгина К.А. Этапы начальной подготовки юных танцоров / К.А. Колыгина // В сборнике: Наследие крупных спортивных событий как фактор социально-культурного и экономического развития региона. – 2013., С. 353-355.
4. Литвинов А. Измени что-то одно, и изменится всё [Электронный ресурс] / А. Литвинов – 2012. - URL: <http://72.ru/text/person/496630.html>
5. Передельский А.А. Проблема раннего отбора в спорт и экстремальные аспекты её решения / А.А. Передельский // Экстремальная деятельность человека. – 2016. – № 1 (38). – С. 62-67.
6. Трещев А.М. Внутрифирменное повышение квалификации педагога в учреждениях дополнительного образования (в сфере физкультуры и спорта) / А.М. Трещев, Д.Р. Исамуллаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2012. – № 3. – С. 101-103.
7. Фаина А. Г. Психология общения в спорте: учебно-методическое пособие / А. Г. Фаина. – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2011. – 104 с.
8. Фарахутдинов Ш.Ф. Методология исследования профессиональной среды вузовской социологии в России // Высшее образование сегодня. 2015. - № 2. - С. 65-69.
9. Шерегова В. Результат Чемпионата Европы по спортивным танцам был предсказуем [Электронный ресурс] / В. Шерегова – 2009. - URL: <http://72.ru/text/person/247449.html>
10. Шерегова В. Танцуют все! [Электронный ресурс] / В. Шерегова – 2008. - URL: <http://www.vsluh.ru/news/interview/135448>

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gavriluk V.V. Obraz budushhego v ocenakh novogo pokolenija rossijan [The image of the future in the assessments of a new generation of Russians] / V.V. Gavriluk i dr. Tyumen, 2016. – 166 p. [in Russian]
2. Kozlova S.Ju. Prichiny vozniknovenija konfliktov vo vzaimootnoshenijah mezhdru trenerom i roditeljami sportsmen [The causes of conflicts in the relationship between the coach and the parents of the athlete] / S.Ju. Kozlova, E.S. Hvorostova // V sbornike: Innovacionnye tehnologii v sporte i fizicheskom vospitanii. Materialy V mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [In the collection: Innovative technologies in sports and physical education. Materials of the V interregional scientific-practical conference with international participation.]. – 2016. – P. 135-138. [in Russian]
3. Kolgina K.A. Jetapy nachal'noj podgotovki junyh tancorov [Stages of initial training for young dancers] / K.A. Kolygina // V sbornike: Nasledie krupnyh sportivnyh sobytij kak faktor social'no-kul'turnogo i jekonomicheskogo razvitija regiona [In the collection: Legacy of major sporting events as a factor of socio-cultural and economic development of the region]. – 2013., P. 353-355. [in Russian]
4. Litvinov A. Izmeni chto-to odno, i izmenitsja vsjo [Change something, and everything will change] [Electronic resource] / A. Litvinov – 2012. - URL: <http://72.ru/text/person/496630.html> [in Russian]

5. Peredel'skij A.A. Problema rannego otbora v sport i jekstremal'nye aspekty ejo reshenija [The problem of early selection in sports and extreme aspects of its solution] / A.A. Peredel'skij // Jekstremal'naja dejatel'nost' cheloveka [Extreme human activity]. – 2016. – № 1 (38). – P. 62-67. [in Russian]
6. Fadina A. G. Psihologija obshhenija v sporte: uchebno-metodicheskoe posobie [Psychology of communication in sports: a teaching aid] / A. G. Fadina. – Astrahan: Astrahanskij gosudarstvennyj universitet, 2011. – 104 p. [in Russian]
7. Farahutdinov Sh.F. Metodologija issledovanija professional'noj sredy vuzovskoj sociologii v Rossii [Methodology for the study of the professional environment of university sociology in Russia] // Vysshee obrazovanie segodnja [Higher education today.]. – 2015. – № 2. – P. 65-69. [in Russian]
8. Sheregova V. Rezul'tat Chempionata Evropy po sportivnym tancam byl predskazuem [The result of the European Championship in sports dancing was predictable] [Electronic resource] / V. Sheregova – 2009. URL: <http://72.ru/text/person/247449.html> [in Russian]
9. Sheregova V. Tancujut vse! [Everybody dance!] [Electronic resource] / V. Sheregova – 2008. URL: <http://www.vsluh.ru/news/interview/135448> [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.011>Шипилов Р.М.¹, Шарабанова И.Ю.², Маринич Е.Е.³, Зейнетдинова О.Г.⁴, Казанцев С.Г.⁵, Сорокин Д.В.⁶, Захаров Д.Ю.⁷¹ORCID: 0000-0002-0228-2473, кандидат педагогических наук, доцент,²ORCID: 0000-0003-0048-1097, кандидат медицинских наук, доцент,³ORCID: 0000-0002-2786-3020, кандидат педагогических наук,⁴ORCID: 0000-0003-3257-1222, кандидат биологических наук, доцент,⁵ORCID: 0000-0003-0559-6141, старший преподаватель,⁶ORCID: 0000-0002-7613-3315, адъюнкт, ⁷ORCID: 0000-0002-8168-3397, преподаватель

Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА ПОЖАРНЫХ И СПАСАТЕЛЕЙ В РАМКАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ПОДЪЕМУ ПО ШТУРМОВОЙ ЛЕСТНИЦЕ

Аннотация

Современное развитие организации учебного процесса зависит от эффективности использования новых средств и методов в процессе обучения. Исходя из этого, в статье предложена методика обучения упражнению «Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни». Проведены исследования с целью выявления эффективности использования представленных методов. Определено, что наиболее эффективным в процессе обучения технике упражнения «Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни» стал метод с использованием тренировочной штурмовой лестницы.

Ключевые слова: штурмовая лестница, учебная башня, МЧС России, методика обучения.

Shipilov R.M.¹, Sharabanova I.Yu.², Marynich E.E.³, Zeynetdinova O.G.⁴, Kazantsev S.G.⁵, Sorokin D.V.⁶, Zakharov D.Yu.⁷¹ORCID: 0000-0002-0228-2473, PhD in Pedagogy, Associate professor,²ORCID: 0000-0003-0048-1097, MD, Associate professor,³ORCID: 0000-0002-2786-3020, PhD in Pedagogy,⁴ORCID: 0000-0003-3257-1222, PhD in Biology, Associate professor,⁵ORCID: 0000-0003-0559-6141, Senior Lecturer,⁶ORCID: 0000-0002-7613-3315, Postgraduate student,⁷ORCID: 0000-0002-8168-3397, Lecturer

Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Measures of Russian Federation

PECULIARITIES OF FORMING THE PROFESSIONAL MASTERY OF FIREFIGHTERS AND RESCUERS IN THE FRAMEWORK OF IMPROVEMENT THE TECHNIQUE OF TRAINING ON THE ASSAULT LADDER LEARNING

Abstract

The modern development of the organization of the learning process depends on the effectiveness of the use of new tools and methods in the learning process. Based on this, the technique of training the exercise "Ascent on the assault ladder to the 4th floor of the training tower" is suggested in the article. Studies were conducted to determine the effectiveness of the presented methods use. It was determined that the most effective in the process of teaching the exercise technique "Ascent on the assault ladder to the 4th floor of the training tower" was the method using a training assault ladder.

Keywords: assault ladder, training tower, EMERCOM of Russia, training methodology.

Актуальность

Пожарно-строевая подготовка в аспекте высшего образования является основным видом профессионально-прикладной подготовки личного состава подразделений ФПС ГПС. В её основу входит не только подготовка к успешному выполнению служебных задач, но и выполнению приёмов и способов работы с пожарной техникой и пожарно-техническим оборудованием [3]. Формирование у личного состава профессиональных компетенций в области пожаротушения, обеспечения пожарной безопасности, предотвращения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, оказалось в центре внимания компетентностного подхода.

Основной задачей пожарно-строевой подготовки является формирование у личного состава профессионального мастерства, высокой технической подготовленности, формирование высокого уровня развития физических, волевых и профессиональных качеств, обеспечивающих успешное выполнение профессиональных задач [7]. Как показывает анализ исследований Самсонова Д.А. (2005), Динаева Б.М. (2009), недостаточно изученными остаются вопросы, связанные с разработкой методик проведения учебно-тренировочных занятий, обеспечивающих совершенствование техники выполнения упражнений с пожарно-техническим оборудованием [9]. Одним из таких упражнений является «Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни» (рис. 1).

Рис. 1 – Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни

Данное упражнение является одним из показателей профессиональной (в условиях ограниченного времени выполнять поставленные задачи в боевой одежде пожарного), физической (сила, быстрота, координация) подготовленности сотрудников ФПС ГПС. В профессии пожарного и спасателя важную роль играет его психоэмоциональное состояние, поэтому использование данного упражнения в учебном процессе позволит формировать психологическую устойчивость (морально-волевые качества, стрессоустойчивость, преодоление боязни высоты) [10].

Данное упражнение является сложно-координированным и требует проявления не только физических качеств, но и достаточно высокого уровня владения техникой его выполнения. Результатом освоения упражнения «Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни» является выполнение норматива № 5.7. [6]. Этот норматив утверждён и является обязательным для выполнения при проведении инспектирования, итоговых проверок деятельности территориальных органов МЧС России, подразделений ФПС, а также обязателен на контрольных занятиях в образовательных организациях высшего образования МЧС России. Как показывает практика «Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни» является одним из самых сложных в программе дисциплины «Пожарно-строевой подготовки», это обусловлено рядом следующих факторов:

- «вертикальный подъём» по лестнице, то есть выполнение таких элементов как, подъём по лестнице и посадка на этаж; выброс, подхват, перехваты и завеска лестницы в окна этажей учебной башни; переход с подоконника на этаж;
- низкие эргономические показатели боевой одежды пожарного, приводящие к затруднению движений при выполнении упражнения и др.

На сегодняшний день упражнение «Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни» включают в себя 2 показателя (рис. 2) [6].

Норматив №1 Подъем по подвешенной ЛШ на 4-й этаж УБ
(промежуточный)

Норматив №2 Подъем по ЛШ на 4-й этаж УБ (итоговый)

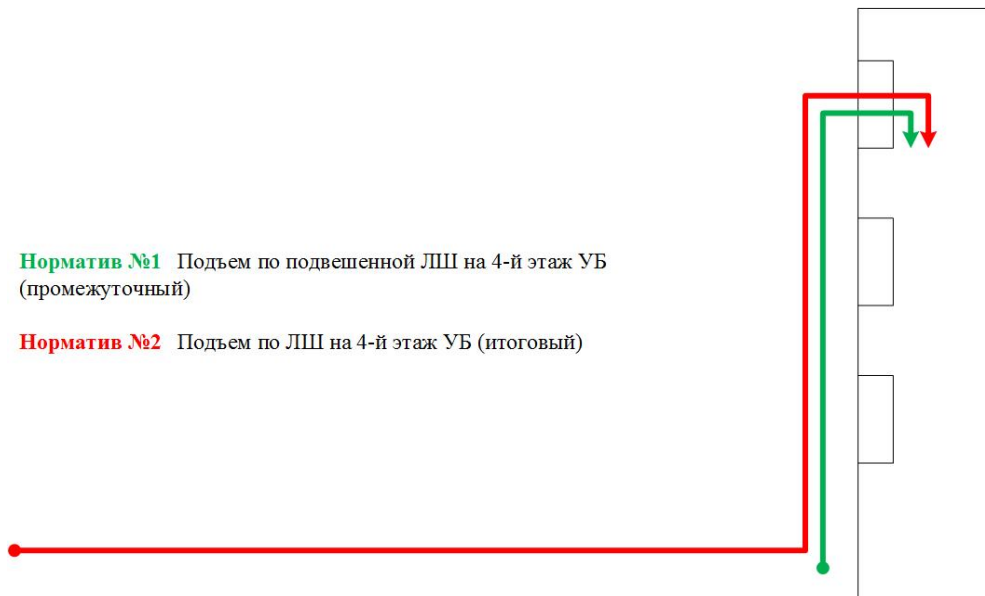

Рис. 2 – Утвержденные нормативные показатели упражнения «Подъем по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни»

Освоение техники подъёма по штурмовой лестнице достигается за счет многократного повторения элементов упражнения, что способствует выработке автоматизированных действий и тем самым способствует формированию и сохранению мышечной памяти в центральной нервной системе в виде шаблонов. Приобретенные автоматизированные действия (навык) позволяют не обдумывать их заранее, не выделять из них отдельных частных операций, а приступить к выполнению четко поставленных действий. Благодаря приобретенным автоматизированным действиям, движения по подъёму по штурмовой лестнице выполняется быстро и точно.

На формирование навыка влияют:

- мотивация, обучаемость, прогресс в усвоении упражнения, формирование модели действия в целом или по частям;
- уровень личного развития, наличие знаний, умений, способ объяснения содержания операции, обратная связь;
- полнота усвоения содержания материала, постепенность перехода от простого уровня овладения к сложному по определенным показателям [4].

На основе анализа педагогического наблюдения в 2015 году в ходе учебной деятельности по дисциплине «Пожарно-строевая подготовка» при выполнении упражнения «Подъем по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни» было сделано заключение о том, что наиболее сложным для обучающихся при подъёме по штурмовой лестнице является координация движений рук и ног, понимание выполнения техники подъёма. Обучающемуся при выполнении подъёма, визуальнo тяжело ориентироваться, этому способствует вертикальное положение на лестнице, отсутствие понимания, на какие ступени нужно осуществлять постановку ног или выполнять захват руками. Также для обучающегося достаточно сложно выполнить выброс, подхват, перехваты и завеска лестницы за подоконник. Причиной этому является рассинхронизация работы рук и ног, связанная с невозможностью выделить правильность и последовательность техники выполнения упражнения, вследствие чего, выше перечисленные причины приводят к нарушению освоения техники подъёма по штурмовой лестнице.

В качестве основных, часто встречающихся ошибок, совершаемых при подъёме по штурмовой лестнице следует выделить:

- постановка ног (рук) на не соответствующие ступени;
- сед на подоконник осуществляется не с 9 ступени;
- не слаженная работа рук и ног при подъёме по штурмовой лестнице;
- неправильная поставка рук при выбросе штурмовой лестницы;
- «сбивание» ног при подъёме по штурмовой лестнице.

С целью облегчения понимания техники подъёма по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни, а также наиболее эффективного освоения данного упражнения в учебный процесс была включена тренировочная штурмовая лестница (рис. 3). Штурмовая лестница имеют специальную цветовую окраску, что позволяет обучающемуся выработать правильную последовательность постановки ног (рук) на ступени лестницы при подъёме. Также окраска лестницы показывает последовательность перехвата рук за тетивы при «выбросе» лестницы.

Рис. 3 – Окраска тренировочной штурмовой лестницы

Обозначение цветом ступеней и тетивы позволит обучающемуся выполнять изучаемые движения по тренировочной штурмовой лестнице более качественно и тем самым ускорить процесс освоения техники подъёма. Из-за анатомических особенностей организма (рост) обучающихся, на этапе обучения используются два вида подъёма по тренировочной штурмовой лестнице:

- способ подъёма в каждую ступень (рис. 4 а) (постановка ног на каждую ступень лестницы, хват рук через одну ступень);
- способ подъёма через одну ступень (рис. 4 б) (постановка ног через одну ступень лестницы, хват рук, также через одну ступень).

Рис. 4 – Способы подъёма по тренировочной штурмовой лестнице

Ступени тренировочной штурмовой лестницы окрашиваются в два цвета: синий и красный (рис. 5). Ступени, окрашенные в красный цвет – указывает на постановку ног, синий цвет – указывает на постановку рук. В процессе обучения подъёму по тренировочной штурмовой лестнице в каждую ступень (Рис. 5 а), выполняется следующая последовательность постановки ног (правая: 1, 3, 5, 7, 9 ступени; левая: 2, 4, 6, 8 ступени), работа рук осуществляется (правая: 7, 12 ступени; левая: 5, 9 ступени). При обучении подъёму по тренировочной штурмовой лестнице через одну ступень (Рис. 5 б), постановка ног выполняется следующим образом (правая: 1, 5, 9 ступени; левая: 3, 7 ступени), работа рук при этом осуществляется тем же способом, что и в предыдущем упражнении.

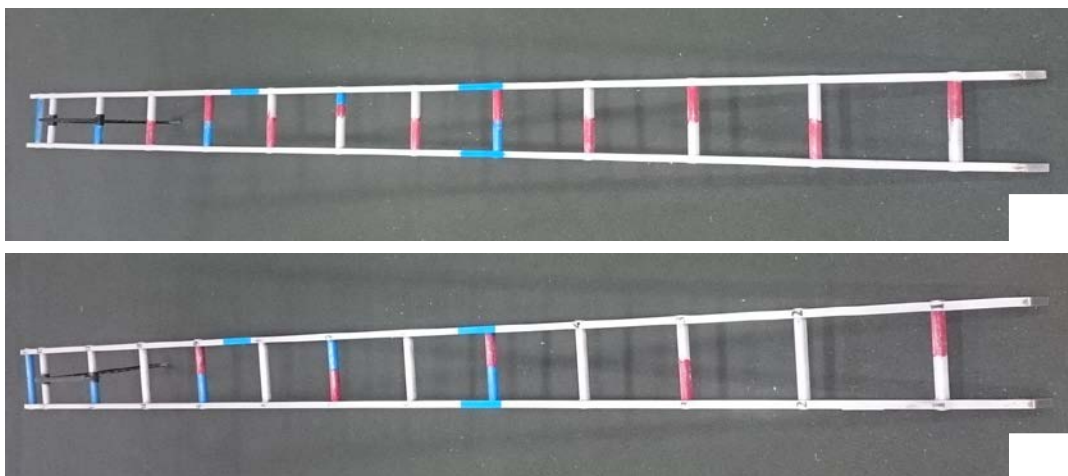

Рис. 5 – Способы разметки на учебном оборудовании

Цель исследования: определение целесообразности использования в учебном процессе тренировочных штурмовых лестниц.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи исследования:**

- анализ научной литературы по изучаемой теме исследования;
- определить уровень анатомических показателей, физической подготовленности и работоспособности;
- экспериментально обосновать использование тренировочных штурмовых лестниц при сдаче контрольных нормативов.

Методика проведения исследования.

Для апробации утверждений об эффективности использования в учебном процессе тренировочных штурмовых лестниц на этапе обучения упражнению «Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни», в 2016 году на базе Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России было проведено исследование. В исследовании приняли участие четыре группы испытуемых, две контрольные (1 КГ и 2 КГ) и две экспериментальные (1 ЭГ и 2 ЭГ), по 20 человек в каждой группе. Начальный этап исследования заключался в формировании контрольных и экспериментальных групп. Выявлялись анатомические показатели, физическая подготовленность и физическая работоспособность.

В качестве анатомических показателей контрольных и экспериментальных групп определялись рост и вес испытуемых. Анализ полученных результатов показал, что рост и вес респондентов был приблизительно одинаковый (табл. 1).

Таблица 1 – Анатомические показатели респондентов

Анатомические показатели респондентов					
№ п/п	Значения	1 КГ	1ЭГ	2 КГ	2 ЭГ
1	Рост (см)	174,3±3,7	174,6±5,2	174,6±5,1	174,4±4,8
2	Вес (кг)	70,2±9,2	70,2±9,8	71,6±9,1	71,5±7,9

Уровень мониторинга физической подготовленности обучающихся определялся следующими контрольными нормативами: подтягивание из виса на высокой перекладине (кол-во раз), силовое комплексное упражнение (кол-во повторов), бег 100 м (сек.) и челночный бег 10х10 м (сек.) [1], [2]. Сравнительный анализ полученных данных позволяет констатировать, что по уровню физической подготовленности испытуемые не имеют достоверных различий ($p>0,05$) (табл. 2). При этом незначительная разница имеется в количественных показателях полученных оценок «хорошо» и «отлично» между испытуемыми контрольных и экспериментальных групп. У 67,5% респондентов контрольных групп, а также у 60% экспериментальных групп показатели физической подготовленности при выполнении упражнения подтягивание из виса на высокой перекладине соответствуют оценке «хорошо» и «отлично», то же процентное соотношение между испытуемыми характерно при выполнении норматива бег 100 м. Челночный бег 10х10 м на оценку «хорошо» и «отлично» в контрольных группах выполнили 62,5%, а в экспериментальных группах 50%. Норматив «Силовое комплексное упражнение» все испытуемые выполнили на оценку «хорошо» и «отлично».

Таблица 2 – Уровень физической подготовленности контрольных и экспериментальных групп

Уровень физической подготовленности респондентов					
№ п/п	Значения	1 КГ	1 ЭГ	2 КГ	2 ЭГ
1	Подтягивание из виса на высокой перекладине (кол-во раз)	13,25±2,53	12,60±2,52	13,0±2,70	12,90±3,11
2	Силовое комплексное упражнение (кол-во повторов)	4,80±0,41	4,60±0,50	4,65±0,49	4,60±0,50
3	Бег 100 м (сек.)	13,61±0,52	13,73±0,48	13,69±0,56	13,72±0,58
4	Челночный бег 10х10 м (сек.)	26,15±0,98	26,45±0,88	26,27±0,80	26,30±0,91

С целью выявления физической работоспособности применялся метод функциональной пробы с дозированной физической нагрузкой с определением ЧСС [5]. Данный метод определял мощность физической нагрузки, при которой ЧСС достигает величины 170 уд./мин. Проведённое исследование констатировало, что в показателях физической работоспособности у испытуемых контрольных и экспериментальных групп достоверных различий не наблюдается (табл. 3). Величина PWC170 соответствует «среднему» значению.

Таблица 3 – Физическая работоспособность у респондентов КГ и ЭГ

Физическая работоспособность, кгм/мин на единицу массы тела				
Показатели	1 КГ	1 ЭГ	2 КГ	2 ЭГ
P1 (уд/мин)	84,3±9,10	77,7±8,77	79,9±4,48	79,9±6,91
P2 (уд/мин)	111,7±6,99	109,5±7,62	108,9±8,55	109,2±7,74
N1	252,7±33,21	252,2±35,46	257,9±32,92	257,4±28,38
N2	575,6±75,65	574,4±80,76	587,53±74,98	586,3±64,65
PWC170	18,6±3,32	17,4±2,83	18,5±3,36	18,1±2,48

Сравнительный анализ результатов уровня анатомических показателей, физической подготовленности и физической работоспособности испытуемых экспериментальных и контрольных группы до основного исследования показывает об отсутствии достоверно значимых различий по всем средним значениям.

Респонденты первой (1К) и второй (2К) контрольных групп на всём протяжении исследовательского маршрута обучались упражнению «Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни», первая группа технике в каждую ступень, вторая группа технике через одну ступень не окрашенной лестницы. Испытуемые первой (1Э) и второй (2Э) экспериментальных групп обучались упражнению «Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни», одна группа технике в каждую ступень, вторая группа технике через одну ступень окрашенной лестницы. Исследование проходило в период с сентября по декабрь 2016 года в рамках изучения дисциплины «Пожарно-строевая подготовка». Обучение проходило согласно изучаемой темы «Обучение работе с ручными пожарными лестницами, автолестницами и коленчатыми подъёмниками» (табл. 4).

Таблица 4 – Обучение работе с ручными пожарными лестницами, автолестницами и коленчатыми подъёмниками

Форма занятий	Номера учебных занятий										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Распределение часов										
Практические занятия	2	2	2	2	2	2	2	2	2 / Контр. норматив	2	2 / Контр. норматив
Итого:	22 часа										

Согласно тематического плана на обучение упражнению «Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни» выделяется 11 занятий. У всех испытуемых было одинаковое количество занятий по дисциплине «Пожарно-строевая подготовка» (таблица 2). Все группы обучались по одной программе подъёму по штурмовой лестнице в этажи учебной башни. Исследование проводилось в два этапа. Первый этап исследования проходил с сентября по ноябрь 2016 года. В конце исследования на девятом занятии проводится контрольный норматив: «Подъём по подвешенной штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни» (п. 5.6 Нормативы по пожарно-строевой и тактико-специальной подготовке для личного состава федеральной противопожарной службы) [6]. Второй этап исследования проходил с ноября по декабрь 2016 года. В конце исследования на одиннадцатом занятии проводится контрольный норматив: «Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни» (п. 5.7 Нормативы по пожарно-строевой и тактико-специальной подготовке для личного состава федеральной противопожарной службы) [6].

В конце первого этапа исследования был проведён контрольный норматив №1 (промежуточный) (рис. 2) с целью выявления временных показателей выполнения упражнения «Подъём по подвешенной штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни».

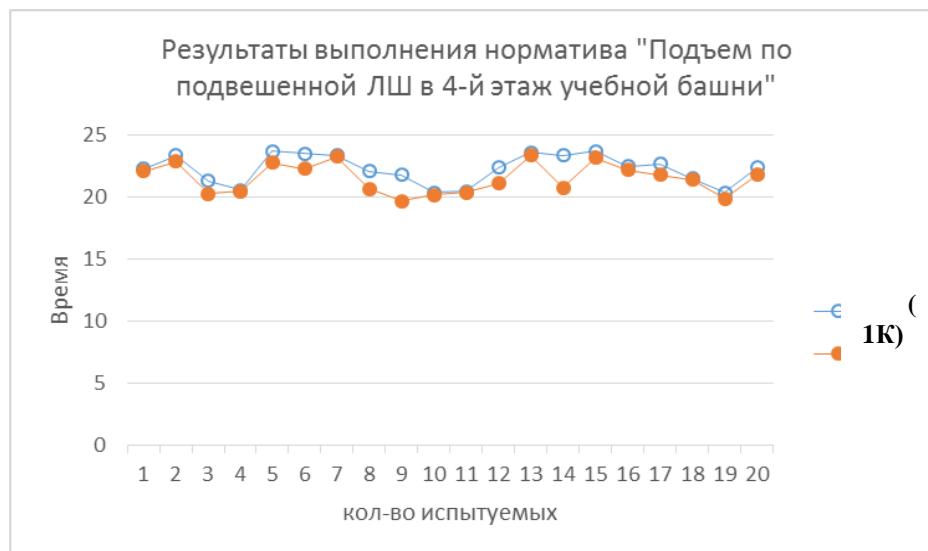

Рис. 6 – Сравнение результатов выполнения контрольного норматива испытуемыми в каждую ступень ЛШ (1К не окрашенной лестницы, 1Э окрашенной лестницы)

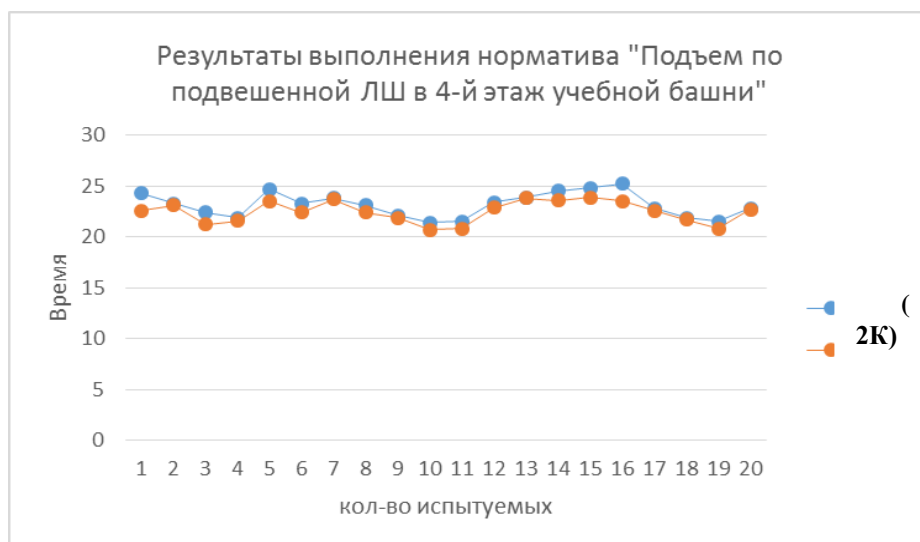

Рис. 7 – Сравнение результатов выполнения контрольного норматива испытуемыми через одну ступень ЛШ (2К не окрашенной лестницы, 2Э окрашенной лестницы)

Результаты исследования показали достаточно высокие различия между контрольными и экспериментальными группами (рис. 6, 7). Это выражено в более высоких значениях экспериментальных групп над контрольными. Полученные результаты были переведены в среднестатистические значения с целью определения разницы временных показателей между исследуемыми группами (табл. 5).

Таблица 5 – Определение разницы временных показателей между исследуемыми группами в упражнении «Подъем по подвешенной штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни»

Показатели подъема по подвешенной штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни					
№ п/п	Значения	1 КГ (в каждую ступень)	1 ЭГ (в каждую ступень)	2 КГ (через одну ступень)	2 ЭГ (через одну ступень)
1	ср знач X	22,28	21,54	23,13	22,47
2	ст откл b	1,17	1,20	1,19	1,06
3	ст ош m	0,24	0,25	0,25	0,22
4	t-критерий	2,11		1,98	
5	X±b	22,28±1,17	21,54±1,2	23,13±1,19	22,47±1,06

Благодаря статистической обработке полученных результатов с помощью t-критерия Стьюдента достоверно доказано, что временные показатели экспериментальных групп оказались выше, чем аналогичные показатели респондентов контрольных групп при $p < 0,05$. Среднестатистическое значение показателей в этих группах составляет: у 1 контрольной группы $22,28 \pm 1,17$ у 1 экспериментальной группы значение $21,54 \pm 1,2$, что говорит о значительном временном отставании контрольной группы от экспериментальной с разницей между ними 0,74 сек. Это является довольно значимым временным интервалом между исследуемыми группами. Эта же ситуация характерна для 2-й контрольной и 2-й экспериментальной группы при $23,13 \pm 1,19$ к $22,47 \pm 1,06$ соответственно, с разницей в 0,66 сек.

В конце второго этапа исследования со всеми группами проводился контрольный норматив №2 (итоговый) (рис. 2) с целью выявления временных показателей выполнения упражнения «Подъем по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни».

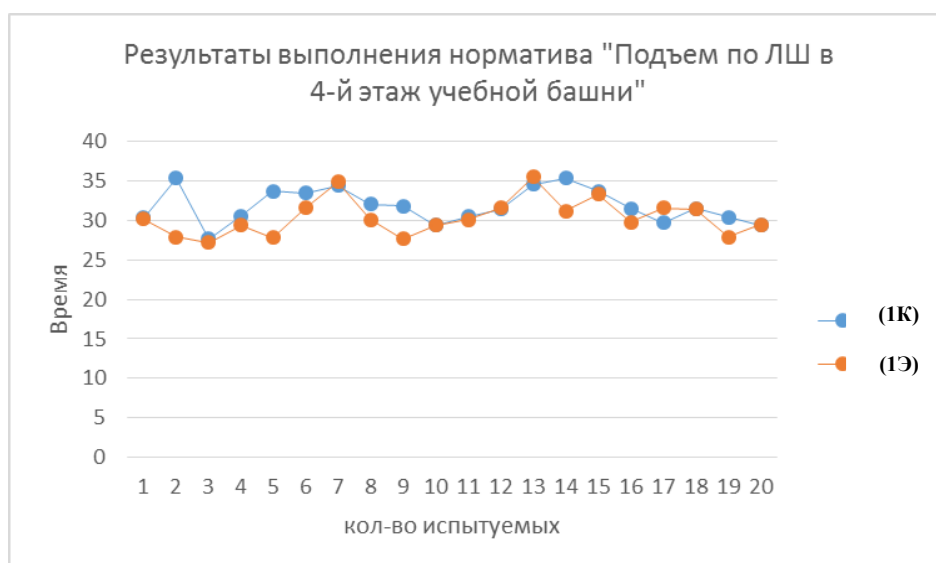

Рис. 8 – Сравнение результатов выполнения контрольного норматива испытуемыми в каждую ступень ЛШ (1К не окрашенной лестницы, 1Э окрашенной лестницы)

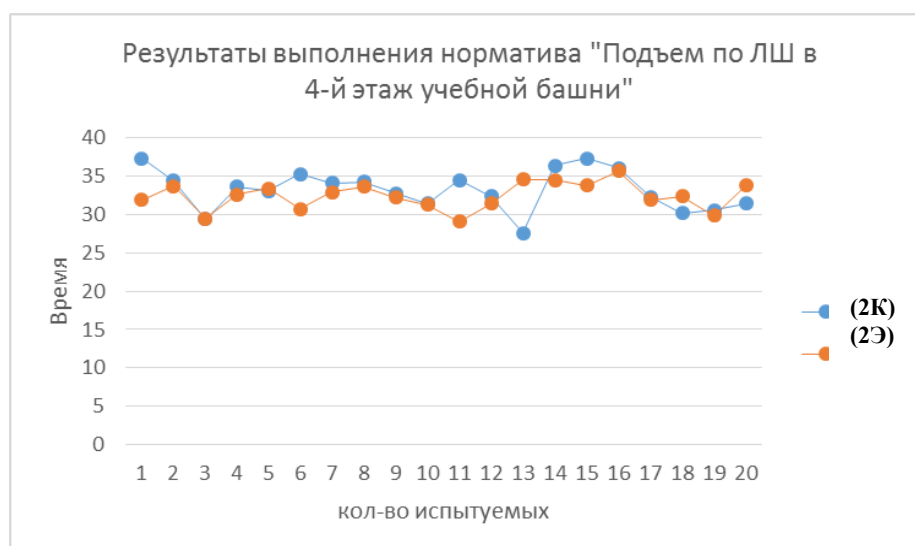

Рис. 9 – Сравнение результатов выполнения контрольного норматива испытуемыми через одну ступень ЛШ (2К не окрашенной лестницы, 2Э окрашенной лестницы)

Результаты исследования показали также, как и при контрольном нормативе №1 высокие различия между контрольными и экспериментальными группами (рис. 8, 9). Нормативное время было переведено в среднестатистические значения для определения разницы временных показателей между исследуемыми группами (табл. 6).

Таблица 6 – Определение разницы временных показателей между исследуемыми группами в упражнении «Подъем по подвешенной штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни»

Показатели подъема по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни					
№ п/п	Значения	1 КГ (в каждую ступень)	1 ЭГ (в каждую ступень)	2 КГ (через одну ступень)	2 ЭГ (через одну ступень)
1	ср знач X	31,85	30,41	33,23	32,45
2	ст откл b	2,19	2,30	2,63	1,77
3	ст ош m	0,46	0,48	0,55	0,37
4	t-критерий	2,18		1,17	
5	X±b	31,85±2,19	30,41±2,30	33,23±2,63	32,45±1,77

Статистическая обработка временных показателей «Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни» достоверно доказывает, что существуют различия между контрольными и экспериментальными группами. Результаты в экспериментальных группах значительно выше по сравнению с контрольными группами при $p < 0,05$. Среднестатистические показатели в 1 контрольной группе составляют $31,85 \pm 2,19$ в 1 экспериментальной группе $30,41 \pm 2,30$. Разница между этими группами составила 1,44 сек, что говорит о значительном временном отставании контрольной группы от экспериментальной. Эта же ситуация характерна для 2-й контрольной и 2-й экспериментальной группы при $33,23 \pm 2,63$ к $32,45 \pm 1,77$ соответственно, с разницей в 0,78 сек.

Особые различия при выполнении контрольных нормативов №1 и №2 наблюдаются в группах, выполнявших подъём по штурмовой лестнице в каждую ступень по сравнению с группами выполнявших подъём по штурмовой лестнице через ступень в окна учебной башни. Оценка результатов показала наиболее высокие показатели у групп выполнявших контрольных норматив в каждую ступень. Об этом может свидетельствовать тот факт, что в качестве объективных показателей подъём по штурмовой лестнице через одну ступень более сложнокоординирован и более энергозатратен по сравнению с подъёмом в каждую ступень.

Выводы.

Таким образом, достоверно доказано, что в конце исследования показатели экспериментальных групп оказались выше аналогичных показателей контрольных групп. Исходя из результатов исследования можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что наиболее эффективным в процессе обучения технике упражнения «Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни» стал метод с использованием тренировочной штурмовой лестницы. Однако, показатели подъёма по штурмовой лестнице в каждую ступень значительно выше показателей подъёма через одну ступень. Это может свидетельствовать о том, что при достаточно небольшом лимите времени на обучение подъёму по штурмовой лестнице наиболее рационально использовать именно этот метод.

Исходя из этого можно сделать вывод, что тренировочная штурмовая лестница позволит курсанту, при освоении техники упражнения «Подъём по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни» с использованием метода в каждую ступень, лучше скоординировать свои движения, визуально ориентироваться и следить за правильностью выполнения упражнения, исключая возможность совершения ошибок при выполнении подъёма.

Список литературы / References

1. Приказ МЧС РФ от 26.07.2016 г. № 402 «О внесении изменений в приказ МЧС РФ от 30.03.2011 г. № 153».
2. Приказ МЧС РФ от 30.03.2011 г. № 153 «Об утверждении Наставления по физической подготовке личного состава федеральной противопожарной службы».
3. Ашкинази С.М. К вопросу о совершенствовании процесса физической подготовки сотрудников образовательных учреждений Государственной противопожарной службы МЧС России / С.А. Ашкинази, Р.М. Шипилов, Б.В. Кузнецов // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгофта – 2016. – № 1 (131). С. 18-22.
4. Головин С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. – Глубинная психология: учения и методика. [Электронный ресурс] URL: <http://studopedia.org/index.php?vol=2&post=4871> (дата обращения 03.05.2017).
5. Методические рекомендации по организации и проведению занятий с личным составом газодымозащитной службы федеральной противопожарной службы МЧС России. Москва, 2008 г. – 80 с.
6. Нормативы по пожарно-строевой и тактико-специальной подготовке для личного состава федеральной противопожарной службы. – М.: МЧС России, 2011 г.
7. Терещёв В.В. Подготовка спасателей-пожарных. Пожарно-строевая подготовка: (Учебно-методическое пособие) / В.В. Терещёв, В.А. Грачёв, Д.А. Шехов. – Екатеринбург: Калан, 2013 г. – 300 с.
8. Терещёв В.В. Специальная профессионально-прикладная подготовка пожарных / В.В. Терещёв, В.А. Грачёв, М.А. Шурыгин. – Екатеринбург: ООО «Калан», 2013 г. – 216 с.
9. Шарбанова И.Ю. Применение новых методов подготовки и обучения спасателей, работающих в чрезвычайных ситуациях / И.Ю. Шарбанова, Р.М. Шипилов, А.В. Харламов // Электронный научный журнал. Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 90.
10. Шипилов Р.М. Особенности адаптации курсантов образовательных организаций высшего образования к действиям в условиях чрезвычайных ситуаций / Р.М. Шипилов, И.Ю. Шарбанова, О.Г. Зейнетдинова, А.К. Кокурин // В мире научных открытий. 2017. Т. 9. № 1. С. 78-89.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Prikaz MChS RF ot 26.07.2016 g. № 402 «O vnesenii izmenenij v prikaz MChS RF ot 30.03.2011 g. № 153» [Order of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation of July 26, 2016 No. 402 «On Amendments to the Order of the Ministry of Emergency Measures of the Russian Federation of March 30, 2011 No. 153»]. [in Russian].
2. Prikaz MChS RF ot 30.03.2011 g. № 153 «Ob utverzhdenii Nastavlenija po fizicheskoj podgotovke lichnogo sostava federal'noj protivopozharnoj sluzhby» [The Order of the Ministry of Emergency Measures of the Russian Federation of March 30, 2011 No. 153 «On the Approval of the Manual on the Physical Training of the Personnel of the Federal Fire Service»]. [in Russian].
3. Ashkinazi S.M. K voprosu o sovershenstvovanii processa fizicheskoi podgotovki sotrudnikov obrazovatel'nyh uchrezhdenij Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MChS Rossii [On the issue of improving the process of physical training of employees of educational institutions of the State Fire Service EMERCOM of Russia] / S.A. Ashkinazi, R.M. Shipilov, B.V. Kuznetsov // Scientific notes of the University named after P.F. Lesgotha.– 2016. – № 1 (131). P. 18-22. [in Russian].
4. Golovin S.Yu. Slovar' prakticheskogo psihologa [Dictionary of practical psychologist] / S.Yu. Golovin. - Deep psychology: teachings and methodology. [Electronic resource] URL: <http://studopedia.org/index.php?vol=2&post=4871> (accessed 03.05.2017). [in Russian].
5. Metodicheskie rekomendacii po organizacii i provedeniju zanjatij s lichnym sostavom gazodymozashhitnoj sluzhby federal'noj protivopozharnoj sluzhby MChS Rossii. [Methodical recommendations on the organization and conduct of training

sessions with the personnel of the gas and smoke protection service of the Federal Fire Service of the Ministry of Emergency Measures of Russia]. Moscow, 2008 – 80 p. [in Russian].

6. Normativy po pozharo-stroevoy i taktiko-special'noj podgotovke dlja lichnogo sostava federal'noj protivopozharnoj sluzhby. [Norms for fire-fighting and tactical-special training for the personnel of the federal fire service]. – M.: EMERCOM of Russia, 2011. [in Russian].

7. Terebnev V. V. Podgotovka spasatelej-pozhrnyh. Pozharo-stroevaja odgotovka: (Uchebno-metodicheskoe posobie) [Training of firefighters. Fire-combat training: (Teaching-methodical manual)] / V. V. Terebnev, V. A. Grachev, D. A. Chekhov. – Ekaterinburg: Kalan, 2013. – 300 p. [in Russian].

8. Terebnev V. Special'naja professional'no-prikladnaja podgotovka pozhrnyh [Special professional training of firefighters] / V. V. Terebnev, V. A. Grachev, A. M. Shurigin. – Ekaterinburg: LLC «Kalan», 2013. – 216 p. [in Russian].

9. Sharabanova I.Yu. Primenenie novyh metodov podgotovki i obuchenija spasatelej, rabotajushhih v chrezvychajnyh situacijah [Application of new methods of training and training rescuers working in emergency situations] / Sharabanova I.Yu., R. M. Shipilov, A. V. Kharlamov // Electronic scientific journal. Modern problems of science and education. 2014. No. 4. P. 90. [in Russian].

10. Shipilov R.M. Osobennosti adaptacii kursantov obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya k dejstviyam v uslovijah chrezvychajnyh situacij [Features of adaptation of cadets of educational organizations of higher education to actions in emergency situations] / R.M. Shipilov, I.Yu. Sharabanova, O.G. Zeynetdinova, A.K. Kokurin // In the world of scientific discoveries. 2017. T. 9. № 1. P. 78-89. [in Russian].

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.075>

Яковлев А.Н.¹, Глушенко Н.А.², Вронская Н.Г.³

¹Кандидат педагогических наук, Полесский государственный университет (ПолесГУ),

²старший преподаватель Тихоокеанский государственный медицинский университет,

³старший преподаватель, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» (ДВФУ)

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АСПЕКТЕ РАЗРАБОТКИ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «СПОРТИВНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ»)

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблематики разработки и системного применения, электронных учебно-методических комплексов на примере учебной дисциплины «Спортивно-педагогическое совершенствование», где авторы обосновывают теоретические практико-ориентированные положения, реализация которых позволит создавать и внедрять в целостный педагогический процесс в высшей профессиональной школе эффективные высокотехнологичные информационные продукты учебного назначения. Интеграция средств информационно-коммуникационных технологий в практике обучения специалистов в сфере физической культуры и спорта позволяет достичь высоких образовательных результатов.

Ключевые слова и словосочетания: высшее профессиональное образование, учреждение высшего образования, электронный учебно-методический комплекс, информационно-коммуникационные технологии, специфика обучения, модуль.

Yakovlev A.N.¹, Glushenko N.A.², Vronskaya N.G.³

¹PhD in Pedagogy, Polesk State University,

²senior Lecturer of the Pacific National Medical University,

³senior Lecturer, FSEI "Federal Far Eastern Federal University"

INTEGRATION PROCESSES IN THE ASPECT OF DIDACTIC POSITIONS DEVELOPMENT OF THE ELECTRONIC EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL COMPLEX (ON THE EXAMPLE OF THE TRAINING DISCIPLINE "SPORTIVE AND PEDAGOGICAL IMPROVEMENT")

Abstract

The article is devoted to the study of the problems of development and system application, electronic educational and methodological complexes on the example of the educational discipline "Sportive and Pedagogical Improvement," where the authors substantiate theoretical practice-oriented provisions, the implementation of which will allow creating and implementing effective pedagogical processes in the higher professional school as well as effective high-tech educational information products. Integration of information and communication technologies into the practice of training specialists in the field of physical culture and sports allows achieving high educational results.

Keywords: higher professional education, institution of higher education, electronic educational and methodological complex, information and communication technologies, specifics of training, module.

Решение актуальных задач современного многоуровневого вузовского образования в аспекте прогнозируемой результирующей части, предполагает разработку адаптированных дидактических подходов, соответствующих средств обучения, что в своей остроте актуализируют проблематику исследований в области применения эффективного высокотехнологичного дидактического инструментария, позволяющего в соединении с используемыми методами обучения повысить качество подготовки специалистов – выпускников вузов.

Интеграция в педагогическую практику средств информационно-коммуникационных технологий в рамках продолжения эффективных разработок, ориентированных к потребностям высшей профессиональной школы (в том числе и на первой ее ступени), продиктованы влиянием внешних факторов.

Авторами систематизирован и обобщен опыт учебных заведений Республики Беларусь и Российской Федерации по разработке электронных учебно-методических комплексов (ЭУМК), которые отвечают основным положениям образовательного стандарта и требованиям учебных программ как конструкт представляемого в нем содержания учебного материала.

Выявлены педагогические и технологические возможности формирования у студентов специальных умений и навыков, соответствующих профессиональных компетенций.

Новизна исследования. Создание адаптированного электронного диагностического инструментария для определения учебных достижений студентов и методики его применения в условиях формирования двигательных навыков в видах легкой атлетики, оптимизации обучающей, контрольно-оценочной и корректирующей функций электронных компонентов ЭУМК.

Автором учтены современные теоретико-методологические положения и опыт создания, применения информационных педагогических технологий в сфере высшего образования.

Состояние вопроса. Основные положения создания электронных учебно-методических комплексов отражены в работах ученых [1. С. 38–43], [2. С. 197–201], [5. С. 57–63], [10. С. 21–25] в соответствии с требованиями высшей школы [3], [4], [6], которые отражают уровень профессиональной подготовки студентов и соответствующих личностно значимых компетенций.

В учреждениях образования «Полесский государственный университет» (ПолесГУ) и «Дальневосточный федеральный университет» (ДВФУ), нами разработан алгоритм действий по интеграции (обобщение опыта) средств информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс для обучения специалистов в сфере физической культуры и спорта.

Педагогический процесс, направленный на достижение высоких образовательных результатов в контексте понимания сущностных характеристик физического воспитания сопряжен с выполнением нормативных результатов (разрядных норм, согласно требований единой спортивной классификации).

Результаты исследований и их обсуждение. Создана и интегрирована в учебный процесс функциональная модель ЭУМК по учебной дисциплине «Спортивно-педагогическое совершенствование» (легкая атлетика) [7], как систематизация электронных образовательных ресурсов.

Способность предлагать профессорско-преподавательскому составу (ППС) элементы для создания неповторимой и индивидуальной модели учебного занятия, а студентам ресурсы для осуществляемой самостоятельной учебной деятельности - это важное методическое требование к применению электронных компонентов учебно-методического комплекса при осуществлении учебной деятельности на всех ее этапах и при необходимой алгоритмизации.

Обозначенный подход в трактовке дидактической роли предметного ЭУМК позволил реализовать модульный принцип выстраивания структуры электронного образовательного ресурса по учебной дисциплине «Спортивно-педагогическое совершенствование»: нормативный; справочно-информационный; теоретический; практический; контрольно-диагностический.

Модульное структурирование – это открытость и адаптивность электронного образовательного ресурса (условия изменения структуры и содержания образования, требований, а также программно-методической документации).

С нашей точки зрения целесообразно выделить управляемость процессом обучения в сочетании с традиционными средствами на всех этапах организации учебной деятельности студентов, алгоритмом способностью достижения полноты усвоения знаний.

Ключевым положением является индивидуализация обучения, диагностика результатов процесса обучения с помощью контрольно-измерительного инструментария ЭУМК.

«...В силу своего совокупного дидактического и технологического потенциала ЭУМК по учебной дисциплине «Спортивно-педагогическое совершенствование» является действенным средством обеспечения процесса организации учебного процесса: концентрированное наличие сгруппированного нормативного и дидактического материала и оптимизированность компонентов, гибкость структуры ЭУМК по отношению к содержанию образования и положениям учебной программы; технологическая интегрируемость в процесс обучения и наличие обратной связи в управлении процессом обучения в обеспечении студентов постоянной информацией о ближайших и отдаленных целях обучения и степени их достижения; усвоение содержания учебного материала в соответствии с многокомпонентным составом учебных знаний (теоретические, методологические; оценочные знания и способы учебной деятельности); обеспечение оперативности в поиске необходимой учебной информации в аспекте оптимизации диагностического и контрольно-оценочного инструментария по отношению к существующим критериальным требованиям интегральной десятибалльной системы оценивания и уровням усвоения учебного материала); возможность интенсификации профессиональной деятельности преподавателя и учебной (в том числе и организуемой самостоятельной) деятельности студентов как адаптация к возможным изменениям структуры и содержания образования, требований и содержания образовательного стандарта, а также программно-планирующей и программно-методической документации...» [8], [9], [11].

Следует выделить теоретический раздел, который содержит разное вариантное изложение тем учебного материала, а практический материал и раздел контроля отражают заданные параметры по уровню развития физических качеств, физической подготовленности (контрольные нормативы, промежуточная аттестация) и степени освоения техники выполнения двигательных действий в легкой атлетике, позволяющие определить соответствие результатов учебной деятельности студентов требованиям образовательных стандартов и учебно-программной документации (*контрольные вопросы, задания, тесты, вопросы к зачету и экзамену и др.*).

Вспомогательный раздел - это содержит элементы учебной, программно-планирующей, учебно-методической документации, учебные издания, информационно-аналитические материалы.

По завершению учебного года анализ работы кафедры позволяет сформулировать предложения о совершенствовании ЭУМК в следующем учебном году, затем до ухода в отпуск сводные предложения ППС представляются в учебно-методический отдел по установленной форме в бумажном и электронном виде.

Процесс рецензирования осуществляется кафедрой другого учреждения высшего образования в соответствующей области знаний:

- объективная оценка;
- анализ методических достоинств и недостатков;
- оценка научного уровня и соответствия содержания и объема образовательному стандарту и учебно-программной документации;
- дидактическая целесообразность материала;
- перечень замечаний;
- обоснованные и аргументированные выводы о целесообразности использования в учебном процессе.

Выводы. ЭУМК по учебной дисциплине «Спортивно-педагогическое совершенствование» как механизм эффективного управления учебно-познавательной деятельностью студентов, осуществляемой в сфере физической культуры и спорта открывает для педагогов, психологов, физиологов, социологов и других специалистов уникальную возможность исследования процессов познания, моделирования представления знаний, индивидуальной и коллективной познавательной деятельности, в которой современные технологии сочетаются с традиционными достижениями педагогики.

Особая роль отводится поисковой деятельности, которая складывается из анализа информационных ресурсов, представленных на сайтах физкультурных вузов Республики Беларусь и Российской Федерации в аспекте обобщения опыта.

Существенным показателем эффективности является наличие методического материала, научных статей, отвечающих тематике современных проблем в системе учебно-тренировочного процесса, охватывающего широкую палитру «королевы спорта» и особенности методики преподавания (для студентов дневной формы обучения).

Активное внедрение рейтинговой оценки знаний умений и навыков – это поиск вариантов интегративного подхода в аспекте формирования профессиональных компетенций высшего порядка, где студенты имеют уникальную возможность проявить высший потенциал своих физических качеств с учетом своих задатков и способностей.

Методические рекомендации наполняются ярким и наглядным материалом в виде таблиц, презентации и др., подкрепляются диагностическим аппаратом: контрольными вопросами, зачетными практическими нормативами.

В результате освоения дисциплины студент должен уметь выполнять двигательные программы повышенного уровня сложности (спортивной направленности); индивидуальные и коллективные формы проявления соревновательной борьбы и владеть техникой выполняемых физических упражнений; понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии.

Образное представление учебного материала достигается с помощью средств мультимедиа.

Список литературы / References

1. Воробьев В.А. Электронный учебно-методический комплекс: разработка и использование в учебном процессе / В.А. Воробьев, О.Сосновский, А.М. Филиппов // Выш. шк. – 2011. – № 1. – С. 38–43.
2. Жук А.И. Современный электронный учебно-методический комплекс – основа информационно-образовательной среды вуза / А.И. Жук, Ю.И. Вороничев, П.А. Мандрик // Информатизация образования – 2010: педагогические аспекты создания информационно-образовательной среды: материалы междунар. науч. конф., Минск, 27–30 октября 2010 г. / БГУ; редкол.: С.В. Абламейко [и др.]. – Минск, 2010. – С. 197–201.
3. Загвязинский В.И. Теория обучения: современная интерпретация: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. Заведений / В.И. Загвязинский. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 192 с.
4. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. Заведений / И.Г. Захарова. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 192 с.
5. Кедрова Е.М. Воспитание интеллектуально зрелой личности студента / Е.М. Кедрова // Вышэйшая школа. – 2007. – № 6. – С. 57 – 63.
6. Кодекс Республики Беларусь об образовании: постановление Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь, 22 декабря 2010 г. № . 388-№.4/V // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2011. – № 1, 4/6637.
7. Лозицкий В.Л. Спортивно-педагогическое совершенствование. Электронный учебно-методический комплекс для первой ступени высшего образования / В.Л. Лозицкий, А.Н. Яковлев // E-Learning «Полесский государственный университет». Учебные курсы Moodle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://194.158.204.219/moodle>. – Дата доступа: 04.03.2017.
8. Немов Р.С. Психология: Учеб. пособие для учащихся пед. ин-тов и работников системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки пед. кадров / Р.С. Немов. – М.: Просвещение, 1990. – 301 с.
9. Прохоренко Д.М. Разработка и использование мультимедийных обучающих гиперкурсов в учебном процессе: Учеб. Пособие. / Д.М. Прохоренко. – Мн.: РИВШ, 2008.
10. Скибицкий Э.Г. Дидактическое обеспечение процесса дистанционного обучения / Э.Г. Скибицкий // Дистанционное образование. – 2000. № 1. – С. 21 – 25.
11. Зинченко Т.П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 320 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vorobiev V.A. Elektronnyi uchebno-metodicheskii kompleks: razrabotka i ispolzovanie v uchebnom processe [Electronic Educational-Methodical Complex: Development and Use in Educational Process] / V.A. Vorobiev, O. Sosnovsky, A.M. Filippov // Vyssh. shk. - 2011. - No.1. - P. 38-43. [in Russian]
2. Zhuk A.I. Sovremenniy elektronnyi uchebno-metodicheskii kompleks – osnova informatsionno-obrazovatelnoi sredy vuzov [Modern Electronic Educational and Methodical Complex is the basis of the Information and Educational Environment of the University] / A.I. Zhuk, Yu.I. Vorotnitsky, P.A. Mandrik // Informatization of Education - 2010: Pedagogical Aspects of Information and Educational Environment Creation: Materials of the Intern. Sci. Conf., Minsk, October 27-30, 2010 / BSU; edited by S.V. Ablameiko [et al]. - Minsk, 2010. - P. 197-201. [in Russian]
3. Zagviyazinskii V.I. Teoriya obucheniya: sovremennaya interpretatsiya: Ucheb. posobie dlia stud. vyssh. ped. ucheb. Zavedenii [Theory of Learning: Modern Interpretation: Textbook for Stud. of Ped. Institutions] / V.I. Zagviyazinskii. - 2nd edition, revised. - M.: Publishing Centre "Academy," 2004. - 192 p. [in Russian]
4. Zakharova I.G. Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: Ucheb. posobie dlia stud. vyssh. ped. ucheb. Zavedenii [Information Technologies in Education: Textbook for Stud. of Ped. Institutions] / I.G. Zakharova. - M.: Publishing Centre "Academy," 2008. - 192 p. [in Russian]
5. Kedrova E.M. Vospitanie intellektualno zreloi lichnosti studenta [Educating an Intellectually Mature Student] / E.M. Kedrova // Vysshaya Shkola. - 2007. - No.6. - P. 57-63. [in Russian]
6. Kodeks Respubliki Belarus ob obrazovanii: postanovlenie Soveta Respubliki Natsionalnogo Sobraniya Respubliki Belarus, 22 dekabria 2010 g. №388-№4/V [Code of the Republic of Belarus on Education: Resolution of the Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus, December 22, 2010. No.388-No.4/V] // National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus. - 2011. - No.1, 4/6637. [in Russian]
7. Lozitskii V.L. Sportivno-pedagogicheskoe sovershenstvovanie. Elektronnyi uchebno-metodicheskii kompleks dlia pervoi stupeni vysshego obrazovaniya [Sports and Pedagogical Perfection. Electronic Educational and Methodical Complex for the First Stage of Higher Education] / V.L. Lozitsky, A.N. Yakovlev // E-Learning "Polesk State University." Moodle Training Courses [Electronic resource]. - Access mode: <http://194.158.204.219/moodle>. - Date of access: 04/03/2017. [in Russian]
8. Nemov R.S. Psikhologiya: Ucheb. posobie dlia uchashchihsya ped. in-tov i rabotnikov sistemy podgotovki, povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki ped. kadrov [Psychology: Textbook for Students of Ped. Inst. and Employees of the System of Training, Advanced Training and Retraining of Teachers] / R.S. Nemov. - M.: Prosveshchenie, 1990. - 301 p. [in Russian]
9. Prokhorenko D.M. Razrabotka i ispolzovanie multimediiynykh obuchaiushchikh giperkursov v uchebnom protsesse: Ucheb. Posobie. [Development and Use of Multimedia Teaching Hypercourses in the Learning Process: Textbook.] / D.M. Prokhorenko. - Mn.: RIVSH, 2008. [in Russian]
10. Skibitskii, E.G. Didakticheskoe obespechenie processa distantsionnogo obucheniya [Didactic Support of the Distance Learning Process] / E.G. Skibitskii // Distance Learning. - 2000. No.1. - P. 21-25. [in Russian]
11. Zinchenko T.P. Pamiat v eksperimentalnoi i kognitivnoi psikhologii [Memory in Experimental and Cognitive Psychology]. - St.Petersburg: Piter, 2002. - 320 p. [in Russian]

Все статьи, опубликованные в «Международном научно-исследовательском журнале», загружаются в РИНЦ.

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — библиографическая база данных научных публикаций российских учёных. Для получения необходимых пользователю данных о публикациях и цитируемости статей на основе базы данных РИНЦ разработан аналитический инструмент *ScienceIndex*.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.070>

Бачурин В.В.

Преподаватель,

Уральский государственный университет путей сообщения

МЕТОДЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

Статья посвящена особенностям перевода и адаптации терминов в сфере информационных технологий в современном китайском языке. Подчеркивается актуальность темы в связи с активным притоком иноязычной лексики в компьютерную отрасль и необходимостью изучения новообразованных терминов. В работе рассмотрены основные механизмы освоения иностранных слов китайским языком, приведены примеры фонетических и семантических заимствований в области информационных технологий, а также новых для китайского языка гибридных образований.

Ключевые слова: информационные технологии, терминология, заимствования, фонетические заимствования, калькирование, китайский язык

Bachurin V.V.

Teacher,

Ural State Transport University

METHODS OF TERMINOLOGY BORROWING IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGIES
IN THE CHINESE LANGUAGE

Abstract

The article is devoted to the study of the main features of terminology translation and adaptation in the field of information technology in modern Chinese. It emphasizes the relevance of the topic in connection with the active influx of foreign vocabulary into the computer industry and the need to study new terms. The main mechanisms of mastering foreign words in the Chinese language are considered, examples of phonetic and semantic borrowings in the field of information technologies, as well as new hybrid formations for the Chinese language are given.

Keywords: information technology, terminology, borrowing, phonetic borrowing, calquing, Chinese.

Отличительной чертой китайского языка последних десятилетий является активное заимствование иноязычной лексики, связанное с развитием передовых отраслей науки и техники, расширением межъязыковых контактов и культурной динамикой. Современный процесс освоения иностранных слов характеризуется возросшей интенсивностью, акцентом на научно-технической сфере и особой ролью английского как языка-донора [1, С. 210-225], [2]. Яркую иллюстрацию специфики заимствования лексических единиц в современный китайский язык дает активно генерирующая неологизмы область информационных технологий. Новая терминология может относиться к устройствам новых технических стандартов (Qi wireless charger > Qi 无线充电器 [3]), инновационным приложениям, пропагандирующим здоровый образ жизни (bitwalking > 比特步行 [4]) и любым другим сферам, связанным с компьютерами, при этом многие термины не фиксируются словарями.

В процессе обучения китайскому языку, в особенности, переводу с китайского необходимо знакомство с методами и спецификой заимствования. Для этого сначала следует классифицировать материал предметной области (лексику сферы информационных технологий) по характеру заимствований, рассмотреть структуру, семантику и особенности адаптации компьютерных терминов.

Китайский язык располагает рядом механизмов освоения и ассимиляции сложной иноязычной терминологии. Полученные в результате заимствования можно классифицировать как фонетические, семантические и фонетико-семантические [5, С. 143].

При фонетическом заимствовании звуковая оболочка иностранного слова воспроизводится иероглифами, например: blog > 博客 bókè, Google > 谷歌 gǔgē. Настоящий метод имеет существенные недостатки, поскольку за каждым слогом-иероглифом закреплены определенное звучание и значение, в итоге создаются труднопроизносимые и трудно запоминающиеся слова, вдобавок несущие излишнюю семантическую нагрузку. В приведенных примерах 博客 bókè (обильный, богатый; получать + гость, клиент, пассажир), 谷歌 gǔgē (долина; зерновые + песня). Фонетическая адаптация задействует механизмы вокализации, замены звуков и диерезы: bit > 比特 bǐtè (вокализация в конечном слоге), Pentium > 奔腾 bēnténg (замена звуков), hash > 哈希 hāxī (замена звуков + вокализация в конечном слоге), Google > 谷歌 gǔgē (диереза), blog > 博客 bókè (диереза + вокализация в конечном слоге), используемая в Linux и MacOS команда сору 拷贝 kǎobèi (замена звуков). Кроме того, благодаря выбранным иероглифам, как видно из примеров, слова приобретают тоны китайского языка. Обозначенные семантические и фонетические факторы препятствуют образованию существенных объемов новой лексики методом фонетического заимствования.

Более эффективным способом освоения новой компьютерной терминологии является семантическое заимствование посредством калькирования, структурного или этимологического. При структурном калькировании воспроизводится семантико-морфологическая структура иноязычного слова (словосочетания), буквально переводятся его структурные элементы: wireless > 无线 wúxiàn (без + провод); hard disk > 硬盘 yìngpán (твердый, жесткий + блюдо,

круг, диск); software > 软件 guǎnjiàn (мягкий + вещь, компонент); Microsoft > 微软 wēiruǎn (маленький, микро- + мягкий); email > jiànpán 电子邮件 diànzǐ yóujiàn (электрон + почтовое отправление); hypertext > 超文本 chāo wénběn (превышать, сверх-, супер- + текст); online > 线上 xiànsàng (на линии, на проводе); read only > 只读 zhǐdú (только + читать); interface > 介面 jièmiàn (между + лицо); domain name > 域名 yùnmíng (территория + имя).

При этимологическом калькировании раскрывается смысловое содержание заимствуемого слова. Этимологизация происходит посредством объяснительного перевода, иногда отражающего, а иногда не отражающего смысловую структуру иноязычного слова [5, С. 148]. Создание нового термина данным способом – процесс творческий: computer > 电脑 diànnǎo (досл. «электрический мозг»); spreadsheet > 电子表格 diànzǐ biǎogé (электрон + форма, бланк); cache > 高速缓存 gāosù huǎncún (высокая скорость + отложенное хранение), joystick > 操纵杆 cāozònggǎn (управлять + рычаг); log out > 登出 dēngchū (ступать + наружу); microchip > 芯片 xīnpǐàn (фитиль + осколок, кусочек); эмуляция > 仿真 fǎngzhēn (имитировать + подлинный); access > 访问 fǎngwèn (навещать + спрашивать > навещать, наносить визит); screenshot > 截图 jiétú (отрезать + рисунок).

Промежуточное положение занимают компьютерные термины, созданные частично структурным калькированием, частично этимологизацией через разъяснительный перевод: mouse > 鼠标 shǔbiāo (мышь + словообр. элемент для измерительных приборов); peer-to-peer network > 对等网络 duìděng wǎngluò (равный по рангу + сеть); parent directory > 母目录 mǔ mùlù (мать, источник + каталог, записывать); program bug > 程序错误 chéngxù cuòwù (программа + ошибка). header > 头信息 tóuxìnxī (голова + информация); boot sector > 启动区 qǐdòngqū (запускать + участок); motherboard > 主板 zhǔbǎn (хозяин, главный + доска); shared library > 共享库 gòngxiǎngkù (совместно используемый + хранилище); interpreter > 直译器 zhíyìqì (прямо + переводить + прибор); flash memory 闪存 shǎncún (молния, сверкнуть + хранить).

Следует отметить, что использование терминов «этимологическое калькирование», и «этимологическая калька» является отнюдь не бесспорным, поскольку механизм «буквального перевода» [6, С. 211] реализуют структурные кальки, но не этимологические. В китайском языкознании также есть сторонники мнения, согласно которому слова, образованные посредством объяснительного перевода, не считаются иноязычными заимствованиями (см. [7], [8], [9]). Как отмечают Н.В.Перфильева и Ху Пэйпэй, китайские исследователи Гао Минкай, Лю Чжэнтань даже вводят для таких слов специальный термин 外来义 wàilái yì («значение извне»). С данной позицией, как прямолинейной и категоричной, не согласны Го Фулян, Ло Чанпэй, Ян Сипэн и др., обосновывающие возможность отнесения этимологически калькированных слов к заимствованиям в связи с наличием у них значения или понятия из другого языка, т.е. тем, что они не являются исконными китайскими словами [10].

В языке информационных технологий можно обнаружить немногочисленные примеры гибридных фонетико-семантических образований, состоящих из фонетического и лексического элементов: Internet 因特网 yīntèwǎng = 因特 yīntè (фонетический) + 网 wǎng сеть (лексический); sound card 声卡 shēngkǎ = 声 shēng звук (лексический и фонетический [англ. sound]) + 卡 kǎ карта (фонетический); blogoshere 博客圈 bóquèquān = 博客 bóquè блог (фонетический) + 圈 quān – круг (лексический); bitcoin 比特币 bǐtèbì = 比特 bǐtè бит (фонетический) + 币 bì деньги, валюта (лексический) и др.

При этом значительное количество гибридных фонетико-семантических образований приходится на такое новое для китайского языка явление, как использование аббревиатур, а также гибридных словосочетаний, включающих полные слова, записанные латиницей, аббревиатуры, цифры и семантические заимствования из английского, корейского, японского и др. языков: IP电话 (интернет телефония), D盘 (диск D), C++库 (библиотеки C++), HTTP代理 (http прокси-сервер), Android 5.0 棒棒糖 (Android 5.0 Lollipop), Wi-Fi直连 (Wi-Fi директ), MySQL主从 (система клиент-сервер MySQL), QWERTY键盘 (QWERTY клавиатура), 三星Galaxy Tab E 8.0 平板 (планшетный компьютер Samsung Galaxy Tab E 8.0), 东芝NAND电脑芯片 (чип флэш-памяти NAND компании Toshiba).

Сравнительный анализ освоенных китайским языком иноязычных терминов из области информационных технологий свидетельствует об использовании имеющихся способов словообразования, в первую очередь, семантического заимствования, позволяющего строить термины, фонетически и графически идентичные исконным китайским словам. Как новое явление следует отметить рост количества гибридных образований, включающих аббревиатуры.

Перспективными задачами для исследования являются проведение компонентного анализа терминологических вариантов, а также получение статистической картины по типам заимствований на основе специализированных словарей отрасли информационных технологий, источников интернет и данных носителей языка.

Список литературы / References

1. Семенас А.Л. Лексика китайского языка / А.Л. Семенас - М.: Восток-Запад, 2005. - 310 с.
2. Shen Yingying Borrowed Words in English and Chinese Vocabulary / Yingying Shen // CCSE English Language Teaching, vol.2., 2009. №1. [Электронный ресурс] URL: <https://wenku.baidu.com/view/c5d74bd3d15abe23482f4d67.html> (дата обращения: 03.08.2017)
3. Qi Wireless Charging Standard (developed by WPC) // Baidu Online Encyclopedia [Электронный ресурс] URL: <https://baike.baidu.com/item/Qi> (дата обращения: 15.08.2017)
4. Bitwalking v1.0 Official Android Version. Description // Green Resource Network [Электронный ресурс] URL: <http://www.downcc.com/soft/88309.html> (дата обращения: 15.08.2017)
5. Горелов В.И. Лексикология китайского языка / В.И. Горелов - М.: Просвещение, 1984. - 217 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Сов. энциклопедия, 1990. - 682 с.

7. Zhou Zumo Lectures on Chinese Vocabulary / Zumo Zhou - Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2006.- 88 p.
8. Lü Shuxiang The Outline of Chinese Grammar / Shuxiang Lü. – Beijing: The Commercial Press, 1982. - 463 p.
9. Cen Linxiang Dictionary of Chinese Loanwords / Linxiang Cen - Beijing: Commercial Press, 1994. - 447 p.
10. Перфильева Н.В. Различные трактовки заимствования в работах китайских лингвистов / Н.В. Перфильева, Пэйпэй Ху // Современные исследования социальных проблем. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. № 8 (16). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichnye-traktovki-zaimstvovaniya-v-rabotah-kitayskih-lingvistov> (дата обращения: 08.08.2017)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Semenas A.L. Leksika kitayskogo yazyka [Vocabulary of the Chinese language] / A.L. Semenas - M.: Vostok-Zapad, 2005. - 310 p. [in Russian]
2. Shen Yingying Borrowed Words in English and Chinese Vocabulary / Yingying Shen // CCSE English Language Teaching, vol.2., 2009. №1. [Electronic resource] URL: <https://wenku.baidu.com/view/c5d74bd3d15abe23482f4d67.html> (accessed: 03.08.2017)
3. Qi Wireless Charging Standard (developed by WPC) // Baidu Online Encyclopedia [Electronic resource] URL: <https://baike.baidu.com/item/Qi> (accessed: 15.08.2017)
4. Bitwalking v1.0 Official Android Version. Description. // Green Resource Network [Electronic resource] URL: <http://www.downcc.com/soft/88309.html> (accessed: 15.08.2017)
5. Gorelov V.I. Leksikologiya kitayskogo yazyka [Lexicology of the Chinese language] / V.I. Gorelov - M.: Prosveshcheniye, 1984. - 217 p. [in Russian]
6. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary] / Gl. red. V.N.Yartseva. - M.: Sov. entsiklopediya, 1990. - 682 p. [in Russian]
7. Zhou Zumo. Lectures on Chinese Vocabulary / Zumo Zhou - Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2006.- 88 p.
8. Lü Shuxiang. The Outline of Chinese Grammar / Shuxiang Lü. - Beijing: The Commercial Press, 1982. - 463 p.
9. Cen Linxiang Dictionary of Chinese Loanwords / Linxiang Cen - Beijing: Commercial Press, 1994. - 447 p.
10. Perfil'yeva N.V. Razlichnyye traktovki zaimstvovaniya v rabotakh kitayskikh lingvistov [Different interpretations of borrowing in the works of Chinese linguists] / N.V.Perfil'yeva, Peipei Hu // Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem [Recent studies of social problems]. – Krasnoyarsk: Nauchno-innovatsionnyy tsentr, 2012. № 8 (16). [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichnye-traktovki-zaimstvovaniya-v-rabotah-kitayskih-lingvistov> (accessed: 08.08.2017) [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.023>

Горохова А.М.

ORCID: 0000-0002-8578-6094, кандидат филологических наук,

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

ПАРЕМИО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ КАРТИРОВАНИЕ КОНСТРУКТА «ДЖЕНТЛЬМЕНСТВО»

(НА ОСНОВЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ФОНДОВ АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация

Настоящая статья посвящена паремии-семантическому картированию и сравнительно-сопоставительному анализу репрезентации компонентов конструкта «Джентльменство» в системе этномаркированных пословиц паремииологических фондов японского и британского лингвосоциумов. Делаются некоторые выводы о сходствах и отличиях в ассоциативном ветвлении данной черты национальной идентичности. На основе метода ментального картирования производится визуализация паремииологической проекции джентльменства в виде развернутой ментальной карты, учитывающей совокупность смысловых оттенков его реализации в статичном языковом слое.

Ключевые слова: японский национальный характер, британский национальный характер, джентльменство, ментальное картирование.

Gorokhova A.M.

ORCID: 0000-0002-8578-6094, PhD in Philology,

FSBEI of VE Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov

PAROEMIA-SEMANTIC MAPPING OF THE "GENTLEMANSHP" CONSTRUCT (BASED ON A COMPARATIVE ANALYSIS OF PAREMIOLOGICAL FUNDS OF ENGLISH AND JAPANESE)

Abstract

The paper is devoted to the paroemia-semantic mapping and comparative and collation analysis of the representation of components of the "Gentlemanship" construct in the system of ethnical marked proverbs of the paremiological funds of Japanese and British linguistic societies. Some conclusions are drawn about the similarities and differences in the associative branching of this feature of national identity. Based on the method of mental mapping, the paremiological projection of the gentlemanship is visualized in the form of an expanded mental map, which takes into account the totality of the shades of meaning of its realization in the static linguistic layer.

Key words: Japanese national character, British national character, gentlemanship, mental mapping.

Формирование национальной идентичности – комплексный процесс, подчиненный совокупному воздействию факторов геополитического, экономического, исторического, этнопсихологического, конфессионального, лингвистического и иного толка. Самобытные условия эволюции лингвосоциума детерминируют его этноспецифику, перцептивные и поведенческие модели, механизмы внутри- и межэтнического взаимодействия.

На протяжении столетий дискуссионным остается вопрос об уникальности конкретной идентичности, который приобретает особую актуальность в контексте растущей этнодисперсии XXI века, способствующей межкультурной интеграции, демаркации и повсеместной универсализации компонентов национальных ценностных спектров [1, Р. 29]. Отечественный лингвист-культуролог В.Г. Костомаров в данной связи справедливо отмечает, что «национальная культура – это специфический набор общечеловеческих черт и идей» [2, С. 53]. При этом определяющим фактором служит именно индивидуальное внутрисистемное соотношение аксиологических конструкторов.

Одной из ключевых детерминант становления национального характера островных народностей служит географическое положение, предопределяющее пространственную лимитированность, скудность природных ресурсов, территориальную обособленность. Несмотря на значительную степень культурной и лингвистической поляризации, этноспецифические конструкторы японской и британской народностей, находящие отражение в статичном языковом слое (продуктах жизнетворчества нации) характеризуются тождественностью и взаимопроникновением. Существующие на сегодняшний день исследования лингвистов-культурологов в русле изучения национальной идентичности Японии (Р. Бенедикт, К. Умэмото, Н. Маруяма, Н.И. Конрад, Н. Хироси и др.) и Великобритании (К. Фокс, Э. Майэлл и Д. Милстред, П. Лэнгфорд, Дж. Барнс, К. Хьюитт, М.В. Цветкова и др.) направлены, главным образом, на систематизацию их составляющих и определение функционального потенциала каждого компонента. Однако до настоящего момента не проводилась параллель между паремиологической репрезентацией доминант национального характера.

Целью данной статьи является сравнительно-сопоставительный анализ конструктора «Джентльменство» в пословично-поговорочном минимуме приводимых лингвокультур, поэтапная интерпретация его паремио-семантических сегментов (тематических единств) и построение ментальных карт, учитывающих степень ассоциативного ветвления конструктора. Эмпирической базой исследования послужили 903 пословицы английского языка [3, Р. 1] и 560 пословиц японского языка [4, Р. 1], [5, Р. 1]. Указанная репрезентативная выборка включает только этномаркированные паремии, соотносимые с теми или иными элементами национального характера. Методологию исследования составили методы интерпретативного, фразеологического и дефиниционного анализов, а также метод ментального картирования Т. Бьюзена [6, Р. 10], [7, Р. 12], используемый для визуализации полученных данных.

Генезис лексем «джентльмен» и «джентльменство» в британской лингвокультуре уходит корнями в эпоху Средневековья, когда термин использовался для указания на благородство происхождения и цивилизованность поведения. Впоследствии конструктор трансформировался из антропоцентрического (ассоциируемого с классом и непосредственной личностью, демонстрирующей ряд типичных характеристик, присущих джентльмену) в ценностно-бихевиоральный.

Актуальное представление о джентльмене сводится к определенным моделям поведения, визуальным сигналам и образам самопрезентации. Речь идет о комплексе дифференциальных черт, наличие которых позволяет причислить индивида к высокому сословию даже в том случае, если он не принадлежит к нему, с точки зрения социального происхождения. Можно не быть джентльменом, но вести себя как джентльмен. Исторически рассматриваемый компонент занимал одну из радиальных позиций в системе британского национального характера. Его аксиологическая значимость подтверждается и статистическими данными, полученными по результатам опроса общественного мнения, проведенного 11-12 февраля 2015 года среди носителей британской лингвокультуры [8, Р. 1]. 27% респондентов причислили вежливость и цивилизованность поведения к важнейшим конституентам их национальной идентичности, что выводит «Джентльменство» на четвертую позицию в иерархии ценностей после свободолюбия (46%), законопослушности (33%) и толерантности (29%).

Японской лингвокультуре также свойственна доктрина тактичного, учтвого отношения к собеседнику, благородства манер, поведенческая модальность [9, С. 211]. Частотны извинительные конструкции (御免なさい – gomennasai (gomen, gomen ne), すいません – sumimasen, doumo sumimasen), формулы негативной вежливости, присущие островным народностям [10, Р. 317], [11, Р. 126], оппозиция социального облика – общественного/официального лица (建前 – tatamae) – и домашнего/семейного лица (本音 – honne).

Статическая языковая проекция конструктора «Джентльменство» находит отражение в паремиологическом фонде японского и английского языков и ассоциативно сегментируется на следующие ассоциативные подгруппы – паремио-семантические поля.

Цивилизованность, воспитанность, благородство происхождения. Иллюстративные паремии: It takes three generations to make a gentleman – джентльмен рождается через три поколения (акцентуация сложности и длительности процесса становления джентльмена). What's bred in the bone will come out in the flesh – что воспитано в кости, проявится во плоти (как бы его ни скрывали, воспитание обязательно даст о себе знать). Honey catches more flies than vinegar – мед собирает больше мух, чем уксус (благовоспитанность приносит куда больше пользы, чем грубость и черствость). Civility (politeness) costs nothing – вежливость ничего не стоит (цивилизованное поведение не обременит индивида). 仏の顔も三度 [hotoke no kao mo sando] – даже стоически терпеливые люди (люди с терпением Будды) сердятся, когда встречают настойчиво невежливое обращение (дословно: испытать терпение святого). 武士は食わねど高楊枝 [bushi wa kuwanedo takayoji] – истинный самурай, даже не трапезничая, вынимает изо рта зубочистку (индивид благородного происхождения остается верен воспитательным канонам в любой ситуации). 矯めるなら若木のうち [tamerunara wakagi no uchi] – деревце следует гнуть, пока оно молодо (воспитанию подлежит человек в юном возрасте). 1 オンスの思慮は1 ポンドもの機知に値する [1 onsu no shiryo wa 1 pondo mono kichi ni

ataisuru] – уния благовоспитанности стоит фунта остроумия. 氏より育ち [uji yori sodachi] – происхождение важно, но куда важнее – воспитание.

Внешняя презентабельность. Иллюстративные паремии: Nine tailors make a man – девять портных создают джентльмена. Better be out of the world than out of the fashion – лучше не жить на белом свете, чем быть немодным. Cleanliness is next to godliness – чистота – сродни праведности. 伊達の薄着 [date no usugi] – даже в холодную погоду денди всегда легко одет (дословно: легкая одежда денди – человек высокого социального статуса в любую погоду стремится выглядеть достойно и сохранять форму). 馬子にも衣裳 [mago nimo ishō] – одежда создает личность (эквивалент в паремиологическом фонде английского языка: the style is the man – стиль – это личность).

Респектабельность, значимость репутации и социального окружения. Иллюстративные паремии: Evil communications corrupt good manners – дурные связи оскверняют хорошие манеры. Better be alone than in bad company – лучше быть одному, чем в дурной компании. 実るほど頭を垂れる稲穂かな [minoru hodo koube wo tareru inaho kana] – чем более благороден человек, тем скромнее и сдержаннее его поведение (сочетаемость конструкта «Джентльменство» с умеренностью поведенческих и вербальных проявлений).

Образованность, расширение кругозора, саморазвитие. Иллюстративные паремии: When house and land are gone and spent then learning is most excellent – когда не останется ни крова, ни земли, пригодится образование. Where ignorance is bliss, 'tis folly to be wise – где в почете невежество, безосновательна мудрость. A little knowledge is a dangerous thing – невежество опасно. Аналог в японском паремиологическом фонде: 生兵法は大怪我の元 [nama-byōhō wa ō-kega no moto] – скудность знаний – опасная вещь. 学問に王道なし [gakumon ni ōdou nashi] – образование не знает простоты (акцентуация сложностей, сопряженных с получением серьезного образования). 六十の手習い [rokujū no tenarai] – учиться никогда не поздно. 芸は身を助く [gei wa mi wo tasuku] – образование никогда не проходит даром (эквивалент в паремиологическом фонде английского языка: money spent on brain is never spent in vain – траты на образование никогда не бывают напрасными). 千日の勤学より一時の名匠 [sen'ichi no kingaku yori ichiji no meisshō] – лучше тысячи дней прилежного учения один день с великим учителем (культ наставника). Примечателен факт наличия противоположной точки зрения на процесс самообразования в английском языке: We should live and learn, but by the time we've learned, it's too late to live – следует жить и образовываться, но к тому времени, когда мы обучимся всему, будет слишком поздно жить (беспрестанный процесс образования как деструктивная тенденция, не позволяющая индивиду в полной мере наслаждаться жизнью). Указанный контроплюс не встретил коррелята в структуре паремиологического фонда японского языка.

Гордость, чувство собственного достоинства, независимость. Иллюстративные паремии: Better a glorious death than a shameful life – лучше героическая смерть, чем позорная жизнь. Better die standing than live kneeling – лучше погибнуть стоя, чем жить на коленях. Better to reign in hell, than serve in Heaven – лучше царствовать в аду, чем прислуживать в Раю. 驕るもの久しからず [ogoru mono hisashikarazu] – гордость предшествует падению. 生き恥かくより、死ぬがまし [ikihaji kaku yori, shinu ga mashi] – лучше гибель, чем позорное существование.

Благосостояние (как положительное и отрицательное явление). Иллюстративные паремии: Keep your shop and your shop will keep you – держи магазинчик, и магазинчик будет содержать тебя. Never marry for money, but marry where money is – никогда не выходи замуж за деньги, но выходи за того, у кого они есть. Money makes a man – деньги делают человека. It is better to be born lucky than rich – лучше родиться счастливым, чем богатым. Gold may be bought too dear – золото может доставаться слишком дорогой ценой. 地獄の沙汰も金次第 [jigoku no sata mo kane shidai] – деньги отворяют все двери (эквивалент в паремиологическом фонде английского языка: a golden key can open any door – золотой ключик открывает любые двери). 貧乏人の系図話 [binbou nin no keizu-banashi] – бедняк лишь слагает легенды о благородстве своих предков. 貧乏怖いものはし [binbou kowai mono nashi] – беднякам нечего бояться (не бедность – страшная вещь). 貧乏暇なし [binbou hima nashi] – у бедняков нет свободного времени. 金が敵 [kane ga kataki] – деньги – враг.

На основе анализа паремиологических фондов английского и японского языков была получена тождественная лингвистическая проекция паремио-семантического поля «Джентльменство», визуализированная в виде ментальной карты (рис. 1).

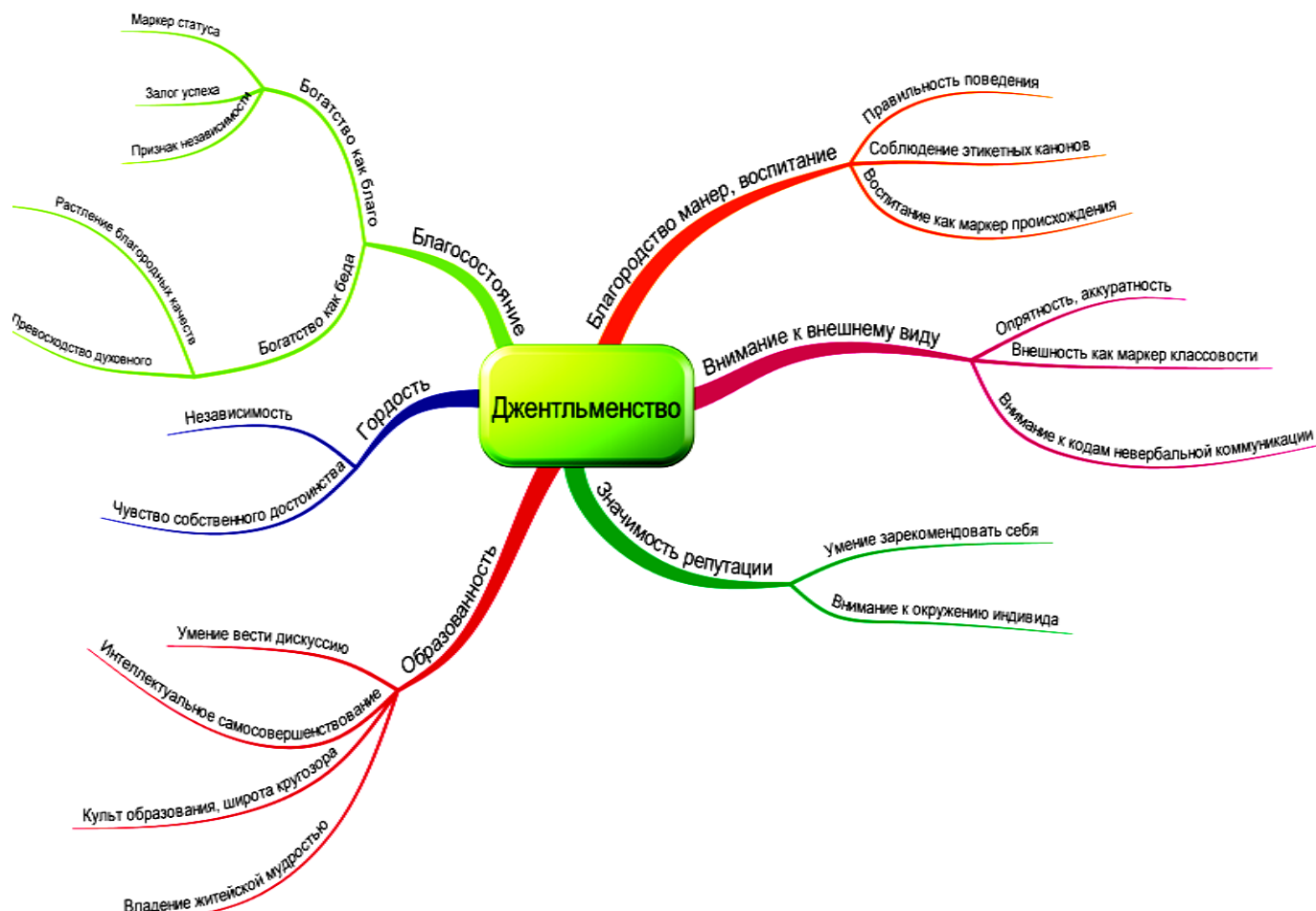

Рис. 1 – Ментальная карта конструкта «Джентльменство», полученная на основе анализа паремиологических фондов английского и японского языков

На рисунке 1 отчетливо видно, что структура конструкта образована шестью ассоциативными ветвлениями, каждое из которых получает в большей или меньшей степени эксплицитную лингвистическую репрезентацию. Интерес вызывает наличие полностью или частично эквивалентных сочетаний, что выступает дополнительным свидетельством взаимопроникновения ценностных спектров островных культур и единства этимологии адаптируемых этносами языковых формул. Перспективными видятся дальнейшие исследования в области сравнительно-сопоставительного анализа паремиологической проекции британской и японской национальной идентичности, что позволит установить их сходства и различия на уровне языковых явлений, проследить динамику аксиологических трансформаций в условиях глобальных реалий современного информационного социума, разграничить ядерные и периферийные этноспецифические компоненты.

Список источников / References

1. Ederson T. National Identity, Popular Culture and Everyday Life / T. Ederson. – Oxford – N.Y.: Berg, 2002. – 224 p.
2. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений за речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. / В.Г. Костомаров. – СПб: Златоуст, 1999. – 320 с.
3. Speake J. The Oxford Dictionary of English Proverbs / J. Speake. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 388 p. doi: 10.1093/acref/9780199539536.001.0001
4. De Lange W., Suzuki K. A Dictionary of Japanese Proverbs / W. De Lang. – Warren CT: Floating World Editions; Bilingual edition, 2013. – 252 p.
5. Japanese – English – Dutch Proverb Dictionary Online [Электронный ресурс]. – URL: <http://hilhorst.eu/kotowaza/en/start/> (дата обращения: 26.06.2017).
6. Buzan T., Griffiths C., Harrison J. Modern Mind Mapping for Smarter Thinking / T. Buzan., C. Griffiths, J. Harrison. – Cardiff: Proactive Press, 2012. – 181 p.
7. Buzan T. The Ultimate Book of Mind Maps / T. Buzan. – London: Harper Thorsons, 2006. – 256 p.
8. ComRes: British Values Survey [Электронный ресурс]. – URL: http://www.comresglobal.com/wp-content/uploads/2015/03/February2015_Poll_Tables.pdf. (дата обращения: 23.06.2017).
9. Груздева М.В. Воспитание позитивных качеств национального характера в Японии / М.В. Груздева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2016. – Номер 2. – С. 211-222.
10. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S.C. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.

11. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior / K. Fox. – 2 edition. London: Nicholas Brealey Publishing, 2014. – 228 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ederson T. National Identity, Popular Culture and Everyday Life / T. Ederson. – Oxford – N.Y.: Berg, 2002. – 224 p.
2. Kostomarov V.G. Yazikovoy vkus epochi: iz nablyudeniya za rechevoy praktikoy mass-media [The language taste of the epoch: observing the speech practice of mass-media] / V.G. Kostomarov. – 3rd edition, cor. and ad. – St. Petersburg: Zlatoust, 1999. – 320 p. [in Russian]
3. Speake J. The Oxford Dictionary of English Proverbs / J. Speake. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 388 p. doi: 10.1093/acref/9780199539536.001.0001
4. De Lange W., Suzuki K. A Dictionary of Japanese Proverbs / W. De Lang. – Warren CT: Floating World Editions; Bilingual edition, 2013. – 252 p.
5. Japanese – English – Dutch Proverb Dictionary Online [Electronic source]. – URL: <http://hilhorst.eu/kotowaza/en/start/> (accessed: 26.06.2017).
6. Buzan T., Griffiths C., Harrison J. Modern Mind Mapping for Smarter Thinking / T. Buzan., C. Griffiths, J. Harrison. – Cardiff: Proactive Press, 2012. – 181 p.
7. Buzan T. The Ultimate Book of Mind Maps / T. Buzan. – London: Harper Thorsons, 2006. – 256 p.
8. ComRes: British Values Survey [Electronic source]. – URL: http://www.comresglobal.com/wp-content/uploads/2015/03/February2015_Poll_Tables.pdf. (accessed: 11.07.2017).
9. Gruzdeva M.V. Vospitaniye pozitivnykh kachestv natsionalnogo kharaktera v Yaponii [Positive national identity traits moulding in Japan] / M.V. Gruzdeva // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Bulletin of Leningrad State Pushkin University]. – St. Petersburg: Leningradskiy gosudarstvenniy universitet im. A.S. Pushkina, 2016. – No. 2. – P. 211-222. [in Russian]
10. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S.C. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
11. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior / K. Fox. – 2 edition. London: Nicholas Brealey Publishing, 2014. – 228 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.043>

Ершова Н.Б.¹, Котова М.Ю.²

¹ORCID: 0000-0002-6834-0752, Кандидат филологических наук,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,

²ORCID: 0000-0002-0861-8652, Доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет

О ВЫРАЖЕНИИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЧЕШСКИХ И СЛОВАЦКИХ ПОСЛОВИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Аннотация

В статье впервые рассматривается выражение противопоставления в синтаксической структуре чешских и словацких пословиц, отобранных из опубликованных ранее результатов авторского паремиологического социолингвистического эксперимента и материалов подтверждения их использования в речевых жанрах Интернета. Используя сопоставительный, дескриптивный метод и метод статистического подсчета, авторы ставят цель выявить основные средства и типы выражения противопоставления в пословицах чешского и словацкого языков, ранее в таком аспекте не исследованных.

Ключевые слова: синтаксическое противопоставление, паремиологический минимум, социолингвистический эксперимент, Интернет-ресурсы, чешские пословицы, словацкие пословицы.

Ershova N.B.¹, Kotova M.Yu.²

¹ORCID: 0000-0002-6834-0752, PhD in Philology, Herzen State Pedagogical University,

²ORCID: 0000-0002-0861-8652, PhD in Philology, Professor, St. Petersburg State University

ON THE EXPRESSION OF OPPOSITION IN THE SYNTACTIC STRUCTURE OF THE CZECH AND SLOVAK PROVERBS (ON THE MATERIAL OF THE SOCIOLINGUISTIC EXPERIMENT)

Abstract

The article considers the expression of opposition in the syntactic structure of Czech and Slovak proverbs selected from the previously published results of the author's paroemiological sociolinguistic experiment and materials confirming their use in the speech genres of the Internet. Using the comparative, descriptive method and the method of statistical calculation, the authors set the goal to identify the main means and types of the opposition expression in proverbs of the Czech and Slovak languages, previously not studied from this point of view.

Keywords: syntactic contrast, paroemiological minimum, sociolinguistic experiment, Internet resources, Czech proverbs, Slovak proverbs.

1. Введение

Актуальность описания противительных отношений как языковой интерпретации идеи противопоставления определяется развитием семантического и прагматического направлений в современном языкознании [1, С. 77]. Противительность понимается не только как бинарная оппозиция и контрастное противопоставление [2, С. 369] или «семантическая оппозиция» [3, С. 206], но и как изменение нормального положения вещей, неожиданность,

случайность следствия, обманутое ожидание [4], [5], [6]. Этому посвящены многочисленные исследования последних десятилетий, проведенные на разных языковых уровнях.

В бессоюзных конструкциях противопоставление регулярно реализуется на основе антонимии, антитезы, семантической оппозиции и отрицания. В союзных конструкциях противительность формирует привативную оппозицию противительности / непротивительности [3], либо контрадикторность [6], [7], основанную на пропозитивности / событийном содержании [8] внутри предложения или текста, создающего смысловое поле, вокруг которого организуется система средств выражения: союзы, союзные частицы, скрепы, коннекторы.

Такое понимание противопоставления позволяет выстроить парадигму противительных отношений, которая может пополняться типами противительных отношений, составляющих не основное ядро противопоставления, а скорее его периферию, но и в этом случае многое зависит от исследуемого языка. Принимая во внимание близкий к антитезе прием дизъюнктезы [9], возможно отнести к противительным типам и отношения альтернативы (*либо А, либо Б / или А, или Б*) для выражения семантической полярности, которые не нуждаются в услугах лексических антонимов: приобретаая обобщенное значение они стремятся достигнуть предельной полярности ситуации.

В последние десятилетия наметился новый этап сопоставительных исследований на материале различных языков, нацеленный на дальнейшее функционально-семантическое описание противопоставления и средств его выражения на паремиологическом уровне. В организации паремий «проявилась склонность людей мыслить оппозициями, обнаруживать и показывать с их помощью противоречия окружающего мира. Контраст относится к регулярным семантическим отношениям, релевантным для такого корпуса фольклорных текстов, как пословицы» [10, С. 119]. Выявлена определенная система стилистических приемов противопоставления, к числу которых относят антитезу, оксюморон, дизъюнктезу, общие формулы предпочтения. Антонимия представлена во всем многообразии своих проявлений: антонимическими отношениями связаны слова абстрактной и конкретной семантики, слова, относящиеся к разным частям речи.

Впервые рассматривается противопоставление на материале чешских и словацких пословиц, которые были зафиксированы в результате проведенного М. Ю. Котовой в 2000-х гг. социолингвистического паремиологического эксперимента (для опроса были предложены пословицы из ее «Русско-славянского словаря пословиц с английскими соответствиями» - далее РССПАС [11]). Эксперимент послужил основой для исследования славянской паремиологии в различных аспектах, в том числе и синтаксическом. Однако вопрос о природе противопоставления внутри синтаксической структуры выявленных пословиц ранее не исследовался. Спустя десять лет после обработки анкет, была проведена сверка результатов эксперимента с имеющимися в речевых жанрах Интернет-пространства данными. Это дало подтверждение итогов социолингвистического опроса, а затем было опубликовано в 2013-2017 гг. тремя выпусками «Тетрадей паремиографа» под редакцией М. Ю. Котовой - приложениями к ее ранее вышедшему в издательстве СПбГУ учебному пособию для магистрантов «Лекции по сопоставительной славянской паремиологии» (2010) [12], [13], [14]. Первые три выпуска «Тетрадей паремиографа» представляют собой итоговые сводные списки болгарских, чешских и словацких пословиц с их русскими параллелями и иллюстрациями из Интернета (при тех вариантах, к которым таковые были выявлены). Готовятся и следующие выпуски «Тетрадей паремиографа»: белорусские, польские, сербские и английские.

2. Противопоставление в синтаксической структуре чешских пословиц

Анализ синтаксического противопоставления внутри структуры чешских пословичных вариантов, предложенных информантами в ходе социолингвистического паремиологического эксперимента 2003-2004 гг., а затем нашедших подтверждение в ходе мониторинга чешского Интернет-пространства в 2012-2013 гг., проведенного на кафедре славянской филологии СПбГУ и опубликованного во втором выпуске «Тетрадей паремиографа» [13], дает представление о способах выражения противопоставления в чешской пословице.

В «Тетрадах паремиографа» приведено 508 чешских пословиц в качестве параллелей пятисот русских пословиц. В результате социолингвистического эксперимента из 508 чешских пословичных параллелей было получено 3322 пословичных варианта. После верификации всех этих пословичных вариантов через Интернет было выяснено, что подтверждение в Интернет-источниках нашла 1261 чешская пословица (37,6 % от всех чешских пословичных вариантов, приведенных респондентами в ходе социолингвистического опроса).

Самый продуктивный чешский союз *ale* (19 примеров с контекстами из интернета) проиллюстрируем словарной статьей из «Тетрадей паремиографа-2» [13]:

«*Neštěstí nechodí po horách, ale po lidech.* (36 инф.) To, co potkalo Parvati – to je opravdu neštěstí. Ona může být stále šťastná – má Harryho, bude mít děťátko a po něm ještě spoustu dalších... Ted' už chápe slova přísloví o tom, že neštěstí nechodí po horách, ale po lidech...» [13, С. 172 – 173].

В нашем материале выявлено несколько типов противопоставления с чешским союзом *ale*: противительная уступительность, противительное сопоставление, противительное ограничение, противительное возмещение, противительное сравнение.

Чешский союз *a* (15 примеров с иллюстрациями из интернета) представим следующим примером:

«*My o voze a on o koze / Já o koze a on/ty o voze.* (51 инф.) – 'Говорят тому человеку, который совсем не улавливает суть разговора и отвечает невпопад, совсем на другую тему'. Ср. *Petr na Pavla, a Pavel na Petra.* Ср. рус. *Я ему про Фому, а он мне про Ерему* (РСПАСС №453). Typický příklad očarováného Lojzika: *my o voze a on o koze. Jo není pták jako pták. Nic proti andulkám, ale ty burzu nedělají...*

My o voze a ty o koze. (20 инф.) To se pak nediv, když my o voze a ty o koze, že tě každý pošle do prýč, protože spolehlivě trefíš capa...

My o voze a vy o koze. (7 инф.) *My o voze a vy o koze.* Samozřejmě že to patří státu. Jak o tom stát rozhoduje je už druhá věc. Jedno je ale jisté, stát by měl mít k nerostnému bohatství přístup. Tedy i právo vyvlastnění...

My o voze a oni o koze. (6 инф.) Reakce ministerstva spravedlnosti je podobná onomu Českému *my o voze a oni o koze.* Exekutor mohl vyškrtnout zajištěné věci, naněž si dělala nárok jiná osoba než dlužník, ze seznamu už dávno, před zmiňovanou

novelou exekučního řádu. ...» [13, С. 148].

В нашем материале выявлено несколько типов противопоставления с чешским союзом *a*: он употребляется для выражения противительного сопоставления, противительной уступительности, противительного ограничения, противительного возмещения.

Противопоставление в синтаксической структуре чешской пословицы может выражаться сравнительными союзами *čím...tím* (10 примеров противительного сравнения), *než(li)* (10 примеров противительного сравнения) и разделительным союзом *nebo* (1 пример противительной альтернативы).

3. Средства и типы выражения синтаксического противопоставления в структуре словацких пословиц

Синтаксическое противопоставление внутри структуры словацких пословичных вариантов, указанных респондентами во время социолингвистического эксперимента 2003-2004 гг., а затем подтвержденных при сканировании в СПбГУ словацкого Интернет-пространства в 2014-2017 гг. и опубликованных в третьем выпуске «Тетрадей паремииографа» [14], реализовано следующими средствами:

при помощи союза *a* (23 пословицы, которые употребляются для выражения противительного сопоставления, противительной уступительности, противительного ограничения), например:

«*Kôň má štyri nohy... a aj tak sa potkne.* (3 инф.) *V tvojom prípade potom nemohlo ísť o prípad, že kôň má štyri nohy a aj tak sa potkne. Všetko napísané beriem spat a ospravedňujem sa...*

A potkne sa. (10 инф.)

A predsa sa potkne. (43 инф.) *Kôň má štyri nohy a predsa sa potkne. Pozorujem, že podrobne študujete evidenčné listy a hľadáte každý detail, ktorý môžete využiť na kritiku. ...*

aj tak sa potkne. (3 инф.) *Kôň má štyri nohy aj tak sa potkne, a čo keď iba dve neisté? Ved' stane sa...* Ср. *Конь о четырех ногах, да и тот спотыкается.* 'От ошибок и промахов не гарантирован даже тот, кто считается сильным и умелым' (РССПАС, 73)» [14, С. 138];

союза *ale* (17 пословиц, выражающих различные типы противопоставления: противительное ограничение, противительную уступительность, противительное возмещение), например:

«*Dôveruj, ale...preveruj.* (92 инф.) *Pri obchodovaní sa riadte heslom: dôveruj, ale preveruj. Vlastným problémom s druhotnou platobnou neschopnosťou môžete predísť tým, že si svojho obchodného partnera budete preverovať...* Ср.: *Доверять – доверяй, но проверяй*» [14, С. 79];

союза *ako* (17 пословиц, содержащих сравнительное противопоставление), например:

«*Lepší vrabec v hrsti... ako holub na streche.* (79 инф.) *Ospravedlňujem sa za kvalitu nahrávky, ale lepší vrabec v hrsti ako holub na streche. Ak si video prehráte viac krát, tak kľudne k nemu pridajte svoj komentár...* Ср.: *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*» [14, С. 164].

Противопоставление в синтаксической структуре словацкой пословицы может выражаться сравнительными союзами *čím...tým* (2 примера), *než* (3 примера), выражающими сравнительное противопоставление, а также разделительным союзом *alebo* (1 пример противительной альтернативы).

В словацких «Тетрадах паремииографа» представлены 568 словацких пословиц (вместе с вариантами от респондентов - 4900 пословичных единиц) как пословичные параллели к пятистам русским пословицам. В результате верификации всех словацких пословичных вариантов в Интернете было выявлено контекстное употребление 1109 словацких пословичных вариантов (22,7 % от всех словацких пословичных вариантов, указанных респондентами в ходе социолингвистического эксперимента).

4. Выводы

В рассмотренных западнославянских пословицах противопоставление выражено союзными средствами с преобладанием использования союза *ale* – в чешском материале (0,57 % пословичных вариантов от общего количества чешских пословичных вариантов и 1,5 % от 1261 чешских пословичных вариантов, подтвержденных контекстами из Интернета) и союза *a* – в словацком материале (0,47 % пословиц от всех словацких пословиц и 2,1 % от 1109 словацких пословиц с интернет-контекстами).

В противительном значении в чешских пословицах употребляются союзы *ale*, *a*, *než / nežli*, *čím...tým*, *nebo*. Союз *ale* используется для выражения противительной уступительности, противительного сопоставления, противительного ограничения, противительного возмещения, противительного сравнения. Союз *a* употребляется для выражения противительного сопоставления, противительной уступительности, противительного ограничения, противительного возмещения. Союзы *než / nežli* и *čím...tým* выражают противительное сравнение.

Для выражения противопоставления в рассмотренных паремиях словацкого языка употребляются союзы *a*, *ale*, *ako*, *čím...tým*, *než*, *alebo*. Союз *a* употребляется для выражения противительного сопоставления, противительной уступительности, противительного ограничения. Союз *ale* используется для выражения противительного ограничения, противительной уступительности, противительного возмещения. Союз *alebo* – противительной альтернативы. Союзы *ako*, *čím...tým* и *než* встречаются в пословицах при выражении сравнительного противопоставления.

В нашем материале у вариантов концовок чешских и словацких пословиц, содержащих синтаксическое противопоставление, встречаются и союзные, и бессоюзные средства противопоставления. Бессоюзные средства выражения противопоставления в пословицах станут предметом рассмотрения в наших следующих исследованиях.

5. Заключение

Противопоставление, которое способствует раскрытию комплекса ассоциативных связей, лежащих в основе восприятия мира, является одним из принципов синтаксического построения и чешских, и словацких паремий. В данном исследовании рассматривались только употребительные современные чешские и словацкие пословицы, отражающие пословицы русского паремииологического минимума, отобранные по результатам паремииологического социолингвистического эксперимента и выборки их контекстов из интернет-источников. В результате анализа выявлено, что средства и типы выражения синтаксического противопоставления отличаются своеобразием в этих двух близких западнославянских языках.

Список литературы / References

1. Бабалова Л. Л. Смысл и форма (к вопросу о классификации сложного предложения) / Л. Л. Бабалова // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. – М.: Русский учебный центр, 2000. – С. 77-85.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
3. Викторова К. Сложносочиненни съединителни и противителни изречения в съвременния български език / К. Викторова // ИИБЕ – 1985. – Вып.26. – С. 179-228.
4. Урысон Е. В. Семантика союза но: данные языка о деятельности сознания / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 2006. – №5. – С.22-42.
5. Байдуж А. М. Значение и закономерность сочетания ограничительной частицы и причинного союза / А. М. Байдуж. // Функции и условия употребление связующих средств в современном русском языке. – Тюмень: ТГУ, 1987 – С. 54-61.
6. Карлсон Л. Соединительный союз But («но, а») / Л. Карлсон // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественных языков. – М.: Прогресс, 1986. – С.277-298.
7. Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование). Автореф. дисс. доктора филол. наук. / О. Ю. Инькова-Манзотти. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2001. – 47 с.
8. Колосова Т. А. О союзных и текстовых скрепах русского языка / Т. А. Колосова, М. И. Черемисина // Показатели связи в сложном предложении (на материале языков разных систем). Сборник научных трудов. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1987. – С. 104-114.
9. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
10. Никитина С. Е. О концептуальном анализе в народной культуре / С. Е. Никитина // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 117-123.
11. Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под редакцией проф. П. А. Дмитриева / М. Ю. Котова. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. – 360 с.
12. Котова М. Ю. Тетради паремииографа. Выпуск 1: Болгарские пословичные параллели русских пословиц паремииологического минимума / М. Ю. Котова, А.А. Колпакова, О. В. Раина; под редакцией М. Ю. Котовой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 240 с.
13. Котова М. Ю. Тетради паремииографа. Выпуск 2: Чешские пословичные параллели русских пословиц паремииологического минимума / М. Ю. Котова, О. С. Сергиенко; под редакцией М. Ю. Котовой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 278 с.
14. Котова М. Ю. Тетради паремииографа. Выпуск 3: Словацкие пословичные параллели русских пословиц паремииологического минимума / М. Ю. Котова, О. С. Сергиенко, О. Н. Тарараева; под редакцией М. Ю. Котовой. – СПб.: Политехника-принт, 2017. – 286 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Babalova L. L. Smysl i forma (k voprosu o klassifikatsii slozhnogo predlozhenija) / L. L. Babalova // Slozhnoe predlozhenie: traditsionnyje voprosi teorii i opisaniya i novyje aspekti jego izucheniya [Meaning and form (to the question of classification of complex sentences)]. – Moscow: Russkij uchebnyj centr, 2000 – P.77-85. [in Russian]
2. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms] / O. S. Akhmanova. – Moscow: URSS: Editorial URSS, 2004 – 571 p. [in Russian]
3. Viktorova K. Slozhnosochineni syedinitelni i protivitelni izrecheniya v syvremennija bylgarski ezik [Coordinating and adversative compound sentences in modern Bulgarian language] / K. Viktorova // IIBE [Proceedings of the Institute for Bulgarian language]. – 1985. – Vypusk 26. – P.179-228. [in Bulgarian]
4. Uryson E. V. Semantika sojuza no: dannyye jazyka o dejatelnosti soznaniya [Semantics of conjunction no: language data about activity of consciousness] / E. V. Uryson // Voprosy jazykoznanija [Issues in Linguistics]. – 2006. – № 5. – P. 22 – 42. [in Russian]
5. Bajduzh A. M. Znachenie i zakonomernost' sochetaniya ogranichitelnoj chastitsi i prichinnogo sojuza [The value and regularity of the combinations of the bounding particle and the causal conjunction] / A. M. Bajduzh // Funkcii i uslovija upotrebleniya svjazujushhih sredstv v sovremenom russkom jazyke [Functions and conditions of the use of linking words in modern Russian language]. – Tyumen': TGU, 1987 – P.54-61. [in Russian]
6. Carlson L. Sojedinitelnij sojuz But [Copulative conjunction But] / L. Carlson. // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Logicheskij analiz yestestvennykh jazykov [New trends in foreign linguistics. Logical analysis of natural languages]. – М.: Progress, 1986. – P. 277-298. [in Russian]
7. Inkova-Mansotti O. Y. Konnektori protivopostavleniya vo frantsuzskom i russkom yazykah (sopostavitelnoje issledovanie) [Connectors of Contrast in French and Russian (comparative research)]. Abstract. Doctor's Thesis. / O. Y. Inkova-Mansotti. – М.: Lomonosov MSU, 2001. – 47 p. [in Russian]
8. Kolosova T. A. O sojuznyh i tekstovyh skrepah russkogo yazyka [About Conjunctive and Text Connectors in Russian Language] / T. A. Kolosova, M. I. Cheremisina // Pokazateli svyazi v slozhnom predlozhenii (na materiale jazykov raznyh sistem). Sbornik nauchnih trudov [Indicators of coordination in the compound sentence (based on the languages of different systems). Collection of scientific papers]. – Novosibirsk: IIFiF SO AN SSSR, 1987. – P.104-114. [in Russian]
9. Arutyunova N. D. Yazik i mir cheloveka [Language and world of man]. / N. D. Arutyunova. – Moscow: Yaziki russkoj kulturi, 1999. – 896 p.[in Russian]
10. Nikitina S. E. O kontseptualnom analize v narodnoj kulture [About conceptual analysis in folk culture] / S. E. Nikitina // Logicheskij analiz jazyka: Kulturnyje kontsepti [Logical analysis of language: Cultural concepts]. – М.: Nauka, 1991. – P. 117 – 123. [in Russian].

11. Kotova M. Y. Russko-slavjanskij slovar poslovits s anglijskimi sootvetstvijami [Russian-Slavonic Dictionary of Proverbs with English Parallels] / M. Y. Kotova; edited by Prof. P.A. Dmitriev. – St. Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta, 2000. – 360 p. [in Russian].

12. Kotova M. Y. Tetradi paremiografa. Vypusk 1. Bolgarskie poslovichnyje paralleli russkih poslovits paremiologicheskogo minimuma [Handbooks of Paremiographer. Issue 1. Bulgarian Proverbial Parallels of Russian Proverbs from Paremiological Minimum] / M. Y. Kotova, A. A. Kolpakova, O. V. Raina; edited by M. Y. Kotova. – St.Petersburg: Philologicheskij fakultet SPbGU, 2013. – 240 p. [in Russian].

13. Kotova M. Y. Tetradi paremiografa. Vypusk 2. Czeskie poslovichnyje paralleli russkih poslovits paremiologicheskogo minimuma [Handbooks of Paremiographer. Issue 2. Czech Proverbial Parallels of Russian Proverbs from Paremiological Minimum] / M. Y. Kotova, O. S. Sergienko; edited by M. Y. Kotova. – St.Petersburg: Philologicheskij fakultet SPbGU, 2013. – 278 p. [in Russian].

14. Kotova M. Y. Tetradi paremiografa. Vypusk 3. Slovatskie poslovichnyje paralleli russkih poslovits paremiologicheskogo minimuma [Handbooks of Paremiographer. Issue 3. Slovak Proverbial Parallels of Russian Proverbs from Paremiological Minimum] / M. Y. Kotova, O. S. Sergienko, O. N. Tararava; edited by M. Y. Kotova. – St.Petersburg: Politehnika-print, 2017. – 286 p. [in Russian].

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.038>

Кохан И.Н.

ORCID: 0000-0001-5453-5498, Аспирант,
Дальневосточный федеральный университет

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ КАК СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В КИТАЙСКИХ СМИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

Статья посвящается проблеме функционирования китайских пословиц в китайских СМИ на английском языке. Анализируются цели использования китайских пословиц в государственных СМИ, рассматриваются особенности их передачи на английский язык, приводятся основные концепты, образы и функции, актуализуемые пословицами. На их основе определяется ценностная база пословиц. Информация, полученная из государственных газет, подтверждает, что пословицы используются в масс-медийном дискурсе как средство передачи национального менталитета и отношения Китая к международным событиям.

Ключевые слова: пословица, масс-медийный дискурс, национальный менталитет, концепт, ценность.

Kokhan I.N.

ORCID: 0000-0001-5453-5498, Postgraduate Student,
Far Eastern Federal University

CHINESE PROVERBS AS A MEANS OF TRANSMITTING NATIONAL MENTALITY IN THE CHINESE MEDIA IN THE ENGLISH LANGUAGE

Abstract

The article is devoted to the problem of Chinese proverbs functioning in the Chinese media in English. The purpose of the use of Chinese proverbs in the state media are analyzed, the main features of conveying them in English are considered, basic concepts, images and functions, actualized by the proverbs, are given. Based on them, the value basis of proverbs is determined. Information obtained from state newspapers confirms that proverbs are used in mass-media discourse as a means of conveying the peculiarities of national mentality and China's attitude to international events.

Keywords: proverb, mass-media discourse, national mentality, concept, value.

В настоящее время существует широкая проблематика в изучении тенденций развития языков межкультурного общения, их способности служить инструментом выражения национальной идентичности носителей. Англоязычные китайские СМИ являются одним из важнейших средств межкультурной коммуникации Китая с англоговорящим миром. Наблюдающееся частотное цитирование китайских пословиц в англоязычных китайских СМИ свидетельствует о том, что английский язык в масс-медийном дискурсе Китая служит средством выражения китайской национально-культурной идентичности [9, С. 193].

При передаче таких элементов народного фольклора, как пословицы, необходимо обращать особое внимание на их образность и глубинный смысл, учитывая различие западного и восточного менталитета. В статье приводится анализ вариантов интерпретации китайских пословиц в английском языке. В ходе анализа контекстов функционирования китайских пословиц актуальным являлось рассмотрение тематики их употребления, основных передаваемых ими образов, концептов и функций.

В настоящем исследовании пословица понимается как «общеизвестное, передаваемое из поколения в поколение изречение, отражающее в сжатой, образной форме социальный опыт народа, национальные традиции и менталитет, систему моральных принципов и ценностей». Данное определение составлено на основе трудов В. Мидера [14, С. 2] и А. Тейлора [16, С. 2]. По словам В. Н. Телия, «пословица – язык веками формировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенционной форме отражены все категории и установки жизненной философии носителя языка» [7, С. 7]. Вслед за фольклористом А. М. Жигулевым [3, С. 12] мы считаем, что пословицы наиболее наглядно иллюстрируют образ жизни, географическое положение страны, историю, традиции, культуру, хранят веками накопленный социокультурный пласт и реагируют на изменения в общественной и культурной жизни народа.

Материалом для анализа в данном исследовании послужили китайские пословицы, функционирующие в официальных китайских СМИ на английском языке: «The People's Daily», «The China Daily», «China Technology News», а также информационного агентства «Xinhua». Всего было проанализировано 52 пословицы, заявленные как китайские, 134 контекста их употребления. Все пословицы были выверены по словарям и сборникам китайских поговорок: 100 Commonly Used Chinese Proverbs, ABC Dictionary of Chinese Proverbs, Chengyu Dictionary, а также переводам китайского сборника Liji The Book of Rites, и сборника притч The Zhuangzi.

В ходе проведенного исследования было установлено, что китайские пословицы актуализируются, главным образом, в статьях, связанных с внутригосударственной тематикой. Так, в статье, посвященной дискредитировавшим себя политикам в провинции Гуандун, используется пословица *One cannot desire to have fish and bear's paw both at the same time* [18]. Данная пословица 想一举两得 (одним действием добиться двойной выгоды) характеризует «луогуань» – 裸官 («голых чиновников») в провинции Гуандун, которых не так давно разжаловали или заставили сложить свои полномочия, либо досрочно уйти на пенсию. Название «луогуань» так же является образным и характеризует чиновника, который стремится к выгоде и высокому положению в Китае, а семья его при этом постоянно проживает за границей.

В данном контексте пословица *One cannot desire to have fish and bear's paw both at the same time* актуализирует оценочный концепт. Отметим образность интерпретации данной пословицы на английский язык. Медвежьи лапы в китайской культуре являются деликатесом, а рыба символизирует изобилие [13]. Таким образом, пословица осуществляет поучительную функцию, апеллируя невозможностью владеть одновременно всеми благами мира. В основе понимания пословицы лежит ценность умеренности и гармонии как главных благ для менталитета Китая.

В статье, посвященной успехам первой Леди Китая, пословица *Harmonious family can lead to the success of everything* [21] 家和万事兴 (гармония в семье помогает во всех начинаниях) апеллирует к значимости семьи в жизни китайцев. В соответствии с традициями Конфуцианства семья выступает одной из важнейших опор общества наряду с государственностью [10]. Автор статьи проводит параллель между репутацией Пен Лиюань как супруги Председателя КНР и как успешного деятеля культуры и политики. В этом контексте пословица выполняет функции одновременно одобрения и нравоучения, показывая значимость семьи как важнейшей ценности в жизни человека.

В СМИ, посвященных культуре Китая, используется пословица *For the people, food is heaven* [19]. Пословица 民以食为天 (народ считает пищу своим небом [1]) приводится в контексте статьи, описывающей особое почтительное отношение китайцев к еде. Данное выражение принадлежит Сыме Цянь, древнему писателю, автору трудов по мифологии и истории Китая [12]. Ценностное отношение к пище отражено в сравнении Еда – Рай и реализует дидактическую функцию.

Использование этнических пословиц характерно не только для статей внутренней тематики. Так, говоря о проектах сотрудничества Китая и Великобритании, журналист приводит цитату китайского посла в Англии Лю Сяомина, который, в свою очередь, прибегает к пословице: *If two people are of the same mind, their strength can cut through metal, and their consensus-based argument is as appealing as the fragrance of orchid flowers* [17]. Выражение 团结一致向前看 (сплотиться воедино и обратиться лицом в будущее [1]) указывает на значимость для китайцев сплоченности и дружбы, в основе которой лежит ценность общности, коллективизма. В Китае высоко ценятся межличностные отношения, доверие, взаимопомощь и взаимная поддержка [4], [13]. Функциональное значение пословицы в данном контексте – одобрение стратегии развития международных отношений с англоязычным партнёром.

Наряду с положительной, пословицы в китайских англоязычных СМИ нередко имеют и негативную коннотацию в отношении той или иной ситуации: *The ocean is vast because it admits numerous rivers* [11]. Пословица 大海之阔·非一流之归也 (Море широко и глубоко [1]) употреблена в контексте статьи об отношениях Китая с США и союзниками. Резюмируя, автор цитирует политических деятелей Китая, приводящих пословицу в качестве предупреждения.

Особого внимания заслуживает то, что в данной статье присутствует еще две пословицы, одна из которых несет в себе уже не предупреждение, а осуждение: *A warlike state, however big it may be, will eventually fall*. Пословица 国虽大·好战必亡 (Зло губит и великую страну) апеллирует к такому важному для Китая концепту, как справедливость [21].

Последняя пословица в данной статье несет в себе наиболее негативную коннотацию – *blood will have blood* 同等报复 (око за око; равное наказание) и служит примером отношения жителей Китая к противоправным поступкам. Принцип «бао», то есть воздаяния за преступление, был широко распространен в древнем Китае [4, с. 235], и его упоминание в статье может свидетельствовать о крайне негативном отношении китайцев к ситуации. Представляется, что обращение к нескольким пословицам в данной статье обосновано стремлением автора выразить свое согласие с точкой зрения официальных лиц. При этом не следует утверждать, что данные пословицы репрезентируют исключительно агрессию. Ключевые заложенные в них ценности – стремление к равновесию, гармонии и справедливости [4, с. 234 – 236].

Во всех проанализированных примерах употребления этнических пословиц в китайских СМИ, издаваемых на английском языке, прослеживается их функциональная и ценностная ориентация. Так, ведущими являются их дидактическая, одобрительная, поощрительная и осуждающая функции.

Пословицы, цитируемые в китайских СМИ на английском языке, основаны на культурно обусловленных, актуальных для китайского менталитета образах, таких как: меры длины (ли – 里: *one thousand miles start from the first*

step), животные-символы (тигр –老虎: Let those who tied the bell on the tiger be the ones to untie it), природа (冬天总要过去: if winter comes, can spring be far behind?), а также рассмотренных ранее образах семьи, человека. Посредством данных образов реализуются важнейшие для китайского народа концептуальные особенности – нравственность, быт, взаимоотношения.

На основании выявленной функциональной и концептуальной базы в качестве ведущих ценностей, заложенных в пословицах, цитируемых в англоязычных китайских СМИ, выступают такие понятия, как «Гармония», «Семья», «Пища», «Коллективизм», «Нравственность».

Выступая важнейшими культурными маркерами, китайские этнические пословицы не теряют своей актуальности. Частотное цитирование китайских пословиц в китайских англоязычных СМИ связано со стремлением авторов выразить неразрывность связи прошлого и настоящего, а также будущего в истории Китая, почтение к традициям своего народа. Являясь значительно более древней, нежели англоязычная, культура Китая представляет особый интерес для дальнейшего исследования в области сопоставительного языкознания, лингвопрагматики, культурологии и фольклористики.

Список литературы / References

1. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс] URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 13.03.2017)
2. Гавриленко О.В., Николаева О.В. Интеграция китайских паремий в Российское коммуникативное пространство [текст] / О.В. Гавриленко, О.В. Николаева // Вестник МГОУ. – 2013. – №2. С. 1-11
3. Жигулёв А. М. Русские народные пословицы и поговорки [текст] / А.М. Жигулёв - М. : Московский рабочий, 1965. – 346 с.
4. Ли Сюй Концепция справедливости в философских школах древнего Китая [Электронный ресурс] / Сюй Ли // Преподаватель XXI век. – 2013. – №1. С. 232–238. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-spravedlivosti-v-filosofskih-shkolah-drevnego-kitaya> (дата обращения: 14.07.2017).
5. Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока [текст] / Г.Л. Пермяков. – Москва. Изд-во "Лабиринт", 2001. – 624 с.
6. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л.Пермяков. – М.: Гл. ред. вост. Лит, 1988. – 236 с.
7. Телия В. Н. Что такое фразеология? [текст] / В.Н.Телия. – М.: Наука, 1966. – 86 с.
8. Толстых В. И. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития [текст] / В.И. Толстых. – М.: Альбина Паблишер, 2003 – 592 с.
9. Яковлева Е.А. Китайские паремии в американском массмедийном и социомедийном дискурсе как интертекстуальные включения [текст] / Е.А.Яковлева // European social science journal. – 2013. – № 11 (1). – С. 187-194
10. Binyong E. Yin 100 Commonly Used Chinese Proverbs (Gems of the Chinese Language Through the Ages) [English Edition] [текст] / Yi Binyong. – Paperback, 1999. – 202 с.
11. Beijin review [Электронный ресурс] – URL: http://www.bjreview.com.cn/expert/txt/2015-09/08/content_703510.htm (дата обращения: 18.11.2017).
12. Chengyu Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <http://www.chinese-tools.com/chinese/chengyu/dictionary> (дата обращения: 20.05.2017).
13. Liji The Book of Rites [Электронный ресурс] – URL: <http://ctext.org/liji/ens> (дата обращения: 25.06.2017).
14. Mieder W. The Wisdom of Many: Essays on the Proverb [текст] / W.Mieder. –New York: Garland Publishing, 1994. – 326 p.
15. Rohsenow John S. ABC Dictionary of Chinese Proverbs / John S. Rohsenow. – University of Hawaii Press, 2003. – 176p. doi: 10.1017/S0041977X02600151
16. Taylor A. The Proverb [текст] / A. Taylor. – Harvard University Press, 1931. – 223 p.
17. The China Daily (газета) [Электронный ресурс] – URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2015-04/28/content_20568518_2.htm (дата обращения: 26.10.2016).
18. The China Daily (газета) [Электронный ресурс] – URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2016-09/29/content_26940626.htm (дата обращения: 3.12.2016).
19. The China Daily (газета) [Электронный ресурс] – URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2014-06/13/content_17584174.htm (дата обращения: 16.02.2017).
20. The Standard (газета) [Электронный ресурс] – URL: <http://www.thestandard.com.hk/breaking-news.php?id=93538> (дата обращения: 25.07.2017).
21. The Zhuangzi, the Book of Rites and Rules [Электронный ресурс] –URL: <http://ctext.org/zhuangzi/ens> (дата обращения: 21.06.2017).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' [The Big Chinese-Russian Dictionary] – URL: <https://bkrs.info> (accessed 13.03.2017). [in Russian]
2. Gavrilenco O.V., Nikolaeva O.V. Integracija kitajskih paremij v Rossijskoe kommunikativnoe prostranstvo [Chinese paremias integration into the Russian communicative space] [text] / O.V. Gavrilenco, O.V. Nikolaeva // Vestnik MGOU [Herald of MSOU]. – 2013. – №2. P. 1-11 [in Russian]
3. Zhigul'jov A. M. Russkie narodnye poslovice i pogovorki [Russian proverbs] [text] / A.M. Zhigul'jov. – М.: Moskovskij rabochij [Moscow worker], 1965. – 346 p. [in Russian]
4. Li Sjuj Konceptija spravedlivosti v filosofskih shkolah drevnego Kitaja [Concept of justice in philosophical schools of ancient China] [Electronic resource] / Sjuj Li // Prepodavatel' XXI vek. [Teacher of the XXI century]. – 2013. №1. – P.232-238. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-spravedlivosti-v-filosofskih-shkolah-drevnego-kitaya> (accessed 14.07.2017). [in Russian]

5. Permjakov G. L. Poslovice i pogovorki narodov Vostoka [Proverbs of the East] [text] / G. L. Permjakov. – Moskva. Izd-vo "Labirint" [Moscow, Labyrinth], 2001. – 624 p. [in Russian]
6. Permjakov G. L. Osnovy strukturnoj paremiologii [basics of structural paremiology] [text] / G.L.Permyakov. – Moskva. Gl. red. vost. Lit [Moscow, Lit], 1988 – 236 p. [in Russian]
7. Telija V. N. Chto takoe frazeologija? [What is phraseology?] [text] / V. N. Telija. – M.: Nauka [Moscow Science], 1966. – 86 p. [in Russian]
8. Tolstyh V. I. Grani globalizacii: Trudnye voprosy sovremennogo razvitija. [Borders of Globalization: difficult questions of modern development] [text] / V. I. Tolstyh. – M.: Al'bina Publisher [Moscow Al'bina Publisher], 2003. – 592 p. [in Russian]
9. Jakovleva E.A. Kitajskie paremii v amerikanskom massmedijnom i sociomedijnom diskurse kak intertekstual'nye vkljuchenija [Chinese paroemias as intertextual implications in American mass media and social mass media [text] / E.A. Jakovleva // European social science journal. – 2013. – № 11 (1). – P. 187-194 [in Russian]
10. Binyong E. Yin 100 Commonly Used Chinese Proverbs (Gems of the Chinese Language Through the Ages) [English Edition] [text] / Yi Binyong. – Paperback, 1999. – 202 p.
11. Beijin review (newspaper), – URL: http://www.bjreview.com.cn/expert/txt/2015-09/08/content_703510.htm (accessed 18.10.2016).
12. Chengyu Dictionary – URL: <http://www.chinese-tools.com/chinese/chengyu/dictionary> (accessed 20.05.2017).
13. Liji The Book of Rites – URL: <http://ctext.org/liji/ens> (accessed 25.06.2017).
14. Mieder W. The Wisdom of Many: Essays on the Proverb [text] / W.Mieder. –New York: Garland Publishing, 1994. – 326 p.
15. Rohsenow John S. ABC Dictionary of Chinese Proverbs [text] / John S. Rohsenow. – University of Hawaii Press, 2003. – 176p. doi: 10.1017/S0041977X02600151
16. Taylor A. The Proverb [text] / A. Taylor. – Harvard University Press, 1931. – 223 p.
17. The China Daily (newspaper) – URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2015-04/28/content_20568518_2.htm (accessed 26.10.2016)
18. The China Daily (newspaper) – URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2016-09/29/content_26940626.htm (accessed 3.12.2016)
19. The China Daily (newspaper) – URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2014-06/13/content_17584174.htm (accessed 16.02.2017)
20. The Standard (newspaper) – URL: <http://www.thestandard.com.hk/breaking-news.php?id=93538> (accessed 25.07.2017)
21. The Zhuangzi, the Book of Rites and Rules – URL: <http://ctext.org/zhuangzi/ens> (accessed 21.06.2017)

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.032>

Романова Л.Н.

ORCID 000-0002-4690-0907, кандидат филологических наук,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской Академии наук

ЛИРИЧЕСКАЯ КНИГА СТИХОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЯКУТСКОЙ ПОЭЗИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**Аннотация**

В статье рассмотрены особенности создания лирической книги стихов в современной женской якутской поэзии рубежа XX-XXI вв. Проанализированы книжные ансамбли современных якутских поэтов, которые выстраиваются по условно-хронологическому, жанровому, идейно-смысловому принципам. Женская якутская поэзия представлена с точки зрения создания лирической книги стихов как многоуровневого, сложного образования, особого "текста", объединенного авторской идеей и имеющего определенные структурные особенности, обуславливающие художественную целостность макротекста. Книги стихов современных авторов-женщин рассмотрены также в аспекте ансамблевого единства, которое подразумевает существование скрепляющего контекста, определяющего онтологическую целостность, во-первых, книг стихов отдельного автора; во-вторых, книжные ансамбли нескольких авторов одного поколения.

Ключевые слова: книга стихов, ансамблевое единство, якутская поэзия.

Romanova L.N.

ORCID 000-0002-4690-0907, PhD in Philology,

Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

LYRICAL BOOK OF POEMS IN MODERN YAKUT POETRY: MAJOR DEVELOPMENT TRENDS**Abstract**

The paper describes the features of creation of a lyrical book with poems in the modern female Yakut poetry of the turn of XX-XXI centuries. The paper considers the book ensemble of the modern Yakut poets, which are arranged according to the conventional, chronological, genre, ideological and semantic principles. Female Yakut poetry is represented from the point of view of creating a lyric book of poems as a multi-level, complex education, a special "text", united by an author's idea and having certain structural features, determining the artistic integrity of macrotext. Books of poems of contemporary female authors are also considered in the aspect of ensemble unity, which implies the existence of a binding context defining ontological integrity, first of all, the books of poems by an individual author; and secondly, the book ensembles of several authors of the same generation.

Key words: book of poems, ensemble unity, Yakut poetry.

Изучение природы лирической книги стихов в аспекте художественной целостности является одним из актуальных направлений современного литературоведения. Процесс жанрового укрупнения, тяготение к большому (мета)жанровым формам в русской поэзии наблюдается во второй половине XIX века в творчестве Е.А. Баратынского, Н.А. Некрасова, А.А. Фета, Я.П. Полонского, А.М. Жемчужникова, К.К. Случевского и др. Данное явление наибольшее распространение получило в поэзии Серебряного века в начале XX в. Блестящие образцы книги стихов представлены в поэзии И. Северянина, К.Д. Бальмонта, М. Лохвицкой, А. Белого, В.Я. Брюсова, А.А. Блока, Н.С. Гумилева, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, С.Я. Парнок и др.

Как показывает история развития поэзии, появление поэтических макроструктур в основном характерно для переходного, рубежного периода, как в хронологическом (диахроническом), так и культурно-историческом, синхроническом срезе. Социально-культурные сдвиги, реформы влекут за собой и смену литературных направлений и течений, поэтов разных поколений и литературных школ, переосмысление аксиологии художественно-эстетических концепций эпохи. О.В. Мирошникова появление "итоговых книг стихов" в 1870-1890-е гг. связывает со временем "кризиса, "раздробления скрижалей" классического искусства" [5, С. 90]. Начало XX века также воспринималось поэтами как период смены ценностных ориентиров, "умирания", "конца" старой классической традиции, зарождение новой.

И, как своеобразная переключка культурных эпох, конец XX и начало XXI вв. также ознаменовались новым подъемом интереса поэтов к лирической книге стихов. Вновь возникает потребность лириков в создании больших емких форм, способных воплотить авторский взгляд на мир в совокупности произведений (стихотворений, циклов, поэм, книги стихов). По утверждению О.В. Мирошниковой: «Отдельное стихотворение способно выразить лишь одну ситуацию духовной жизни поэта, отдельный цикл – один "разворот" мироотношения, но книга, (особенно принадлежащая к полициклическому типу), преодолевая "одномерность" компонентов, способна воплотить системное единство авторского мировидения» [6, С. 109].

Лирическая книга стихов сегодня занимает лидирующее положение в современной поэзии. Однако до сих пор она не получила систематического осмысления в литературоведении, не проводятся сопоставления тенденций ее развития в современных национальных литературах России. Между тем, в литературах российских регионов возникают и развиваются сложные жанровые образования, вызывающие особый интерес с точки зрения их национальной самобытности, выраженной в жанровой структуре, архитектонике, поэтической лексике, образно-мотивном комплексе, субъектной структуре.

Книжное строение стихотворных изданий в русской литературе наиболее отчетливо проявилось в женской лирике, что было обусловлено самим характером лирической рефлексии, стремлением женщин-авторов создать многомерную картину жизни, в которой была бы отражена женская судьба во всех ее взаимосвязях с окружающим

миром и окружающей действительностью. Такова была поэзия М. Лохвицкой, С. Парнок, А. Ахматовой, М. Цветаевой, позже Б. Ахмадулиной, такова лирика современных авторов как в русской, так и национальной поэзии.

Хотя “мышление книгами”, книготворчество было характерно для первых якутских поэтов начала XX века – А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова, в поэзии которых наблюдается тяготение к циклическим образованиям, внутреннему логическому межстиховому сцеплению, к тематической сгруппированности произведений, а в лирике Аламп Софронова и к “дневниковости”, наибольшая активизация жанра лирической книги стихов происходит лишь во второй половине XX в.

Лирическая книга стихов стала популярна в конце XX столетия, особенно в творчестве поэтов-женщин: Натальи Харлампьевой, Натальи Михалевой–Сайа, Анны Парниковой–Сабарай Илгэ, Елены Слепцовой–Куорсуннаах и др.

Удивительно, что лирическая книга стихов в современной литературе стала прерогативой и достоинством женского творчества. В “книжной” поэтической форме утверждается авторская идентичность женщин-поэтов, четче высвечивается их авторское мировидение. Именно это явление имеет в виду исследователь женской прозы Т.А. Ровенская, когда пишет, что “каждая писательница рано или поздно сталкивается с необходимостью идентифицировать свой индивидуальный авторский голос относительно сложившихся и успешно практикуемых в литературе идеологических и/или языковых конструктов, которые несут в себе определенным образом закодированную информацию о системе культурных ориентиров общества” [8]. Таким практикуемым конструктом в якутской поэзии стала лирическая книга стихов.

В якутском литературоведении до настоящего времени проблема изучения лирической книги стихов как особого жанрового явления национальной региональной поэзии еще не была глубоко разработана, что, несомненно, актуализирует тему исследования. Существует ряд исследований художественной целостности в творчестве поэтов XX в. (труды литературоведов П.В. Максимовой–Сивцевой, В.Б. Окорковой, Е.А. Архиповой, В.Г. Семенов, Е.М. Ефремовой и др.), жанровой типологии (П.В. Максимовой–Сивцевой, Т.Н. Васильевой и др.). В этом ряду следует выделить монографию В.Д. Яковлевой, представившей типологию поэтических циклов в лирике второй половины XX века, расцениваемых как один из главных компонентов-скреп лирической книги стихов [11]. Также в последние годы изданы монографии, рассматривающие феномен лирической книги стихов в целом, и итоговой формы в частности, в творчестве известных якутских поэтов Семена Данилова [7] и Натальи Харлампьевой [9]. Новым методологическим подходом отличаются исследования Е.М. Ефремовой об итоговой книге в якутской лирике как метатекстовой реальности, в которой ключевым составляющим служит “жанровая однородность, цельность мотивного комплекса, речевого плана” [3, С. 126].

Исходя из имманентно-текстовой и контекстовой взаимосвязанности произведений и авторских книг, лирические книги стихов современных поэтов-женщин могут быть рассмотрены в качестве ансамблевого единства и полижанровой структуры. Факторы, служащие фундаментом для целостности книжного ансамбля, у каждого из них разные: тема, прослеживаемый лирический сюжет, лейтмотивы или мотивно-образный комплекс, хронотоп, мелодико-ритмическая организация, лексический, синтаксический и фонетический уровни текста. В частности для лирики Н. Харлампьевой, О. Корякиной–Умсууры, Н. Михалевой–Сайа доминирующим в создании единого смыслового пространства, объединенного внутренним контекстом, являются образ лирической героини и мотивно-тематический комплекс. Для А. Парниковой–Сайа объединяющим началом книги стихов является форма стиха восточного происхождения (газели и форм, приближенных к японским танка и хокку).

Более того, творчество указанных авторов находит общие точки соприкосновения в тематике, мотивно-образном разнообразии и способах выражения лирического переживания, что позволяет говорить об ансамблевом единстве книг разных авторов одного поколения.

Примером тому может служить “удаганская поэзия” Н. Харлампьевой, Умсууры, Сайа, которая генетически восходит к обрядовой песне – шаманскому (удаганскому) песнопению.

Традиция введения элементов шаманского песнопения, ее вербальной части, в литературный текст заложена в творчестве первых якутских поэтов А.Е. Кулаковского (поэма «Сон шамана»), А.И. Софронова (стихотворение «Из благословения шамана»), П.А. Ойунского (олонхо-тойук «Красный шаман»). Более того, в якутской литературе шаманское песнопение в определенной степени приобретает жанровый статус. Подобная жанровая форма использовалась и до сих пор используется якутскими поэтами для создания эпических и философских произведений пророческого характера.

Основная задача введения шаманского (удаганского) мотива – связать в поэтической концепции прошлое, настоящее, будущее. Осмысление прошлого, предрекание грядущего, связь времен – характерные темы поэзии этого направления.

“Удаганская поэзия” современных авторов-женщин имеет свои особые составляющие в образно-мотивной, архитектурной и пространственно-временной организации книги стихов.

Архитектоническая целостность книг данной тематики обусловлена пространственно-временными координатами создаваемой модели художественного мира: *прошлое/настоящее/будущее; земная жизнь/другой (иной) мир; память/забвение; древний мир/современность*. Этот мотивно-образный контекст позволяет авторам выйти за рамки социально-исторических и пространственно-временных границ ради выявления общечеловеческого содержания.

Традиционная форма шаманского песнопения с ритуальным речевым этикетом (*членением текста при помощи характерных возгласов шаманского камлания “дом ини дом”, или воспроизведением звуков шаманского бубна и традиционными формульными выражениями, используемыми в речи удаган*), онейрическими мотивами (*предсказаниями или видениями, передаваемыми через сон*), мотивами превращения лирических героинь в зверей, птиц, их временными и пространственными перемещениями и т.д., становится основным условием создания макротекста – книжного ансамбля.

Подобный мотивно-лейтмотивный комплекс определяет художественную целостность творчества отдельного автора. Например, трех лирических книг поэтессы Ольги Корякиной–Умсууры, которые представляют собой

своеобразный процесс инициализации женщины-шаманки (удаган) – “Кэп туонуу” (“Покаянное моление”), “Кут кэтэбүү” (“Песнь вознесения”), “Хаан тамайы” (“Зов рода”). Интересно жанровое движение в авторском поэтическом ансамбле – от книги-композиции первого сборника к книге-циклу последнего.

“Удаганская” тема определяет и ансамблевое единство поэтов одного поколенческого ряда – более старшего поколения Натальи Харлампевой, Ольги Корякиной–Умсууры, Натальи Михалевой–Сайа и молодых авторов Елизаветы Мигалкиной, Ангелины Шадринской–Суоһааны и др.

Чаще всего удаганский мотив у этих авторов имеет в своей основе мифологический сюжет или образ, существующий в народных преданиях и мифах. Мифологическое начало становится основой книги Натальи Харлампевой “Девять небольших песен-тойуков”, которые образуют уникальный целостный текст, составленный из “маленьких поэм”. Здесь в разных вариациях обыгрываются сюжеты олонхо (героического эпоса народа саха), народных преданий и мифов (песни Кыыс Ньургун (Девы богатырши), “Дума Кех Кэтирис в ночь перед замужеством”, “Таас Улуунах” (имя героя народных преданий) и др.). Завершает нигу перевод на якутский язык поэмы-драмы Хайнера Мюллера “Медея-Материал”, основанной на древнегреческой мифологии. Так, миф (автохтонный и античный) становится основным скрепляющим компонентом книги.

Ансамблевый характер также имеет ее книга “Древних тюрок притяжение” – сборник стихов тюрокской тематики, в которой “сюжет” книги движется от мифов о древнетюркском происхождении народа саха (якутов) к утверждению этнической идентичности современника.

Использование традиционных мифологических сюжетов и образов было свойственно для лирических книг поэтов Серебряного века, которые обращались к мифологии в поисках художественных средств для характеристики меняющейся реальности современного им мира. По утверждению Андрея Белого, введение мифа в литературный текст – это поиск «нового» в «старом», его переосмысление, стремление “создать новое отношение к действительности путем пересмотра серии забытых мирозерцаний...” [1, С. 54]. Позднее Е.М. Мелетинский по поводу репрезентации мифа в современной литературе заметил, что мифотворчество в XX в. используется как «средство обновления культуры и человека» [4, С. 89].

В целом, исследуя творчество женщин-поэтов Якутии, можно говорить об утверждении «текстовых ансамблей (организованных контекстов восприятия)» [10, С. 52], как в творчестве отдельного автора, так и в творчестве якутских поэтесс в совокупности. Смысловое пространство макротекстов – ансамблей (индивидуальных и коллективных) строится за счет взаимодействия схожих мотивов и лейтмотивов, разработки единого тематического комплекса. В якутской женской поэзии ансамблевая целостность создается, “благодаря изоморфизму части и целого и их особой корреляции, благодаря взаимодействию ассоциативных рядов, их динамике” [2, С. 67].

О. В. Мирошникова представляет книгу стихов (в частности, итоговую книгу) как ансамбль, констатируя парадоксальный характер онтологической целостности изучаемого макротекстового единства: «Биографии личные сливались в биографию поколения, все более четко проступала единая лирическая коллизия, соединявшая отдельные «прощальные песни» в циклический ансамбль» [6, С. 110]. Точно также в якутской женской поэзии рубежа XX-XXI вв. проступает единая лирическая коллизия, в которой судьба женщины представлена как судьба целого поколения переходного периода.

Циклические ансамбли становятся характерной чертой и отдельных авторов, и группы поэтов. При этом постепенно в ансамблевое единство лирической книги включаются не только поэтические, но и прозаические тексты. Например, в творчестве Натальи Харлампевой создается романский тип лирических книг, соединяющий в себе не только поэтические произведения, но и лирическую прозу (книги “Прозрачное письмо”, “Сердца любящего знак”), где в особой проникновенной форме развиваются темы, образы и мотивы лирики автора.

Существенную роль в текстовой природе лирической книги стихов якутских авторов-женщин играет особый взгляд на мир с точки зрения женщины, женской психологии, что определяет особенности авторской самоидентификации, жанростроения, стилового своеобразия, хронологической организации, образно-языкового, архитектурного строения и других признаков текста. Это обуславливает не только внутреннюю организацию отдельной книги стихов как особого макротекста, так и их взаимосвязанность в общем авторском ансамбле. Более того, исторический контекст определяет и ансамблевое единство творчества поэтов одного поколенческого ряда, находящегося в едином этно- и социокультурном пространстве.

Список литературы / References

1. Белый А. Эмблематика смысла. Критика. Эстетика. Теория символизма / А. Белый: В 2-х томах. Т. 1. - М.: Искусство, 1994.- С. 54 - 143
2. Бувич О.В. Лирическая книга А.М. Ремизова “Посолонь”: структурные формы художественного целого: дисс... канд.филол.наук: 10.01.01: защищена 21.09.13: утв. 11.03.14 / Бувич Ольга Владимировна. - Омск, 2013. - 215 с.
3. Ефремова Е.М. Итоговая книга поэта: жанрово-архитектонические особенности / Е.М. Ефремова // Мои добрые кони стихи. Лирика Семена Данилова: поэтическая картина мира / Отв.ред. Л.Н. Романова. - Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2017. - С. 86-126.
4. Мелетинский Е. М., 1976. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. - М., «Наука», 2012. - 336 с
5. Мирошникова О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика/ О.В. Мирошникова. - Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. 339 с.
6. Мирошникова О.В. Стихотворение и цикл в архитектонике лирической книги /О.В. Мирошникова // Филология и человек. - 2011. - №3. - С. 108-116.
7. Мои добрые кони стихи. Лирика Семена Данилова: поэтическая картина мира/ Отв.ред. Л.Н. Романова. – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2017. – 128 с.

8. Ровенская Т. Феномен женщины говорящей. Проблема идентификации женской прозы 80-90-х годов [Электронный ресурс] / Т.А. Ровенская // Женщины и культура. - 1999.- №15. - URL - <http://www.a-z.ru/women/texts/rovenskaia.htm> (дата обращения: 13.09.2017)
9. Романова Л.Н. Поэзия Натальи Харлампьевой: динамика лирической книги стихов/ Л.Н. Романова. - Новосибирск: наука, 2014. – 128 с.
10. Тюпа В. И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы)/ В.И. Тюпа. -М.: Высшая школа, Академия, 2003. - 80 с.
11. Яковлева В.Д. Циклы лирических стихотворений в якутской поэзии: типология, поэтика / В.Д. Яковлева. – Новосибирск: Наука, 2009/ 136 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Belyj A. Jemblematika smysla. Kritika. Jestetika. Teorija simbolizma: V 2-h tomah [Emblematics of meaning. Criticism. Aesthetics. Theory of Symbolism] / A. Belyj. T. 1. - М.: Iskustvo, 1994.- P. 54 - 143 [in Russian]
2. Buevich O.V. Liricheskaja kniga A.M. Remizova "Posolon": strukturnye formy hudozhestvennogo celogo [The Lyrical book of A.M. Remizov "Posolon": structural forms of the artistic whole] / Buevich Olga Vladimirovna: diss... kand.filol.nauk: 10.01.01: zashhishena 21.09.13: utv. 11.03.14. - Omsk, 2013. - 215 p. [in Russian]
3. Efremova E.M. Itogovaja kniga pojeta: zhanrovo-arhitektonicheskie osobennosti [The final book of the poet: genre and architectonic features] [Text] / E.M. Efremova// Moi dobrye koni stihy. Lirika Semena Danilova: pojeticheskaja kartina mira [My good horses poems. Lyrics by Semen Danilov: a poetic picture of the world] / Otv.red. L.N. Romanova. - Jakutsk: Izd-vo IGIIPMNS SO RAN, 2017. - P. 86-126. [in Russian]
4. Meletinsky E. M., 1976. Pojetika mifa [Poetics of the myth] / E.M. Meletinsky. - М., «Nauka», 2012. - 336 p. [in Russian]
5. Miroshnikova O. V. Itogovaja kniga v poezii poslednej treti XIX veka: arhitektonika i zhanrovaja dinamika [The final book in the poetry of the last third of the XIX century: architectonics and genre dynamics] / O.V. Miroshnikova. - Omsk: Omsk. gos. un-t, 2004. 339 p. [in Russian]
6. Miroshnikova O.V. Stihotvorenije i cikl v arhitektonike liricheskaj knigi [A poem and cycle in the architectonics of the lyric book] / O.V. Miroshnikova // Filologija i chelovek [Philology and Man]. - 2011. - №3. - P. 108-116. [in Russian]
7. Moi dobrye koni stihy. Lirika Semena Danilova: pojeticheskaja kartina mira [My good horses poems. Lyrics by Semen Danilov: a poetic picture of the world] / Otv.red. L.N. Romanova. - Jakutsk: Izd-vo IGIIPMNS SO RAN, 2017. --128 p. [in Russian]
8. Rovenskaja T. Fenomen zhenshhiny govorjashhej. Problema identifikacii zhenskaj prozy 80-90-h godov [jelektronnyj resurs] [The phenomenon of a woman speaking. The problem of identification of female prose of the 80-90 years] [Electronic resource] / T.A. Rovenskaja // Zhenshhiny i kul'tura [The woman and culture]. - 1999. - №15. - URL - <http://www.a-z.ru/women/texts/rovenskaia.htm> (accessed: 13.09.2017) [in Russian]
9. Romanova L.N. Pojezija Natal'i Harlamp'evaj: dinamika liricheskaj knigi stihov [The poetry of Natalia Kharlampieva: dynamics of the lyric poetry book] / L.N. Romanova. - Novosibirsk: nauka, 2014. – 128 p. [in Russian]
10. Tyupa V. I. Hudozhestvennyj diskurs (Vvedenie v teoriju literatury) [Artistic discourse (Introduction to the theory of literature)] / V.I. Tyupa. -М.: Vysshaja shkola, Akademija, 2003. - 80 p. [in Russian]
11. Jakovleva V.D. Cikly liricheskikh stihotvorenij v jakutskoj poezii: tipologija, pojetika [Cycles of lyrical poems in Yakut poetry: typology, poetics] / V.D. Yakovleva. – Novosibirsk: Nauka, 2009. - 136 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.062>

Шамина Л.А.

Доктор филологических наук,

Институт филологии Сибирского Отделения РАН

ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ СРЕДСТВ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА**Аннотация**

В статье рассмотрены грамматические структуры, организующие тувинские тексты. Установлено, что эти структуры указывают на то, что предложения, которые они связывают, представляют части единого целого и образуют в своей совокупности структурное (формальное) единство. В результате анализа материала выявлены важнейшие средства связи между предложениями тувинского текста, к таковым относятся лексические повторы, местоимения, употребление глагольных времен, союзы и др. Делается вывод о том, что корпус аналитических структур тувинского языка, многочисленный и разнообразный по своему составу, продолжает пополняться как за счет внутренних ресурсов языка, так и за счет заимствования из других языков и калькирования.

Ключевые слова: текст, грамматические структуры, местоимения, союзы, тувинский язык.

Shamina L.A.

PhD in Philology,

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

CHARACTERISTICS OF TEXT FORMING MEANS OF THE TUVINIAN LANGUAGE**Abstract**

The article deals with grammatical structures that form Tuvian texts. It is established that these structures indicate that the sentences that they connect represent parts of a single whole and form a structural (formal) unity in their totality. As a result of the material analysis, the most important means of communication between the sentences in Tuvian texts are revealed, such as, for example, lexical repetitions, pronouns, use of verbal times, conjunctions, etc. It is concluded that the body of analytical structures of the Tuvian language, numerous and varied in composition, is still expanding both at the expense of the internal resources of the language, and by means of borrowing from other languages and calquing.

Keywords: text, grammatical structures, pronouns, conjunction, Tuvian language.

Текст – последовательность предложений, связанных по смыслу в рамках общего замысла автора. В основе построения текстов лежат определенные грамматические структуры. Изучение различного рода высказываний, связанных с ситуацией речи, а также строение текста, выходящего за пределы сложного синтаксического целого (ССЦ), имеет большое значение для лингвостилистического анализа текста.

Предложения, входящие в текст, связаны между собой разнообразными внешними сигналами, указывающими на то, что они части единого целого и образуют в своей совокупности структурное (формальное) единство. Основными средствами связи между компонентами сложного синтаксического целого (текста) являются:

1. Лексические. Это может быть: а) либо заимствование следующих предложением отдельных лексических элементов из состава предыдущего предложения: *В саду весело щебетали синицы. Эти синицы и красная рябина осенью*; б) либо повторы: *Утро было матово-сиреневое, как будто горели фонари с сиреневыми абажурами. Сиреневыми были облака*; в) частым приемом является использование в составе следующего предложения анафорических средств – местоименно-указательных (дейктических) и абстрактных слов, отсылающих к содержанию предыдущего или последующего предложения (анафорический и катафорический повтор).

В статье рассматриваются фрагменты текстов, в которых использованы дейктические (местоименно-указательные) слова:

(1) *Аалывыс артында кара чалым шөйлүп баткан* 'Позади нашего аала тянулась вниз черная неприступная скала'.

(2) *Ооң кырынга үне бергеш куду көөргө, чүрек сиңлээр, куйга-баш адыңнаар* 'Взобравшись на нее, когда смотришь вниз – сердце сильно бьется, голова кружится'.

Во втором примере вместо слова *чалым* 'неприступная скала' употреблено сочетание указательного местоимения с послелогом *ооң кырынга* 'на нее'.

(3) *Өө тынып чорааш чеде бээримге, какпамда бир-ле бора куш кактына берип-тир* 'Когда я, задыхаясь, подошел, оказывается, в капкан попала какая-то серая птица'.

Здесь мы видим пары *бора куш* – *ол* 'серая птица – она'.

(4) *Хирезин бодаарга, ол үттүг хаяга ыжыктанып дүннээр дээш, караңгыда кире берген боор* 'Видимо, она попала в темноту, (когда собиралась), защищаясь от ветра, переночевать в этой скале с углублением'.

(5) *Куйдан мүн-не ушта халый бергеш, какпаны ууп чадааш, ооң-биле шаанга киир ыймактажып, кадыр ийни оранчок кудулап бадып келген* 'Как-то вылетев из пещеры, не смогла поднять капкан, повозившись с ним до состояния крайней усталости, спустилась далеко (вниз) крутого склона'.

Связь предложения под номером пять с предыдущими (четвертым и третьим) осуществляется грамматическими средствами – соотношением видо-временных форм глагола:

кактына берип-тир 'попалась'

ыжыктанып дүннээр дээш 'собиралась переночевать'

ушта халый бергеш 'вылетела из пещеры'

какпаны ууп чадааш 'капкан не смогла поднять'

киир ыймактажып 'устала'

кудулап бадып келген 'спустилась вниз'

Основной линией повествования в следующем отрывке (номер 6) являются события, которые происходили с Оскус-оолом: [Он начал погоню за тремя маралухами = созвездие Орион]; пошел вслед за маралухами в Верхний Мир; выстрелил в среднюю маралуху; [Оскус-оол в звезду тоже превратился] звезды виднеются.

(6) *Аңчы Өскүс-оол деп кижиги чурттан турган. Ол үш мыйгак сүрүп эгелээн. Үш мыйгактын соондан үш ыдын салгаи, боду соондан чорупкан. Оон хенертен үш мыйгак дээрже үнүпкен. Өскүс-оол оларның соондан кыскыл аскырлыг Устүү оранче чорупкан. Устүү оранга баргаи, үш мыйгааның ортузундаазын адыпкан. Оон үш мыйгаа үш сылдыс бооп, дээрже артып калган. Ол үш сылдыстың ортузундазы өскелеринден чырык. Өскүс-оол боду база сылдыс бооп туруп калган. Ооң кыскыл аскыры база сылдыс апарган. Үш ыды база сылдыстар бооп артып калган. Ол сылдыстарны кезжээ көөрге, көстүп турар. [Үш мыйгак биле Өскүс-оол 'Три маралухи и Оскус-оол']*

‘Жил человек по имени охотник Оскус-оол. Он начал погоню за тремя маралухами. Пустил вслед за тремя маралухами трех своих собак, сам пошел вслед за ними. Тут вдруг три маралухи поднялись на небо. Оскус-оол на рыжем жеребце поднялся за ними в Верхний мир. Прибыв в Верхний мир, выстрелил в среднюю из трех маралух. Тогда три маралухи превратились в звезды и остались на небе. Из этих трех звезд средняя ярче остальных. Сам Оскус-оол, тоже став звездой, [там] остался. Его рыжий жеребец тоже стал звездой. Его три собаки тоже звездами остались на небе. Эти звезды видны, если смотреть вечером.’

Связь предложений в приведенном выше контексте – анафорическая, с помощью указательного местоимения *ол*.

2. Лексико-синтаксические средства: использование в составе следующего предложения (или ряда следующих предложений) вводных элементов и других лексических средств с композиционно-союзной функцией: *Хирезин бодаарга; Ам бодаарга, шынап-ла*.

(7) *Ам бодаарга, дээрде ужуп чораан* ‘Теперь подумал [понял, что], в небе летел’.

(8) *Арзылаңнар, парлар болгаи бөрүлөр болза араатан амытаннар* ‘Что до львов, тигров и волков – [они] хищные животные’.

3. Синтаксические средства. К ним относятся:

а) *порядок слов и предложений*. В текстах преобладает тюркский порядок следования частей: [ЗПЕ=а] [ГПЕ].

При монофинитной организации текста событие, относительно которого фиксируется событие главной предикативной единицы (ГПЕ), является линейно первым. Описывая сложные ситуации, автор сначала задает ориентиры происходящего, после этого вводится событие, которое описывается. Маркером его главенствующей роли является финитная организация сказуемого.

ГПЕ завершается финитным сказуемым, простым, или аналитической конструкцией (АК), сложным глаголом в терминологии [1], или грамматикализированными конструкциями по [3]. Сказуемое в зависимой предикативной единице (ЗПЕ) занимает конечную позицию. Функции подчинительных союзов выполняются падежными аффиксами, послелогом и служебными именами, замыкающими ЗПЕ.

Сохраняется обязательный принцип маркирования субъекта действия в словоформе сказуемого ЗПЕ и финитного сказуемого ГПЕ аффиксами грамматического 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа. Маркером 3-го лица обоих чисел является нулевой показатель [6].

В определенных бипредикативных конструкциях (БПК), или полипредикативных [см. 5], ЗПЕ может предшествовать главной ПЕ, может располагаться внутри ГПЕ.

Позицию внутри ГПЕ занимают некоторые типы БПК со скрепой *деп* [8].

В БПК обусловленности (причина, следствие) [8] зависимая ПЕ следует за ГПЕ. Союзы (*чуге дизе, чуге дээрже* ‘если сказать, почему, то’, *ынчангаи* ‘поэтому’) ставятся в начале придаточного предложения.

В условных БПК союз *бир эвес* ставится в начале ЗПЕ, предшествующей главной ПЕ.

(9) *Туранга келиривисте, хун даглар артынче ажа берген* ‘Когда мы приехали в Туран, солнце зашло за горами’.

Бифинитная организация текста не предполагает иерархии событий: нет указания на главное и зависимое, структурно они все равноправны;

б) *инверсивная стратегия строения текста*. В тувинском языке любой член предложения может подвергнуться инверсии в целях выражения дополнительной экспрессии в высказывании. Возможна также и инверсия ЗПЕ. Она занимает конечную позицию в составе БПК. Структурная схема: [ГПЕ]. [ЗПЕ=а]

(10) *Чолаачыны мактап эвес, а бактап, чемепп чорааным ол-дур ийин, моон соңгаар ынчанмазын дээш аан* ‘Шофера я не хвалил, а ругал, упрекал, чтобы он впредь не делал так’.

Часто инверсии подвергаются модус-диктумные БПК со скрепой *деп*. Она является грамматикализованной [9, Р. 313-347], [10, Р. 143-160] формой глагола говорения *де* = ‘говорить’.

(11) *Чугааладым – ам кудашкылар эвес бис деп, ол-ла* ‘Я сказал, что мы больше не сваты, все’.

Инвертированный член предложения со всеми относящимися к нему словами, интонационно выделяясь от остальной части предложения, может превратиться в самостоятельное эллиптическое предложение.

(12) *Бурунгу хун бистиң өвүске Шаалай чейзең чоруур чорду. Силерни айтырып* ‘Позавчера в нашей юрте был чейзен Шаалай. Вас спрашивал (букв.: Вас спрашивая)’.

При обычном порядке слов деепричастие *айтырып* с относящимся к нему словом должно было находиться перед сказуемым *чоруур чорду*.

в) *союзы и союзные слова*. В текстах используются только простейшие сочинительные союзы: *база, болгаи* ‘и’, противительный союз *а, харын* ‘но’, разделительный *азы* ‘или’. Подчинительных союзов почти нет.

(13) *Хат соксаар туржук, харын-даа куштелип турган* ‘Ветер не только не утихал, а наоборот, усиливался’.

4. Межфразовые скрепы и средства связи. В функции межфразовой связи служебных и знаменательных слов характерно использование местоимений, наречий, вспомогательных глаголов и послелогов. Причем они связывают не только пары предложений, но и более крупные фрагменты текстов, что особенно очевидно, когда скрепа начинает абзац. Скрепы довольно разнообразны по своему составу.

В роли межфразовых скреп используются союзы, занимая инициальное положение в ЗПЕ: *чуге дизе* ‘потому что’, *бир эвес* ‘если’, *оон ужсун* ‘поэтому’, *оон бээр* ‘с тех пор’, *оон соонда* ‘после того’, *харын-даа* ‘но’ и т. п.

(14) *Бичарда бичим-ле болгай мен. Ол хиремде-ле дөспөзүм кончуг, олулар хөнүм чок, чүве-ле кылыксаан, тудуксаан чоруур мен* 'Тогда я был маленьким. Но несмотря на=это=мое, очень неугомонным, сидеть не хотел, что-то хотел делать'.

Немецкий исследователь Карл Боост в 40-е годы XX века определил и конкретизировал тип связи, именуемый «переплетенность предложений». Суть этого типа связи в том, что «...нити, протянутые от одного предложения к другому, столь многочисленны и отличаются такой плотностью, что можно говорить о переплетенности, о сплетении предложений в единую сеть, так что каждое отдельное предложение как бы неразрывно связано с остальными» (цит. по Москальской) [4, С. 32]. Карл Боост указывает на многие важнейшие средства структурного оформления связи между предложениями: лексические повторы, употребление артикля, местоимения, контекстуально обусловленный эллипсис, употребление глагольных времен, парные союзы, перечисление, вопросительные слова.

(15) *Каа-Хемниң ол-бо талакы эриктеринге хайгааралды күштелдирер, аңоорларынга бо удаада дишнерниң көжүлдезинге моондак кадар кижилерге шаптыктаар. Оон аңгыда чон ортузунга тайылбыр ажылын калбартыр* ‘Усилить наблюдение за тальниковыми берегами (букв.: левым-правым) Каа-Хема, поставить заслон браконьерам, мешающим передвижению белок. Кроме того, расширить разъяснительную работу среди людей’.

Скрепа *ындыг болза* ‘если так’, начиная абзац, соотносит данное высказывание с предшествующим, выполняя функцию межфразового, точнее – межабзацного средства связи.

Употребляясь в функции межфразового средства связи, скрепы *ынгачаза-даа*, *ынгачаши* связывают не только два рядом расположенных предложения, но и начинают абзац, соотнося высказывание с предшествующим контекстом.

Ср. употребление скрепы *ынчалза-даа* в начале абзаца:

В сообщении, предшествующем приведенной фразе, речь идет о художественной манере автора повести. Кроме единства темы, связывающей эти сложные синтаксические построения, структурным связующим элементом, выражающим характер отношений между событиями, здесь выступают анализируемые скрепы местоименного происхождения.

(20) Саночкинни бо удаада оттурбаан, чүге дээрге, ооң ам удуп алыры херектиг ‘На этот раз Саночкина не разбудил, потому что ему надо выспаться’.

Итак, рассмотренные «местоименные» аналитические скрепы состоят минимум из двух компонентов: «местоимения + послелог»; «местоимение + глагол».

Группа аналитических средств связи представлена служебными словами *соонда*, *сөөлүндө*, образованными от существительного *соң* ‘конец’, *сөөлү* ‘конец чего-либо’; наречиями *дораан-на* ‘сразу’, *ынчан* ‘тогда’.

(21) *Шаанда революция мурнунда аңаа бай орустар алдын кастырып турган. Сөөлүндө ол чер Тыва Арат Республиканың, бир шыырак алдын уургайы апарган* ‘Давно перед революцией там зажиточные русские заставляли золото рыть. После этого это место Тувинской Аратской Республики стало одним из крупных золотых приисков’.

В наших материалах отмечены многокомпонентные скрепы *харын-даа*, *харын-даа болза*, представляющие сочетания базовой скрепы *харын* с частицей *-даа* и вспомогательным глаголом *бол=* в форме условного наклонения. Семантика этих скреп – ‘хорошо, что’, ‘хорошо, если’, ‘но’.

(22) *Чок, оглум. Холу аксай берген-дир. Харын маңаа хоккаштарын кадарып тургаяан* ‘Нет, сын мой. Хромает на переднюю лапу ведь. Но здесь годовалых-олений может охранять (букв. ‘ладно, может охранять’)’.

Отдельную группу представляют аналитические однокомпонентные скрепы, в тувиноведении названные союзами [2, С. 449-455].

Скрепы *харын* и *харын-даа болза*, употребляясь после запятой, также выражают противительные отношения. При этом обязательным условием является наличие в главной ПЕ слов типа *туржук* ‘не только не’, *эвес* ‘не’.

(24) *Дыңнаа р туржук, харын караам-биле көргөн мен* ‘Я не то что слышал, а видел (это) своими глазами’.

(25) *Аңчы кижии дээрге, чүгле аң-меңни өлүрүп чоруур эвес, харын-даа оларны өстүрүп кадагалаар чүве болгай.* ‘Охотник не только стреляет животных, но и, выращивая, оберегает их ведь’.

Скрепа *харын-даа болза*, начиная собой новое предложение, т. е. употребляясь после точки, указывает на связь с предшествующим высказыванием. Однако здесь совсем не обязательно второе условие – наличие названных выше лексических компонентов. Это одноместная скрепа, она принадлежит только этому предложению, связывая первую синтаксически законченную конструкцию с последующей. Здесь ослаблен двусторонний характер связи, т. е. в первом предложении нет особых примет, предсказывающих появление второго, дополняющего его предложения.

Это же замечание относится и к скрепе *харын*. Выступая в функции межфразового средства связи, она выражает противительные отношения, подчеркивает то, о чем сообщено в первом (предшествующем) предложении, логически связывая оба сообщения.

Итак, как мы установили в результате анализа материала, в основе построения тувинских текстов лежат определенные грамматические структуры. Эти структуры указывают на то, что предложения, которые они связывают, представляют части единого целого и образуют в своей совокупности структурное (формальное) единство. Важнейшим средством связи между предложениями тувинского текста являются лексические повторы, местоимения, употребление глагольных времен, союзы и др. Разряд аналитических структур тувинского языка, многочисленный и разнообразный по своему составу, продолжает пополняться как за счет внутренних ресурсов языка, так и за счет заимствования из других языков и калькирования.

Список литературы / References

1. Баранова В. В. Сложные глаголы в калмыцком языке / В. В. Баранова // Исследования по грамматике калмыцкого языка. Труды Института лингвистических исследований РАН. – 2009. – Том 5. – № 2. – 58 с.
2. Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. / Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбаха. Грамматика тувинского языка – М.: Издательство Восточной литературы, 1961. – 470 с.
3. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т. А. Майсак. – М.: Издательство Языки славянской культуры, 2005. – 480 с.
4. Москальская О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
5. Скрибник Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке / Е. К. Скрибник. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. – 180 с.
6. Шамина Л. А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке / Л. А. Шамина. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 250 с.
7. Шамина Л. А. Изъяснительные конструкции со скрепой *деп* в тувинском языке / Л. А. Шамина // Предложение в языках Сибири. – 1989. – С. 131–141.
8. Шведова Н. Ю. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
9. Johanson L. On Turkic Converb Clauses / L. Johanson // – Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. – P. 313–347.
10. Vendler Z. Verbs and times / Z. Vendler // Philosophical Review. – 1957. – P. 143–160.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Baranova V.V. Slozhnye glagoly v kalmyckom yazyke [Complex Verbs in the Kalmyk Language] / V.V. Baranova // Research on the Grammar of the Kalmyk Language. Proceedings of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. - 2009. - Volume 5.- No. 2. - 58 p.
2. Ishakov F.G., Palmbakh A.A. / F.G. Ishakov, A.A. Palmbakh. Grammatika tuvinskogo yazyka [Grammar of the Tuvinian Language] – M.: Publishing House of Eastern Literature, 1961. - 470 p.
3. Maisak T.A. Tipologiya grammatikalizatsii konstruktssii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii [Typology of Grammaticalization of Constructions with Verbs of Motion and Verbs of Position] / T.A. Maisak. - M.: Publishing House “Languages of Slavic Culture,” 2005. - 480 p.
4. Moskalskaya O.I. Grammatika teksta [Grammar of the Text] / O.I. Moskalskaya. - M.: Vysshaya Shkola, 1981. - 183 p.
5. Skribnik E.K. Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v buriatskom yazyke [Polypredicative Synthetic Sentences in the Buryat Language] / E.K. Skribnik. - Novosibirsk: Science. Siberian Branch, 1988. - 180 p.
6. Shamina L. A. Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v tuvinskom yazyke [Polypredicative Synthetic Sentences in Tuvinian Language] / L.A. Shamina. - Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2001. - 250 p.

7. Shamina L. A. Iztasnitelnye konstruksii v tuvinskom yazyke [Explanatory Constructions in the Tuvinian Language] / L.A. Shamina // Sentences in the Languages of Siberia. - 1989. - P. 131-141.
8. Shvedova N. Yu. Russkaya grammatika [Russian Grammar] / N.Yu. Shvedova. - M.: Nauka, 1980. - 784 p.
9. Johanson L. On Turkic Converb Clauses / L. Johanson // – Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. – P. 313–347.
10. Vendler Z. Verbs and times / Z. Vendler // Philosophical Review. – 1957. – P. 143–160.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.017>

Шашкова В.Н.

ORCID: 0000-0003-0977-3061, Кандидат филологических наук, доцент,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

СРЕДСТВА ЭМФАЗЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

Аннотация

В статье предложена номенклатура коммуникативных стратегий и тактик, частотно встречающихся в медийных текстах и служащих одним из дискурсивных маркеров текстов данной разновидности. Средства эмфазы проанализированы с точки зрения реализации ими коммуникативных функций. В статье предложена номенклатура коммуникативных стратегий и тактик, частотно встречающихся в медийных текстах и служащих одним из дискурсивных маркеров текстов данной разновидности. Средства эмфазы проанализированы с точки зрения реализации ими коммуникативных функций. В качестве типовых стратегий англоязычных новостных текстов медийного дискурса, актуализация которых обнаруживает устойчивую зависимость с употреблением средств эмфазы, выявлены стратегия на повышение, нарративная стратегия и стратегия откровенности. Типовыми корреляциями коммуникативных стратегий для новостных текстов являются сочетания нарративной стратегии как основной и стратегии на повышение (реже – на понижение) в качестве дополнительной, стратегии на повышение в качестве основной и стратегии реализации откровенности в качестве дополнительной. Доминантным способом выражения эмфазы выступает грамматический способ.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, коммуникативные цели, дискурс, интенциональная специфика текста, эмфаза.

Shashkova V.N.

ORCID:0000-0003-0977-3061, PhD in Philology, Associate Professor,

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov

EMPHATIC MEANS THROUGH THE LENS OF COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS OF NEWSLETTER IN THE MEDIA DISCOURSE OF THE ENGLISH-SPEAKING WORLD

Abstract

The article proposes a list of communicative strategies and tactics, often found in media texts and serving as one of the discourse markers of the texts of this variety. The tools are analyzed from the point of view of the way they perform their communicative functions. A strategy aimed at increasing, a narrative strategy and a strategy of frankness are identified as typical strategies of English-language newsletters of media discourse, the actualization of which shows stable dependence of emphatic means. Typical correlations of communicative strategies for newsletters include combinations of the narrative strategy as the main one and strategies aimed at increasing (less often – at decreasing) as an additional one or a strategy aimed at increasing as the main strategy and the strategy of frankness as an additional one. Grammatical method is a dominant way of expressing emphasis.

Keywords: communicative strategies, communicative tactics, communicative goals, discourse, intentional specificity of the text, emphasis.

Анализ коммуникации в различных общественных сферах и ситуациях взаимодействия, исследование основных компонентов и типовых сценариев коммуникативного события, а также выявление специфики композиционно-смысловой организации текста как образца определённого типа дискурса уже довольно давно входят в число дискуссионных вопросов современного языкознания (см. [1], [5], [9], [10] и др.). Основная проблема, которая стоит перед лингвистами, работающими в направлении дискурс-анализа, заключается, с одной стороны, в определении релевантных критериев типологизации текстов, отражающих факторы разной природы (факторы внешнего контекста, внутриязыковые закономерности, а также когнитивные параметры, включающие модели взаимодействия коммуникантов), а с другой – в разработке адекватной процедуры их применения для последовательного описания текстов, функционирующих в той или иной сфере общения.

Даже при наличии скоординированного набора параметров, необходимых для корректного выделения, сопоставления и инвентаризации средств языка, представляющих материал для формирования текстов разной сферы использования и определённого целевого назначения (см. [10, С. 50-51]), исследование текста любого дискурсивного профиля требует уточнения каждого критерия.

В данной статье нас в первую очередь интересует коммуникативно-целевая специфика новостных текстов медийного дискурса. Под коммуникативно-целевой спецификой мы понимаем те типовые коммуникативные стратегии, тактики и интенции, которые типично реализуются текстами заданного дискурсивного профиля и которые, сочетаясь определённым образом, предопределяют и формируют коммуникативный каркас текста.

Мы исходим из того, что любая деятельность имеет свои практические цели, реализуемые участниками этой деятельности. Коммуникативные цели в этом случае сопутствуют целям практическим. Для каждого вида

практической деятельности и для каждого участника речевого взаимодействия теоретически можно определить номенклатуру коммуникативных целей, которые помогают оптимизировать деятельность и достичь желаемого результата.

Для осуществления доминантной коммуникативной цели текстовой деятельности, формирующей текст как коммуникативный макроакт (см. [2, С. 145]), используются различные коммуникативные стратегии и тактики. Понятие «коммуникативной стратегии» шире и охватывает понятие «коммуникативной тактики». Традиционно эти понятия соотносятся между собой как целое и часть, как план и его последовательная реализация. По определению Е. В. Ключева, коммуникативная стратегия – это «стратегический результат, на который направлен коммуникативный акт» (цит. по [4, С. 60]).

Таким образом, коммуникативная стратегия – это осуществление осознанного или автоматизированного выбора разнообразных вербальных и невербальных средств, использование которых обеспечит достижение поставленной коммуникативной цели. Коммуникативная тактика, в свою очередь, представляет собой само действие, которое способствует реализации выбранной стратегии. В.Б. Кашкин определяет коммуникативную тактику как «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [4, С. 61].

Осуществляя коммуникацию в определённой сфере общения, индивид ставит перед собой глобальную коммуникативную цель и далее разрабатывает собственную коммуникативную стратегию, которая впоследствии будет реализовываться группой коммуникативных тактик посредством набора частных коммуникативных интенций каждого отдельного предложения-высказывания.

Таким образом, с одной стороны, мы дифференцируем три рассматриваемых понятия, входящих в терминологический аппарат нашего исследования, по параметру внутренней иерархии: стратегия формируется соответствующими тактиками, которые реализуются посредством интенций. С другой стороны, принимая во внимание тот факт, что текст как компонент и продукт речевой деятельности в определённой сфере общения обладает свойством дискретности и включает в себя определённые функциональные модули, мы можем говорить о том, что стратегия, тактика и интенция отличаются и по тому объекту, который они обслуживают: так, текст соотносится со стратегиями, текстовый модуль, выделяемый на основании той практической задачи во взаимодействии, решению которой он способствует, – с коммуникативной тактикой, а предложение-высказывание – с конкретной коммуникативной интенцией.

С опорой на исследования О.Л. Михалёвой [7] и Д.С. Малюковой [6] был выявлен круг стратегий и тактик, которые мы далее рассматривали на материале новостных текстов медийного дискурса. Эти стратегии, тактики и интенции, используемые для реализации тактик, представлены в Таблице 1.

Таблица 1 – Стратегии, тактики и интенции медийного дискурса

№	Стратегия	Тактика	Интенции
1	Стратегия на понижение	Тактика «анализ-минус»	Констатирующее сообщение
		Тактика обличения	Констатирующее сообщение Констатация-сообщение необходимых действий Ассерция собственного мнения речевого субъекта
		Тактика «обращения к анонимному авторитету»	Констатация-сообщение мнения третьего лица
		Тактика обвинения	Констатация-сообщение Констатация необходимых действий Ассерция собственного мнения речевого субъекта
		Тактика угрозы	Ассерция собственного мнения речевого субъекта Директив в случае косвенной угрозы
		Тактика оскорбления	Ассерция собственного мнения речевого субъекта
2	Стратегия на повышение	Тактика воздействия на чувства адресата	Констатирующее сообщение
3	Стратегия театральности	Тактика самопрезентации	Ассерция собственного мнения Констатирующее сообщение

Окончание таблицы на стр. 94.

Окончание табл. 1 – Стратегии, тактики и интенции медийного дискурса

№	Стратегия	Тактика	Интенции
4	Стратегия реализации откровенности	Тактика установления контакта с собеседником	Подтактика солидаризации и отождествления через констатирующее сообщение
			Подтактика адресованности через директив, констатацию необходимых действий или констатирующее сообщение
		Проективная тактика	Констатирующее сообщение Вопрос, направленный на верификацию предположения
			Констатирующее сообщение Вопрос, активизирующий внимание адресата на последующей информации
		Тактика уточнения и перефразирования	Констатирующее сообщение Вопрос, направленный на получение информации Вопрос, направленный на верификацию гипотезы
		Тактика провоцирования	Вопрос, направленный на получение информации Вопрос, направленный на верификацию гипотезы Ассерция собственного мнения речевого субъекта
5	Нарративная стратегия	Дискурсивная возгонка	Констатирующее сообщение

Мы проанализировали 200 примеров эмфатических оборотов, отобранных методом сплошного анализа из новостных текстов, опубликованных в следующих изданиях: www.bbc.co.uk, <https://www.nytimes.com>, <http://www.mirror.co.uk>, <https://www.thenation.com>, <http://www.vanityfair.com>, <http://time.com>, <https://www.theguardian.com>, <https://www.washingtonpost.com>.

Далее мы проиллюстрируем, каким образом осуществлялся анализ проявлений средств эмфазы с учётом коммуникативных стратегий и тактик на материале конкретных примеров.

Not only was Mr. Trump's inauguration crowd far smaller than Mr. Obama's in 2009, but he also drew fewer television viewers in the United States (30.6 million) than Mr. Obama did in 2009 (38 million) and Ronald Reagan did in 1981 (42 million), Nielsen reported [11].

Стратегия на понижение обслуживает данное эмфатическое высказывание через тактику «анализ-минус». Отрицание not + инвертированный порядок слов в первой части сложного предложения, указывает читателям на контраст в количестве людей, присутствующих на инаугурациях американских президентов, обращая внимание на несостоятельность Д. Трампа как политического лидера, неспособного собрать сопоставимо большое количество граждан своей страны. Наречие far в сочетании со сравнительной степенью определяющего прилагательного smaller придают еще больший контраст, усиливая общее восприятие прочитанного и добавляя иллюкативной силы данному воплощению ассерции собственного мнения речевого субъекта.

By no means should Republicans be complicit in creating a bigger mess [13].

Посредством использования эмфатической структуры “by no means should ...” в первую очередь реализуется нарративная стратегия – констатация-сообщение действий и связывание их в логическую цепочку с уже ожидаемым и предвосхищаемым исходом. Автор категорично подчеркивает, что республиканцы не должны вмешиваться в ситуацию (речь идёт о ситуации потенциального протеста и неприятия результатов выборов), чтобы не ухудшить её. Категоричность высказывания, создаваемая посредством рассматриваемой разновидности инверсии, требующей актуализации не только отрицательной частицы, но и модального глагола со значением рекомендации, при этом служит целям (а) придания авторитетности авторскому мнению, если заключение, которое делает журналист, имеет исчерпывающую доказательную базу, и (б) демонстрации авторитета, который имеет журналист в освещаемой области. И в том, и в другом случае мы говорим об одновременной реализации стратегии на повышение: журналист позиционирует себя как авторитетное лицо, чьё оценочное высказывание привлечёт внимание целевой аудитории.

While it was indeed Clinton who won the popular vote, questions will now be asked about why the LA Times was the only polling company to see these "forgotten men and women" and consistently predict Trump's win [12].

Реализуя коммуникативную стратегию откровенности через тактику провоцирования, автор вводит читателей в заблуждение придаточным предложением причины в составе сложноподчинённого предложения, утверждая, что именно Хилари Клинтон победила на выборах, взяв большинство голосов на народных выборах. Журналист провоцирует определённое отношение к новоизбранному президенту страны, говоря о высоких результатах Хилари Клинтон на выборах, тем самым раскрывая свою собственную позицию данным констатирующим сообщением.

Количественный анализ показал, что наиболее распространённой (35%) коммуникативной стратегией в проанализированных нами текстах является **стратегия на повышение**, которая своей целью ставит воздействие и

влияние на чувства адресата в уже намеченном контексте. Неудивительно, что данная стратегия выходит на первый план, поскольку практически в любом сообщении, будь то новость политического характера или статья журналиста о спортивном мероприятии, адресанты пытаются оказать влияние на восприятие информации адресатом, создав фоновый контекст восприятия последующей информации, сформировав определённую эмоциональную реакцию или побудив получателя к действиям.

Нарративная стратегия охватила довольно значимый объём эмфатических конструкций (24%). Хотя коммуникативной целью любого изречения является передача какого-либо сообщения, нарративная стратегия не обеспечивает тот спектр коммуникативных интенций, которые представлены в стратегии на повышение. Предсказуемо, эта стратегия, реализуемая посредством эмфатических средств, получила выражение в информативно-повествовательной разновидности информативного регистра (термин Г.А. Золотовой) [14, С. 26-35].

Стратегия откровенности также довольно многозначительна для новостных текстов (17%) и реализуется через три тактики: тактику уточнения (77% от числа всех тактик, воплощающих данную стратегию), проективную тактику (15%) и тактику провоцирования (8%). К этой стратегии также относится тактика установления контакта с собеседником. Однако в ходе исследования примеры реализации этой тактики выявлены не были. Возможно, объяснением этому служит то, что новостные медиатексты нацелены на передачу сообщения, где источником информации выступает одно лицо. Исследование не охватывало жанр «живого» интервью, в котором всегда совмещены два коммуникативных кортежа: автор – аудитория и журналист – человек, который даёт интервью.

Стратегия на понижение занимает примерно равное положение со стратегией откровенности (15%) и реализуется в основном через 2 тактики, из которых тактика «анализ-минус» занимает лидирующее место (64% от всех тактик в рамках данной стратегии). Из 6 тактик, представляющих стратегию на понижение, в ходе анализа лишь две встретились нам в новостных текстах медиадискурса. Тактики угрозы, оскорбления и обращения к анонимному авторитету не были выявлены, а тактика обвинения играла роль сопутствующей нарративной стратегии, но никак не основной.

Стратегия театральности представлена малочисленным набором примеров (9% от общего числа). Случаи реализации её были отмечены в жанрах интервью и аналитического обозрения.

Отметим еще одно важное явление, встретившееся нам в ходе исследования эмфатических конструкций. Рассматривая каждый эмфатический оборот с точки зрения коммуникативной стратегии или тактики, в отдельных случаях было выявлено сразу две коммуникативные стратегии и тактики, где одна – доминантная, главная, а вторая – сопутствующая, но значимая, вносящая свой вклад в реализацию коммуникативной интенции предложения. Подобного рода конструкции с двойными коммуникативными стратегиями составляют 13% от общего числа проанализированных нами примеров эмфатических оборотов. К выявленным корреляциям относятся следующие:

- **нарративная стратегия** в большинстве случаев выступает как основная, но часто коррелирует с подчиняющимися ей стратегиями на повышение и понижение;
- **стратегия реализации откровенности** может рассматриваться второй стратегией по значимости, подчиняясь стратегиям на повышение и понижение;
- **стратегии на понижение** хорошо функционируют в паре с другими с коммуникативными стратегиями и тактиками, в отдельных случаях являясь основными, в других – зависимыми.

Для подведения результатов исследования мы определили «плотность» разных типов средств эмфазы в предложении. 72% выявленных случаев употребления средств эмфазы представляют чисто грамматический способ образования эмфазы, 7% – лексический, 21% – лексико-грамматический.

Очевидно, что средства эмфазы являются неотъемлемой частью новостных текстов, так как их употребление довольно частотно. Результаты, полученные нами в ходе исследования, являются релевантными в рамках данной работы и могут изменяться при увеличении количества рассмотренных массмедийных текстов и расширении списка возможных коммуникативных стратегий и тактик. Мы также допускаем, что сам список стратегий и тактик может быть расширен за счёт привлечения большего объёма новостных текстов.

Список литературы / References

1. Данилова С.А. Типология дискурса. / С.А. Данилова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар: изд-во «Наука и образование». – 2015. – № 1. – С. 345-349.
2. Ван Дейк Т.А. Вопросы прагматики текста / Т.А. Ван Дейк // Текст: аспекты изучения. Семантика. Прагматика. Поэтика. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 90 – 167.
3. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. Под общ. редакцией Г.А. Золотовой. – М: РАН, 2004. – 542 с.
4. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие / В.Б. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
5. Лукьянова С.В. К вопросу о типологии дискурса / С.В. Лукьянова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – Псков: изд-во Псковского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 150-154.
6. Маликова Д.С. О примерах использования тактик манипулирования в современном медийном дискурсе / Д.С. Маликова // Вестник Томского государственного университета. – Томск. – 2011. – № 347. – С. 24-27.
7. Михалёва О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия / О.Л. Михалёва. – Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 2005. – 320 с.
8. Наумова М.М. Специфика реализации откровенности в массмедийном дискурсе / М.М. Наумова // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер.: Сер. Филология. Журналистика. – Саратов: – 2015. – Т. 15. – №1. – С. 107–110.
9. Пиевская И.М. О типологии дискурса в рамках современной парадигмы языкознания / И.М. Пиевская // Территория науки. – Воронеж: изд-во Воронежского экономико-правового института. – 2007. – № 1. – С. 107-111.

10. Шашкова В.Н. Коммуникативно-целевая специфика и особенности модального плана текстов учебно-дидактического характера : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 : защищена 05.10.2006 : утв. 23.03.2007 / Шашкова Валентина Николаевна. – Орел, ОГУ, 2006. – 224 с.

11. Fandos N. White House Pushes 'Alternative Facts.' Here Are the Real Ones [Электронный ресурс] / N. Fandos // New York Times – URL: <https://www.nytimes.com/2017/01/22/us/politics/president-trump-inauguration-crowd-white-house.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=first-column-region®ion=top-news&WT.nav=top-news> (дата обращения: 25.02.2017).

12. Kirk A., Scott P. How wrong were the polls in predicting the US election and why did they fail to see Trump's win? [Электронный ресурс] / A. Kirk, P. Scott – URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/11/09/how-wrong-were-the-polls-in-predicting-the-us-election/> (дата обращения: 16.03.2017).

13. Krauthammer Ch. Call His Bluff [Электронный ресурс] / Ch. Krauthammer // The Washington Post – URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/call-his-bluff/2011/07/14/gIAfzFyEI_story.html?utm_term=.905f4fe8b4bd (дата обращения: 03.02.2017).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Danoliva S.A. Tipologiya diskursa [Discourse Typology] / S.A. Danilova // Gumanitarniye, sotsialno-ekonomicheskiye i obshchestvenniye nauki [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences]. – Krasnodar: Izdatelstvo "Nauka i obrazovaniye" – 2015. – № 1. – P. 345-349. [in Russian]

2. Van. Dijk Teun A. Voprosy pragmatiki teksta [The Questions of Text Pragmatics] / Teun A. Van Dijk // Tekst: aspekty izucheniya: Semantika. Pragmatika. Poetika. [Text: Aspects of Study: Semantics. Pragmatics. Poetics]. – M.: Editorial URSS, 2001. – P. 90-167. [in Russian]

3. Zolotova G.A. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative Grammar of the Russian Language] / G.A. Zolotova, N.K. Onipenko, M.Yu. Sidorova. Under the general editorship of G.A. Zolotova. – Moscow: Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Science. – 544 p. [in Russian]

4. Kashkin V.B. Vvedeniye v teoriyu kommunikatsii: uchebnoye posobiye [Introduction into the Theory of Communication: teaching aids] / V.B. Kashkin. – Voronezh: Izdatelstvo VGTU, 2000. – 175 p. [in Russian]

5. Lukyanova S.V. K voprosu o tipologii diskursa [More on the Question of Discourse Typology] / S.V. Lukyanova // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarniye nauki [Pskov State University Bulletin. Topical series: The Humanities and Social Studies]. – Pskov, 2016 – № 3. – P. 150-154. [in Russian]

6. Malyukova D.S. O primerah ispolzovaniya taktik manipulirovaniya v sovremenном mediynom diskurse [On the question of usage samples of manipulation tactics in the modern media discourse] / D.S. Malyukova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. – Tomsk. – 2011. – № 347. – P. 24-27. [in Russian]

7. Mikhalyova O.L. Politicheskiy diskurs kak sfera realizatsii manipulyativnogo vozdeistviya [Political Discourse as a Sphere of Exerting a Manipulative Impact] / O.L. Mikhalyova. – Irkutsk: Izdatelstvo Irkutskogo universiteta, 2005. – 320 p. [in Russian]

8. Naumova M.M. Spetsifika realizatsii otkrovennosti v massmediinom diskurse [The Specifics of Plain-Speaking in the Media Discourse] / M.M. Naumova // Izvestiya Sratovskogo universiteta [Saratov University Review]. Topical series: Philology. Journalism. – Saratov, 2015. – V. 15. – №1. – P. 107–110. [in Russian]

9. Piyevskaya I.M. O tipologii diskursa v ramkakh sovremennoi paradigmy yazykoznaniya [About Typology of Discourse Within Modern Scientific Paradigm in Linguistics] / I.M. Piyevskaya // Territoriya nauki [Territory of Science]. – Voronezh: Izdatelstvo Voronezhskogo economico-pravovogo instituta. – 2007. – № 1. – P. 107-111. [in Russian]

10. Shashkova V.N. Kommunikativno-tselevaya specifika i osobennosti modalnogo plana tekstov uchebno-didakticheskogo kharaktera [Communicative intentional Specifics and Distinctive Modal Features of Educational Didactic Texts]: dis. ... of PhD in Philology: 10.02.19 : defense of the thesis 05.10.2006 : approved 23.03.2007 / Shashkova Valentina Nikolayevna. – Oryol, Oryol State University, 2006. – 224 p. [in Russian]

11. Fandos N. White House Pushes 'Alternative Facts.' Here Are the Real Ones [Electronic resource] / N. Fandos // New York Times – URL: <https://www.nytimes.com/2017/01/22/us/politics/president-trump-inauguration-crowd-white-house.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=first-column-region®ion=top-news&WT.nav=top-news> (accessed: 25.02.2017).

12. Kirk A., Scott P. How wrong were the polls in predicting the US election and why did they fail to see Trump's win? [Electronic resource] / A. Kirk, P. Scott – URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/11/09/how-wrong-were-the-polls-in-predicting-the-us-election/> (accessed: 16.03.2017).

13. Krauthammer Ch. Call His Bluff [Electronic resource] / Ch. Krauthammer // The Washington Post – URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/call-his-bluff/2011/07/14/gIAfzFyEI_story.html?utm_term=.905f4fe8b4bd (accessed: 03.02.2017).

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.002>

Шушарина Г.А.

Кандидат филологических наук,

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

*Исследование проведено при поддержке Правительства Хабаровского края. Договор № 148/2017 Д от 5 июня 2017 г. о предоставлении гранта на проведение научных исследований в области гуманитарных и общественных наук***ОБРАЗ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ЯПОНСКОМ МЕДИА-ПРОСТРАНСТВЕ****Аннотация**

В статье рассматривается образ дальневосточного региона России в японских средствах массовой информации. Проанализированы характерные особенности лексического и грамматического наполнения статей. Выявлены метафорические репрезентации образа Дальнего Востока. Образ создается с помощью эпитетов с негативной оценкой, различными лексемами с префиксами, несущими отрицательное значение. Посредством лингвистического анализа установлено, что доминирует образ слабо развитого, малонаселенного, коррумпированного и ненадежного региона.

Ключевые слова: Дальний Восток России, регион, образ, медиа-пространство, метафора.

Shusharina G.A.

PhD in Philology,

Komsomolsk-na-Amure State Technical University

*The study was conducted with the support of the Khabarovsk Krai Government. Contract No. 148/2017 D from June 5, 2017 about granting a grant for scientific research in the field of humanities and social sciences***IMAGE OF FAR EAST OF RUSSIA IN JAPANESE MEDIA SPACE****Abstract**

The article distinguished the image of the Far Eastern region of Russia in the Japanese mass media. The characteristic features of the lexical and grammatical content of the articles are analyzed. Metaphoric representations of the image of the Far East are revealed. The image is created with the help of epithets with negative evaluation, various lexemes with prefixes bearing a negative value. By means of linguistic analysis, it is established that the image of an underdeveloped, sparsely populated, corrupt and unreliable region dominates.

Keywords: Far East of Russia, region, image, media space, metaphor.

В настоящее время вопрос об образе России в мире актуален как никогда. Крупнейшие мировые новостные агентства проводят опросы общественного мнения на регулярной основе, «согласно которым отношение к России в мире постоянно ухудшается» [2, С. 17].

Япония – важный партнер России на Дальнем Востоке, с которым наша страна нацелена укреплять взаимовыгодные конструктивные отношения, развивать сотрудничество в политической, производственной, экономической и гуманитарной областях. В последнее время российско-японские связи заметно активизировались. Важнейшую роль в этом процессе играют контакты руководителей России и Японии. В связи с этим исследование образа Дальнего Востока России в японском медиа-пространстве представляется актуальным.

Средства массовой информации играют важную роль в формировании общественного сознания. Именно от политики, которую проводят ведущие издания в отношении Российской Федерации, зависит образ России в сознании зарубежной аудитории.

Исследователи выделяют несколько причин содержательной актуальности изучения образа России в зарубежных средствах массовой информации, а именно: 1) образ России отражается на каждом жителе России; 2) образ России влияет на успешные социально-экономические отношения России с другими государствами, на расширение возможностей для культурного обмена и туризма и т.д.; 3) образ России служит важным инструментом при решении вопросов в области геополитических проблем [6, С. 37].

Исследованиям образа России в зарубежных СМИ посвящено большое количество лингвистических работ: «Проблематика образа России является одной из наиболее разработанных в современной лингвистике» [3, С. 80]. Каждая из таких работ вносит определенный вклад в изучение процесса категоризации / концептуализации образа России. Образ – понятие сложное и многогранное, понятие является предметом изучения многих областей научного знания – философии, лингвистики, социологии, психологии, литературоведения и других.

Так, по мнению Д. Д. Цилурик, медиаобраз страны формируется в результате обработки информации, которая проходит через особые «фильтры» восприятия, в качестве которых выступают этнические стереотипы. Именно их существование на протяжении всей истории двусторонних отношений позволяет говорить об универсальной матрице восприятия России в других странах. В соответствии с матрицей восприятия России за рубежом на страницах иностранной печати складывается положительный или отрицательный образ России [7].

Нгуен Тхи Зиу, анализируя образ России в СМИ Вьетнама, указывает на то, что первостепенными факторами, влияющими на модификацию образа России, являются текущая конъюнктура состояния российско-вьетнамских отношений, положительные стереотипы о Советской России и русском народе, технические возможности и политика сетевых СМИ Вьетнама, позиция России на международной арене [5].

Лингвиста, прежде всего, интересует, как определенные тенденции, имеющие место во взаимоотношениях двух стран, преломляются в языке и как язык способствует формированию образа страны в целом, образа политиков, созданию новых стереотипов и закреплению мифов [4].

Цель настоящей статьи заключается в исследовании лексического и грамматического наполнения газетных публикаций, с помощью которого формируется образ Дальнего Востока в японском медиа-пространстве. Сделанные выводы позволяют расширить рамки существующих подходов к описанию политической реальности России.

Источниками материала исследования послужили отдельные статьи современных газет и новостных веб-сайтов «Asahi», «Asia Nikkei», «Japan Times». Указанные газеты издаются на английском языке, с тем, чтобы активно вовлекать жителей Японии в международные события. На наш взгляд, публикация статей на английском языке (не японском) не способствует некоторому искажению образа дальневосточного региона России, поскольку каждая из представленных газет выходит дважды в день, является влиятельной и тиражируемой в Японии, доставляется во все японские правительственные органы и большинство крупных частных предприятий. Кроме того, тексты статей указанных газет ориентированы преимущественно на читателей с высоким социальным статусом и высоким образовательным уровнем. Тематика статей в большинстве своем связана с реализацией инвестиционных проектов и привлечением таких крупных японских промышленных компаний, как Mitsui & Co., Mazda Motor Corp. и др. в развитие дальневосточного региона России. И самое главное, указанные газеты и новостные веб-сайты придерживаются либеральной позиции, поскольку во главе Японии стоит либерально-демократическая партия (ЛДП), лидером которой на данный момент является премьер-министр Японии Синдзо Абэ. Правительство Японии контролирует данные газеты и выполняет функции цензора. В связи с вышеизложенным, можно утверждать, что образ дальневосточного региона России, представленный в англоязычных японских СМИ, отражает мнение японской правящей политической элиты и распространяется среди населения Японии.

В настоящем исследовании была осуществлена сплошная выборка всех публикаций отобранных изданий по всем разделам за период 2013 г. – 2017 г. Поиск проводился по ключевым словам «Far East of Russia», «Russian Far East» (материал исследования собран Н. А. Матвеевым, студентом направления подготовки 45.04.02 Лингвистика, ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»).

В результате анализа материала были выделены только негативные характеристики, посредством которых эксплицируется образ России в анализируемых японских СМИ.

Анализ публикаций по теме исследования показал, что в японском масс-медийном пространстве главной задачей является описание территориального спора, который не способствует заключению мирного договора между Российской Федерацией и Японией. Основным объектом споров выступают острова Курильской гряды (Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа Хабомаи), которые в текстах японских СМИ упоминаются, как «*the Northern Territories*» [8].

При описании событий, предшествующих территориальному спору, используются негативно окрашенные лексические единицы с семой «намеренного захвата»: «*occupied*» (To have, or to have taken, possession or control of (a territory) [1], «*grab*» (To grip suddenly; to seize; to clutch) [1], «*seized*» (to deliberately take hold of; to grab or capture) [1]. Указанные глаголы выражают отрицательное отношение к событиям второй мировой войны и желание вернуть острова, которые были присоединены к территории бывшего СССР по итогам второй мировой войны: «*grab for the Soviet Union*», «*seized from Tokyo*», «*occupied by Soviet forces at the end of World War II*» [10]. Оценка действий Советского Союза также эксплицируется при помощи лексем с негативной коннотацией «возмущения»: «*resented*» [1], «*protested*» [1], «*unfair*» [1], «*unequal*» [1]. Для описания вопросов, связанных с данной темой, используются широкие синонимические ряды с общим компонентом «борьба»: «*tussle*», «*dispute*», «*Russia fighting*», «*conflict*», «*tense*», «*concerns*»; и с общим компонентом «территориальный»: «*territorial*», «*border*», «*island*» [1].

Анализ материала японских газет выявил наличие метафор, используемых в отношении территориального спора между Россией и Японией. Например, метафора «*a festering territorial row*» позволяет интерпретировать территориальный конфликт как «гноящуюся рану», поскольку вопрос о принадлежности территорий островов все еще остается нерешенным и вызывает множество трудностей [8].

Территориальный спор (*territorial dispute*, *territorial row*, *territorial issue*) в японском медиа-пространстве описывается с помощью таких эпитетов, как *longstanding* (Having persisted for an extended period of time), *frozen* (immobilized), *festering* (The condition of something that festers), *stalled* (To come to a standstill), *prolonged* (To lengthen in time; to extend the duration of; to draw out; to continue), *enduring* (To last), *unresolved* (The lack of the quality of resolve) [1], что указывает на длительный характер проблемы. При рассмотрении таких вопросов авторы публикаций дают справки исторического характера, связанные с незаконным, по их мнению, присоединением территорий Советским союзом или Россией. Например, «*the two sides have still not signed a peace treaty ending the war*» или «*a vestige of World War II*», «*the islands have been under Russian administration since 1945*» [10].

Помимо территориального спора между двумя государствами, японские журналисты уделяют внимание описанию современного состояния российского Дальнего Востока. В этом отношении образ Дальнего Востока преимущественно формируется как негативный. Например, для описания состояния инфраструктуры авторы текстов используют следующие лексические единицы с негативной коннотацией: «*slow*», «*fall apart*», «*in one brushstroke weaknesses in the transportation infrastructure*», «*need of extensive renovation*», «*were built during the Soviet era*» [9].

Преследуя эту цель, авторы статей также используют отрицательный префикс *un-* со значением «not, the opposite of sth», префикс *re-* со значением «again», и префикс *under-* со значением «Being lower; being beneath something» [1]: «*The sleepy port town of Vladivostok in Russia's Far East, which was a closed-off military enclave during the Soviet era, is seeking to reinvent itself as an exclusive casino resort*» [9], «*Yes, companies have concerns about unpredictability*», «*In its quest to become a new Asian tourist hub, however, Vladivostok will face stiff competition from the likes of Macau, Singapore and South Korea, and there are questions over whether an underdeveloped Russian port town will be able to hold its own against the region's established resorts*» [9].

Негативный образ Российского Дальнего Востока поддерживается и в словах *shrink*, *decline* в значении *To become smaller, To move downwards, to fall, to drop* (уменьшаться) [1] в отношении населения указанных территорий: «*to combat a shrinking population in the Russian Far East*», «*population in the Russian Far East is shrinking*», «*rapid population declines*» [9]. Использование настоящего длительного времени (Present Continuous) подчеркивает, что процесс депопуляции Дальнего Востока продолжается.

Основными городами, которые часто используются в публикациях японских СМИ, являются Владивосток и Хабаровск в контексте привлечения рабочей силы в города и развития инфраструктуры: «...workers are seen as essential to moving infrastructure projects along in the Russian Far East, including those in Khabarovsk and Vladivostok <...>» [9]. При этом Владивостоку уделяется больше внимания. Владивосток описывается с использованием лексических единиц отрицательной коннотацией: «*The sleepy port town of Vladivostok in Russia's Far East*», «*closed-off military enclave during the Soviet era*», «*underdeveloped Russian port town*» [9].

Авторы статей в японских СМИ указывают на изменения, которые происходят в городе для привлечения туристов: «*A new theater, an art museum and other facilities are also being built in a bid to transform the city into an entertainment hub for wealthy tourists from China and other neighboring countries*» [9]. Правительство России стремится превратить Владивосток в Дальневосточный Лас-Вегас: «*Vladivostok set to become Russian Vegas*» [9].

Однако японские СМИ с сомнением относятся к возможной реализации плана превращения Владивостока в новый азиатский туристический хаб (*a new Asian tourist hub*). Сомнение выражается с помощью наречия *unlikely* (маловероятно): «*A resort in Vladivostok is unlikely to succeed unless the city can rapidly modernize infra-structure and secure skilled hospitality executives and personnel*» и лексемы *questions* «*and there are questions over whether an underdeveloped Russian port town will be able to hold its own against the region's established resorts*» [9].

В частности, развитию Владивостока препятствует отсутствие гостиниц высокого класса: «*Currently, there is only one luxury hotel in central Vladivostok*» [9]. В городе нет современных дорог, поскольку они были построены еще в советские времена и нуждаются в масштабной реконструкции: «*Most of the roads and buildings in the city were built during the Soviet era and are in need of extensive renovation*» [9]. В приведенных примерах слабое развитие города подчеркивается усилительным наречием *only* (только) в сочетании с числительным *one* (один) и превосходной степенью *Most* (большинство).

Кроме того, череда коррупционных скандалов в правительстве края не способствуют стремительному развитию Владивостока: «*But a series of corruption scandals has meant neither has opened its doors*» [9]. Проблема коррупции в этом регионе выражена с помощью лексемы *a series of*, которая указывает на последовательный ряд действий, событий и подчеркивает множественность похожих случаев.

Коррупция, нестабильность – это те причины, которые не позволяют бизнесменам Японии инвестировать в российский Дальний Восток. Данный вывод можно сделать на основе анализа эпитетов, которые используются при описании инвестиционного климата России, а именно, *unpredictable, opaque and changeable, burdensome*. Указанные эпитеты подчеркивают непредсказуемость и изменчивость экономической и политической ситуации на Дальнем Востоке России: «*But Japanese corporate concerns about an unpredictable investment environment in Russia and tough calculations of risk and return could deter private-sector deals*», «*Japanese firms have long complained about the business environment in Russia. Among their concerns are an opaque and changeable legal system, burdensome bureaucracy and corruption, according to surveys by Japanese business lobby Keidanren*», «*Yes, companies have concerns about unpredictability*» [8].

Тем не менее, японские и дальневосточные компании, вслед за Президентом РФ и Премьер-министром Японии, строят планы на совместную деятельность на российском Дальнем Востоке, что может способствовать его скорейшему развитию. Заинтересованность японских коммерческих организаций демонстрируется лексемой *cooperation* в значении *сотрудничество*. Кроме того, в газетных публикациях используются глагольные конструкции, подчеркивающие положительные намерения японских компаний, например, *proposed* (предложили) или *aim to accelerate* (намерены ускорить): «*Seeking a breakthrough in a frozen territorial dispute, Prime Minister Shinzo Abe proposed Japanese cooperation on energy projects, development of the Russian Far East, and other economic matters in a meeting Friday with President Vladimir Putin*», «*Abe's eight-point economic cooperation proposal includes building liquefied natural gas plants, as well as ports, airports, hospitals and other infrastructure, mainly in the Russian Far East*» [8], «*To help realize the plan, Japanese firms aim to accelerate investments in resource development*» [9].

Необходимо отметить, что в японском медиа-пространстве положительное решение территориального вопроса, которое удовлетворило бы японскую сторону, является неотъемлемым условием инвестирования в экономику российского Дальнего Востока, о чем свидетельствует выражение *two sides of a coin*. Таким образом, подчеркивается взаимосвязь решения территориального спора и денежных вливаний в дальневосточный регион: «*The territorial issue and economic cooperation are two sides of a coin*» [9].

Таким образом, анализ текстов статей СМИ показал, что в целом образ российского Дальнего Востока в японском медиа-пространстве можно описать как негативный. Доминирует образ слаборазвитого, малонаселенного, коррумпированного, ненадежного региона. Японские бизнесмены и крупные японские корпорации готовы помогать российскому руководству развивать регион только при условии того, что это будет способствовать решению длительного спора о территориальной принадлежности ряда островов. Представленный образ создается с помощью эпитетов с негативной оценкой, различными лексемами с префиксами, несущими отрицательное значение. В газетных публикациях японского медиа-пространства частотны слова и выражения, обозначающие отсутствие чего-либо в российском регионе. Кроме того, различные грамматические конструкции только подчеркивают доминирование антипатии к дальневосточному региону России.

Список литературы / References

1. Англо-английский толковый словарь [Электронный ресурс]. - URL: <http://engood.ru/anglijskij-tolkoviyj-slovar> (дата обращения: 20.07.2017).
2. Банман П. П. Сибирский компонент в образе России (на материале мемуаров Э. Э. Двингера / П. П. Банман // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2017. - № 8. Ч. 2. - С. 17-19.
3. Белоусов К. И., Ерофеева Е. В. Семантические модели актуальных представлений о России (на материале психолингвистических экспериментов разных типов) / К. И. Белоусов, Е. В. Ерофеева // Политическая лингвистика. - 2015. - № 3 (53). - С. 80-90.

4. Костина К. В. Аксиологический аспект языковой репрезентации образа России в современном немецком медиадискурсе: автореф. дисс. ... к. филол. н. / К. В. Костина. - Иркутск, 2011. - 21 с.
5. Нгуен Тхи Зиу. Образ России во вьетнамской сетевой журналистике (2001-2015 гг.): автореф. дисс. ... к. филол. н. / Зиу Тхи Нгуен. - Москва, 2017. - 22 с.
6. Просянюк Д. В. Теоретико-методологические основания изучения образа России в зарубежных средствах массовой информации / Д. В. Просянюк // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар. - 2013. - №1. - С. 32-47.
7. Цилюрик Д. Д. Образ России в современном французском политическом медиадискурсе (по материалам электронных версий ежедневных газет «Монд», «Фигаро» и «Либерасьон» за 2008 – 2012 гг.): автореф. дисс. ... к. филол. н. / Д. Д. Цилюрик. - Москва, 2013. - 21 с.
8. Asahi [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201611020021.html> (дата обращения: 20.07.2017).
9. Asia. Nikkei [Электронный ресурс]. - URL: <http://asia.nikkei.com/Business/Trends/Vladivostok-set-to-become-Russian-Vegas> (дата обращения: 20.07.2017).
10. Japan Times [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2016/09/06/business/japanese-firms-eye-business-opportunities-russia/#.WPNu6iILTIU> (дата обращения: 20.07.2017).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Anglo-angliiskii slovar [English-English dictionary] [Electronic resource]. - URL: <http://engood.ru/anglijskij-tolkovyy-slovar> (accessed: 20.07.2017).
2. Banman P. P. Sibirskij komponent v obraze Rossii (na materiale memuarov Je. Je. Dvingera) [Siberian component in the image of Russia (in E.E. Dvinger's memoirs)] / P. P. Banman // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Science. Questions of theory and practice]. - 2017. - № 8. Part 2. - P. 17-19. [in Russian]
3. Belousov K. I., Yerofeeva E. V. Semanticheskie modeli aktual'nyh predstavlenij o Rossii (na materiale psiholingvisticheskikh jeksperimentov raznyh tipov) [Semantic models of modern opinions about Russia (based on psycholinguistic experiments of different types)] / K. I. Belousov, E. V. Yerofeeva // Politicheskaja lingvistika [Political linguistics]. - 2015. - № 3 (53). - P.80-90. [in Russian]
4. Kostina K. V. Aksiologicheskij aspekt jazykovoj reprezentacii obraza Rossii v sovremennom nemeckom mediadiskurse [The axiological aspect of linguistic representation of Russian image in modern German] / K. V. Kostina // Ph.D. thesis. - Irkutsk, 2011. - 21 p. [in Russian]
5. Nguyen Thi Ziu. Obraz Rossii vo v'etnamskoj setevoj zhurnalistike (2001-2015 gg.) [The image of Russia in Vietnamese net journalism (2001-2015)]: / Nguyen Thi Ziu // Ph.D. thesis. - Moscow. - 2017. - 22 p. [in Russian]
6. Prosyanyuk D. V. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya izuchenija obraza Rossii v zarubezhnyh sredstvakh massovoj informacii [The theoretical and methodological grounds of studying Russian image in mass media abroad] // Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. Krasnodar [A Person. Community. Management]. - 2013. - №1. P. 32-47. [in Russian]
7. Tsilyurik D. D. Obraz Rossii v sovremennom frantsuzskom politicheskom mediadiskurse (po materialam elektronnykh versii ezheдневnykh gazet «Mond», «Figaro», «Liberasion» za 2008–2012) [The image of Russia in modern French political media-discourse (in e-newspapers «Mond», «Figaro», «Liberation» 2008 – 2012)]: Ph.D. thesis / D. D. Tsilyurik. - Moscow, 2013. 21 p. [in Russian]
8. Asahi [Electronic resource]. - URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201611020021.html> (accessed: 20.07.2017).
9. Asia. Nikkei [Electronic resource]. URL: <http://asia.nikkei.com/Business/Trends/Vladivostok-set-to-become-Russian-Vegas> (accessed: 20.07.2017)
10. Japan Times [Electronic resource]. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2016/09/06/business/japanese-firms-eye-business-opportunities-russia/#.WPNu6iILTIU> (accessed: 20.07.2017)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHYDOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.053>

Гутова С.Г.

ORCID: 0000-0002-7947-166X, кандидат философских наук, доцент,

Нижевартовский государственный университет

МЕТАФИЗИКА ВСЕЕДИНСТВА: ПОИСК ИДЕАЛА ЦЕЛОСТНОСТИ БЫТИЯ**Аннотация**

Статья посвящена анализу фундаментальных оснований метафизики в русской философии всеединства. В работе идеал целостного и совершенного бытия рассматривается в связи с духовной эволюцией человека. Отмечается, что для представителей философии всеединства только совершенствование человека придает содержание и смысл Абсолюту и способно направить развитие человеческой и космической истории по пути подлинного единства. Делается вывод, что в отечественной религиозной философии поиск идеала представляет собой единство онтологического и этического совершенства.

Ключевые слова: философия всеединства, София, бытие, богочеловечество, Абсолют, целостность, единство мира.

Gutova S.G.

ORCID: 0000-0002-7947-166X, PhD in Philosophy, Associate Professor,

Nizhnevartovsk State University

METAPHYSICS OF UNITOTALITY: SEARCH FOR THE IDEAL OF BEING INTEGRITY**Abstract**

The article is devoted to the analysis of fundamental foundations of metaphysics in the Russian philosophy of unitotality. The work considers the ideal of integral and perfect being in connection with the spiritual evolution of man. It is noted that for the representatives of the philosophy of unitotality, only the perfection of man gives the Absolute content and meaning and is able to direct the development of human and cosmic history along the path of true unity. It is concluded that the search for the ideal in the domestic religious philosophy is a unity of ontological and ethical perfection.

Keywords: philosophy of unitotality, Sophia, being, God-manhhood, Absolute, integrity, unity of the world.

В условиях непрерывной переоценки ценностей и ускоряющихся темпов развития, необходимо учитывать сложившуюся неоднозначность восприятия разнообразного культурного опыта и духовного наследия, объективно существующую в современном обществе. Ответы на многие фундаментальные вопросы, связанные с будущим не только отечественной культуры, но и человечества в целом можно обнаружить в русской философской традиции всеединства, которая глубоко уходит корнями в историю духовной мысли человечества и потому не является чем-то отдельным, изолированным. Впитывая в себя мудрость из разных источников, обогащая мистическим опытом и духовным провидением, философия всеединства во многом представляет собой образец методологического синтеза и претендует на всеобщность в решении самых сложных задач стоящих перед современной культурой. В. В. Зеньковский отметил, что "Метафизика всеединства влечет к себе с особой силой те умы, которые остро ощущают не только целостность природного бытия, его живое единство, но и связь космоса с запредельным, абсолютным началом бытия"[2, С. 180].

Таким образом, исследование философской традиции всеединства имеет огромное значение для современного сознания и русской культуры в целом. Плеяда выдающихся ученых, начиная со второй половины XIX века и продолжавшейся еще несколько десятилетий в начале XX столетия, создавала оригинальное философское течение, ставшее неотъемлемой частью русской культуры. Представители философской школы всеединства разрабатывали глубокие фундаментальные идеи, заостряя внимание на проблемах современности, которые стали впоследствии толчком для развития новых метафизических исканий в российской интеллектуальной среде. В тоже время философская традиция всеединства, так ярко и многогранно представленная в русской философии серебряного века, имеет глубокие исторические корни.

Русские философы развивая учение о всеединстве указывали своей первоосновной задачей поиск некоего абсолютного начала бытия, которое бы позволило не только увидеть его целостность как данность, но и ощутить возможность совершенства человеческого существования, в котором все тварное бытие и каждый человек в отдельности причастны этому божественному единству. Таким образом, только когда все элементы включены органично в процесс уже не просто развития, но преобразования можно постичь целостность мира в его завершенности. Н.О. Лосский писал: «Мир в целом стремится осуществить предельное богатство жизни и в тоже время каждый отдельный человек жаждет быть участником этой полноты бытия, он всеми силами насколько может, пытается воплотить ее в себе. [3, С. 48]. Далее он отмечает, что: «Абсолютная полнота бытия есть осуществленное единство всех согласимых друг с другом содержаний бытия. Этот принцип, согласно Лейбницу, лежит в основе нашего мира как лучшего из возможных миров» [3, С. 48].

Прослеживая методологию и ряд ключевых положений системы «положительного всеединства», можно обнаружить ряд теоретических задач, которые ставят перед собой ее представители. В частности, это поиск онтологических оснований целостности бытия, через описание его идеала, стремление к истине, выраженное через синтез науки, философии и религии, значение теософии и связь человека с божественной сущностью, что позволяет затронуть вопросы историософии и этической эволюции в духовном мире.

Удивительным образом в творчестве представителей всеединства сочетаются самые разные идеи и направления, а главное присутствует вера в возможность синтеза, в его достижимость в самой действительности. Системность анализа последовательно подкрепляется особой синкретичной методологией, которая дает возможность рассмотреть

единство различных уровней и феноменов культуры, наличие единой цели и смысла их функционирования. В тоже время, исследователи данного направления в отечественной философии отмечают что, не смотря на его сложность, неоднозначность и даже порой противоречивость, можно обнаружить некое сущностное единство в основании их философии, покоящееся на глубокой вере русских мыслителей в реальность «положительного всеединства» в универсальных масштабах.

Владимир Сергеевич Соловьев, основатель отечественной философии всеединства сумел изменить доминирующую парадигму позитивистского стиля мышления, к концу XIX века уже прочно укоренённую в сознании русской интеллигенции. Именно ему принадлежала заслуга вывести философскую мысль на просторы новой метафизики. В учении русского философа в центре его философских размышлений оказывается богочеловечество, то есть такое человечество, которое находится на высшей ступени своего развития. Единение человека и Абсолюта, по мысли Соловьева есть «свободная теософия», которая возможна через стремление к познанию истины. Преобразование мира возможно, как считал философ, благодаря подлинному знанию направленному на организацию действительности «...или реализацию божественного начала в самом бытии природы» [5, С. 743].

В творчестве отечественных религиозных философов представителей школы всеединства сама идея совершенства мира и его идеала занимает центральное место, задавая при этом основное содержание и специфику самого дискурсивного выражения. Очевидно, что данная идея обуславливает использование как источников, так и основополагающих принципов в развёртывании символического значения всеединства. Универсальность рассматриваемой идеи, ее многообразие позволяет говорить о безграничных возможностях данного учения. Не случайно те или иные формы ее проявления встречаются на различных этапах культурного исторического развития.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на ключевую идею метафизики всеединства, связывающую основные онтологические построения с этической и религиозной базой, дающей возможность сблизить, сделать зависимыми учение о бытии, с одной стороны, а с другой антропологические изыскания философов. Анализ философской системы В. Соловьёва показывает, что в его текстах постоянно воспроизводится троичная схема, описывающая сущее, как определенную иерархию. С одной стороны подобная схема разворачивания основных категорий присуща христианской религиозно-философской мысли, с другой стороны она же является и основой и классической европейской метафизики.

Соловьев высказывает мысль, что всякое проявление сущего имеет общий корень, а именно, его главной характеристикой становится абсолютное содержание как целость всех существенных форм или полнота всех идей. Целостность как идеал представляет собой потенциальную возможность самого абсолютного субъекта, на определённом этапе его развития. В таком случае речь идет не о действительном бытии, а его необходимости в плане существования, поскольку вся действительность принадлежит всегда только самому безусловному субъекту, то есть сущему, представленному в непосредственном единстве.

Философ наполняет свою мысль образами «...когда мы погрузимся в ту немую и неподвижную глубину, в которой мутный поток нашей действительности берет свое начало, не нарушая ее чистоты и покоя, — в этом родоначальном источнике нашей собственной духовной жизни мы внутренне соприкасаемся и с родоначальным источником жизни всеобщей, существенно познаем Бога как первоначало, или субстанцию всего, познаем Бога Отца» [8, С. 112]. Действительность, по Соловьеву, это первый образ сущего, однако, чтобы раскрылась вся полнота его абсолютного содержания, а действительность из потенциальной стала бы актуальной, необходим акт самоопределения, дающий возможность возникнуть *Другому*. Е. Н. Трубецкой на это замечает, что *Другое* порождает противоречие, ибо вся жизнь, говорит он устремлена к всеединству так что она: «... в одно и тоже время и утверждение всеединства, и совершенно реальное, мучительное ощущение его отсутствия» [9, С. 66]. Однако поскольку всеединство и есть абсолютная полнота бытия, то в нем нет необходимости к стремления к чему-либо вне него. В учении С. Л. Франка есть аргумент в отношении целостного бытия, ссылаясь на Николая Кузанского он замечает: «... целокупное бытие не может быть «действительностью», а может быть только сущей потенциальностью» [10, С. 266]. Таким образом, идеальное бытие у Франка представлено как безграничная потенция, снимающая противоречие Абсолюта и *Другого*.

Для аналогии Соловьев приводит пример творческой жизни поэта, смысл которой состоит в проявлении своего внутреннего состояния новые объективные художественные формы. Особенно важно, подчеркивает философ, что художник в процессе творчества ничего не теряет, а скорее наоборот, он себя таким образом утверждает и реализует свою индивидуальность. В метафизическом учении Соловьева Абсолютное не просто характеризуется через абстрактно-всеобщие характеристики, оно еще имеет некое положительное, конкретное содержание. Становление абсолютно сущего представляется русскому мыслителю не в виде объективированного процесса эманации, не связанного с личностным побуждением, а напротив, как саморазвитие, самоотдача в пользу развития и совершенствования мироздания. Таким образом между реальным миром и Абсолютом Соловьёв видит прямую, непосредственную связь. Эту мысль Соловьева иногда сравнивают с высказыванием Спинозы, который писал о живой реальности Бога, данной в непосредственном «переживании духовного всеединства мира» [2, С. 452].

Действительно, размышляет Соловьев, если бы единое в своей природе имело целостность лишь при условии отсутствия множественности, то вместе с ее возникновением, очевидно, оно бы носило случайный характер, и не было бы безусловным. В таком случае, единое подчинилось бы множественности. Но единство истинное и безусловное, продолжает философ, всегда превосходит множественность. Однако доказать или осуществить это превосходство единое способно при условии полагания в себе самом множественности. По словам Соловьева «В другом сущее остается тем же, во множественности остается единым» [8, С. 114]. Важно видеть отличие тождества от первоначального единства. Такое непосредственное и безличное единство усиленное многократно уже явленное или присутствующее потенциально представляет собой новый следующий вид абсолютно-сущего. Это вид совершенного и завершенного (абсолютного) единства, утверждающее самого себя.

Таким образом, продолжает мыслитель, существование духа надо рассматривать как субстанциальное бытие, оно первоначально и независимо от любых частных проявлений. Следовательно, необходимо признать, что человеческое существование намного основательнее той действительности, которая составляет нашу текущую, повседневную жизнь. Главный вопрос, который возникает в любой религиозной метафизике, связан с временностью человеческого существования и одновременно его причастностью к миру Абсолюта. Сама возможность совершенства для человека с необходимостью связана с тем, что он имеет двойственную противоречивую природу, так как: «Чтобы быть действительным, он должен быть единым и многим» [8, С. 149].

В мифологеме всеединства развитие общей картины мироздания имеет космологический смысл, в основе которого находится божественное начало — «живой Логос», обладающий цельностью, универсальностью и в тоже время представленный как индивидуальный организм. По Соловьеву, в человеке вся совокупность его элементов так же образует индивидуальный организм, одновременно цельный и универсальный. Представленное единство есть «вечное тело Божие и вечная душа мира» — София, которая есть не что иное как «...материя Абсолюта, его второй центр, и вместе с тем, прообраз всего телесного вне Бога, его выраженная идея, но и самостоятельная сущность» [4, С. 67].

Для русского философа очевидно, что таким организмом может быть только София, которая сама представляет собой реальное единство состоящее из множественности элементов. Каждый элемент софийного вечного бытия существует как необходимая составляющая богочеловечества и потому любой из элементов может быть установлен как вечный в абсолютном или идеальном порядке. Следовательно, человек должен прервать «тяжелый и мучительный сон отдельного эгоистического существования» [8] и эволюционировать в своем стремлении к совершенству, путем осознания своего единства связанного с его пробуждением со всем другим.

Вслед за Платоном, Соловьев высказывает сожаление, что такое идеальное состояние для отдельного человека носит временный характер. Он констатирует: «кроме же этих светлых минут, во всем остальном течении нашей жизни идеальное единство наше со всем другим является для нас как призрачное, несущественное, за настоящую же действительность мы признаем здесь только свое отдельное, особенное я» [8, С. 153]. Однако всегда остается возможность преображения, которая напрямую вытекает из стремления человечества к истинному познанию, основанному на интуиции и прозрении, устремленному к божественному присутствию и слиянию с ним. Другой важный аспект раскрывающий потенциально возможную идеальную форму человеческого бытия представлен в учении всеединства как андрогинность, которая есть не что иное как «... идеальная целостность, полнота, совершенство» [1, С. 120].

В результате в учении русского философа обнаруживается перемещение центра с Абсолюта, представляющего собой некую онтологическую реальность, на Абсолют преобразованный в идеал, рассматриваемый как цель человеческой деятельности в его эволюционном развитии. Реализация данного идеала. Его историческое становление дает человечеству возможность изменить мир, переустроить его по новым законам, в соответствии с нравственным содержанием и служением добру. Главным условием такого становления представляется человеческая, преобразующая деятельность, вне которой осуществить "Царство Божие" невозможно, поскольку оно будет присутствовать только как возможность, как идеальная цель и не будет реализована как полноценная действительность.

В ранних произведениях В. Соловьева присутствует убежденность философа в том, что божественное совершенство (всеединство) непременно должно осуществиться то есть стать действительным, поскольку обладает онтологической реальностью, будучи проектом сверхчеловеческого Абсолюта. «Отпавший мир» с необходимостью тяготеет к Абсолюту-всеединству, который и есть по существу единственная цель мирового развития, захватывающая эволюцию человека и космоса. В этом Соловьев видит основную причину активной деятельности человека направленной на совершенствование самого себя и мира. Обосновывая ее необходимость, философ замечает, что реальное бытие Бога-Абсолюта состоит в стремлении человека к Добру, обнаруживаемое у него как некое фундаментальное качество, как особое измерение его бытия. Русский мыслитель уверен, что: «Человек в принципе или по назначению своему есть безусловная внутренняя форма для добра как безусловного содержания; все остальное условно и относительно» [7, С. 96]. Философ видит человека как материал для «окончательного осуществления своего безусловного существа». Соответственно, он утверждает, что цель человеческого существования состоит в сведении «внешней множественности к абсолютному и всеобщему единству» [5, С. 712].

Подобное стремление, по Соловьеву выражено в наличии у человека непосредственного знания о Сущем. Другим убедительным фактом является то, что сам человек будучи «неабсолютен», в тоже время изначально устремлен к Абсолюту и потому требует завершенности, совершенства, реализуемой за счет иных способов познания. Такая деятельность, предполагает, как следствие «всеединую организацию действительности», которая по словам Соловьева только подтверждает актуальность синтеза всеединства как «дела самой жизни». Проблема заключается в том, что каждое существо исходя из концепции всеединства, находясь форме человека, уже идеально и потенциально содержит в себе все. Это обусловлено возможностью человеческого сознания заключать в своем сознании все, что может иметь положительное, идеальное бытие, которое представлено как норма его деятельности.

Таким образом, представители философии всеединства ставили своей задачей убедительно показать, что вера в более совершенного человека — это и есть вера в Бога. В итоге важнейшей темой даже самого абстрактного философского учения, направленного на создание чисто умозрительных конструкций часто оказывается тема совершенного и целостного человека. В результате идеальное, совершенное бытие — это целостное бытие, являющее собой осуществление духовной и космической эволюции человечества, цель которой состоит в подлинном единстве. По Соловьеву: «Собственно говоря, нет ни вещи о себе, ни явления, а есть единое абсолютно-сущее, которое есть и альфа и омега, единое и все, начало и конец, которое в своей всецелости включает и абсолютное о себе бытие, и начало всех явлений, и все остальные существа и существования представляются только различными степенями его самоположения или проявления» [6, С. 283]. Следовательно, даже не вечный мир является для нас загадкой, а в

первую очередь сам человек и единственная наша возможность познать универсум во всей его полноте, совершенстве, целостности, приблизиться к идеалу, означает в положительном всеединстве познать самого человека.

Список литературы / References

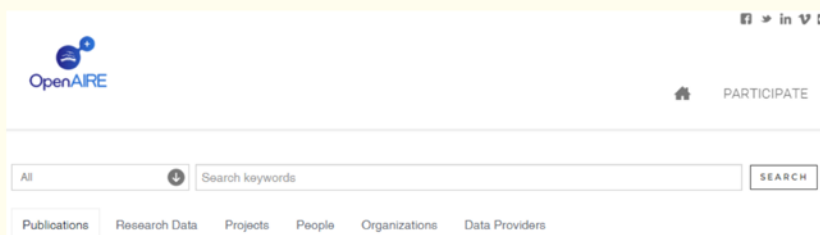
1. Гутова С.Г. Владимир Соловьев: синкретизм философии всеединства: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. 166 с.
2. Зеньковский В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
3. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
4. Максимов М.С. Метафизические основания историософии Вл. Соловьева // Соловьёвские исследования. – 2001 – № 1. С. 47.
5. Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. – М., 1990. Т. 1. – 882 с.
6. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. – М., 1990. Т. 2. – 882 с.
7. Соловьев В.С. Оправдание Добра / Соловьева В.С., Сочинение в 2-х т. М., 1990 г. Т. 1. 892 с.
8. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. – СПб.: Художественная литература, 1994. – 528 с.
9. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М.: Республика, 1994. – 432 с.
10. Франк С.Л. Непостижимое // Сочинения – М.: Правда, 1990. – С. 183-559.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gutova S.G. Vladimir Solov'ev: sinkretizm filosofii vseedinstva [Vladimir Soloviev: syncretism of the philosophy of pun-unity] / S.G. Gutova. – Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. humanit. un-ta, 2009. – 166 p. [in Russian]
2. Zenkovsky V. Istoriya russkoj filosofii [History of Russian philosophy] / V. Zenkovsky. – Moscow: Academic Project, Rare Book, 2001. – 880 p. [in Russian]
3. Lossky N.O. Usloviya absolyutnogo dobra: osnovy ehtiki; Harakter russkogo naroda [Conditions of absolute good: the basis of ethics; nature of the Russian people] / N.O. Lossky. – Moscow: Politizdat, 1991. – 368 p. [in Russian]
4. Maksimov M.S. Metafizicheskie osnovaniya istoriosofii Vl. Solov'eva [Metaphysical foundations of historiosophy Vl. Solovyov] // Solov'evskie issledovaniya [Solovyov's research]. – 2001 – № 1. – P. 47-75. [in Russian]
5. Solov'ev, V.S. Kritika otvlechennykh nachal [Criticism of abstract principles / V.S. Solov'ev. – Moscow: Compositions v 2 t., Vol. 1, M., 1990. – 882 p. [in Russian]
6. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya. Sochineniya [Justification of Goodness. Moral Philosophy] / V.S. Solov'ev. – Moscow: Mysl', Compositions v 2 t., vol. 1. 1990. pp. 47–580. [in Russian]
7. Solov'ev, V.S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya [Philosophical Beginnings of the Entire Knowledge], in Solov'ev, V.S. Sochineniya v 2 t., t. 2/ V.S. Solov'ev. – Moscow: Mysl', 1990, pp. 139–288. [in Russian]
8. Solov'ev V.S. Chtenija o Bogochelovechestve; [Reading about God-manhood] / V.S. Solov'ev. – SPb: Hud. lit., 1994. – 528 p. [in Russian]
9. Trubetskoy E.N. Smysl zhizni [Meaning of life] / E.N. Trubetskoy. – Moscow: Republic, 1994. – 432 p. [in Russian]
10. Frank S.L. Nepostizhimoe [Incomprehensible]. Compositions / Frank S.L. – Moscow: Truth, 1990. – pp. 183-559. [in Russian]

«Международный научно-исследовательский журнал» включен в систему **OpenAIRE**.

OpenAIRE — европейская поисковая система по академическим материалам открытого доступа. Один из главнейших репозиториев научной информации в Европейском Союзе. Данная база позволяет увеличить цитируемость Ваших материалов в Европе.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.049>

Файзуллин А.Ф.

ORCID: 0000-0002-2376-9010, кандидат философских наук,

ООО «Научно-исследовательский центр тибетской медицины»

**ДУХОВНОЕ И ТЕЛЕСНОЕ ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ
ЗАПАДА И ВОСТОКА****Аннотация**

В статье рассматривается духовное и телесное здоровье как состояние гармонии с миром, анализируются представления и знания о здоровье человека, а также средства, ведущие к его обретению. Исследуются источники и причины появления болезней и их трактовка с философских позиций Запада и Востока. Определяются характерные черты философских концепций Юго-Восточной Азии (индуизма, буддизма, даосизма). Осмысливаются творчество и целительство, служащие в данных философских концепциях цели воздаяния добра, любви и блага всему живому, а также духовные знания, накопленные тибетским буддизмом, которые сегодня активно используются на пути духовного развития человека и сохранения его здоровья. Отмечено, что человек, представленный в многомерности своего духовного бытия, в западных и восточных философских концепциях, должен быть понят как культурный и творческий процесс, обеспечивающий креативную составляющую общественного организма.

Ключевые слова: Здоровье, духовное здоровье, телесное здоровье, медицина Тибета, болезнь, целительство, творчество.

Faizullin A.F.

ORCID: 0000-0002-2376-9010, PhD in Philosophy, LLC "Scientific Research Centre of Tibetan Medicine"

**SPIRITUAL AND PHYSICAL HEALTH OF A PERSON IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHICAL
CONCEPTS OF THE WEST AND THE EAST****Abstract**

The article deals with the spiritual and physical health as a state of harmony with the world, analyzes the representations and knowledge about human health, as well as the means leading to its acquisition. The sources and causes of the emergence of diseases and their interpretation from the philosophical point of view of the West and the East are explored. Characteristic features of the philosophical concepts of Southeast Asia (Hinduism, Buddhism, and Taoism) are determined. The art and the healing are considered. They serve as the purpose of sharing good and love with all living beings in these philosophical concepts. The spiritual knowledge, accumulated by Tibetan Buddhism, actively used for man's spiritual development and preservation of health nowadays is also considered. It is noted that a person represented in the multidimensionality of their spiritual being, both in Western and Eastern philosophical concepts, should be treated as a cultural and creative process that ensures a creative component of the social organism.

Keywords: health, spiritual health, body health, medicine, Tibet, disease, healing, creativity.

Тибетский буддизм и тибетская медицинская наука видят любое творение совершенным лишь в момент его создания, непосредственно вслед за образованием совершенной формы, следует необходимость поддержания гармонии, поскольку хорошее здоровье заключается в гармонии всех элементов. Средства и методы, ведущие к приобретению и сохранению здоровья, мыслятся в современных обществах по-разному, в зависимости от основных мировоззренческих принципов, выраженных в философских концепциях Запада и Востока. Западная традиция стремится «понять и познать», во главу угла ставит человеческую личность с её притязаниями, восточная же стремится «накопить и передать», поскольку в восточных философских системах личность никогда не рассматривалась как «чистая доска», только как ежесекундное порождение Вселенной, наделённое всеми её потенциями. Выделим наиболее характерные черты религий и философских концепций Юго-Восточной Азии (индуизма, буддизма, даосизма):

а) признание всеобъемлющего космического принципа, мирового закона, предвосхитившего существование природы и человека, для обозначения которого введены такие понятия как: «Брахма», «Рита», «Дао» и др.;

б) роль конкретных богов относительно «космического закона» не существенна и сводима, в принципе, к индивидуализированному воплощению его принципов и зависимости от него, отсюда и необязательность веры в богов, создающих мир и им управляющих;

в) индо-буддийской традиции не присуща западная идея линейности мирового процесса, подчёркивающая важнейшую и священную роль прихода Спасителя;

г) для индо-буддийской традиции характерна идея вечного повторения, идея скоротечности и ничтожности человеческой жизни относительно Вселенной и Космоса. Сансара – извечно изменчивый земной мир – подчеркивает статику, постоянство, неизменность и вечность божественного мира, представленного в обезличенном облике «мирового закона»;

д) «мировой закон» осуществляется через моральное поведение человека, карма (действия и помыслы) определяет его посмертную судьбу: тут нет Бога, которого можно просить, умолять, обещать; покаянием не вымолишь помилование, нельзя «забыть» собственные грехи – есть только личная карма и неумолимый закон. Однако в данной религиозной традиции нет вечной смерти: только вечная жизнь, цепь рождений, смертей и бесконечное вращение колеса Становления или колеса Сансары и такое же бесконечное вращение всех живых существ в кругу перерождений;

е) индо-буддийской традиции свойственны также идеи:

- иллюзорности видимого мира и реальности непознаваемого абсолюта,
- отношения к бытию как страданию,

–понимания нирваны как к блаженства, состояния инобытия, недеяния, наивысшего, пикового умолкания, погашения желаний и стремлений, эмоций и движений; усиления и концентрации духовной энергии, создания внутреннего пространства, очищенного от всего несущественного.

Тибетская мудрость говорит нам о том, что не нужно оплакивать ни живых, ни мёртвых, ведь буддисты считают, что Будда Шакьямуни открыл способ «успокоения дхарм» и поведал о нём своим ученикам, прервав цепь перерождений. Индо-буддийское учение о личном спасении, прежде всего, – это учение о путях духовного просветления: «Если бы меня попросили определить индуистское вероисповедание, – писал Махатма Ганди, – я сказал бы просто: поиски истины» [4, С. 114]. Чжуан-цзы рассуждал в духе логики Целого: «Мир внешний и Я – одно целое», так как нет границ между земным и небесным, духовным и материальным, практическим и теоретическим [10, С. 197]. В философской традиции Востока не идет речь о философии как о «науке мышления в понятиях», а только как об «особом символическом переживании действительности» [3, С. 19], именно поэтому в Китае и Индии не было чисто философских, умозрительных школ, например, Духовное, душевное и телесное здоровье в своём единстве выражается в «облике», и если он усматривается как красота, то за ним допускают гармоничное духовно-телесное состояние.

Таким образом, в культурах, имеющих в основании принцип космоцентризма, дух был не отделен от материи, человек рассматривался как единица Универсума, а его здоровье рассматривалось как состояние вселенской гармонии с Природой и Космосом, следовательно, болезнь – это дисгармония и исправить её можно только посредством восстановления телесного, душевного и духовного здоровья, возродив и исправив утраченное единство.

Здоровье должно осмысливаться и «переживаться» каждым человеком и в этом плане творчество и целительство, безусловно, служат цели воздаяния добра, любви и блага всему живому, а духовные знания, находящиеся и бережно хранимые тибетским буддизмом, сегодня активно используются на пути духовного развития человека и сохранения его здоровья. В Тибетском буддизме, например, творчество и целительство, являясь двумя разделами знания из десяти, призваны нести благо всем живым существам, «при этом творчество следует поставить на первое место, поскольку благодаря ему человек обучается мастерству, которое впоследствии он станет применять, совершенствуясь в остальных областях знания» [6, С. 16]. Совершенствуясь в любом искусстве, созидая и творя материальные объекты, сотрудничая со своим окружением, человек способен обрести гармонию, так как только совершенное творение может обладать совершенной формой, поэтому тибетские ламы видят конечное совершенство в выразительности самой Вселенной.

В телесном облике человека мы также можем рассмотреть проявление уравновешенных, либо неуравновешенных причин: если физические формы находятся в равновесии и не испытывают избытка или недостатка в чём-либо, то можно говорить об их гармонии между собой. Хорошее здоровье можно также определить посредством гармонии элементов, поскольку любое творение совершенно только в момент его создания, то возникает необходимость постоянного поддержания гармонии и совершенства, иначе неизбежен распад. Поэтому тибетское медицинское знание, говоря об искусстве исцеления, прежде всего, обращает своё внимание на проблему поддержания баланса, то есть исцеления, а задачу целителя видит в предотвращении потери гармонии.

Духовное и телесное здоровье человека связано с естественным объединением единичного и единого, неповторимого и непреходящего, где самопознание оказывается неотъемлемым от сопричастности социальной, культурной жизни. Например, язык искусства равен духовному и телесному смыслу, можно сказать, что идея, суть здесь представлены чувственными образами, телесной формой, где внешнее в конечном счете является внутренним. Мы не можем не заметить, что мир и ощущения, данные нам в нём имеют символическую природу и эти символы отражают «нечто спрятанное в самом субъекте, в его собственной трансубъективной реальности» [7, С. 27-28].

В отличие от восточных духовных практик, средневековое христианское мировоззрение строится на совершенно иных принципах. Теоцентризм, сместивший античный космоцентризм, имеет иные мировоззренческие установки: он иначе относится к феномену здоровья и средствам его достижения: за основу принят принцип духовного добролюбия, относящийся к трансцендентному началу исключительно посредством веры. Отсюда понимание того, что всякая болезнь заставляет человека страдать не только телесно, но и духовно, поэтому мы спрашиваем себя «Как скоро мы выздоровеем? Почему заболел именно я? За что мне это? В чём моя вина?». Болезнь напоминает нам, что физическое здоровье преходяще, а тело наше бrenно: «болезнь практически всегда ставит под вопрос главные принципы, основы и характер нашего бытия, его гармоничность...» [2, С. 10]. На смену доктрине освобождения приходит понятие спасения: человек не способен себя освободить, его может спасти только Бог, а для спасения важны величие духа, человеческое достоинство и вера: «Человек не может не быть тем, чем он создан: он не может не быть домом, не быть жилищем, не быть сосудом. Не дано ему пребывать единственно с самим собою, вне общения; это ему неестественно. Он может быть с самим собою только при посредстве Божественной благодати, в присутствии её, при действии её; без неё он делается чуждым самому себе...» [5, С. 31]. Н.А. Бердяев видел спасение в наступлении эпохи Святого Духа: «Божественная мистерия Жизни и есть мистерия Троичности...Бытие было бы в состоянии нераскрытости и безразличия, если был бы один...» [1, С. 136]. Ницше в своих работах высказал протест онтологическому дуализму, единство мира неразделимо и сама жизнь создаёт эту целостность, его слова «Бог мёртв» означают, по мысли М. Хайдеггера, что «сверхчувственный мир лишился своей действительной силы. Он не подаёт уже жизнь. Пришёл конец метафизике...» [8, С. 18]. Трансцендентный мир, не отражающий мир человека, согласно философу, лишь выдумка метафизиков: есть только натура, с её настоящей и пластичной телесностью.

Для индо-буддийского учения отрицание бога вполне приемлемо и ведомо, но для него неведомо отрицание Истины, путей приближения к которой великое множество: столько же, сколько есть людей на Земле, но чтобы познать Истину, нужно слиться с «космическим законом», не только осмыслить, но и пережить единение с миром, проникнуть в ритм Вселенной, пропустить сквозь себя. Патриарх китайского чань-буддизма Линь Ци (IX в.) считал, что за бледной плотью человека скрывается истинный человек, который входит и выходит через органы чувств, его

только следует найти в себе. Для этого нужно очистить своё сознание и своё тело, что доступно каждому человеку – это смирение, мудрость, каждодневный труд, сила воли, т.е. основной источник спасения – наше собственное Я.

Целостный взгляд на мир, где «одно во всём и все в одном» – основной принцип буддизма, индуизма и даосизма, именно этот принцип является самым труднодоступным для представителей западной культуры, воспитанных на иных типах связи, например таких, как «одно и другое». Поэтому в философской традиции Востока не могла возникнуть философская антропология, так как человек здесь не мог стать предметом изучения, вследствие того, что его пришлось бы изъять из окружающего мира, а оторгнутая дхарма – есть ложная дхарма, потерявшая свою суть и природу.

Задача тибетской медицинской науки, понять, как не нарушая «мирового закона», излечить болезнь. Медицина Тибета может дать нам представление о том, что такое болезнь, и что такое лекарство: истинное лечение вскрывает неправильные условия существования, которые нужно устранить и постоянно поддерживать благоприятные условия. Если человек живёт в гармонии, то процесс умственного и физического оздоровления идёт сам собой: дисгармония физическая исцеляется только путём восстановления гармонии.

В современном мире, «формируется новое сознание, готовое к самой жизни подходить с точки зрения индивидуальных прав и личных желаний» [9, С. 95], но стоит всегда помнить о том, что человеческое тело способно жить, вероятно, и много более чем век, но оно может быть уничтожено в единый миг, в зависимости от условий существования. Именно тогда наступает дисгармония в виде болезни и смерти, т.е. болезни может и не случиться, но вероятность заболевания есть всегда. Согласно тибетской медицине, человек может сохранить, развить или в корне изменить условия своего существования, настолько, насколько ему позволит внутренний баланс сил. Следовательно, если мы говорим о здоровье человека с позиций тибетской медицины, то мы должны помнить, что для буддистов каждый человек включён как часть в постоянно изменяющийся ритм природы, имеющей над ним власть, такую же, как и над всем вообще. Поэтому буддист говоря о своём здоровье, говорит и о речном потоке, и о снеге в горах, и ритме собственного дыхания.

Применение знаний тибетской медицины позволяет поддерживать и восстанавливать баланс в теле до момента наступления непрекращающейся гармонии. Поддержание гармонии в мыслях и теле, поможет человеку установить гармонию и в относительном мире, обрести понимание абсолютного ума. Для формирования верного, подлинного пути к настоящему здоровью, необходимо помнить о наставлениях по врачебному искусству Будды Медицины, изложенных в Сутре медицины. Для поиска гармоничного существования в мире, где царит дисгармония, важно переживать собственное единение с миром и развивать неделимое мировоззрение, основанное на единении и обобщении различных философских традиций и культур. Принцип тибетской медицинской науки – неразделение единого и освобождение человека от его духовной слепоты – сегодня видится особенно актуальным.

Список литературы / References

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 480 с.
2. Ларше Жан-Клод. Болезнь в свете православного вероучения / Пер. с фр. С. Кузнецовой. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. – 176 с.
3. Мистерия Дао. Мир «Дао дэ цзина» / Сост., перевод, исслед. и примеч. А.А.Маслова. – М.: Издательство «Сфера» Российского Теософского Общества, 1996. – 512 с. – (Серия «Источники»).
4. Неру Дж. Открытие Индии. Книга первая (пер. с англ.). – М.: Политиздат, 1989.
5. Святитель Игнатий Брянчанинов. Слово о Человеке. С.-Петербург: Изд-во Прихода святителя Игнатия Брянчанинова, 2010. – 718 с.
6. Тибетский буддизм / Тай Ситупа XII. Пер. с англ. С. Хос. – М.: Издательство Медков С.Б., 2016. – 256 с.
7. Тибетская «Книга Мёртвых». Бардо Тхёдол. – Москва: Издательство «Э», 2016. – 384 с.
8. Хайдеггер М. Ницше и пустота / Мартин Хайдеггер; [сост. О.В. Селин]. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – 304 с.
9. Хакимова О.Б. Моральные и этические границы модификации человека / Международный научно-исследовательский журнал. Часть 2. 1 (20). – Екатеринбург, 2014. – С. 95-97.
10. Essays in Zen Buddhism. First Series, by D.T. Suzuki. N.Y. 1968. P. 197.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Berdyayev N.A. Filosofiya svobodnogo dukha. [Philosophy of the Free Spirit] – M.: Respublika, 1994. - 480 p.
2. Larchet Jean-Claude. Bolezn v svete pravoslavnogo veroucheniya [Disease in the Light of the Orthodox Dogma] / Trans. from French by S. Kuznetsova. - M.: Publishing House of the Sretensky Monastery, 2016. - 176 p.
3. Misteriya Dao. Mir "Dao dje tszina" [Tao Mystery. The World of "Tao Te Ching"]/ Comp., translated, studied by A.A. Maslova. - M.: Publishing house "Sphera" of the Russian Theosophical Society, 1996. - 512 p. - ("Sources" Series).
4. Neru Dzh. Otkrytie Indii. Kniga pervaya (per. s angl). [Discovery of India. Book One (translated from English)] – M.: Politizdat, 1989.
5. Sviatitel Ignatii Brianchaninov. Slovo o Cheloveke. [Prelate Ignatius Brianchaninov. The Word of Man] St. Petersburg: Publishing House of St. Ignatius Brianchaninov, 2010.-718 p.
6. Tibetskii buddizm [Tibetan Buddhism] / Tai Situpa XII. Trans. from English. S. Khos. - M.: Medkov Publishing House S.B., 2016. - 256 p.
7. Tibetskaya "Kniga Miortvykh." BardoThiodol. [Tibetan Book of the Dead. Bardot Tehydol] – Moscow: "E" Publishing House, 2016. - 384 p.
8. Haidegger M. Nitshe i pustota [Nietzsche and the Emptiness] / Martin Heidegger; [comp. by O.V. Celine]. - M.: Algorithm; Eksmo, 2006. - 304 p.
9. Khakimova O.B. Moralnye i eticheskie granitsy modifikatsii cheloveka [Moral and Ethical Boundaries of Human Modification] / International Scientific and Research Journal. Part 2. 1 (20). - Ekaterinburg, 2014. - P. 95-97.
10. Essays in Zen Buddhism. First Series, by D.T. Suzuki. N.Y. 1968. P. 197.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORYDOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.074>**Потапкин И.И.**

Аспирант, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ПОВЕРЬЯХ И СУЕВЕРИЯХ МОРДВЫ**Аннотация**

Статья посвящена поверьям и суевериям мокша-эрзянского народа в такой сфере хозяйственной деятельности как земледелие и поиску залегания исторических корней простонародных убеждений в покровительствующие ему божества – Пакся аве и Норов аве. Автор на основе этнографических источников и этнологической литературы характеризует укоренившиеся в мордовском этносе устоявшиеся воззрения, касающиеся аграрной деятельности. На основе археологических материалов и исследований учёных-этнологов делает попытку реконструировать развитие поверий о богинях земледелия. Что позволяет более углубленно осмыслить ряд проблем, связанных с происхождением подобной формы религиозной мысли в качестве самостоятельной формы общественного сознания и проследить её эволюцию.

Ключевые слова: земледелие, посевная, уборочная, Пакся ава, Норов ава.

Potapkin I.I.

Postgraduate Student, Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia

AGRICULTURE IN THE BELIEFS AND SUPERSTITIONS OF MORDVA**Abstract**

The article is devoted to the beliefs and superstitions of the Moksha-Erzya people in such spheres of their economic activity as agriculture. It is also dedicated to the search of the historical roots of the common folk beliefs related to the patronizing deities of Paksyaava and Norov ava. The author characterizes the established beliefs of the Mordovian ethnoses concerning agrarian activity on the basis of ethnographic sources and ethnological literature. Based on archaeological materials and studies of ethnological scientists, an attempt is made to reconstruct the development of the beliefs related to the goddesses of agriculture. This enables a more in-depth understanding of a number of problems related to the origin of this form of religious thought as an independent form of social consciousness as well as tracing its evolution.

Keywords: agriculture, sowing, harvesting, Paksyaava, Norov ava.

У мордовского этноса земледелие занимало не самое последнее место в хозяйственной деятельности. Об этом говорят, в том числе, и жертвоприношения богам, и предкам в виде продуктов растительного происхождения (краюха хлеба, пироги, блины и т.д.) в обрядах жизненного цикла, в окказиональных молениях-озксах. Практически во всех общинных или семейных обрядах предстоятель возвышал среди прочих прошений просьбу богам об урожае. Поэтому данная тема не могла остаться в стороне у этнографов и этнологов, изучавших это явление, например, в свете религиозных верований или мифологии мокша-эрзян. Отдельной какой-либо работы, посвящённой настоящей теме, нет. Вследствие этого накопленная информация позволяет не только более глубоко осмыслить ряд общих проблем, связанных с её происхождением в качестве самостоятельной формы общественного сознания, но и проследить эволюцию религиозной мысли.

Большое значение мокша-эрзянский народ придавал весенне-посевной кампании. Тяжелый труд, частые неурожаи и, вследствие этого, голод способствовали появлению целой массы поверий и суеверий, способствовавших якобы получению обильного урожая. Немалое значение мордва придавала времени обработки земли, выбору дня сева и главного сеяльщика. Вопрос этот решался на сельской сходке. При этом исходили из таких соображений: понедельник считался днём тяжёлым. Сеять выходили на следующий день. Не распахивали землю и не сеяли на ущербе луны (хлеб плохо родится), старались приурочить к новолунию. Сеяльщиком выбирали почётного старца, удачливого человека, с щедрой душой и лёгкой рукой (эрз. *чѣжда пильге*, мокш. *тѣжда кядец*, козя *потмоц*). Он начинал сев, бросал первые семена, затем его заменяли другие сеятели. [4, Л. 33]

Во время посевной мордва прибегала к магическому воздействию на семена при помощи яиц, для того, чтобы получить полное и большое зерно нового урожая [9, С. 57]. Так поступали в с. Кочкурове Кочкуровского района Мордовии. В былые времена перед началом посева устраивали моление, называемое «видьме руцянь ознома» (моление мешочка для сеяния). Специально для этого пекли пирог с тремя нелупленными яйцами. Их потом съедали те, кто сеял. В день посева никому ничего не давали, т.к. боялись, что могут отдать или кто-нибудь взять силу урожая. По словам мордвы, люди ходили по полю и собирали умолот: с каждого загона жали горсточку хлеба для того, чтобы урожай уродился вдвое больше чем у других. [8, Л. 91] В с. Подгорное Конаково, когда выходили сеять просо или коноплю, брали с собой яйца и бросали в борозду [5, Л. 28]. В с. Новые Верхисы Инсарского района Мордовии, перед посевом проса крестьянин клал одно сырое яичко на землю, после сева сеятель брал его себе. Когда сеют рассаду, то кладут на землю яйцо и затем засыпают землю на глубину яйца. Яйцо берут, и съедают. [5, Л. 140] В других селениях мордва при посеве клала в лукошко с семенами варёные яйца. Сеятель выбрасывал их из лукошка вместе с семенами. Потом их поднимали дети и забавлялись. [3] В с. Сапожкино Аксаковского района Оренбургской области, на первый сев с собой крестьяне брали каравай хлеба и три крашеных к Пасхе яйца, которые выбрасывали вместе с первой горстью зерна. По поверью это обеспечивало хороший урожай. [6, Л. 94] В таких сёлах как Александровка и Старая Бессоновка [6, Л. 71, 54] Новомалыклинского района Ульяновской области, Киртели Большегитарханского района Республики Татарстан [6, Л. 24], Шадым Инсарского района крестьянина, вернувшегося с посева конопли, угощали варёными яйцами. В период Советской власти, когда конопля стала колхозной, ритуальное съедение яиц происходило после посева капустной рассады. [5, Л. 145] В с. Широмазово Теньгушевского района Республики Мордовия, когда шли сеять просо, клали в лукошко 2-3 яйца, чтобы уродилось величиной с яйцо [2, Л. 51].

Немало у мокша-эрзянского народа было поверий и суеверий в осенний период сельскохозяйственных работ. Большинство их связано с уборкой урожая. Также как и в начале полевых работ, начало жатвы имела похожие суеверия. Например, в с. Вертилим Старошайговского района Республики Мордовия, начинала жать та из женщин, у которой считалась лёгкая рука. Когда начинали жать или сеять, из дома ничего не давали. [1, Л. 11, 17]

Так же как и во многих русских селениях, у мордвы был распространён магического характера суеверный обычай «делания или завивания бороды» земледельческому богу. Так, например, в с. Шокша Теньгушевского района Мордовии, после жатвы на своём загоне оставляли немного несжатого хлеба, затем хозяин ложился на землю и катался по полю приговаривая: «Пакся ава, Пакся ава» [2, Л. 46]. В с. Вертилим Старошайговского района Мордовии, последний сноп был объёмом в три снопа и вокруг него плясали. С ним оставляли всё плохое, вкладывали все несчастья и её с собой не брали. [1, Л. 11, 17]

В с. Мордовское Давыдово Кочкуровского района Мордовии, по окончании уборки урожая на полоске оставляли несжатую рожь, которую завязывали в три кустика. Называли их «кумань сакал» (от эрз. *ума* – земельный надел, *сакал* – борода). В середину клали хлеб – дар Розь аве (под Розь авой понимали рожь с чёрной головкой, с большим чёрным колосом). [5, Л. 130]

После того, как мордва приняла Православие, в её духовную культуру вошло христианство в русском народном варианте. Например, в с. Салазгоре Торбеевского района Республики Мордовия, на второй Спас – Преображение Господне (6/19 август) освящали урожай. Освящённые зёрна хранили до следующего года; во время сева их первыми кидали в землю. [7, Л. 280] В с. Новые Верхисы Инсарского района Мордовии, по окончании уборки урожая в поле оставляли горсточку колосьев для мучеников-бессребреников Космы и Дамиана. В селе считали, что они ходят по полям. Во время вязания приговаривали: «Пооди с нами подсоблять, кушать, после кушанья отдыхать». [5, Л. 140] В с. Шадым Инсарского района Мордовии, после окончания жатвы завязывали горсть колосьев и клали на землю кусок хлеба. Считали, что это делали для святителя Николая, архиепископа Мирликийского. Называли эти колосья «Бородой Николая Чудотворца». [5, Л. 145]

По поводу исторических корней аграрной магии в своё время высказался известный советский этнолог С. А. Токарев: «Хотя земледельческая магия зарождается едва ли не вместе с началом земледелия в его самой ранней ручной («мотыжной») форме, и притом довольно рано возникают и образы духов покровителей земледелия, но о возникновении особой формы «земледельческой религии» мы можем говорить только тогда, когда оформляется её социальный носитель – сельская община» [11, С. 368]. Образ духа-покровителя в мордовских поверьях действительно обнаруживается. Им является Пакся ава. По археологическим данным у мордовского народа в первой половине I тысячелетия н.э. было развито подсечно-огневое земледелие с мотыжной формой обработки почвы [10, С. 55]. Этот вид землепользования отражён в мордовском языке. Мокша-эрзянское слово «пакся» означает безлесную ровную поляну, землю, которая пригодна для посева [12, С. 132]. В связи с этим уместно привести довольно интересную по содержанию молитву, произносимую жителями с. Шестякино около околицы села, когда собирались по ягоды: «Хозяин межей, Паксяль-старик, хозяин трав и растений, ты живёшь на меже, ешь то, что на поле растёт, ты ходишь по меже с одного конца в другой, ты считаешь все до единого растения, всех ты знаешь по именам, каждое растение перед тобой... Я не пойду по ягоды не помолившись тебе, благослови меня на удачу, не отнимай силы ног, не отнимай силы глаз, пусть не с пустой корзинкой я приду, а с полной, пусть буду здоровой!» [13, С. 197]. Так как пантеон мордовских божеств в основном женского рода и почти все религиозные функции выполняли богини, то изначально, видимо, молитва была обращена к Пакся аве, жене Паксяль-старика. В связи с этим возможно предположить, что поверья и суеверия, связанные с богиней полей, у мордвы появились, видимо, с самого появления земледелия.

Дальнейшее развитие аграрные поверья и суеверия получают во второй половине I тысячелетия н.э. В VIII в. на смену паловому земледелию приходит пашенное. Мотыгу заменяют более совершенные орудия труда – рало, соха и плуг. Общественный строй VII-X вв. характеризуются развитой военной демократией и формированием соседской общины. [10, С. 55-58, 97-101] К этому периоду, скорее всего, относится появление мифа, в своё время, записанное Снежниковым от мокшан Городищенского уезда Пензенской губернии: «Шкай, живущий на небе, окружён существами, которые ему служат верой и правдой, и от которых он узнаёт, что делается на земле. Однажды все они собрались у Верховного бога, чтобы рассказать о проделанной работе, но один из них опоздал и пришёл самым последним. Это была Норов ава: «На земле приняли меня с вином и пуре, хлебом и солью. Люди уважают меня и просят хлеба. Я всем им дала хлеба!» Верховный бог выделил её среди остальных и ей одной дал право давать людям хлеб» [13, С. 203-204]. По-видимому, этот миф запечатлел выделение богини урожая в первостепенное положение по отношению к богине полей Пакся аве.

Таким образом, комплекс поверий и суеверий мордвы, связанных с земледелием, имеет несколько слоёв. Самые ранние своими корнями нисходят в первую половину I тысячелетия н.э. к подсечно-огневой, мотыжной форме обработки земли. Дальнейшее развитие получают в VII-X вв. с появлением пашенного земледелия. С христианизацией мордвы в мокша-эрзянскую среду пришли новые русские народно-христианские убеждения. В настоящее время большинство этих поверий и суеверий перестало бытовать, сохранившись в виде культурного наследия.

Список литературы / References

1. Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, И-219.
2. Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, И-267.
3. Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, И-268, листы не пронумерованы.
4. Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, И-467.

5. Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, И-489.
6. Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, И-494.
7. Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, И-496.
8. Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, И-657.
9. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. 511 с.
10. Петербургский И. М. Вадская мордва в VIII-IX вв. / И.М. Петербургский, В. Н. Аксенов. – Саранск: издательство Мордовского университета, 2006. 148 с.
11. Токарев С. А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. 622 с.
12. Циганкин Д. В., Мосин М. В. Этимология валкс. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1998. 240 с.
13. Harva U. Die Religiösen vorstellungen der Mordwinen / U. Harva. – Helsinki, 1952. 421 S.

Список литературы на английском языке / References in English

1. NA NIIGN pri RM [Archives The Research The Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], I-219. [in Russian]
2. NA NIIGN pri RM [Archives The Research The Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], I-267. [in Russian]
3. NA NIIGN pri RM [Archives The Research The Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], I-268. [in Russian]
4. NA NIIGN pri RM [Archives The Research The Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], I-467. [in Russian]
5. NA NIIGN pri RM [Archives The Research The Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], I-489. [in Russian]
6. NA NIIGN pri RM [Archives The Research The Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], I-494. [in Russian]
7. NA NIIGN pri RM [Archives The Research The Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], I-496. [in Russian]
8. NA NIIGN pri RM [Archives The Research The Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], I-658. [in Russian]
9. Zelenin D. K. Vostotchnaya etnografiya [Ethnography east Slavic] / D. K. Zelenin. – M.: Nauka, 1991. 511 P. [in Russian]
10. Peterburgsky I. M. Vadsкая Mordva v VIII-IX vv. [Mordva Vadsкая in VIII-IX centuries] / I. M. Peterburgsky, V. N. Akse nov. – Saransk: Izdatelstvo Mordovskogo universiteta, 2006. 148 P. [in Russian]
11. Tokarev S. A. Rannie formy religii [Religion early forms]. – M.: Politizdat, 1990. 622 P. [in Russian]
12. Tsigankin D. V., Mosin M. V. Etimologichesky slovar [Ethical dictionary]. – Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatelstvo, 1998. 240 P. [in Russian]
13. Harva U. Die Religiösen vorstellungen der Mordwinen [Mordva religious views] / U. Harva. – Helsinki, 1952. 421 p. [in German]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.041>

Харитонова Е.Г.

ORCID: 0000-0003-4021-5850, Кандидат исторических наук,

Филиал ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
в г. Нижнем Тагиле**РОЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ
О ЖЕРТВАХ РЕПРЕССИЙ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР****Аннотация**

В статье анализируются современные научные работы по проблеме сохранения памяти о жертвах политических репрессий: исследования по политике памяти и роли общественных организаций в этом процессе; работы по истории становления и развития историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал». Автор статьи придерживается мнения, что некоммерческие организации, бравшие на себя задачи по решению социальных проблем российского общества в начале 1990-х гг., становятся проводниками политики сохранения памяти о жертвах тоталитарного прошлого.

Ключевые слова: жертвы политических репрессий, некоммерческие организации, историческая память, Международное общество «Мемориал»

Kharitonova E.G.

¹ORCID: 0000-0003-4021-5850, PhD in History,

Branch of FSAEI "Russian State Vocational Pedagogical University" in Nizhny Tagil

**ROLE OF DOMESTIC NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN PRESERVING THE MEMORY OF VICTIMS
OF REPRESSIONS: HISTORIOGRAPHIC REVIEW****Abstract**

The article analyzes modern scientific works on the problem of preserving the memory of the victims of political repression: Research on the politics of memory and the role of public organizations in this process; work on the history of the formation and development of the charitable society "Memorial" aimed at historical-enlightenment and human rights protection. The author of the article is of the opinion that non-profit organizations that took on tasks of solving social problems of the Russian society in the early 1990s have become the leaders in the implementation of the policy of preserving the memory of the victims of the totalitarian past.

Keywords: victims of political repression, non-profit organizations, historical memory, International Society "Memorial".

Сегодня обращение к теме гражданского общества представляется актуальным в силу происходящих в стране изменений в сфере «третьего сектора»: принятие ФЗ «Об иностранных агентах» в 2012 году заметно пошатнуло представление общественников о существовании в России гражданского общества. В связи с этим на повестку дня выходит проблема взаимоотношений власти и общества в решении актуальных социальных вопросов.

В 1990-е гг. государство активно привлекает к решению социальных проблем общественные организации, предоставляя все возможности для их появления (например, упрощённый вариант регистрации НКО). Всё это говорило о двустороннем сотрудничестве между государством и обществом, в том числе в вопросах, связанных с патриотическим воспитанием. НКО наравне с государственными органами, начинают предлагать и реализовывать мероприятия по формированию исторической памяти молодого поколения россиян; предпринимают шаги к накоплению и бережному сохранению источников по истории тоталитаризма, массовых политических репрессий; выступают с законодательными инициативами по вопросам реабилитации и увековечения памяти жертв политических репрессий.

В связи с этим, представляется актуальным обратиться к анализу основных научных работ по данной проблеме, которые мы предлагаем разбить на следующие направления.

Первое направление – исследования по политике памяти и роли общественных организаций в этом процессе, – крайне малочисленны и неоднозначны: ряд авторов дают положительную оценку роли некоммерческих негосударственных организаций в деле сохранения исторической памяти и их влияния на политику памяти (например, Н.А. Кочеляева [1], А. Миллер [2]). А. Миллер предпринял попытку проанализировать роль экспертных сообществ в политике памяти России. Причём, под «экспертами», доктор исторических наук подразумевает общественные организации. В своих работах А. Миллер склоняется к тому, что в 1990-е гг. практически единственными структурами, претендовавшими на статус экспертного сообщества, были – Ассоциация исследователей российского общества (АИРО) и Международное общество «Мемориал» [2, С. 114]. Н.А. Кочеляева рассматривает феномены памяти и забвения в культуре. При этом автор обращается к «трудным местам памяти»: Соловецкий музей-заповедник и музей «Пермь-36», – по мнению исследовательницы, – наиболее показательны в контексте их возвращения из забвения, и примирения с исторической памятью. Однако, рассматривая данные примеры памятников культуры, Н.А. Кочеляева делает акцент на том, какую роль в политике памяти играет государство, не принимая во внимание тот факт, что многие «трудные места памяти» были открыты и развиваются именно благодаря общественным организациям.

Для других авторов характерно слишком общее представление об общественных организациях как потенциальных институтах сохранения/формирования памяти, что выливается в субъективные оценки. Среди авторов данной категории можно отметить И. Фомина, который склоняется к тому, что у всех существующих на сегодняшний день общественных организаций, занимающихся сохранением и развитием национальной памяти, есть одна проблема: «...почти все эти Институты и Фонды были созданы в 90-е годы. Поэтому всем им присущи и характерные черты этой эпохи: все эти организации создавались и функционировали в большинстве своём как PR-структуры, со всеми вытекающими последствиями» [3]. Рассуждая в таком направлении, И. Фомин, по нашему мнению, принижает

значимость НКО в процессе формирования/сохранения исторической памяти. При этом автор не называет ни одной отечественной общественной организации, работающей в русле изучения вопросов исторической памяти.

В данной категории работ, труды К. Бенедиктова выглядят более близкими к действительности: автор не только размышляет по поводу проблемы сохранения памяти в современный период, но и рассматривает конкретные примеры общественных организаций, занимающихся решением вопросов о формировании и сохранении памяти о жертвах политических репрессий. В связи с этим, К. Бенедиктов упоминает Международное общество «Мемориал» и условно выделяет три идейных этапа становления данного общественного движения в качестве института по формированию исторической памяти: «идея мемориальных комплексов» 1980-х гг.; «идея покаяния» 1990-х гг.; «идея гражданской ответственности» 2000-е гг. [4].

Вторая группа исследований – работы по истории становления и развития историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» Н. Адлер [5], В.М. Янтемира [6], М.А. Кузьминой [7], Е.Г. Путиловой [8], [9].

На основе материалов интервью с представителями Международного общества «Мемориал», Н. Адлер не только реконструирует историю создания и развития Общества «Мемориал», но и показывает его вклад в разработку реабилитационного законодательства, в частности, ФЗ «О реабилитации жертв политических репрессий».

Работы Е.Г. Путиловой являются своего рода продолжением исследований Н. Адлер: на основе устных источников, а также материалов из архива Международного общества «Мемориал», Центрального архива документальных коллекций г. Москвы, Центрального московского архива-музея личных собраний г. Москвы, Нижнетагильского городского исторического архива, автор реконструирует историю развития не только Международного «Мемориала», но и некоторых его региональных отделений (Воронежского, Воркутинского, Красноярского, Комсомольска-на-Амуре, Ленинградского, Марийской республики, Нижнетагильского, Пермского, Рязанского, Сыктывкарского).

К «историям» региональных «Мемориалов» обращались В.М. Янтемир и М.А. Кузьмина. Например, В.М. Янтемир рассказывает не только о возникновении общества «Мемориал», но и об огромной работе, проделанной марийскими активистами по поиску мест массовых захоронений жертв репрессий. М.А. Кузьмина анализирует, каким образом на практике реализовывался Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» и какие проблемы возникали у общественных организаций, занимающихся защитой прав репрессированных.

Как мы видим, на сегодняшний день исследования исторической памяти в контексте развития гражданского общества в России представлены скудно. Возможно, потому что сам термин «гражданское общество» появляется в России лишь в конце 1980-х гг. Научный и общественный интерес к проблеме сохранения исторической памяти в 1990-е гг. объясняется происходящими в стране политическими и социально-экономическими изменениями. Более того, именно в этот период на первый план в деле сохранения/формирования исторической памяти начинают выходить негосударственные организации, бравшие на себя задачи по решению социальных проблем российского общества. Поэтому, 1990-е гг. – время, когда на волне возникшей идеи развития «гражданского общества» и демократии, а также роли НКО как института гражданского общества, защищаются диссертации, пишутся многочисленные научные работы. В указанных исследованиях, преимущественно, уделяется внимание политико-правовому анализу становления гражданского общества и общественных организаций.

Исследования роли НКО в решении, например, социальных проблем российского общества, проводятся практически только в рамках деятельности соответствующих НИИ, социологических лабораторий и т.д. В частности, известны вышеупомянутые труды Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора): Л.И. Якобсона, А.С. Тумановой, И.В. Мерсияновой, О.Н. Кононыхиной, И.Е. Корнеевой и др. Кроме того, эмпирическими социологическими исследованиями по различным вопросам функционирования гражданского общества, занимаются Институт социологии РАН, Институт социально-политических исследований РАН, Общероссийский общественный Институт социологии РАН, фонд «Общественное мнение», АНО «Аналитический центр Юрия Левады», ВЦИОМ, исследовательская группа ЦИРКОН и многие другие [10].

Несмотря на недавнее появление отдельных публикаций по указанной проблеме, фундаментальные исследования в области роли НКО в решении социальных проблем в нашей стране отсутствуют, не говоря уже о роли НКО в сохранении/формировании исторической памяти.

Что касается непосредственно роли общества «Мемориал» в сохранении исторической памяти: на сегодняшний день, комплексные работы в этом направлении отсутствуют. Те немногочисленные исследования по истории данного общественного движения затрагивают лишь отдельные направления его деятельности (вопросы, связанные с увековечением памяти жертв политических репрессий через участие в разработке и реализации реабилитационного законодательства, создание памятников и памятных знаков). А ведь у «Мемориала» накоплен достаточный опыт не только в вопросе сохранения исторической памяти, но и в вопросе сотрудничества с государством в решении этой проблемы. Более того, в данном случае мы говорим о положительном опыте сотрудничества, приносившем значительные результаты: бесплатное предоставление помещения для Общества; оплата коммунальных услуг и услуг телефонной связи; совместная выработка дополнений к ФЗ «О реабилитации жертв политических репрессий»; совместная подготовка и поддержка изданий Книг памяти с именами репрессированных и т.д.

Список литературы / References

1. Кочеляева Н. А. Взаимодействие механизмов памяти и забвения в исторической перспективе / Н.А. Кочеляева. // Культурологический журнал. – 2012. – № 1 (7). URL: [Электронный ресурс] http://www.cjournal.ru/rus/journals/107.html&j_id=9 (дата обращения: 10.03.2015 г.)
2. Миллер А. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России. Эксперты – создатели норм или их критики? Опасная ситуация российской исторической политики / А. Миллер. // Полития. – 2013. – № 4 (71). – С. 114-126 / URL: [Электронный ресурс] <http://gefter.ru/archive/11115> (дата обращения: 13.05.2015 г.)

3. Фомин И. Политика памяти / И. Фомин. // Сократ. – 2010. – № 2 (май) / URL: [Электронный ресурс] <http://www.iarex.ru/articles/19633.html> (дата обращения: 13.05.2015 г.)
4. Бенедиктов К. Покаяние без конца / К. Бенедиктов. // Агентство политических новостей, Нижний Новгород URL: [Электронный ресурс] <http://www.apn-nn.ru/539045.html> (дата обращения: 19.04.2014 г.)
5. Адлер Н. Трудное возвращение. Судьбы советских политзаключенных в 1950–1990-е годы / Н. Адлер. // М.: «Звенья», 2005. – 318 с.;
6. Янтемир В.М. Мендурская дорога: историческая хроника / В.М. Янтемир. // Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2008. – 100 с.
7. Кузьмина М.А. Свет и тени «Мемориала» / М.А. Кузьмина. // Комсомольск-на-Амуре, 2009. – 194 с.
8. Путилова Е.Г. История государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в России (1953 – начало 2000-х гг.) / Е.Г. Путилова. // – Уфа: Издательство «Инфинити», 2012. – 144 с.
9. Путилова Е.Г. «Мемориал»: становление / Е.Г. Путилова. // – Москва: Издательство «Перо», 2013. – 183 с.
10. «Третий сектор» в России: текущее состояние и возможные модели развития. Доклад о развитии институтов гражданского общества в России // Фонд развития гражданского общества URL: [Электронный ресурс] <http://civilfund.ru/mat/20> (дата обращения: 24.05.2015 г.)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kocheljaeva N. A. Vzaimodejstvie mehanizmov pamjati i zabvenija v istoricheskoj perspektive [Interaction mechanisms of memory and forgetting in historical perspective] / N.A. Kocheljaeva // Kul'turologicheskij zhurnal [Cultural magazine]. – 2012. – № 1 (7). URL: [electronic resource] http://www.cr-journal.ru/rus/journals/107.html&j_id=9 (accessed: 10.03.2015) [in Russian]
2. Miller A. Rol' `ekspertnyh soobshchestv v politike pamjati v Rossii. `Eksperty – sozdateli norm ili ih kritiki? Opasnaja situatsija rossijskoj istoricheskoj politiki [The role of expert communities in the politics of memory in Russia. Experts – the creators of the standards or their critics? Dangerous situation of the Russian historical policy] / A. Miller // Politija [Polity journal]. – 2013. – № 4 (71). – P. 114-126 / URL: [electronic resource] <http://gefter.ru/archive/11115> (accessed: 13.05.2015) [in Russian]
3. Fomin I. Politika pamjati [Politics of memory] / I. Fomin // Sokrat [the journal Socrates] – 2010. – № 2 (May) / URL: [electronic resource] <http://www.iarex.ru/articles/19633.html> (accessed: 13.05.2015) [in Russian]
4. Benediktov K. Pokajanie bez kontsa [Repentance without end] / K. Benediktov // Agentstvo politicheskikh novostej [Agency of political news], Nizhnij Novgorod URL: [electronic resource] <http://www.apn-nn.ru/539045.html> (accessed: 19.04.2014) [in Russian]
5. Adler N. Trudnoe vozvrashchenie. Sud'by sovetskih politzakljuchennyh v 1950–1990-e gody [Difficult return. The fate of the Soviet prisoners in 1950-1990 years] / N. Adler. – Moscow: «Zven'ja», 2005. – 318 p. [in Russian]
6. Jantemir V.M. Mendurskaja doroga: istoricheskaja hronika [Bandurska road: a historical chronicle] / V.M. Jantemir. Joshkar-Ola: Marijskij gos. un-t, 2008. – 100 p. [in Russian]
7. Kuz'mina M.A. Svet i teni «Memoriala» [Light and shadows "Memorial"] / M.A. Kuz'mina. Komsomol'sk-na-Amure, 2009. – 194 p. [in Russian]
8. Putilova E.G. Istorija gosudarstvennoj reabilitatsionnoj politiki i obschestvennogo dvizhenija za uvekovechenie pamjati zhertv politicheskikh repressij v Rossii (1953 – nachalo 2000-h gg.) [The history of the state rehabilitation policy and the social movement to perpetuate the memory of victims of political repressions in Russia (1953 – early 2000s)] / E.G. Putilova. – Ufa: Izdatel'stvo «Infiniti», 2012. – 144 p. [in Russian]
9. Putilova E.G. «Memorial»: stanovlenie [Memorial: establishment] / E.G. Putilova. – Moskva: Izdatel'stvo «Pero», 2013. – 183 p. [in Russian]
10. «Tretij sektor» v Rossii: tekushee sostojanie i vozmozhnye modeli razvitija. Doklad o razvitii institutov grazhdanskogo obschestva v Rossii [The third sector in Russia: current state and possible development models. A report on the development of civil society institutions in Russia] // Fond razvitija grazhdanskogo obschestva [Development Fund civil society] URL: [electronic resource] <http://civilfund.ru/mat/20> (accessed: 24.05.2015) [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.040>

Шихов В.А.

Аспирант кафедры всеобщей истории,

Уральский государственный педагогический университет

**ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ЭПОХИ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ
ИСТОРИИ ДЛЯ 10 КЛАССА****Аннотация**

В данной статье анализируются российские учебники по всеобщей истории для 10 класса с позиции отражения в учебном материале конкретного периода американской истории – второй половины восемнадцатого века. Рассматривается проблема изложения истории основных событий этой эпохи – Война за независимость, американская революция, принятие конституции, формирование американского государства. Также рассматриваются два основных подхода в американской историографии к событиям этого времени.

Ключевые слова: американская революция, Война за независимость, принятие конституции, создание американского государства, трудовая миграция в Америку, последствия американской революции, прогрессивистская школа, школа «консенсуса».

Shikhov V.A.

Postgraduate Student of the Department of World History,

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg

**REFLECTION OF THE HISTORY OF THE EPOCH OF THE AMERICAN REVOLUTION IN SCHOOL
TEXTBOOKS OF HISTORY FOR 10TH GRADE****Abstract**

In this article, Russian textbooks on general history for the 10th grade are analyzed from the point of view of the reflection of a specific period of the American history (the second half of the eighteenth century) in the teaching material. The problem of presenting the history of the main events of this epoch – the War of Independence, the American Revolution, the adoption of the constitution, the creation of the American state – is considered. Two main approaches to the events of this time used in American historiography are considered.

Keywords: the American Revolution, the War of Independence, adoption of the constitution, creation of the American state, labour migration to America, consequences of the American revolution, progressive school, the "consensus" school.

Современный российский образовательный процесс в плане вариативности учебников, возможности выбора для использования в учебной деятельности, представляет собой определенное условное пространство, в котором у учителя, а тем более у учащегося голова может пойти кругом от огромного количества предлагаемых учебно-методических материалов. Особенно, в силу объективных причин, это касается учебников старших классов по зарубежной истории.

Современная западная цивилизация XXI века берет своё начало в том историческом периоде конца восемнадцатого века, когда территорию Западной Европы и Северной Америки сотрясали ветры социально-экономических и политических революций, когда на смену устаревшему социальному порядку приходил новый, более прогрессивный и ориентированный на индивидуализм. По крайней мере, основы современной демократической системы и существующего экономического рыночного устройства общества были заложены более двухсот лет назад, в ходе промышленных и буржуазных революций того времени. Поэтому, на взгляд автора, учащимся нужно доступно и информативно донести в материалах учебника об истоках устройства современной глобальной цивилизации.

И составной частью той эпохи является американская революция и Война за независимость 1775-1783 годов. Ведь это не просто отрезок исторического времени, с которого начинается независимое американское государство и формируется национальная идентичность. По мнению Д. Макиннерни: «... эта борьба в значительной мере сформировала политические взгляды нации. Превыше всего на свете американцы ценят личную свободу, а государство, в котором живут, почитают за идеальную модель общества. И эти взгляды и убеждения американского народа – своеобразное наследие той далекой революции».[1, С. 88] Именно в эти годы закладывается и формируется тип настоящего американца, приобретает очертания идея «американской мечты», страна становится «плавающим котлом». И наконец, современное американское государство как политический институт фактически складывается в течение первых десятилетий после Войны за независимость. И все основания новых политических, экономических и социальных тенденций зарождались в ту эпоху, в эпоху американской революции. Они нашли своё отражение в Войне за независимость 1775-1783 годов, вернее в том комплексе причинно-следственных явлений, которые привели к началу этой войны, либо проявились в форме последствий данного исторического события.

Рассмотрим в данной статье очень кратко основные подходы в американской историографии к итогам конфликта с точки зрения их влияния на дальнейшее экономическое, политическое развития американского общества. Сейчас ни у кого не возникает вопроса, а является ли Война США за независимость революцией? Если исходить из известных нам последствий войны, затронувших все сферы американского общества, то становится понятно, что это типичная социально-политическая революция. Однако среди историков, прежде всего американских, существуют серьезные разногласия в вопросах толкования характера и итогов данного события. Основные разногласия вызывают вопросы непосредственного влияния революции на американское общество, насколько важна в причинно-следственной взаимосвязи американская революция в формировании внутривластной системы США. В американской историографии существуют традиционно два направления, по-разному трактующих качество влияния последствий революции на американское общество. Для первого направления было характерно следующее. Во-первых, это была, прежде всего, антиколониальная война. Во-вторых, ее цель – сохранение тех либеральных ценностей, которые уже сформировались в дореволюционный период. В-третьих, преобразовательный характер революции был ограничен.

Для особенностей второго направления типичны следующие утверждения. Данный конфликт, прежде всего, социально-политическая революция, а потом уже Война за независимость. Поэтому наступившие революционные преобразования по своей значимости для американского общества, намного важнее, чем просто обретение независимости от Англии.

Рассмотрим кратко основные аргументы, которые выдвигают сторонники обоих направлений. Начнем со второго, так как именно работы в этом историографическом русле возникли и оформились раньше, в конце XIX – первой трети XX веков. Это были представители так называемой прогрессистской школы – Ч. Линкольн, К. Беккер, Дж. Джеймсон.[2, С. 20] Они исходили из того, что Война за независимость – это «двойная революция». Ее причины следующие – антиколониальная борьба и внутриамериканские социально-экономические конфликты. Поэтому параллельно с Войной за независимость против англичан происходила «внутренняя революция», которая вылилась в обширные социальные, экономические и политические преобразования. Это и сформировало в итоге современную американскую общественную систему. На современном этапе ведущим американским историком, работающем в этом направлении является Г. С. Вуд. Он считает, и пытается доказать, что по влиянию на современную западную цивилизацию Американская революция значительно превосходит европейские революции, за счет большей глубины и радикализма своих преобразований и качества последствий на современное общество.

Сторонники первого, более консервативного подхода к оценке роли революции в истории американского общества, являются представителями школы «консенсуса». Например, Л. Харц считал что объекта для буржуазной революции – феодальной системы – на американской земле просто не существовало, то есть уже на момент войны сформировалось либерально-буржуазное общество. На ментальном, но никак не на социально-политическом, характере революции настаивает Б. Бейлин, когда говорит об изменениях в общественном сознании американцев, которые впоследствии и привели к социальным и политическим трансформациям. Современные сторонники мягкого, консервативного характера американской революции делают упор на том, что революция носила ограниченный и умеренный характер, потому что никак не изменила жизнь социально и политически бесправных слоев американского общества. К ним относятся женщины, расовые меньшинства (чернокожие и индейцы), экономически неимущие [3, С. 615–626]

Если говорить об отечественной историографии этого вопроса, то отечественные историки по своим взглядам близки к прогрессивно-радикальному направлению американской историографии. Они согласны с ними в следующих вопросах: роль внутренних социальных конфликтов в американской революции, о значении феодальных отношений в аграрном секторе экономики и их влиянии на социальные отношения в сельскохозяйственных регионах страны и т.д.[4, С. 217] Но в то же время всегда считалось, что по глубине и радикализму последующих преобразований и влиянию на будущее общественное устройство, американская революция уступает европейским, прежде всего, Великой Французской Буржуазной революции.

Каким же образом в современных российских учебниках по истории в старшей школе рассматривается такое важное для понимания характера развития западной цивилизации историческое явление, как американская революция? Скажем сразу, что подробно рассмотреть всё многообразие учебно-методических материалов, которыми наводнено сегодня образовательное пространство в России, не представлялось возможным. Поэтому для сравнительного анализа было отобрано восемь учебников. При этом данные учебники по истории подбирались, по возможности, исходя из следующих условий. Это должны быть книги, выпущенные недавно, разными авторами и издательствами, разными тиражами и различной структурой и логикой формирования и изложения материала.

Рассмотрим каждый из учебников поподробнее.

В учебнике Н.В. Загладина и Н.А. Симония «Всеобщая история» для 10 класса, выпущенном в 2008 году издательством «Русское слово» тиражом 20 тысяч экземпляров, событиям Войны США за независимость и американской революции отведено восемь страниц. Вкратце структура подачи материала и логика его изложения следующая. Массовая трудовая миграция с Британских островов приводила к резкому увеличению населения. Росло предложение рабочей силы, что при наличии свободных земель создавало трудности для социально-экономического закрепления населения на одном месте. Особенности заселения колоний оказывали большое влияние на формирование национального характера и политических традиций американцев. Большое внимание уделяется экономическим причинам конфликта с метрополией. Непосредственно конфликту отведено лишь три страницы, из них военным действиям менее страницы. Особое внимание авторы учебника уделяют формированию американского государства и новой политической системы. Однако о значении, последствиях, итогах данных исторических явлений ничего не говорится. Таким образом, из четырех групп явлений – военных, политических, социальных и экономических, составляющих исторический фон той эпохи, авторы данного учебника отдали явное предпочтение проблематике социально-экономического плана. Авторы рассматривают данное событие как социально-экономическую революцию [5, С. 206–212].

В иной логике изложен материал в учебнике «Всеобщая история» для 10 класса О.Ю. Климова, В.Я. Земляничина, В.В. Носкова, изданного в издательстве «Вентана – Граф» в 2013 году тиражом 4 тысячи экземпляров. Семнадцать страниц текста, больше чем в каком-либо другом учебнике, посвящено истории США времен Войны за независимость и революции. Структурно причинно-следственная цепочка исторического развития американского общества того времени в изложении авторов выглядит следующим образом. Вначале говорится не только, как в предыдущем учебнике, о социально-экономических условиях существования колоний, но и о политических структурах. Подробно говорится о предпосылках Войны, о социально-политических конфликтах между колонистами и короной. На четырех страницах подробно раскрывается ход военных действий. Авторы тщательно аргументируют свою точку зрения, доказывая, что Война за независимость, прежде всего, была, по своим последствиям, революцией для американского общества. Также подробно раскрывается механизм создания и принятия американской конституции и американского государства. Отдельно авторы останавливаются на историческом значении образования Соединенных Штатов. Легко заметить, что данные авторы на первое место ставят политическую составляющую, уделяя экономике и социальной

сфере значительно меньше места. Таким образом, для данных авторов, это событие, прежде всего, политическая революция [6, С. 198–202].

Авторы учебника «Всеобщая история» для 10 класса из серии «МГУ – школе», изданного «Просвещением» в 2011 году в количестве 10 тысяч экземпляров, С.В. Новиков, О.В. Дмитриева, О.И. Посконина избирают другой подход. В этом учебнике теме Войны за независимость уделено девять страниц. В основу последующих трансформаций политического и экономического характера, кладутся явления социального плана, связанные с миграционными потоками. Волны переселенцев подстегивали промышленное развитие и технический прогресс, стимулировали внутреннюю колонизацию и внешние конфликты с британской Коронай. Все это приводило к углублению противоречий, прежде всего социально-экономических, между Севером и Югом, в основе которых лежит вопрос о противоположных экономических интересах. Кроме того, подробно говорится о социально-культурных отличиях американских колоний от британской метрополии, раскрывается понятие «Американского Просвещения». Эти противоречия и привели к вооруженному конфликту. Самым военным действиям уделено всего две страницы. Также немного места, в отличие от предыдущих учебников, отведено принятию американской конституции и формированию американского государства. Не уделено внимание последствиям революции, делается упор не на радикальных и глубоких преобразованиях в результате войны, что было бы признаком революции, а на антиколониальном характере конфликта. Таким образом, данные авторы отдают приоритет в развитии событий явлениям социального плана, а миграционная социальная мобильность является, чуть ли не первопричиной всех экономических и политических трансформаций. Само же событие авторы, по своему характеру, относят к антиколониальной войне.[7, С. 177 - 195]

В учебнике О.В. Волобуева, М.В. Пономарева «Всеобщая история» для 10 класса, базовый уровень, выпущенном издательством «Дрофа» в 2012 году тиражом 2000 тысячи экземпляров, истории США конца восемнадцатого века уделено всего лишь четыре страницы, в которых кратко излагается следующая историческая линия. Говоря о колониях, авторы в первую очередь уделяют внимание экономическим условиям жизни колонистов. Также и причины войны лежат в области экономических противоречий между колониями и Коронай. То есть экономические противоречия были первичны, и привели к политическому конфликту. Далее авторы кратко останавливаются на ходе военных действий и на политических последствиях Войны за независимость в виде создания абсолютно новой политической системы в американском обществе. Таким образом, четко прослеживается у авторов учебника, то, что они отдают приоритет экономическим аспектам данного исторического явления, которое они относят, по своему характеру, к разряду политических революций. А в основе революции, по их мнению, лежат экономические противоречия.[8, С. 204 - 220]

Ещё более неполно показана американская история второй половины восемнадцатого века в учебнике Л.Н. Алексашкиной и В.А. Головиной «Всеобщая история», 10 класс, базовый и профильный уровень, издательство «Мнемозина», 2010 год, 10 тысяч экземпляров. Изложение материала начинается сразу с 60-х годов XVIII века, с противостояния между американскими колониями и британской метрополией, в основе которого, по мнению авторов, лежит проблема последствий для Великобритании и Америки Семилетней войны (1756-1763). Это приводит сначала к конфликту интересов в мирной форме, а потом и к вооруженному противостоянию. После чего кратко сообщается о ходе военных действий и о принятии Конституции США, но ничего не говорится о создании американского государства и об исторических последствиях данных явлений. Изложение материала подобным образом подрывает причинно-следственную базу исторических событий второй половины века. При этом трудно определить, чем является это событие для авторов учебника – революцией или антиколониальной войной.[9, С. 254 - 267]

Три других учебника истории, которые рассмотрел автор, объединены тем, что в них истории США восемнадцатого века не посвящены отдельные параграфы или пункты текста. Американская история излагается в контексте, прежде всего европейской и исключительно в двух аспектах – предпосылки Войны за независимость, прежде всего политические, и сам ход Войны за независимость и ее политические последствия в виде Конституции. Таким образом, авторы видят в данном историческом событии, прежде всего, не революционный, а антиколониальный характер. Это, во-первых, учебник «История России и мира» для 10 класса, книга 2, образовательной системы «Школа 2100», изданной в издательстве «Баласс» в 2013 году тиражом 5 тысяч экземпляров. Авторы Д.Д. Данилов, А.В. Кузнецов и др.[10, С. 189 - 201]

Во-вторых, учебник А.А. Данилова в соавторстве с Л.Г. Косулиной и М.Ю. Брандтом «Россия и мир». Это книга для 10 класса, выпущенная тиражом в 30 тысяч, в 2007 году, издательством «Просвещение».[11, С. 204 - 211] И наконец, учебник 10 класса «Всеобщая история», базовый и профильный уровень, из серии «Академический школьный учебник», издательств «Просвещение», 2012 год, 10 тысяч экземпляров, авторы В.И. Уколова и А.В. Ревякин.[12, С. 226 - 242]

Таким образом, наиболее полную историческую картину того времени в истории США из вышеперечисленных учебников рисуют первые три, при этом каждый из них в основание исторического фундамента, в силу авторских взглядов, кладёт явления либо политического, либо экономического, либо социального характера, предоставляя пользователю самостоятельно выбрать более объективный на его взгляд учебник. Следует отметить, что взгляды авторов учебников на характер Войны за независимость – революционный или антиколониальный, прямо не декларируются. Но, исходя из анализа материала, можно сделать вывод, что взгляды разделились примерно поровну, что говорит об отсутствии в отечественной историографии доминирующей точки зрения на этот вопрос.

Что же делать учащемуся в подобной ситуации при изучении данной темы? По мнению автора статьи, учащийся должен ориентироваться на два аспекта. Во-первых, на собственные приоритеты при изучении истории – политика, экономика, социальная история... А во-вторых, на структуру и информативность подачи материала в учебнике. И если первый аспект – это вопрос субъективного интереса учащегося, то по второму аспекту автор статьи может рекомендовать учебники Загладина Н. В., Климова О. Ю. и Новикова С.В. В них достаточный объем информации преподносится в интересной методике в доступной для понимания школьника форме.

Список литературы/ References

1. Макинерни Д. США. История страны / Д. Макинерни – М.: ЭКСМО, 2011. – 735 с.
2. Согрин В. В. Центральные проблемы истории США / Согрин В. В. – М.: Изд-во «Весь мир», 2013. – 349 с.
3. История США. В 4-х т. / гл. ред. Г.Н. Севастьянов. – М.: Наука, 1983. – 687 с.
4. Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография / Болховитинов Н. Н. – М., 1980. – 356 с.
5. Загладин Н.В. Всеобщая история. Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений / Загладин Н.В., Симония Н.А. – М.: «Русское слово – РС», 2008. – 326 с.
6. Климов О.Ю. Всеобщая история. 10 класс. Учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / Климов О.Ю., Земляничин В.А., Носков В.В. – М.: «Вентана-Граф», 2013. – 414 с.
7. Новиков С.В., Всеобщая история. 10 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений (профильный уровень) / Новиков С.В., Дмитриева О.В., Посконина О.И. – М.: «Просвещение», 2011. – 368 с.
8. Волобуев О.В. История. Россия и мир. Учебник для общеобразовательных учреждений (базовый уровень), 10 класс / Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А. – М.: «Дрофа», 2009. – 518 с.
9. Алексашкина Л.Н. Всеобщая история. Учебник для общеобразовательных учреждений (базовый и профильный уровень), 10 класс / Алексашкина Л.Н., Головина В.А. – М.: «Мнемозина», 2010. – 453 с.
10. Данилов Д.Д. История России и мира. 10 класс, книга. Учебник для общеобразовательных учреждений (базовый и профильный уровень) / Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Лисейцев Л.В., Петрович В.Г., Беличенко Д.Ю. – М.: «Баласс», 2013. – 395 с.
11. Данилов А.А. Россия и мир. Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений / Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю. – М.: «Просвещение», 2007. – 405 с.
12. Уколова В.И. Всеобщая история. 10 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений (базовый и профильный уровень) / Уколова В.И., Ревякин А.В. – М.: «Просвещение», 2012. – 427 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Makinerni D. CSHA. Istoriya strany [A travelers history of the USA] / D. Makinerni – М.: EKSMO, 2011. – P. 735. [in Russian]
2. Sogrin V. V. Centralnye problem istorii CSHA [The central problems of the history of USA] / Sogrin V. V. – М.: ves mir, 2013. – P. 349. [in Russian]
3. Istoriya CSHA. V 4-h t. [The History of USA] / gl. red. G. N. Sevostynov. – М.: Nauka, 1983. – P. 687. [in Russian]
4. Bolhovitinov N. N. CSHA: problemy istorii i sovremennaya istoriografiya [USA: the problems of history and the modern historiografy] / N. N. Bolhovitinov – М.: Nauka, 1980. – P. 356. [in Russian]
5. Zagladin N. V. Vseobshaya istoriya [The global history] / Zagladin N. V. – М.: Russkoe slovo, 2008. – P. 326. [in Russian]
6. Climov O. U. Vseobshaya istoriya [The global history] / Climov O. U. – М.: Ventana-Graf, 2013. - P. 414. [in Russian]
7. Novicov S. V. Vseobshaya istoriya [The global history] / Novicov S. V. – М.: Prosveshenie, 2011. P. 368. [in Russian]
8. Volobuev O. V. Rossiya I mir [Russia and world] / Volobuev O. V. – М.: Drofa, 2009. P. 518. [in Russian]
9. Aleksashkina L. N. Vseobshaya istoriya [The global history] / Aleksashkina L. N. – М.: Mnemozina, 2010. – P. 453. [in Russian]
10. Danilov D. D. Istoriya Possii i mira [The histori of Russia and world] / Danilov D. D. – М.: Balass, 2013. – P. 395. [in Russian]
11. Danilov D. D. Rossiya I mir [Russia and world] / Danilov D. D. – М.: Prosveshenie, 2007. – P. 405. [in Russian]
12. Ukolova V. I. Vseobshaya istoriya [The global history] / Ukolova V. I. – М.: Prosveshenie, 2012. – P. 427.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.009>Шукина Т.В.¹, Воскобойников С.Г.²¹ORCID: 0000-0001-9793-2725, Кандидат исторических наук,²ORCID: 0000-0003-0041-0950, Кандидат исторических наук,

Донской государственный технический университет

**ЖЕНСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XIX - XX ВВ. В ФОНДАХ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ****Аннотация**

В статье представлена характеристика фондов женских образовательных учреждений Донской области, которые хранятся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО). Сделан сравнительный анализ всех имеющихся в указанном архиве фондов образовательных учреждений с учетом гендерного аспекта становления региональной истории образовательной системы. Дана характеристика документального комплекса документов фондов Ростовской – на – Дону «Екатерининской» женской гимназии, Новочеркасской частной женской гимназии А.Д. Дувакиной. Определены особенности работы с историческими документами образовательных учреждений. Подчеркивается необходимость введения в научный оборот выявленных архивных документов женских учебных учреждений для всестороннего освещения вопроса становления региональной системы женского образования на рубеже XIX-XX веков.

Ключевые слова: архивные фонды, женские образовательные учреждения, рубеж XIX-XX вв., ГАРО.

Shchukina T.V.¹, Voskoboinkov S.G.²¹ORCID: 0000-0001-9793-2725, PhD in History,²ORCID: 0000-0003-0041-0950, PhD in History,

Don State Technical University

**FEMALE EDUCATIONAL INSTITUTIONS AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES IN THE FUNDS
OF THE STATE ARCHIVE OF THE ROSTOV REGION****Abstract**

The article describes the characteristics of the funds of female educational institutions of the Don region, which are stored in the Public Record Office of the Rostov Region. Comparative analysis of all the funds of educational institutions available in this archive is made with regard to the gender aspect of the development of the regional history of the educational system. Characteristics of the documentary complex of documents of the Rostov-on-Don funds of the “Ekaterininskaya” girl’s high school, Novocherkassk private girl’s high school named after A.D. Duvakina are given. Specific features of working with historical documents of educational institutions are determined. The necessity to introduce identified archive documents of female educational institutions into the scientific circulation for comprehensive coverage of the development of the regional system of female education at the turn of the 19th and 20th centuries is emphasized.

Keywords: archive funds, female educational institutions, the boundary of the XIX-XX centuries, Public Record Office of the Rostov Region.

В современном обществе трудно представить, что 200 лет назад женское образование представляло собой совокупность изучаемых, достаточно поверхностно, предметов общих наук и ограничивалось применением в камерной обстановке знаниями в области музыки, живописи, литературы.

Однако согласно законодательству Российской империи еще XVIII в. женщины получили равные права на занятие предпринимательской и любой другой общественной деятельностью. На протяжении всего последующего столетия российский «слабый пол» активно обретал устойчивую позицию в коммерческой сфере наравне с мужчинами. Вместе с тем, влияние гендерной идеологии весьма затрудняло участие женщин в исконно мужских сферах деятельности, одной из которых была сфера образования. Так, в начале XIX в. девочек в такие образовательные учреждения, как гимназии, училища, профессиональные школы, не принимали [1, С. 35]. Негласный принцип о том, что женскому полу знать грамоту необязательно распространялся как на центральном, так и на региональном уровне.

Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО) хранит 877 дореволюционных архивных фондов, из которых - 40 фондов мужских учебных учреждений, а на долю женских образовательных учреждений приходится только 20 архивных фондов [2]. Среди них фонды Ростовской – на – Дону «Екатерининской» женской гимназии (Ф. 135), Женской (частной) гимназии Берворовой г. Ростова – на – Дону (Ф. 192), Донской «Мариинской» женской гимназии г. Новочеркаска (Ф. 247), Нахичеванской н/Д «Екатерининской» женской гимназии (Ф. 254), Таганрогской «Мариинской» женской гимназии (Ф. 590) и другие.

Формат публикации не позволяет детально охарактеризовать каждый фонд и содержание отдельно взятой единицы хранения. В рамках статьи мы постараемся акцентировать внимание на материалах фондов, которые могут дать представление о становлении региональной истории женского образования на рубеже XIX-XX вв., анализируя ранее неопубликованные источники.

Согласно анализу архивных документов рассмотренных фондов первая в Донской области частная женская школа, начальником которой стала мещанка Анна Попова, была открыта в 1857 г. в г. Нахичевани. В г. Ростове первое женское училище, а позднее - гимназия, основано только в 1862 г., тогда как первое приходское, а несколько позднее - уездное, мужское училище открылось уже в 1810 г. [3]

Документы фонда (Ф. 135) Ростовской – на – Дону «Екатерининской» женской гимназии Министерства народного просвещения свидетельствуют об образовании указанного образовательного учреждения в августе 1873 г. на основе преобразованного Ростовского – на – Дону женского училища. Деятельность и организационная структура гимназии регламентировалась «Положением о женских гимназиях и прогимназиях» Министерства просвещения от 24 мая 1870 г. и «Уставом гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения» от 30 июля 1871 г.

Руководила гимназией весьма образованная и решительная дама, Александра Васильевна Симеоновская, достаточно ловко «управляющаяся» с гимназическими Советами. При гимназии имелись Педагогический и Попечительский советы. Права и обязанности Попечительского совета были следующими: избрание кандидатов на пост руководителя Попечительского совета, директора образовательного учреждения; организацию сбора средств на содержание гимназии; наблюдения за расходом сумм и составлением ежегодной сметы расходов; определения размера платы за обучение и размера жалования попечительнице; оказания помощи беднейшим ученицам, которые показали блестящие результаты в учебной и общественной деятельности [4, Л. 36-38].

Педагогический совет был создан для решения учебно-воспитательных вопросов. Согласно протоколам заседания совета обсуждению и решению подлежали следующие вопросы: прием учениц и перевод их из класса в класс; выдача аттестатов, свидетельств и определение наград ученицам; проверка годичных отчетов по учебной работе и издание постановлений об учебно-воспитательной деятельности [4, Л. 45].

Решения Педагогического совета должны были сообщаться через делопроизводителя членам Попечительского совета. В случае отсутствия консенсуса при решении вопросов, окончательный вердикт выносил попечитель Одесского учебного округа (средние учебные заведения, расположенные на территории Екатеринославской губернии входили в состав этого округа). Спорные вопросы были связаны с утверждением в должность преподавателей гимназии, избираемых не только из числа учительниц и домашних наставниц, но также из учителей мужских гимназий и других средних учебных заведений. Списки претендентов на вакантные места составлял председатель Педагогического совета. А окончательное утверждение в должность осуществлялось с разрешения попечителя учебного округа.

Основной курс обучения был семилетним, но для получения образования, позволяющего осуществлять педагогическую деятельность, требовалось окончить восьмой класс, по окончании которого выпускницы получали звание учительниц. К 1903 г. число параллельных классов гимназии равнялось семи, число учениц - 690 чел., преподавателей - 27 чел. [5, Л. 23].

Согласно учебным планам предметы преподавания делились на две части: обязательные и необязательные. К необязательным предметам относились: иностранные языки, рисование, музыка, пение и танцы. За обучение этим предметам взималась дополнительная плата. В то же время частично гимназия содержалась за счет государственной казны. От казны гимназия получала 700 руб. в год, основная же масса доходов была негосударственной и составляла 65367 руб. [5, Л. 30].

Необходимо подчеркнуть, что основную массу документов фонда можно отнести к документам по личному составу. Естественно, что извлечь полную информацию по истории гимназии из этих материалов крайне сложно. Однако благодаря косвенным данным и информации из других архивных источников было выяснено, что в 1888 г. в связи с присоединением к Области Войска Донского (ОВД) Таганрогского градоначальства и Ростовского уезда учебные заведения последних были переданы в Харьковский учебный округ [2, С. 7].

Согласно Положению об управлении средними и высшими учебными заведениями от 18 сентября 1918 г. «Екатеринославская» женская гимназия перешла в подчинение Отделу народного просвещения Всеволодского войска Донского.

С установлением советской власти на Дону, в начале 1920 г. была проведена реорганизация учебных заведений, в частности средние и низшие учебные заведения были трансформированы в советские трудовые школы. Таким образом, и гимназия к лету 1920 г. превратилась в Советскую школу I и II ступени.

Фонд № 135 поступил на хранение в ГАРО 29 марта 1928 г. Проверка наличия и состояния дел фонда проводилась в 1950, 1952, 1980 гг. Экспертиза ценности документов была проведена в 1956 г. Научную обработку фонд прошел в мае 1990 г. В результате описи фонда были усовершенствованы, так как ранее они не отвечали правилам работы государственных архивов. Из четырех описей за 1874-1919 гг. в объеме 390 дел составлена одна опись за 1870 – 1920 гг. в объеме 306 дел [6].

В настоящее время состав указанного фонда включает протоколов пробных уроков учениц восьмых классов, ведомости об успеваемости гимназисток, экзаменационные ведомости, аттестаты выпускниц (оригинал и копии); списки гимназисток, экзаменовавшихся по разным предметам, классные журналы по разным предметам; формулярные списки о службе разных лиц; личные дела преподавателей и гимназисток; письма разных учреждений о назначении стипендий; о высылке денег за обучение некоторых гимназисток; медицинские свидетельства о состоянии здоровья гимназисток.

В работе с документами фонда необходимо учитывать, что в основу систематизации дел был положен номинативно-хронологический принцип: дела объединены в группы по наименованию, а в подгруппах расположены в хронологической последовательности. На наш взгляд такой принцип систематизации дел, относящихся в основном к документам по личному составу, создает наиболее благоприятные условия для использования документов. В описи материалы, как отдельного дела, так и группы документов расположены по важности документов: от протоколов до писем. Следует отметить, что тематическая разработка фонда не проводилась в силу его непрезентативности, при этом, к описи составлен научно-справочный аппарат, который содержит все необходимые элементы для быстрого поиска необходимой информации: титульный лист, предисловие, хронологический указатель, переводная таблица шифров.

Для полноты историко-территориального «охвата» истории становления женского образования следует охарактеризовать учебное заведение г. Новочеркасска. Нам представляется это достаточно логично, так как г. Ростов-на-Дону – это, в первую очередь, крупный город для промышленно-предпринимательской деятельности, а г. Новочеркасск - столица Всеволодского войска Донского. Надо отметить, что Новочеркасск значительно опережал Ростов по времени открытия образовательных учреждений, так первая гимназия здесь открылась в 1809 г. В то же время, женские гимназии стали активно создаваться только в конце 1880-х гг. [7, С. 685].

Так, фонд № 298 Новочеркасской частной женской гимназии А.Д. Дувакиной содержит ряд материалов, которые указывают, что частное учебное заведение Дувакиной А.Д. основано в 1888г. в г. Новочеркасске по адресу: Атаманская ул., д.14. Однако документы Новочеркасской частной женской гимназии А.Д. Дувакиной до 1912 г. не сохранились. В результате, история гимназии восстанавливалась по памятным книжкам. В 1905 г. в списке учебных заведений значится «Частное учебное заведение Дувакиной А.Д. дочери почетного гражданина». По документам Министерства народного просвещения 1915 г. указано, что прогимназия была открыта в 1903 г., а в 1907 г. преобразована в гимназию. На 1906-1908 гг. учебное заведение значится, как «Частная женская прогимназия А.Д. Дувакиной». В 1907 г. прогимназия преобразована в Новочеркасскую частную женскую гимназию А.Д. Дувакиной. В памятных книжках указаны члены педагогического совета и фамилии преподавателей. Начальник гимназии – Александра Дмитриевна Дувакина [8, Л. 5-8].

Структура управления и перечень учебных дисциплин был аналогичен таким же составляющими Ростовской – на – Дону «Екатерининской» женской гимназии.

Вместе с тем, в материалах фонда содержится «пласт» интересных документах о существовании учебных заведений в период «демократического многовластия» лета 1917 г. Согласно протоколу собрания учебно-воспитательного персонала гимназии от 7 мая 1917 г. начальник гимназии А.Д. Дувакина объявила о закрытии гимназии. Персонал гимназии был против закрытия. Члены педагогического комитета избрали временно исполняющего обязанности начальника гимназии А.И. Дикарева. В течение мая – июня 1917 г. шла переписка Новочеркасского городского исполкома с Попечителем Харьковского учебного округа о судьбе гимназии. В деле № 6 содержатся 2 письма (от 26 мая и 19 июня 1917 г.) попечителя Харьковского учебного округа, адресованные Новочеркасскому городскому исполкому, о невозможности закрытия гимназии А.Д. Дувакиной без его распоряжения. Только 20 июня 1917 г. попечитель разрешил с 1 июля 1917 г. закрыть гимназию А.Д. Дувакиной и с разрешения Новочеркасской городской управы на ее базе открыть Новочеркасскую женскую гимназию [9, Л. 15-25].

Фонд № 298 поступил в ГАРО 14 июня 1928 г. В фонде имеется только часть документов за 1912-1917 гг. Первоначально фонд состоял из 1 дела за 1913-1915 гг. В 1950 г. и 1952 г. в опись дописано 4 дела, документы которых датировались 1912-1917 гг.

В составе фонда: протоколы учебно-воспитательного процесса, переписка попечителя Харьковского учебного округа с Новочеркасским городским исполкомом; аттестат и свидетельства учениц; памятные книги.

В 2008 г. фонд подвергся переработке. В настоящее время в фонде 1 опись, содержащая описание 6 дел за 1912-1917 гг. [10]

Подводя итог, можно в качестве специфики работы с фондами образовательных учреждений выделить следующий аспект – критическое отношение к изучаемым документам [11, С. 42]. В большинстве своем авторы документов могут излагать известные факты тенденциозно, субъективно или неполно в силу различных причин. В силу вышесказанного важно учитывать всю совокупность документов по интересующей проблеме. Нам представляется возможным акцентировать внимание историков к фондам женских образовательных учреждений, хранящихся в ГАРО, для более полного и объективного раскрытия гендерного спектра в образовательной сфере Донского края на рубеже XIX-XX вв.

Список литературы / References

1. Щукина Т.В. Исторические аспекты использования женского труда в сфере государственного аппарата управления России в начале XX века / Т. В. Щукина, А. В. Мазур // Молодой ученый. – 2016. – № 28.1. – С. 35 – 36.
2. Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). Путеводитель. – Ростов – на – Дону, 1961. – 234 с.
3. Сидоров В.С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т.4. / В.С. Сидоров. – Ростов – на – Дону: Gefest, 1996. – 404 с.
4. ГАРО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 195.
5. ГАРО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 295.
6. ГАРО. Ф. 135. Оп. 1. Предисловие к описи фонда.
7. Кирсанов Е.И. Слава и трагедия Новочеркасска. 1805-2005. Исторические очерки. Т2. / Е.И. Кирсанов. – Ростов – на – Дону, 2005. – 1184 с.
8. ГАРО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАРО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 6.
10. ГАРО. Ф. 298. Оп. 1. Предисловие к описи фонда.
11. Щукина Т.В., Гордиенко Е.А. Образовательные учреждения в исторической парадигме развития России / Т. В. Щукина, Е. А. Гордиенко // Молодой ученый. – 2016. – № 7.4. – С. 42– 44.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Schukina T. V. Istoricheskie aspekty ispol'zovaniya zhenskogo truda v sfere gosudarstvennogo apparata upravleniya Rossii v nachale XX veka [Historical aspects of use of female work in sphere of machinery of state of management of Russia in the beginning of XX century] / T. V. Schukina, A. V. Mazur // Molodoj uchenyj [The Young scientist]. – 2016. – № 28.1. – P. 35– 36. [in Russian]
2. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO) [The State Archives of Rostov Area]. Putevoditel' [The guidebook] – Rostov – na – Donu, 1961. – 234 p. [in Russian]
3. Sidorov B.C Jenciklopedija starogo Rostova i Nahichevani-na-Donu. T.4 [The Encyclopedia of old Rostov and Nakhichevan – on – Don. V.4]. Rostov-na-Donu: Gefest, 1996. – 404 p. [in Russian]
4. GARO. F. 135. Op. 1. D. 195 [Found. 135. List. 1. File. 195] [in Russian]
5. GARO. F. 135. Op. 1. D. 295 [Found. 135. List. 1. File. 295] [in Russian]
6. GARO. F. 135. Op. 1 [Found. 135. List. 1]. Predislovie k opisi fonda [The foreword to the inventory of fund] [in Russian]
7. Kirsanov E.I. Slava i tragedija Novoherkasska. 1805-2005. Istoricheskie ocherki. T2 [Glor and tragedy of Novoherkassk. 1805-2005. Historical sketches. V.2] / E.I. Kirsanov. – Rostov-na-Donu, 2005 – 1184 p. [in Russian]

8. GARO. F. 298. Op. 1. D. 2 [Found. 298. List. 1. File. 2] [in Russian]
9. GARO. F. 298. Op. 1. D. 6 [Found. 298. List. 1. File. 6] [in Russian]
10. GARO. F. 298. Op. 1 [Found. 298. List. 1]. Predislovie k opisi fonda [The foreword to the inventory of fund] [in Russian]
11. Shukina T.V., Gordienko E.A. Obrazovatel'nye uchrezhdeniya v istoricheskoy paradigme razvitiya Rossii [Educational of establishment in a historical paradigm of development of Russia] / T. V. Shukina, E. A. Gordienko // Molodoj uchenyj [The Young scientist]. – 2016. – № 7.4. – P. 42–44. [in Russian]

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.080>Викторова Е.В.¹, Тимакова А.А.²¹ORCID: 0000-0002-3169-1444, Кандидат педагогических наук,²ORCID: 0000-0003-0269-4969, Кандидат филологических наук,

Пензенский государственный университет

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТВОРЧЕСКИХ ИНТЕНЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ-РЕАЛИСТОВ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА)

Аннотация

Рассмотрена одна из малоизученных социокультурных детерминант художественного творчества – впечатления, полученные будущими писателями в сензитивные периоды личностного развития, возымевшие силу и значение импрессионизма. Использован конкретный биографический материал. Осуществлен анализ очерков жизни и творчества писателей-реалистов середины XIX в.: И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского. Описаны социокультурные условия формирования творческих интенций писателей-реалистов середины XIX века. Рассмотрены импрессионизмы как социокультурные детерминанты художественного творчества. Выявлены ситуации в жизни И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова и А.Н. Островского, повлиявшие на будущий выбор литературного творчества как такового и ключевой темы творчества – темы народа. Показано, что импрессионизмами послужили яркие – позитивные и негативные – впечатления от общения с простыми людьми в детстве и в подростковом возрасте. Сильные впечатления, полученные будущими писателями в сензитивные периоды развития, становятся социокультурными детерминантами их дальнейшего литературного творчества: они способствуют развитию творческих способностей и в значительной степени определяют тематическую направленность творчества.

Ключевые слова: художественное творчество, социокультурная обусловленность, писатели-реалисты середины XIX века, социализация, социальная среда, социальное окружение, импрессионизм, творческие интенции.

Viktorova E.V.¹, Timakova A.A.²¹ORCID: 0000-0002-3169-1444, PhD in Pedagogy,²ORCID: 0000-0003-0269-4969, PhD in Philology,

Penza State University

SOCIOCULTURAL CONDITIONING OF CREATIVE INTENTIONS (ON THE EXAMPLE OF LIFE AND WORK OF REALIST WRITERS OF THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY)

Abstract

One of the less studied sociocultural determinants of artistic creativity is considered in the paper – the impressions received by future writers in the sensitive periods of personal development, which came into force and were important for impressionisms. A specific biographical material was used in the paper. The analysis of the essays of life and works of realist writers of the middle of the 19th century is carried out: I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, N.A. Nekrasov, A.N. Ostrovsky. The sociocultural conditions for the formation of the creative intentions of realist writers in the mid-19th century are described in the paper. Impressions are considered as sociocultural determinants of the artistic creativity. The situation in the life of I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, O.N. Nekrasov and A.N. Ostrovskiy, influenced the future choice of literary creativity as such and the key theme of creativity — the topic of the people. It is shown that the impressions were bright, positive and negative impressions from communicating with ordinary people in childhood and adolescence. Strong impressions received by future writers in sensitive development periods become sociocultural determinants of their literary creativity in future: they contribute to the development of creative abilities and to a large extent determine the thematic focus of creativity.

Keywords: artistic creativity, sociocultural conditioning, realist writers of the middle of the XIX century, socialization, social environment, impression, creative intentions.

В настоящее время детерминация художественного творчества трактуется как «определяемая свободой или несвободой мера объективизированной направленности воли творца на участие в духовном развитии общественной жизни. Эта мера участия устанавливается либо самостоятельно (внутренняя детерминация), либо посредством актуализации направленности общественных потребностей, целей и интересов (внешняя детерминация)» [1]. Проблема свободы/несвободы творчества связана именно с пониманием соотношения внутренней и внешней детерминации. Внешняя детерминация в философско-культурологической традиции связывается с определенной несвободой от социальности вплоть до фатальной зависимости от общества (Н.А. Бердяев, М. Бубер, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр и др.). В XX в. признанию мнимости человеческой свободы, основанной на самосознании, во многом

способствовал и психоанализ, согласно которому впечатления детства буквально «программируют» поведение человека и, следовательно, не дают возможности говорить о сознательном выборе как таковом.

Рассуждения о впечатлениях детства в данном аспекте неслучайны. Социокультурная детерминация как таковая включает в себя социализацию, человеческую деятельность и изначальную ценностно-целевую устремленность личности. При этом основную нагрузку выполняет социализация, особое значение в структуре которой имеет социализация первичная, то есть протекающая в ближайшем социальном окружении прежде всего в детские годы, когда начинают проявляться творческие способности личности и когда личность особенно несвободна от воздействий социальной среды, поскольку, по словам С.Л. Франка, «физически не может быть самостоятельной» [2, С. 53]. В.П. Эфроимсон предложил рассматривать в качестве одной из детерминант творческих устремлений личности такой механизм первичной социализации, как импрессионг – сильнейшие и значимые в дальнейшем развитии впечатления, полученные в раннем возрасте, которые в благоприятных условиях среды приводят к значительным достижениям личности в той или иной области [3]. В свете данной концепции творческие интенции личности являются результатом совпадения способностей личности и детских импрессионгов, сформировавших потребность в творческой деятельности. Социокультурная среда при этом определяет и характер самих импрессионгов, прежде всего, через социокультурный облик окружения личности, «в теснейшей связи с которым», по С.Л. Франку, и происходит ее «фактическое и духовное созревание», формируются социокультурные, в том числе творческие ориентиры. Творческая интенция любого художника проявляет себя в избирательной ориентированности на близкие ему стороны окружающего мира, в его внутренней предрасположенности к определенным темам и жанрам, к средствам художественной выразительности, к характерным языковым и композиционным приемам.

Актуальность и неисчерпаемость рассматриваемой проблемы состоят в том, что содержание социокультурной детерминации носит специфический исторический характер. Однако основные составляющие при этом остаются неизменными. Как показало исследование В.П. Эфроимсона, творческие личности любого исторического периода в детстве и в отрочестве испытывают импрессионги, характер которых, однако же, будет различным – обусловленным социокультурной спецификой протекания первичной социализации.

Середина XIX века – время активной общественно-политической борьбы. Социальные условия требовали критического осознания противоречий русской действительности, и вопрос о векторе социального развития России являлся одним из главных. Кризис самодержавно-крепостнического строя выразился в попытках реформирования системы крепостного права, однако ощутимых результатов правительством получено не было.

В литературе как зеркале важнейших социальных и культурных аспектов жизни общества поворот к народной теме, к действительным проблемам и бедствиям простолюдина связан с утверждением в 40-х гг. XIX века «натуральной школы». До этого времени были отдельные произведения, авторы которых обращались к проблеме крепостного права, рисовали тягостные картины народной жизни (например, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева), однако укрепиться новое направление смогло только к середине века, с появлением эстетики бытописания.

«Отцом» «натуральной школы» принято считать Н.В. Гоголя, поскольку именно после публикации его «Вечеров на хуторе близ Диканьки» в литературе зазвучал народный голос – не пересказанный путешествующим баринном, дворянином-охотником, сочувствующим издателем, а сам по себе: в речах Грицко и Параски, Левко и Ганны, пасечника Рудого Панька. И хотя в ранних повестях Гоголя народная тематика была связана преимущественно с комическими сюжетами и фольклорными мотивами, поэтизировалась, обращение к жизни простолюдина было знаковым для последующего развития отечественной словесности. И поэма «Мертвые души», главным героем которой является народ, а главным вопросом – судьба России, убедительно демонстрирует достижение определенного этапа в развитии русской критической литературы и в воплощении категории «народность», в частности.

Важным шагом на пути становления народной тематики были романы А.С. Пушкина «Дубровский» и «Капитанская дочка». Их идейную основу составляет «нарастающий крестьянский гнев» в первом произведении, и «народное восстание и его вождь – Пугачев» [4, С. 193, 197], во втором. Пушкина интересовал исторический момент развития русской жизни XVIII века, и писатель столь верно отразил его, что В.О. Ключевский имел все основания заявить, что в «Капитанской дочке» «истории больше, чем в «Истории пугачевского бунта» [5, С. 38]. В свою очередь, М.Ю. Лермонтова в неоконченном им романе «Вадим» увлекает тема народного восстания, «переключая» смысловые акценты с мотива личной мести главного героя в сферу надличностного, исторически значимого.

В литературе первой трети XIX века происходит накопление и своеобразная кристаллизация признаков народной тематики, обретших жанровую самостоятельность в творчестве Д.В. Григоровича. К концу 40-х годов XIX века наряду с утонченной, «придворной» Россией, в литературу уверенно входит и другая Россия – земледельческая, крестьянская, но все еще не как самостоятельная, обладающая жанровым эквивалентом и определенными конститутивными признаками тема, а во многом вторичная, то есть создающая фон для решения иных вопросов. Заслуга Д.В. Григоровича состоит в том, что он одним из первых делает тему народной жизни объектом художественного исследования в произведениях крупной прозаической формы, создавая романы «из крестьянского быта» – «Рыбаки» (1853) и «Переселенцы» (1854-1855).

Таким образом, ведущая тенденция литературы середины XIX века – демократизация. В.Г. Белинский, провозгласив социальность пафосом нового времени [6, С. 69], на долгое время определил основную линию развития художественного творчества. Так, в духе революционно-демократической эстетики А.И. Герцен создает роман «Кто виноват?», с «Записками охотника» выступает И.С. Тургенев, разлагающую сущность крепостничества анализирует И.А. Гончаров («Обломов»), художественное исследование жизни социальных низов предпринимают в своих произведениях Н.А. Некрасов и Ф.М. Достоевский, с обличительных пьес А.Н. Островского берет свое начало русская национальная драматургия. Социальный аспект для отечественной литературы середины XIX века имел программное значение. Перспективы развития её в большей степени принадлежали социально ориентированной литературе и, в частности, народной тематике.

Становление будущих писателей-реалистов, выпавшее на период обострения социально-классовых вопросов в России, было сопряжено с соответствующими переживаниями: их детские впечатления во многом связаны с жизнью простого народа. Значимым в дальнейшем развитии – порождающим импрессионные ситуации – зачастую становилось общение не только с представителями помещичьей или интеллигентской среды, но и с крепостными. Подобные ситуации обнаруживаем в детстве И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского и мн.др.

Так, любовь к чтению маленькому Гончарову привил крестный отец – Н.Н. Трегубов, человек просвещенный, связанный с кругами декабристов. Некрасов свои первые стихи посвятил тонко чувствующей и думающей матери. Будущий драматург Островский познакомился с русской литературой и почувствовал тягу к писательству благодаря своему отцу, а живой интерес к простой народной жизни зародился в нем благодаря няне – А.И. Кутузовой. Тургенев же, по собственному признанию, своей тягой к книгам обязан дворовому человеку Серебрякову, «страстному поклоннику поэзии» [7, С. 201].

Импрессионг выступает как пусковой механизм для имеющихся в природе личности склонностей. Впечатления фиксируются в сознании/подсознании очень быстро: достаточно однократного воздействия. Тургенев через всю жизнь пронес воспоминание о том, как ночью, втайне от домашних, он вместе с дворовым Серебряковым взломал шкаф с домашней библиотекой, унес к себе несколько наугад стянутых с запыленных полок старинных книг и от нетерпения поскорее прочитать их не мог уснуть всю ночь [8, С. 17]. Одно из ярких впечатлений детства Гончарова связано с домашним «Летописцем»: мальчика с раннего детства привлекала хранящаяся в комнате родителей рукописная книга в кожаном переплете, и, едва выучившись читать, Ваня первой раскрыл именно эту книгу [9, С. 9].

Островский своим тонким чувством красоты народного слова обязан няне. С раннего детства наблюдал он жизнь простого народа Замоскворечья. Живая разговорная русская речь, легко и свободно звучащая в его произведениях, была услышана будущим драматургом на базарах у Москвы-реки, куда возили его отец и мать. Однако самые яркие впечатления маленького Островского были связаны именно с няней, которая знала несметное количество пословиц, поговорок, загадок, притч, сказок и просто житейских историй и которыми с раннего детства заслушивался маленький Островский. Один из таких рассказов – о Петрушке, который «кривлялся и бедовал» в балагане. Подкрепленный метким оценочным словом няни – «Страх-то какой!» – этот рассказ надолго запомнился впечатлительному мальчику [10, С. 20].

Особое значение в формировании направленности интересов будущих писателей имеют импрессионги, источник которых – нечаянное наблюдение за сценами несправедливости и насилия над крепостными. У маленького Тургенева воспоминания о прекрасных цветах в Спасском сопряжены с воспоминаниями о жестоком обращении родителей с садовниками: «Их секли за все и про все. Конюшня была близко — и я все слышал. Как-то раз кто-то вырвал дорогой тюльпан. После этого всех садовников пересекли» [8, С. 14]. Он пронес через годы память о талантливом крепостном мальчике, судьбу которого загубила властная хозяйка Спасского. Эта ситуация настолько затронула маленького Тургенева, что чувства крепостного он переживал как свои. Совсем юного художника заставляли писать цветы тысячами, он писал их со слезами, ненавидел их. «Они опротивели и мне», – рассказывал И.С. Тургенев [8, С. 14].

Прямое отражение детских переживаний, связанных с тяжелой долей простого люда, несет в себе творчество Некрасова. Так, одним из символов крепостничества в его произведениях выступает образ кнута. Этот образ вынес из своей детской жизни Некрасов будучи еще четырехлетним: он запомнил впервые увиденный предмет в руке маленького пастуха, которому его мать дала несколько медных грошей [11, С. 139]. Взору Некрасова-ребенка представало и милостивое отношение матери к простому люду, и жестокое обращение с ними сурового отца. Несмотря на его запреты, мальчик убегал играть с крестьянами и не раз был за это строго наказан. Подростком будущий поэт пережил еще одно потрясение: он впервые увидел бурлаков. «Их крики и стоны испугали, оглушили его, заставили рано задуматься над такими вопросами, которые обычно не приходят в голову детям» [12, С. 18]. Детские негативные импрессионги от общения с крестьянскими детьми довольно быстро сформировали в равнодушном мальчике собственные бескомпромиссные воззрения на крепостной произвол: в возрасте пятнадцати лет он отказался есть хлеб, добытый рабским трудом [12, С. 17].

Часто бывал в людской и маленький Ваня Гончаров, где с замиранием сердца слушал из народных уст сказки и предания. Именно там было получено сильное впечатление от красочных народных рассказов о «самозванце Пугаче» [13, С. 38]. Гончарову не довелось стать свидетелем жестоких расправ над крепостными, как это было в детстве Некрасова – в мирных наблюдениях за трудовой крестьянской жизнью рождалась его симпатия к простому народу и неприязнь к крепостничеству. С детства восхищался Гончаров трудолюбием и стойкостью мужиков, которое резко контрастировало, по мнению наблюдательного мальчика, с барскими бездельем и равнодушием [14, с. 242].

Рассмотренные нами воздействия социальной среды на будущих писателей-реалистов И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова и А.Н. Островского имеют общее в своем характере: переживания детства, ставшие импрессионными, способствовали развитию литературных способностей и во многом обусловили тематическую направленность творческих устремлений писателей, выступив, таким образом, социокультурными детерминантами их творчества.

Список литературы / References

1. Кудряшов Л. В. Социальная детерминация художественного творчества [Электронный ресурс] / Л. В. Кудряшов // автореф. дисс. ... канд. филос. наук : 09.00.11. – М., 2001. URL: <http://cheloveknauka.com/> (дата обращения: 17.02.2017).
2. Франк С. Л. Духовные основы общества : сборник / С. Л. Франк ; сост. П. В. Алексеев. – М. : Республика, 1992. – 510 с.
3. Эфроимсон В. П. Педагогическая генетика / В. П. Эфроимсон // Биология. – 2000. – № 30. – С. 5–11 ; № 31. – С. 5–11.
4. История русского романа : в 2 т. – М.-Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. – Т. 1. – 625 с.

5. Гиллельсон М. И. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / М. И. Гиллельсон, И. Б. Мушина // Комментарий. Пособие для учителя. – Л. : Просвещение, 1977. – 192 с.
6. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. Г. Белинский. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – Т. XII. – 321 с.
7. Тургенев И. С. Автобиография / И. С. Тургенев // Полн. собр. соч. и писем : в 30 (12) т. – М. : Наука, 1983. – Т. 11. – 527 с.
8. Богословский Н. В. Тургенев / Н. В. Богословский. – М. : Молодая гвардия, 1964. – 416 с.
9. Рыбасов А. Гончаров / А. Рыбасов. – М. : Молодая гвардия, 1957. – 372 с.
10. Лобанов М. П. Островский / М. П. Лобанов. – М. : Молодая гвардия, 1979. – 382 с.
11. Автобиографические наброски, воспоминания и заметки Некрасова // Н.А. Некрасов: в 3 т. Т. 1. М.: АН СССР, 1946. Лит. наследство. Т. 49/50. – С. 133-210.
12. Жданов В. В. Некрасов / В. В. Жданов. – М. : Молодая гвардия, 1971. – 496 с.
13. Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования / П. Мартынов. – Симбирск, 1898. – 319 с.
14. Гончаров И. А. Воспоминания / И. А. Гончаров // Собрание сочинений : в 7 т. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1954. – Т. 7. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. – С. 195–316.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kudryashov L.V. Social'naja determinacija hudozhestvennogo tvorčestva [Social determination of artistic creation: the abstract of theses candidate of philosophical sciences: 09.00.11. М., 2001] [Electronic resource]. URL: <http://cheloveknauka.com/> (accessed: 02.17.2017) [in Russian]
2. Frank S.L. Duhovnye osnovy obshchestva: Sbornik [Spiritual foundations of society: Collection] / S.L. Frank; Comp. P.V. Alekseev. М. : Respublica, 1992. 510 p. [in Russian].
3. Efrogimson V.P. Pedagogičeskaja genetika [Educational genetics] // Biologija. 2000. №30. pp.5-11; №31. P. 5-11.
4. Istorija russkogo romana [History of the Russian novel] In 2 vol. Vol. 1. М.-Л. : Izd-vo Akademii nauk, 1962. 625 p.
5. Gillelson M.I., I.B. Muszyna. Povest' A.S. Pushkina «Kapitanskaja dochka» [Story of A.S. Pushkin "The Captain's Daughter"]: Kommentarij. Posobie dlja učitelja. L. : Prosveshhenie, 1977. 192 p.
6. V.G. Belinsky Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]: In 13 vol. М.: Izd-vo AN SSSR. Vol. XII, 1955.
7. Turgenev I.S. Avtobiografija [Autobiography] // Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem [Complete set of works and letters]. - М.: Nauka, 1983. In 30 (12) vol., vol. 11. 527 p.
8. Bogoslovskiy N.V. Turgenev. М.: Molodaja gvardija, 1964. 416 p.
9. Rybasov A. Goncharov. - М.: Molodaja gvardija, 1957. 372 p.
10. Lobanov M.P. Ostrovskiy. М.: Molodaja gvardija, 1979. 382 p.
11. Avtobiograficheskie nabroski, vospominanija i zametki Nekrasova [Autobiographical sketches, memoirs and notes by Nekrasov] // Nekrasov N.A. М.: AN SSSR, 1964. In 3 vol., vol. 1., 1946. Lit. nasledstvo. vol. 49/50, P.133-210.
12. Zhdanov V.V. Nekrasov. М.: Molodaja gvardija, 1971. 496 p.
13. Martynov P. Gorod Simbirsk za 250 let ego sushhestvovanija [The Simbirsk city for 250 years of its existence]. – Simbirsk, 1898. 319 p.
14. Goncharov I.A. Vospominanija [Memories] // Goncharov I.A. Sbranie sochinenij [Collected Works]. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1954. In 7 vol., vol.7. Stat'i, zametki, recenzii, avtobiografii, izbrannye pis'ma [Articles, notes, reviews, autobiographies, selected letters]. P. 195-316.

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTUREDOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.013>**Михайлов А.В.**

ORCID: 0000-0001-7540-8017, аспирант,

**Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет в г. Санкт-Петербурге
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ОХРАНЫ ДЛЯ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИИ, НА ПРИМЕРЕ «НИЖНЕЙ
ДАЧИ» В ПАРКЕ АЛЕКСАНДРИЯ****Аннотация**

В работе рассматриваются проблемы связанные с определением предмета охраны в соответствии с действующим законодательством в сфере охраны памятников истории и культуры. Дается история строительства объекта культурного наследия «Нижняя дача» в парке Александрия, являющегося, в том числе объектом археологии и предложены его предметы охраны. Нижняя дача, построенная для последнего императора Николая II, в годы советской власти и во время Великой Отечественной Войны претерпела массу утрат и в настоящее время руинирована.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, предметы охраны объекта культурного наследия, археологический объект культурного наследия, «Нижняя дача» в парке Александрия.

Mikhaylov A.V.

ORCID: 0000-0001-7540-8017, Postgraduate student,

St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering in St. Petersburg

**DEFINITION OF PROTECTED SUBJECTS FOR ARCHEOLOGY OBJECTS, ON THE EXAMPLE
OF NIZHNIAYA DACHA IN ALEXANDRIA PARK.****Abstract**

The paper considers the problems related to the definition of protected subject in accordance with the current legislation in the field of protection of historical and cultural monuments. The history of the construction of the cultural heritage object "Nizhniaya Dacha" in Alexandria park, which is an archeology object is presented, its protection items are given as well. Nizhniaya Dacha, which was built for the last Emperor Nicholas II, during the years of Soviet power and during the Great Patriotic War suffered a lot of losses and is now ruined.

Keywords: objects of cultural heritage, subjects of cultural heritage protection, archaeological object of cultural heritage, Nizhniaya Dacha in Alexandria Park.

Понятие "предмет охраны" является ключевым при определении границ допустимого вмешательства при ремонте и приспособлении памятника к современному использованию. В обоих случаях работы на памятнике допускаются "без изменения его особенностей, составляющих предмет охраны". Тем же условием определяется и право пользования памятником для юридических и физических лиц. Содержанием предмета охраны определяются те обязанности, которые государство налагает на арендатора или собственника. Таким образом, именно состав и содержание предметов охраны в каждом конкретном случае служит гарантией сохранения памятника.

"Предмет охраны" – понятие достаточно новое для нашего законодательства, оно только начинает реально, массово применяться.

Чтобы полностью сформировать предмет охраны объекта недвижимости необходимо выявить основные его качественные характеристики. Для этого необходимо рассмотреть объект с точки зрения архитектуры, градостроительства, истории, археологии, эстетики, искусства, науки и техники, этнологии или антропологии и социальной культуры.

Одним из наиболее сложных в определении является предмет охраны объекта археологии. Рассмотрим его на примере объекта «Нижняя дача» в парке Александрия.

Архитектурно-художественный облик парка Александрии сформировали три дворцовых комплекса: Коттедж, Фермерский и Новый. Каждый из них был связан с именем того или иного императора. Коттедж (1826-1829 гг. арх. А.А. Менелас) занимала семья императора Николая I, Фермерский дворец (1828-1859 гг. арх. А.А. Менелас, А.И. Штакеншнейдер) являлся резиденцией Александра II. Последним по времени возведения стал Новый дворец, его еще называли Нижней дачей, построенный архитектором А.О. Томишко для проживания императора Николая II [1, С. 42]. Комплекс имеет два основных строительных периода: 1882-1884 и 1895-1899 годы.

Ансамбль расположен на низком берегу Финского залива. Его главным зданием был каменный Нижний (Новый дворец). К юго-востоку от Дворца находились каменные Кухня, Ледник, Домик служебный, Швейцарский домик (трансформаторный киоск, 1909 г.), Офицерская караулка с металлическими Воротами и оградой [1, С. 43].

От северного фасада Дворца ступенчатый спуск вел к Гавани для шлюпок и байдарок. Для защиты Гавани от волн со стороны моря, был построен мол с каналом. Берег укреплен мощной валунной наброской. Территория дачи была превращена в ландшафтную парковую зону с сетью прогулочных дорожек, куртин, малых садовых форм.

Строился дворец три года с 1882 по 1885 гг. Цоколь здания был выполнен из розово-красного гранита, привезенного из Финляндии; стены сложены из красного кирпича и облицованы высококачественным кирпичом желтого и терракотового цветов силезских заводов. В качестве материала для элементов декоративной отделки строящегося здания использовался бременский песчаник.

Важным этапом формирования всего комплекса Нижней дачи был период, связанный с изменившимся государственным и семейным положением Николая Александровича. Николай II принял решение о расширении существующего здания пристройкой к нему «детской половины» [5, С. 59].

Проектирование пристройки было поручено тому же архитектору А.О. Томишко, он приступил к работе 1 сентября 1895 г. Строительные работы продолжались до 1898 г. Временным местом для проживания семьи Николая II стал Фермерский дворец.

По замыслу императора в новом корпусе расположилась детская половина дворца. Ее фасады повторяли фасады первого строения. Старый корпус на уровне второго и третьего этажей соединялся с новым с помощью галереи-перехода.

В 1896-1899 годах Томишко А.О. одновременно с главным домом комплекса перестраивал Кухню, Офицерскую караулку, Ледник, строил Домик служебный.

Уже в первом варианте проекта, составленном 1 мая 1882 года, Томишко изобразил недалеко от дворца план служебной постройки и назвал ее "старой каменной караулкой". При перестройке архитектор оставил часть стен старой «караулки», расширил ее к югу и надстроил второй этаж. В результате реконструкции здание получило асимметричный план из четырех прямоугольных объемов. На первом этаже новой Кухни стояли печи и готовилась пища. Второй этаж, имевший отдельный вход с лестничной клеткой, был жилым. Он использовался охраной дворца, здесь находились комнаты поваров и прислуги. В 1883 году южнее Кухни был построен однокамерный Ледник.

В 1895 году, когда наступил второй строительный период, связанный со значительным расширением комплекса - возникла необходимость в строительстве нового Ледника из трех камер, уже в апреле 1897 года архитектор А.О. Томишко получил задание от императора разработать проекты нового строительства и перестройки старых зданий. Среди них был проект Ледника (Погреб) [10, С. 25].

Во второй период строительства с 1896 по 1898 годы, как уже говорилось ранее, Николай II неоднократно вносил значительные коррективы в проект комплекса Новой дачи. Так зимой 1896-1897 годов художественно-строительный слесарный завод Карла Винклера в Петербурге изготовил крытый балкон-павильон для, так называемого, «Детского балкона» на детской половине дворца [10, С. 28].

В 1898 году, когда был выстроен отдельный трехэтажный Дом для служащих. Благодаря этому Кухня освободилась от жилья и стала занимать оба этажа здания по главному назначению. К ее южному фасаду на уровне первого этажа был пристроен крытый металлический балкон, представлявший в плане полукруг. В нем была кофешенская. После реконструкции 1897-1898 годов в кухне полностью обновили оборудование, был устроен бассейн для живой рыбы.

В инженерном отношении Нижняя дача полностью отвечала последним достижениям техники: здесь были применены новейшие системы отопления и вентиляции, водопровод с устройством подачи горячей и холодной воды, проложена канализация, с 1886 г. действовала телефонная связь. В 1898 г. механик Волков соединил жилые комнаты дворца со служебными системой электрических звонков [10, С. 40].

Окончательное завершение строительства комплекса Нижней дачи и благоустройства территории относится к 1899 г. В результате сложилась единая система жизнеобеспечения дворца, с необходимыми хозяйственными и служебными постройками, в художественном решении не отличавшимися от дворца. Семья Николая II с 1895 по 1914 годы проводила на Нижней даче большую часть лета, а изредка оставалась здесь до осени. В Нижнем дворце родились дети - Великие княжны Мария (14 июля 1899 г.), Анастасия (5 июня 1901 г.) и Цесаревич Алексей (30 июля 1904 г.). В кабинете Николая II происходили важные исторические события. Именно здесь, сидя за письменным столом, император подписал знаменитый Манифест 17 октября 1905 г., объявивший о создании первого в России парламента. Сразу после начала Первой Мировой войны семья Николая II покинула Петергоф.

С 1918 года Нижний дворец находился в ведении народно комиссариата государственных имуществ. В нем был создан Историко-бытовой музей, рассказывающий о частной жизни последнего российского императора.

В 1920-1932 годах музей перешел в ведение Народного комиссариата просвещения.

В 1932-1940-м годах дача оказалась в ведении Управления культурно-просветительскими мероприятиями Ленинградского городского совета депутатов трудящихся.

В 1937 году в восточной части Александрии, на берегу залива, у Морской караулки, был устроен городской пляж.

В конце июля 1941 года Нижняя дача была отдана в распоряжение Медикосанитарного отдела КБФ. Здесь разместился дом отдыха для выздоравливающей после ранений летчиков ВВС КБФ. Он просуществовал меньше двух месяцев. К Петергофу подошел фронт. Немцы вошли в Петергофские парки с востока, зайдя в тыл укрепрайону по линии Английских прудов. 22 сентября 1941 года, после ожесточенного боя, территория Нижней дачи была захвачена немецкими войсками [10, С. 41].

В течение трех блокадных лет немцы превратили Нижнюю дачу в мощный узел береговой противодесантной обороны. Это привело к тому, что Нижняя дача служила на протяжении всей блокады постоянной мишенью для советской артиллерии и авиации. Возможно также, что немцы при отступлении взорвали часть своих фортификационных сооружений и складов боепитания, размещавшихся во дворце и рядом с ним, судя по послевоенным фотографиям.

Несмотря на трехлетние обстрелы, к 1945 году многие стены Нижнего дворца уцелели почти на всю высоту. При этом здание утратило часть конструктивных элементов: междуэтажные перекрытия, стропильную систему, кровлю. Многочисленные трещины и выбоины имела кирпичная кладка стен. В послевоенные годы руины дворца и других построек комплекса не охранялись и не консервировались, в следствии чего оказались погребены под многочисленным слоем земли.

В 1961 году местные власти приняли решение очистить от руин соседнюю с пляжем территорию. Здания Нижнего дворца, Служебного флигеля, Кухни, Ледника были взорваны. Оставшиеся после взрыва от Нижнего дворца крупные строительные фрагменты в неуставленное время переместили к взорванной Кухне, а часть - была отвезена к Пристань для легких судов и к Морской беседке, часть фрагментов, превращена в строительный мусор [4, С. 38].

До настоящего времени из шести каменных построек комплекса Нижней дачи уцелели четыре: Офицерская караулка, металлические Ворота (украшенные щитами с вензелем Петра I), восемь прясел ограды и Швейцарский домик (в настоящее время используемый, как трансформаторный киоск).

Участок Нижней дачи является составной частью общей архитектурно-планировочной композиции территории парка Александрия.

Комплекс Нижняя дача, как доминанта и значимый в композиционном отношении участок парка, в настоящее время полностью утрачен. Визуальные связи нарушены, в том числе в части береговой линии Финского залива, в которой начиная с XIX века и до разрушений 1960-х годов XX века Главный дом и Домик служебный играли важнейшую роль высотных доминант на краю северо-восточной границы императорской резиденции «Петергоф» [4, С. 40].

Сохранившиеся до настоящего времени (Домик Швейцарский, Караулка у ворот ограды) строения комплекса носят вспомогательный характер и «не держат» композицию участка. Здание Главного дома руинировано.

Историческое благоустройство территории также отсутствует, на участке много самосевной и сорной растительности, историческая и дорожно-тропиночная сеть нарушена и частично утрачена.

Мол, шлюпочный канал и укрепление береговой линии (каменная наброска) повреждено. Берега заросли сорной растительностью, характер береговой линии изменен по сравнению с исторической геометрией.

Основные дороги, являющиеся главными функциональными связями рассматриваемого участка с прилегающими территориями, сохранили свою историческую трассировку. Однако, их ширина меньше исторических размеров и геометрия также нарушена.

На территории расположены древесно-кустарниковые насаждения, относящиеся к разным периодам развития исторического пространства Нижней дачи [5, С. 60].

К настоящему времени выполнены первоочередные противоаварийные работы по разборке завалов руинированных зданий и сооружений комплекса «Нижняя дача». Раскрыты сохранившиеся элементы наружных стен и фундаментов Главного дома, Домика служебного и Кухни. От Главного дома частично сохранились наружные и внутренние стены первого и фрагментарно второго этажей Северного и Южного корпуса. На отметке первого этажа фрагментарно сохранились чистые полы в парадных сенях Северного и Южного корпусов. Парадного подъезда, прихожей и буфетной Северного (Старого) корпуса. Парадного подъезда, лестницы, камерюнгферской столовой под детским балконом и гардероба в Южном (новом) корпусе Главного дома. Под завалами также обнаружены фундаменты Домика Служебного, Кухни и трехчастного Ледника. Фундаменты этих зданий сохранились без значительных геометрических утрат на своих исторических местах [5, С. 61].

В декабре 2012 г. - феврале 2013 гг. археологической экспедицией Отдела охранной археологии Института Истории Материальной культуры Российской Академии Наук было проведено историко-культурное научное археологическое обследование территории дворцового комплекса «Нижняя дача».

Археологические работы были направлены на комплексное археологическое обследование архитектурных сооружений, состояния строительных конструкций, а так же выявления исторических элементов паркового ландшафта территории Нижней дачи с целью определения степени сохранности архитектурных элементов и решения вопроса о целесообразности воссоздания и его характере.

По результатам принято решение обнаруженные в процессе изучения конструкции взять как отдельные предметы охраны: остатки фундаментов здания Нижней дачи; фундаменты Кухонного корпуса; обнаруженные фундаменты Служебного корпуса; обнаруженные фундаменты Швейцарского домика; обнаруженные фундаменты Караульного помещения; обнаружены остатки фундаментов Ледника.

Выделена часть территории, где возможно наличие сохранившихся конструкций необходимо взять на охрану, как участки культурного слоя.

Кроме выполненных разведочных шурфов, был произведен археологический надзор за механической расчисткой Служебного корпуса от мусорных завалов. В итоге было зафиксировано большинство угловых поворотов основания стен, позволяющих точно определить местоположения здания.

Для такого типа объекта культурного наследия, как археологический необходимость полномасштабного изучения натурного (с учетом методик археологического исследования) крайне необходима с учетом сравнения и сопоставления полученных результатов с архивными материалами. Данное сравнение позволит определить степень сохранности объекта и его аутентичность, что в дальнейшем позволит решить вопросы о целесообразности и возможности воссоздания, а так же в выборе подхода к ее реализации.

Список литературы / References

1. Бойцова Е. В. Этапы формирования комплекса Нижней дачи в Петергофе / Е. В. Бойцова. // Последние Романовы и императорские резиденции в конце XIX – начале XX века. Материалы научной конференции. – 2009. – 7. – С. 41-57.
2. Гришин С. Ф. Проблемы внедрения «предметного» метода охраны исторической застройки городов при их реконструкции / С. Ф. Гришин. // Промышленное и гражданское строительство. – 2007. – 8. – С. 6-8.
3. Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель / С. Б. Горбатенко. – СПб. : Европейский дом, 2001. – 408 с.
4. Каргопольцев С. Ю. Археологические исследования в Петергофе. Методика и результаты работ 2001 – 2009 гг / С. Ю. Каргопольцев. // История Петербурга. – 2010. – 1(53). – С. 36-41.
5. Каргопольцев С. Ю. Архитектурно-археологические исследования комплекса Нового дворца в Петергофской Александрии / С. Ю. Каргопольцев, М. Ю. Каргопольцев, В. Н. Седых. // Реликвия. – 2011. – 24. – С. 58-64.
6. Кедринский А. А. Основы реставрации памятников архитектуры / А. А. Кедринский. – М. : Изобразительное искусство, 1999. – 320 с.

7. Славина Т. А. Предмет охраны. К вопросу об охране и использовании природно-культурного наследия / Т. А. Славина. // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Исследования и материалы. – 1997. – 4. – С. 10-23.
8. Семенцов С. В. Развитие регулярной Санкт-Петербургской агломерации после Петра Великого и проблемы ее сохранения как Объекта Всемирного наследия / С. В. Семенцов. // Вестник гражданских инженеров. – 2014. – 4. – С. 16-24.
9. Столпянский П. Н. Петергофская перспектива. Историко-художественный очерк / П. Н. Столпянский. – СПб.: Государственное издательство. Санкт-Петербург, 1923. – 70 с.
10. Шеманский А. В. Последние Романовы в Петергофе. Путеводитель по Нижней даче / А. В. Шеманский, С. С. Гейченко. – Москва Ленинград: Государственное издательство. Изобразительных Искусств., 1931. – 48 с.
11. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // «Парламентская газета», №120-121, 29.06.2002

Список литературы на английском языке / References in English

1. Boytsova E.V. Etapy formirovaniya kompleksa Nizhney dachi v Petergofe [Stages of the formation of Nizhniaya Dacha complex in Peterhof] / E.V. Boytsova. // Posledniye Romanovy i imperatorskiye rezidentsii v kontse XIX – nachale XX veka. [Latest Romanovs and Imperial residences in the late XIX - early XX century.] Proceedings of the scientific conference. – 2009. – 7. – P. 41-57. [in Russian]
2. Grishin S.F. Problemy vnedreniya «predmetnogo» metoda okhrany istoricheskoy zastroyki gorodov pri ikh rekonstruktsii [Problems of implementation the "objective" method of historical urban building protection during reconstruction] / S.F. Grishin. // Promyshlennoye i grazhdanskoye stroitelstvo [Industrial and civil construction]. - 2007. - 8. - P. 6-8. [in Russian]
3. Gorbatenko S. B. Petergoffskaya doroga. Istoriko-arkhitekturniy putevoditel' [Peterhof road. Historical and architectural guidebook] / S.B. Gorbatenko. - St. Petersburg.: Evropeyskiy dom, 2001. - 408 p. [in Russian]
4. Kargopoltsev S. Yu. Arkheologicheskoye issledovaniye v Petergofe. Metodika i rezultaty rabot 2001 – 2009 gg [Archeological research in Peterhof. Technique and results of the works of 2001–2009] / S. Yu. Kargopoltsev. // History of Petersburg. - 2010. - 1 (53). - P. 36-41. [in Russian]
5. Kargopoltsev S. Yu. Arkhitekturno-arkheologicheskiye issledovaniya kompleksa Novogo dvortsya v Petergoffskoy Aleksandrii [Architectural and archaeological research of the complex of the New Palace in Peterhof Alexandria] / S. Yu. Kargopoltsev, M. Yu. Kargopoltsev, V. N. Sedykh. // Relikviya. - 2011. - 24. - P. 58-64. [in Russian]
6. Kedrinskiy A.A. Osnovy restavratsii pamiyatnikov arkhitektury [Basics of the restoration of architectural monuments] / A.A. Kedrinsky. - M.: Izobrazitelnoye isskustvo, 1999. - 320 p. [in Russian]
7. Slavina T.A. Predmet okhrany. K voprosu ob okhrane i ispolzovanii prirodno-kulturnogo naslediya [Subject of protection. To the issue of protection and usage of natural and cultural heritage] / T.A. Slavina. // Pamiyatniki istorii i kultury Sankt-Peterburga: Issledovaniya i materialy [Monuments of history and culture of St. Petersburg: Studies and materials]. - 1997. - 4. - P. 10-23. [in Russian]
8. Sementsov S. V. Razvitiye reguliarnoy Sankt-Peterburgskoy aglomeratsii posle Petra Velikogo i problemy ee sokhraneniya kak Objekta Vsemirnogo Naslediya [Development of the regular St. Petersburg agglomeration after Peter the Great and the problem of its conservation as a World Heritage Site] / S. V. Sementsov. // Vesnik grazhdanskikh inzhenerov [Bulletin of Civil Engineers]. - 2014. - 4. - P. 16-24. [in Russian]
9. Stolpiansky P.N. Petergoffskaya perspektiva. Istoriko-khudozhestvenniy ocherk [Peterhof perspective. Historical and artistic essay] / P.N. Stolpiansky. - St. Petersburg.: State Publishing House. St. Peter-Burkh, 1923. - 70 p. [in Russian]
10. Shemanskiy A.V. Posledniye Romanovy v Petergofe. Putevoditel po Nizhney dache [The Last Romanovs in Peterhof. Guide to the Nizhniaya Dacha] / A.V. Shemanskiy, S.S. Geychenko. - Moscow Leningrad: State Publishing House. Izobrazitelniye Isskustva, 1931. - 48 p. [in Russian]
11. Federal Law of June 25, 2002 No. 73-FZ «Ob objektakh kulturnogo naslediya (pamiyatnikakh istorii i kultury) narodov Rossiyskoy Federatsii» ["On the Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of Peoples of the Russian Federation"] // "Parliamentary Gazette", No. 120-121, June 29, 2002 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.078>

Наумкин Г.И.

ORCID: 0000-0001-6725-0416, кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры,
Государственный университет по землеустройству**РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ФОНДА УЧРЕЖДЕНИЙ УПРАВЛЕНИЯ****Аннотация**

Современные учреждения управления должны быть классифицированы по специфическим особенностям государственного социально-экономического управления. Особенности классификация учреждений управления являются необходимым условием по структурному формированию учреждений управления. Специфические особенности учреждений управления представлены в блоках. Классификация учреждений управления позволяет сделать переход к типологическому архитектурному формированию объектов. На основе типологии обосновывается номенклатура помещений и площади кабинетов для должностных лиц учреждений управления.

Ключевые слова: классификация, типология, структура, подразделения, помещения.

Naumkin G.I.

ORCID: 0000-0001-6725-0416, PhD in Architecture, Associate Professor, Department of Architecture,
State University of Land Use Planning**DEVELOPMENT OF THE MATERIAL FUND OF ADMINISTRATIVE AGENCIES****Abstract**

Modern administrative agencies should be classified according to specific features of state social and economic management. Features of administrative agencies' classification are a prerequisite for the structural formation of administrative agencies. Specific features of administrative agencies are presented in blocks. The classification of administrative agencies allows making a transition to typological architectural formation of objects. The range of premises and office space for officials of administrative agencies is justified on the basis of typology.

Keywords: classification, typology, structure, subdivisions, premises.

В XXI веке государственная структура России представляет новую систему управления, но существующая материальная база управления советского периода не соответствует современному содержанию структурного образования государственных учреждений. «Если до недавнего времени в качестве основных компонентов градостроительных объектов выступали территориальные зоны преимущественно для труда, быта, отдыха, то в наше время всё актуальнее становятся зоны управления, логистики, общения» [7].

Для эффективного государственного управления в России необходима современная организация материальной базы учреждений управления. По решению этой проблемы был издан указ Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» [1], [4]. Президентский указ лёг в основу исследования современной материальной базы и структурного образования учреждений управления исполнительной власти. По общей организации современного государственного управления в данной работе приводится классификация зданий управления исполнительной власти. Классификация содержит четыре блока для учреждений управления исполнительной власти РФ:

- Блок I содержит материальный фонд: резиденции Президента РФ, а также органы исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент РФ;
- Блок II содержит материальный фонд: федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство РФ;
- Блок III содержит материальный фонд: федеральных агентств и федеральных служб, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство РФ;
- Блок IV содержит материальный фонд регионального уровня исполнительной государственной власти управления региона РФ (резиденция президента региона РФ; правительства региона РФ; префектуры административных округов РФ; муниципальные районные управы РФ).

Классификация учреждений управления исполнительной власти РФ представлена по уровням иерархии управления государственной власти, которая представляет вертикаль управления: от федерального уровня центральной государственной власти РФ до регионального районного уровня управления РФ.

В современный период государственного социально-политического развития стало проявляться несоответствие материального фонда учреждений в сетевой системе организации управления. Необходимость расширения архитектурно-строительного структурного образования коснулось от высшей системы управления до районных управ [1], [2], [3], [4], [9], [10].

На развитие структурного управления на материальный фонд оказывает влияние новые методу управления и, первую очередь, внедрение в управление электронной технологии. В этом направлении в 2002-2010 годы была принята и реализована программа «Электронная Россия». В учреждениях управления регионального значения были образованы подразделения: «служба одного окна», «мои документы», которые стали службами обратной связи с населением.

В настоящее время продвигаться целевая программа «Цифровая экономика», которая связана, в первую очередь, с сферой государственного управления. Эта сфера деятельности охватывает всеобщую систему управления и на неё возлагается государственная социально-политическая ответственность. «Сегодня цифра меняет технологии, меняет модели управления и самое главное она приносит совершенно новую производительность, которой нам сегодня не хватает» [5]. В продвижении новых проектов «Агентства стратегических инициатив» большое значение отводится вопросу государственного регулирования и методов управления. В этом плане ведущая роль государственного регулирования связано с электронным межведомственным взаимодействием, которые повышают эффективность

методов управления [5].

В новой структурной организацией государственных ведомств управления возникли существенные проблемы, которые связаны с формированием новых подразделений в управлениях [8, 9]. Эти проблемы непосредственно связаны с развитием структурной организации министерств, с которых и начинается проводиться организация ведомственного управления. Для всех случаев материальный фонд ведомств государственного управления должен находиться в соответствии современных требований к общественным центрам и структурной организации зданий управления [4], [6], [7], [11], [12].

На универсальном уровне учреждений управления в структурном образовании следует предусматривать блоки с помещениями:

а) основного назначения: – кабинеты для должностных лиц, кабинеты для руководителей подразделений и так же рабочие комнаты;

б) вспомогательного назначения – залы совещаний, конференц-залы, помещения для приёма и переговоров, помещения телекоммуникаций, вычислительных центров, архивы, бюро пропусков и др.;

в) обслуживающего назначения – вестибюли, информационные, помещения администрации, сервисного обслуживания, туалетные, помещения обслуживающего персонала и др.

Кабинет должностного лица состоит из нескольких зон: рабочей зоны (рабочий стол с креслом), зоны совещаний, хранения экспозиций и зоны официальных приёмов и переговоров.

Помещения основного назначения зданий управления следует размещать на любых этажах, но не ниже первого этажа.

В соответствии с классификацией зданий управления исполнительной власти предлагается номенклатура помещений должностных лиц, которая обосновывается по материалам исследования зданий управления (см. табл.).

Таблица – Номенклатура и площади кабинетов и приёмных должностных лиц исполнительной власти

Должность руководителя	Площадь, м ²	
	кабинетов	приёмных
Премьер-министр России	96, включая комнату отдыха	18 – 24
Министр центральной власти России	72, включая комнату отдыха	12 – 18
Зам. министра РФ	54	12 – 18
Второй и третий зам. министра РФ	36	12 – 18
Министр субъекта РФ	54, включая комнату отдыха	12
Зам. министра субъекта РФ	36	12
Министр региона РФ	36	12
Зам. министра региона РФ	24	12
Начальник управления региона РФ	18	9-12
Начальник управления муниципального уровня	15 – 18	9-12

К помещениям вспомогательного назначения относятся конференц-залы, которые предназначены для собраний, конференций, совещаний, демонстрации специальных фильмов. Количество мест в конференц-залах не должно превышать 60% вместимости здания управления [10].

Если в комплекс учреждений управления входят несколько учреждений, то вместимость конференц-зала рекомендуется принимать 50% наиболее крупного учреждения. Залы вместимостью до 200 мест имеющие конструктивным пролёт до 12 метров могут располагаться в едином пространстве типового этажа здания, а залы с пролётом свыше 12 метров следует располагать в отдельном корпусе. Конференц-залы вместимостью до 400 мест могут быть универсальными с горизонтальным уровнем пола. Залы до 600 мест должны иметь естественное

освещение. Перед конференц-залом следует проектировать кулуары (фойе), площадь которой определяется – 0,3 м² /чел. на количество мест в конференц-зале.

В зданиях управления к помещениям вспомогательного назначения, связанные с вспомогательной функцией учреждений управления. К ним следует относить зальные и парадные помещения, которые предназначены для представительских мероприятий: – это конференц-залы с примыкающими к ним кулуарами, выставочные и демонстрационные залы, вестибюли с гардеробами и холлами. К парадным относят помещения: – официальных приёмов, эксклюзивных приёмов, наградной и банкетный залы с дополнительными помещениями обслуживания.

В зданиях управления для подразделений управления следует предусматривать залы для рабочих совещаний, которые должны размещаться внутри структурных подразделений. Для конференц-залов следует рассматривать зоны организации на первом-втором этажах, но не выше пятого этажа.

В объемно-планировочном формировании зданий управления следует учитывать сложный функционально-технологический процесс, который связан с профессиональной деятельностью: передвижением потоков служащих, информации и документации. В здании на проектирование следует предусматривать технические службы, которые состоят из вычислительных центров, браузеров, телетайпных, типографии.

Для помещений обслуживающего назначения – архивы, технические библиотеки – следует предусматривать в компактном расположении. Архивы с помещениями обслуживания посетителей, технические библиотеки в составе хранилищ, абонементов, читального зала и служебного помещения. Состав и количество помещений архива и технических библиотек определяются заданием на проектирование.

В качестве основных специфических композиционных особенностей учреждений управления следует относить: представительскую функцию управления, функциональные блоки подразделений, технологическую схему связи и государственную символизацию, включая основные её атрибуты – флаги и гербы [9].

Список литературы / References

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 года №131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2003/10/08/zakonsamouprav.html> (дата обращения: 27.08.2016).
2. СП 44. 13330. 2011. Административные и бытовые здания. Актуализированная редакция СНиП 2.09.04.87.
3. НП 7.2 – 70. Помещения административных зданий. – М.: ЦИТП, 1971. – 38 с.
4. Органы государственной власти Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: humartar.ru/biletnumer16 (дата обращения 08.08.2016).
5. Наступает эра криптоанархистов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/07/06/10775234.shtml> (дата обращения: 06.07.2017).
6. Лавров В.А. Город и его общественный центр / В.А. Лавров. – М.: Изд-во литературы по строительству. – 1965. – 190 с.
7. Базилевич А.М. Города России в XXI веке. /А.М. Базилевич // Проблемы архитектурного формирования в пространственном развитии. Сборник научных трудов. – Екатеринбург: Архитектон ГАХА (2). 2013. – С. 14–16.
8. Наумкин Г.И. Здания управления исполнительной власти / Г.И. Наумкин // Международный научно-исследовательский журнал. Ч. 3 – Екатеринбург, 2015. 9 (40) Октябрь. – С. 93–95.
9. Наумкин Г.И. Архитектурные символы геопространства государства / Г.И. Наумкин // Архитектура и время. – М., 2000, – №3, С. 24–26.
10. Гиговская Н.Е., Копелянский Д.Г., Лернер И.И., Мурадов Г.А. и др. Административные здания / Н.Е. Гиговская, Д.Г. Копелянский, И.И. Лернер, Г.А. Мурадов и др. – М.: Стройиздат, 1975. – 182 с.
11. Ревякин В.И. Проектирование общественных зданий / В.И. Ревякин. – М.: Изд. ГУЗ. 2009. – 63 с.
12. Этенко В.П. Управление архитектурным проектом /В.П. Этенко. – М.: ИЦ «Академия», 2008. – 352 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Federalnyi zakon ot 6 oktiabria 2003 goda №131-FZ "Ob obshchikh principakh mestnogo samoupravleniya Rossiiskoi Federatsii" [Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 "On General Principles of Local Self-Government of the Russian Federation"] [Electronic resource]. – URL: <https://rg.ru/2003/10/08/zakonsamouprav.html> (accessed: 08/27/2016). [in Russian]
2. SP 44. 13330. 2011. Administrativnye i bytovye zdaniya. Aktualizirovannaya redaktsiya SNiP 2.09.04.87 [Administrative and Household Buildings. Updated Version SNiP 2.09.04.87]. [in Russian]
3. NP 7.2 – 70. Pomeshcheniya administrativnykh zdaniy [Premises for Office Buildings]. – М.: TsITP, 1971. – 38 p. [in Russian]
4. Organy gosudarstvennoi vlasti Rossiiskoi Federatsii [Bodies of State Power of the Russian Federation] [Electronic resource]. – URL: [https://www.humartar.ru/biletnumer16](http://www.humartar.ru/biletnumer16) (accessed: 08/08/2016). [in Russian]
5. Nastupaet era kriptanarkhistov [Era of Cryptoanarchists] [Electronic resource]. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/07/06/10775234.html> (accessed: 07/06/2017). [in Russian]
6. Lavrov V.A. Gorod i ego obshchestvennyi centr [City and its Social Centre] / V.A. Lavrov. - M.: Publishing House of Literature on Construction. - 1965. - 190 p. [in Russian]
7. Bazilevich A.M. Goroda Rossii v XXI veke. [Cities of Russia in the XXI Century] / A.M. Bazilevich // Problems of Architectural Formation in Spatial Development. Collection of Scientific Papers. - Ekaterinburg: Architecton GAHA (2). 2013. - P. 14-16. [in Russian]
8. Naumkin G.I. Zdaniya upravleniya ispolnitelskoi vlasti [Administrative Management Buildings] / G.I. Naumkin // International Scientific and Research Journal. Part 3 - Ekaterinburg, 2015. 9 (40) October. - P. 93-95. [in Russian]
9. Naumkin G.I. Arkhitekturnye simvolyy geoprostranstva gosudarstva [Architectural Symbols of the State's Geospace] / G.I. Naumkin // Architecture and Time. - M., 2000, - No. 3, P. 24-26. [in Russian]

10. Gigovskaya N.E., Kopelianskii D.G., Lerner I.I., Muradov G.A. et al. Administrativnye zdaniya [Administrative Buildings] / N.E. Gigovskaya, D.G. Kopelyansky, I.I. Lerner, G.A. Muradov et al. - M.: Stroiizdat, 1975. - 182 p. [in Russian]
11. Reviakin V.I. Proektirovanie obshchestvennykh zdanii [Design of Public Buildings] / V.I. Revyakin. - M.: Izd. GUZ. 2009. - 63 p. [in Russian]
12. Etenko V.P. Upravlenie arkhitekturnym proektom [Management of Architectural Design] / V.P. Etenko. - M.: IC "Academy," 2008. - 352 p. [in Russian]